

ВОПРОСЫ

ГЛАГОЛЬНОГО

ВИДА

**ВОПРОСЫ
ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА**

Сборник

Редакторы: *З. Н. Петрова*
и *Т. Д. Франк-Камнецкая*
Переплет художника *Н. А. Липина*
Художественный редактор *В. И. Астафьев*
Технический редактор *М. А. Белега*

Сдано в производство 9 XI 1951 г.
Подписано к печати 7 У 1952 г.
Бумага $84 \times 105 \frac{1}{2}$ = 6,9 бум. л., 22,8
печ. л., Уч.-изд. л. 23,4 Изд. № 10/5214
Цена 1 р. 55 к. Зак. 2399

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Набрано в Первой Образцовой типографии
имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза
Москва, Ж-54, Беловая, 18
Отпечатано с готового набора
в типографии Изд-ва МГУ, Москва, Ленинские горы. Зак. 197

**ВОПРОСЫ
ГЛАГОЛЬНОГО
ВИДА**

СБОРНИК

*Составил лекции сборника, редакцию,
вступительную статью и примечания
проф. Ю. С. Маслова*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1962**

*Перевод А. С. Бобовича, А. В. Бондарко,
Н. В. Каллистовой*

АННОТАЦИЯ

Книга представляет собой сборник статей и фрагментов из книг, посвященных глагольному виду в русском и других славянских и в ряде неславянских языков (в латышском, романских, германских, балтийских, турецком и некоторых других языках). В сборник включены работы, наиболее ценные с точки зрения современного состояния и важнейших задач учения о глагольном виде, либо же наиболее показательные для характеристики хода развития этого учения за последние полвека.

Сборник рассчитан на языковедов всех специальностей — научных работников и аспирантов.

Редакция литературы по вопросам филологии

ОТ РЕДАКТОРА

При составлении сборника в первую очередь принималась во внимание научная ценность отбираемых статей и фрагментов из книг с точки зрения с о в р е м е н н о г о состояния и важнейших задач учения о глагольном виде. Предпочтение оказывалось при этом работам, знакомство с которыми существенно при исследовании вопросов вида в славянских, западноевропейских и в некоторых языках народов СССР. Во вторую очередь учитывалось и с т о р и ч е с к о е значение привлекаемых статей и книг в развитии науки за последние полвека, их показательность для характеристики хотя бы основных этапов в становлении современного учения о глагольном виде. Размеры сборника не позволили включить в него, даже в извлечениях, ряд полезных исследований, посвященных более частным вопросам, и заставили во многих случаях прибегнуть к сокращениям в тексте публикуемых работ, порой довольно значительным (что, впрочем, везде оговорено в сносках).

Для удобства читателей примеры, приведенные в подлиннике без перевода, как правило, снабжены переводами, а библиографические указания расширены и пополнены. Вступительная статья, примечания редактора и указатели, именной и предметный, призваны облегчить для читателя ориентировку в материалах сборника.

Аппарат примечаний упорядочен следующим образом:

1) Авторские примечания (с библиографическими дополнениями редактора, данными в квадратных скобках) вынесены в конец каждой статьи. Ссылки на них в тексте даются цифрами над строкой: ¹, ² и т. д. Только примечания Э. Кошмидера к русскому тексту и турецкому переводу рассказа Тургенева «Воробей» (см. стр. 387—389)

показалось удобнее поместить внизу каждой страницы, обозначив их звездочками: *, ** и т. д.

2) Примечания редактора следуют в конце книги и имеют единую нумерацию. Ссылки на них в тексте статей сборника даются посредством цифр, помещенных в строку в квадратных скобках: [1], [2] и т. д.

3) Примечания переводчиков и библиографические справки о подлинниках публикуемых в сборнике статей и отрывков расположены внизу каждой страницы и обозначены звездочками: *, ** и т. д. Так же оформлены сноски во вступительной статье.

4) Названия большинства упоминаемых в примечаниях журналов и серийных изданий указываются сокращенно. Сокращения расшифрованы в списке, приложенном в конце книги.

Распределение работы между переводчиками было следующим: А. С. Бобович перевел статьи Э. Германа, К. ван дер Хейде и Л. Дамбрюнаса, а также латинские примеры в статье Я. Сафаревича; И. В. Каллистова — отрывок из книги А. Нурёна и статьи Г. Гэрея и Х. Мэрченда; А. В. Бондарко — все остальное. Кроме того, при переводе литовских примеров была использована любезная помощь С. И. Груздевой, а перевод турецких примеров был проверен С. Н. Ивановым. Обоим этим лицам редактор выражает здесь свою глубокую благодарность, так же как и А. В. Бондарко, давшему ряд ценных советов на разных этапах работы.

Предметный и именной указатели составлены П. С. Сигаловым.

ВОПРОСЫ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА В СОВРЕМЕННОМ ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В течение последних 30—35 лет литература по вопросам глагольного вида, или, в международной терминологии, аспекта, разрослась чрезвычайно и учение о виде, разрабатываемое на материале как славянских, так и ряда неславянских языков, выделилось в особую, специфическую область грамматической науки, так называемую аспектологию. Цель данной статьи — дать краткий общий обзор важнейших положительных достижений и основных спорных проблем современной зарубежной аспектологии, ввести читателя в курс соответствующих понятий и терминов. Попутно нам придется обращаться и к более ранним этапам развития учения о глагольном виде, а порой также упоминать точки зрения некоторых представителей отечественной науки.

Начать наш обзор целесообразно с выяснения исходных аспектологических понятий. Таковыми являются понятие *вида* (аспекта) и противопоставленное ему понятие *способа действия* (для последнего интернациональное обозначение отсутствует*, обычно употребляется либо немецкий термин *Aktionsart*, в прошлом использовавшийся в смысле «вид», либо, чаще, его национальные кальки).

Грамматическая категория вида не имеет единого, общепризнанного, вполне удовлетворительного определения. Классическими ее образцами обычно считают, с одной стороны, двучленную корреляцию совершенного (перфективного) и несовершенного (имперфективного) вида славянских языков (в дальнейшем С:НС), с другой —

* Изредка встречается латинский термин *actio*, откуда ит. *azione* и редкий чешский (у А. В. Исаченко) *аксе*.

трехчленную корреляцию основ презента, зориста и перфекта, т. е. презентного, зористического и перфектного (не смешивать с перфективным) вида в древнегреческом. Далее видами называют и другие грамматические оппозиции, обнаруживающие большее или меньшее функционально-семантическое сходство с только что упомянутыми: противостояние основ инфекта и перфекта (и особенно форм *imperfectum* : *perfectum historicum*) в латыни, форм типа аккад. *ikašad* : *iksud* или араб. *yaqtulu* : *qatala* в семитских языках, форм так называемого *Continuous* и *non-Continuous* в английском, семантически сходные оппозиции других языков (например, исп. *estoy escribiendo* : *escribo*) и т. д. Нередко в качестве видовых рассматривают также противопоставления, проявляющиеся в том или ином языке только в рамках прошедшего времени, в частности оппозицию имперфект : зорист в древних и некоторых современных славянских языках, *imparfait* : *passé simple* (и *composé*) во французском, оппозицию форм типа *yaqıordum* : *yaqıtım* в турецком языке и т. д. Правда, относительно этой последней группы категорий широко распространено и другой взгляд, согласно которому одна из двух противопоставленных форм прошедшего времени, имперфект, служит для выражения одновременности, т. е. данная оппозиция оказывается не видовой, а временной (прошедшее одновременности : просто прошедшее). Отдельные авторы включают в понятие вида также современный западноевропейский (в особенности английский) перфект и времена его группы, хотя более обычной является трактовка и этих форм как временных (так называемые «относительные времена предшества»).

Мы далеко не исчерпали круга явлений, по отношению к которым применяется в литературе термин «вид» (тем более что, по мнению некоторых ученых, вид есть универсальная категория, так или иначе представленная во всех языках мира) *. Однако и сказанного достаточно для того, чтобы сделать ряд выводов.

Во-первых, в плане внешнего выражения, т. е. морфологических показателей, между всеми перечисленными категориями (даже если оставить в стороне спорные случаи) не наблюдается ни малейшего сходства. Значит, для призна-

* Ср., например, J. Kuryłowicz, L'apophonie en indo-européen, Wrocław [1956], стр. 25.

ния какой-либо категории того или иного языка видом (как, впрочем, и для признания какой-либо категории временем, залогом и т. д.) неважно, какими именно формальными средствами она выражена. Сходство между перечисленными оппозициями является, как уже сказано, функционально-семантическим, внутренним. Оно лежит в плане содержания.

Во-вторых, определить сущность этого функционально-семантического сходства, т. е. выяснить, какой же именно функционально-семантический признак, общий всем перечисленным категориям, позволяет объединять их в понятие вида, оказывается делом весьма нелегким. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу. Пока же можно было бы сказать словами Йенса Хольта (почти тождественные формулировки находим и у ряда других ученых), что во всех случаях речь идет о «различных способах представления протекания действия» *.

В-третьих, мы замечаем, что во всех перечисленных случаях (в том числе и в спорных) обязательно присутствует грамматическое противопоставление, носящее строгий «парадигматический» характер, охватывающее всю глагольную лексику или хотя бы достаточно широкую ее часть и проявляющееся или по крайней мере могущее проявиться в рамках одного лексического значения. Это последнее обстоятельство — строгая «грамматичность» вида, широкий охват им глагольной лексики, возможность «чисто видового» противопоставления, не осложненного лексическим различием. — несомненно, должно рассматриваться как очень важный (хотя и не всегда вполне осознаваемый) признак современного понятия о виде.

Нужно сказать, что в глазах языковедов XIX и даже первых десятилетий XX в. названный сейчас третий признак вовсе не являлся столь существенным. В ту пору понятие о виде и за рубежом, и у нас в России было значительно более широким и расплывчатым. Как известно, в качестве отдельных видов нередко рассматривались, например, группа так называемых «однократных» глаголов русского языка (суффиксальные образования, вроде *колынуть*, *мигнуть*, возможные далеко не при всяком глаголе), группа его многократных глаголов (*бывать*, *едать* и пр.),

* J. Holt, Étude d'aspect, København, 1943 («Acta Jutlandica», 15, 2), стр. 6.

группы «определенных» и «неопределенных» глаголов движения и т. д. Сейчас мы уже не называем эти и другие подобные разряды видами*. Современная аспектология обычно говорит в этих случаях о способах действия. Последние в семантическом плане близки к видам, так как отражают какие-то различия в типах, способах протекания обозначенных глаголами действий. Но в противоположность видам способы действия не представляют собою грамматических категорий, не образуют четких парадигматических противопоставлений широкого охвата, остаются в рамках лексических различий между глаголами.

Типичными примерами способов действия могут служить известные (в значительной мере и раньше выделявшиеся в трудах по словообразованию) классы приставочных глаголов — начинательных, результативных, суммарных (*надергать*), дистрибутивных (*повыдергивать*), со значением небольшой или, наоборот, немалой длительности (*полежать — пролежать*) и т. д. С. Агрелль, первый ученый, сформулировавший в 1908 г. понятие способа действия как отличное от понятия вида (см. настоящий сборник, стр. 36), описал в польском языке свыше 20 подобных способов действия. Позже Э. Кошмидер подчеркнул, что способы действия не обязательно соответствуют словообразовательным разрядам глаголов: «лишь некоторые из них имеют формальные показатели, да и те обычно не являются общими у всех глаголов данной группы» (там же, стр. 108). Отсюда следовал вывод, что способы действия представляют собой чисто семантическую группировку глаголов, группировку исключительно на основе известной общности их значения. Количество подобных групп в принципе безгранично. В области имени существительного аналогию способам действия можно видеть в таких понятиях, как имена собственные и нарицательные, конкретные и абстрактные и т. д.

Некоторые ученые особенно настаивали на том, что в категории вида отражены различия в субъективном представлении действия, тогда как в способах действия — объективные различия, существующие в самих действиях**.

* О многократном виде в чешском и словацком языках см. ниже.

** Первым высказал эту мысль в 1926 г. Г. Якобзон (см. настоящий сборник, стр. 39), а затем ее часто повторяли (иногда с теми или иными оговорками) многие ученые (см. стр. 45 и сл., 59 и сл., 242 и сл. и др.).

Но подобное противопоставление «объективного» и «субъективного» дает несколько одностороннюю и упрощенную картину складывающихся здесь отношений. Ведь представление о действиях, воплощенное в виде, никак не является чисто субъективным. Обычно оно отражает либо 1) объективные свойства этих действий, либо 2) объективно существующие отношения (в частности, хронологические) между описываемыми действиями. Первый случай можно отвести, объяснив его влиянием способов действия на вид; но второй ясно говорит о том, что объективная обусловленность выбора вида существует и независимо от способов действия. Лишь изредка мы встречаемся при выборе вида с индивидуальным произволом и несколько чаще с тем, что Э. Кошмидер называет «вторичным урегулированием» (см. настоящий сборник, стр. 141 и сл., 152 и сл.). С другой стороны, и «объективный характер» способов действия является в ряде случаев довольно относительным, поскольку, говоря об одном и том же факте объективной действительности, мы нередко можем употребить глаголы разных способов действия (например, *Я простоял там целый час* и *Я простоял там всего один час* — в зависимости от того, долгим или коротким оказался этот час говорящему). Вместе с тем в рассматриваемой теории есть и верная мысль. Глаголы разных способов действия — это всегда разные глаголы, и чаще всего (хотя и не всегда) они обозначают объективно разные действия. Для видового же противопоставления типична возможность абсолютного тождества действий, обозначенных каждой из противопоставленных форм: формы противоположных видов очень часто обозначают один и тот же факт объективной действительности, лишь рассматриваемый с разных точек зрения, в разной связи с другими фактами, в разном языковом или внеязыковом контексте. Так, в русском и некоторых других славянских языках при переводе повествования из плана прошедшего времени в план исторического настоящего совершенный вид автоматически заменяется несовершенным (*он вошел и сказал — он входит и говорит*) без какого бы то ни было изменения в самих описываемых действиях (ср. в настоящем сборнике стр. 106).

Известно, что сходное мыслительное содержание может в одном языке получать лексическое, а в другом — грамматическое выражение. Естественно, что аналогичные факты наблюдаются и в области способа действия и вида. Так,

в русском или польском языке образования со значением подчеркнутой многократности не обладают достаточной парадигматичностью, охватывают лишь очень узкий круг глагольной лексики и потому квалифицируются современными авторами не как особый «многократный вид», а всего лишь как «многократный способ действия». Но иным является положение в чешском и словацком языках. Здесь соответствующие формы могут быть образованы от большинства глагольных основ несовершенного вида, создавая регулярное противопоставление действия подчеркнуто многократного действию простому несовершенному. Тем самым здесь есть веские основания рассматривать, как это и делает Ф. Копечный (см. настоящий сборник, стр. 197), данное противопоставление как грамматическое и даже говорить о многократном виде, противопоставленном простому несовершенному. Однако некоторые другие способы действия, отличающиеся большей степенью конкретности, вряд ли могли бы в каком-либо языке оформиться в виды.

Подчеркнем, что при исследовании грамматической категории вида в том или ином языке способы действия важны не сами по себе, а своим взаимодействием с категорией вида. Так, на материале ряда славянских языков было установлено, что есть способы действия, свободно выступающие в обоих видах, и такие, которые представлены только в одном совершенном виде либо только в одном несовершенном*. Аналогичные факты наблюдаются и в других языках, имеющих виды. Во всех подобных случаях причины лежат в совместности или несовместности значений соответствующих способов действия с видовыми грамматическими значениями. Несовместимость, коллизия между одними и другими значениями ведет к видовой дефективности, т. е. к неполноте видовой парадигмы данного глагола. В грамматиках славянских языков уже давно, со времен Греча и Востокова, отмечались «недостаточные», «несоотносительные» или «непарные» по виду глаголы, или, как их теперь называют, глаголы perfectiva и imperfectiva tantum. Выясняется, что в значительном числе случаев такие глаголы относятся именно к способам действия, не-

* См., в частности, А. И. Стендер-Петерсен, О функциях глагольных приставок в русском языке, «Slavia», 12, 1933/34, стр. 321—334, а также наблюдения Кр. Неттеберг, изложенные в отрывке, приведенном в настоящем сборнике на стр. 65—67.

совместимым по своему значению с одним или другим из видов.

Вместе с тем существование в любом славянском языке широкой группы способов действия, нейтральных по отношению к С : НС и потому представленных в обоих видах, показывает, что способы действия нельзя свести к «подвидам», какие уже и раньше выделялись в рамках каждого из видов (т. е. к частным вариантам видового значения совершенности и несовершенности). Способы действия переkreщаются с видами, и лишь в некоторых случаях при этом возникают такие коллизии, в результате которых, так сказать, отдельные «клетки» остаются в том или ином языке незаполненными*.

2

При изучении вопросов глагольного вида очень существенным оказалось еще одно понятие — понятие об одной языковой категории, занимающей как бы промежуточное

* Недавно А. В. Исаченко предложил своеобразную новую трактовку способов действия для славянских языков. Он разбивает понятие способа действия на два понятия: одно он называет по-русски «совершенство», по-чешски «slovesná akce» и по-немецки «Aktionsart», другое — «общим характером глагольного действия» (obecný charakter slovesného děje, allgemeiner Verbalcharakter) или просто «характером действия». Совершенности представлены только в производных глаголах perfectiva и imperfectiva tantum, они всегда связаны с производностью данного глагола и с его видовой дефективностью. Способы действия непродуцированных глаголов (куда включаются также «определенные» и «неопределенные» глаголы движения) составляют «общий характер глагольного действия». См. А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, Морфология, ч. II, Братислава, 1960, стр. 209—344; его же, Slovesný vid, slovesní akce a obecný charakter slovesného děje, SaS, 21, 1960, 1, стр. 9—16. Для известных целей эти новые понятия, по-видимому, полезны, а подробный анализ «совершенностей» русского глагола, данный А. В. Исаченко, чрезвычайно интересен и перспективен. Следует, однако, подчеркнуть, что понятия, вводимые А. В. Исаченко, не могут сделать ненужным то понятие способа действия, которое уже сложилось и не раз оправдало себя в исследовательской практике. Новые рубрики могут, если угодно, стать подразделениями прежнего понятия, но не его заменителями. Поэтому их целесообразно обозначать такими терминами, как «Aktionsart» или «способ действия» (у А. В. Исаченко как синоним «совершенности»). Принцип totum pro parte в данном случае повел бы лишь к новой терминологической путанице в уже и без того сложном вопросе.

положение между способом действия и видом. В советском языкознании эта категория получила название предельности и не предельности (в дальнейшем П : НП). Наиболее удобными интернациональными обозначениями для ее членов, вероятно, были бы «терминативность» и «атерминативность» (либо «лимитативность» — «алимитативность»), но в зарубежных работах принята иная номенклатура: терминативные и курсивные глаголы (Х. Педерсен, А. Нурэн и др.), конклюдивные и неконклюдивные глаголы (О. Есперсен), целевые и нецелевые глаголы (telic и atelic verbs — Г. Гэрей), категория линейности (И. Польдауф) и т. д. За разными словами стоит фактически одно и то же понятие. Иногда в этом же смысле говорят о детерминированности — индетерминированности (или детерминативности — индетерминативности), но это, как мы увидим ниже, крайне неудачные наименования.

Начало seriously изучению рассматриваемой категории положил еще Ф. Диц, отметивший, что внешне однотипные формы страдательного залога (и соответственно входящего в его состав страдательного причастия) имеют в романских языках разное временное значение в зависимости от того, от какого глагола они образованы. Ср. ит. *il nemico è battuto*, франц. *l'ennemi est battu* и т. д. «враг разбит», но *egli è amato da tutti, il est aimé de tout le monde* «он любим всеми». Первое значение, соответствующее латинскому перфекту, получаем в тех случаях, когда действие, выраженное переходным глаголом, «либо ограничивается одним моментом, как в *хватать, заставить врасплох, пробуждать, перевозмогать, оставлять, заканчивать, убивать*, либо же предполагает конечную цель, как в *делать что-то, изготавливать, украшать, строить, разбивать, нагружать*»*. Второе значение, соответствующее настоящему времени, — когда действие таково, что его «начинают не с целью завершения, как в *любить, ненавидеть, хвалить, порицать, восхищаться, желать, видеть, слышать* и т. п.»**. Два выделенных таким образом класса глаголов Диц назвал «совершенными» (Perfectiva) и «несовершенными» (Imperfectiva), вовсе не заботясь о том, насколько это соответствует значению данных терминов в славянских грамматиках.

* Fr. Diez, Grammatik der romanischen Sprachen, III. Teil, 3-е изд., Bonn, 1872, стр. 203.

** Там же.

Если глаголы, относимые Дицем ко второму классу, действительно всегда или почти всегда соответствуют славянскому несовершенному виду, то глаголы первого класса (и притом обеих его семантических подгрупп) вовсе не обязательно отвечают славянской совершенности: все они могут быть выражены и несовершенным видом (мы и передали их так, переводя примеры Дица). Славянский совершенный вид указывает у глаголов «моментального» значения на то, что действие объективно «моментальное» и *р а с с м а т р и в а е т с я* как моментальное (*схватить* и т. д.), у глаголов «предполагающих конечную цель», — что их действие рассматривается как обязательно достигающее эту цель (*сделать что-то*). Вот этого-то значения обязательного «пресечения критической точки», обязательного достижения, «достигнутости» предела и нет у романских (и германских) глаголов с теми же лексическими значениями. Они выражают направленность действия к пределу, к решающей точке, к цели и т. д., но ничего не говорят о том, был или будет этот предел достигнут или не был и не будет. Отсюда и возможность их смыслового соответствия как совершенному, так и несовершенному виду славянских языков (реализуемая каждый раз в зависимости от контекста).

Разумеется, ни неудачная терминология (которая, впрочем, как увидим, была вполне в духе того времени), ни то, что наблюдения Дица непосредственно касались одних только переходных глаголов, не умаляет важности сделанного им открытия. Те же два класса выступают и среди непереходных глаголов. Постепенно были выявлены факты, доказывающие существование такого же противопоставления и в германских языках. А. Нурэн объединил и систематизировал эти факты применительно к шведскому материалу и дал глубокий анализ семантики выделенных классов, а также показал (отчасти вслед за Х. Педерсеном), что есть немалое число глаголов, совмещающих оба значения в одной форме и разграничивающих их лишь с помощью контекста (см. настоящий сборник, стр. 335 и сл.). О. Есперсен и другие ученые рассмотрели категорию П : НП в английском языке*. Растущее осознание отличия интересующего нас явления от славянской корреляции С : НС ведет к отказу от старой терминологии и к замене ее

* См., в частности, О. Есперсен, *Философия грамматики* М., 1958, стр. 318—321.

новой, не связанной со славянскими названиями видов, отчасти уже у Б. Дельбрюка, а затем в полной мере у Педерсена, Линдрута, Нурена и др.

В дальнейшем, говоря о категории П : НП в тех или иных языках, разные ученые иногда не ссылались на своих предшественников, что в сочетании с разнобоями в терминологии создавало иллюзию, будто речь идет о разных явлениях. Показательно, что даже в 1957 г. Г. Гэрей пишет о «целевых» и «нецелевых глаголах» французского языка как о чем-то совершенно новом (см. настоящий сборник, стр. 345 и сл.), хотя, по существу, это та же П : НП, только Гэрей подходит к ней с другой стороны.

В общем можно сказать, что рассматриваемая категория довольно поздно и не сразу была выявлена в науке, а широкое ее признание затянулось на долгие годы. В чем причина такого положения? Очевидно, в том, что П : НП не получает нигде в языке прямого и непосредственного грамматического выражения. Часто, правда, предельность бывает связана с наличием глагольной приставки, но это отнюдь не обязательно: есть немало предельных глаголов без приставки и, наоборот, непредельных с приставкой. П : НП проявляет себя косвенно, во взаимодействии с другими категориями и через это взаимодействие. Например, в германских языках она отражается на различиях в семантике причастия II, отчасти — на самой возможности его образования или самостоятельного употребления, на различиях в семантике форм страдательного залога и т. д. К тому же в большом числе случаев различие П : НП оказывается внутренним, разделяющим отдельные значения одного и того же глагола. Разумеется, в этих условиях затруднительно говорить о П : НП как о грамматической категории в ряду других грамматических категорий, и Нурен (уже различавший вслед за Агреллем вид и способ действия) ошибался, считая ее видом. Но было бы невозможно отрицать глубокое влияние П : НП на весь строй германского или романского глагола и пытаться игнорировать ее в грамматиках этих языков.

Ряд глагольных образований с предельным значением был отмечен в древних индоевропейских языках и восставивался для индоевропейского праязыка в трудах Б. Дельбрюка, Ж. Вандриеса, П. Шантрена, А. Мейе и др. Однако в применении к материалу мертвых языков и тем более к реконструируемым формам семантические контуры

интересующего нас понятия становились, естественно, менее четкими. Это создавало почву для недостаточно обоснованных сближений и даже для прямого отождествления корреляции П : НП с принципиально иной корреляцией «определенного» и «неопределенного» действия, представленной в славянских языках в группе глаголов движения (*идти : ходить, нести : носить, бежать : бегать* и т. д.) и некоторых других. Так, Шантрен сближает со славянскими «определенными» глаголами (*verbes déterminés*) предельность, устанавливаемую им в древнегреческих презентях на *-θη* (*présents terminatifs*), например *φθίνω* «гибну» (в противоположность *φθίω* «чахну, прозябаю») *. У него, как видим, «определенность» и предельность еще разграничены терминологически. Иначе у Мейе, который прямо отождествляет корреляцию П : НП и корреляцию «определенность» : «неопределенность» и называет обе корреляции одним именем «*déterminé — indéterminé*», что можно передать как «детерминированность» : «индетерминированность» (в дальнейшем Д : ИД) **.

На деле, конечно, между категорией П : НП и категорией «определенных» и «неопределенных» глаголов имеется тонкое, но существенное различие. В частности, «определенные» глаголы могут быть и предельными (например, в контексте, указывающем на конечную цель движения) и непредельными (*время идет, бежит, вчера я ехал в автобусе* и т. д.). Значение конкретности, единичности и даже пространственной «однаправленности» движения вовсе не то же самое, что значение направленности к какому-то пределу, к критической точке, с достижением которой действие должно «исчерпать себя» и прекратиться. Недостаточное внимание к этому тонкому различию привело Мейе к ошибочному объединению двух корреляций, а авторитет французского ученого способствовал тому, что его взгляд и соответствующая терминология получили широкое распространение среди лингвистов ***.

* См. P. Chantraine, *Les verbes grecs en -θη*, *Mélanges linguistiques offerts à M. J. Vendryes*, Paris, 1925, стр. 94.

** См., в частности, A. Meillet, *Remarques sur l'étymologie de quelques mots grecs*, BSL, 26, 1925, стр. 1 и сл.; е го же, *Общеславянский язык*, М., 1951, стр. 226 и др. (где, однако, детерминированность и индетерминированность переведены как «определенный» и «неопределенный» вид).

*** Ср., например, корреляцию Д : ИД у Н. Ван-Вейка (в настоящем сборнике стр. 240 и сл.), у И. Немца (стр. 267 и сл.) и у дру-

Между тем категория П : НП существует и в славянских языках, хотя она и скрыта в них под покровом видового противопоставления С : НС. Как и в германских или романских языках, П : НП не имеет здесь прямых грамматических показателей, но проявляет себя косвенно, через явление видовой дефективности. Это, по существу, отметил уже Н. Ван-Вейк (см. настоящий сборник, стр. 242), а затем более подробно показали другие ученые. В частности, И. Польдауф (см. стр. 80 и сл.) устанавливает, что в чешском языке (то же можно сказать и обо всех других славянских языках) непредельные глаголы обладают неполной парадигмой, образуя формы только одного вида — несовершенного, тогда как предельные глаголы, как правило, имеют соотносительные парные формы обоих видов (или, добавим, одного совершенного, в частности в тех случаях, когда они относятся к способам действия, не совместимым в том или ином славянском языке с несовершенным видом). Польдауф, правда, пользуется своей особой терминологией и никак не сопоставляет двух выделенных им групп глаголов с группами, уже ранее выделенными в других языках Дицем, Нуреном и т. д. Но достаточно только внимательно прочесть определения Польдауфа и разбираемые им примеры, чтобы увидеть, что речь идет, по существу, о тех же самых семантических различиях. Как и в германских или романских языках, здесь имеется немало глаголов, которые в одних значениях оказываются предельными, а в других — непредельными (мы это видели сейчас на примере таких глаголов, как *идти*, *бежать*). Именно недостаточный учет подобных случаев (а в действительности их намного больше, чем кажется на первый взгляд) и объясняет нам отдельные расхождения между авторами, писавшими о П : НП в различных языках.

Выше говорилось, что категорию П : НП нельзя считать видом. Гэрей называет ее «лексическим видом» (см. стр. 345 и сл.), а многие относят к способам действия (см., например, стр. 59 и сл., 108, 242 и др.). Оригинальную и,

гих авторов. На двойственность понятия Д : ИД очень четко указывал А. Вайан (см. A. V a i l l a n t, L'aspect verbal du slave commun; sa morphologisation, RÉS, 19, 1939, стр. 294). Некоторые называют «детерминированностью» — или «детерминативностью» — только предельность. Так, например, поступает Кошмидер, который даже в качестве примера «индетерминативного» глагола приводит польск. *pieść* (см. настоящий сборник, стр. 108).

как нам кажется, более правильную трактовку предложил Польдауф (стр. 80 и сл.). Он говорит об интересующей нас категории как о «лиминальной», т. е. «пограничной» абстракции, лежащей между абстрактными грамматическими и лексическими. В области имени существительного такой же лиминальной абстракцией является считаемость: несчитаемость, которая тоже не имеет морфемного выражения, но обнаруживает себя через взаимодействие с собственно грамматическими категориями (невозможностью образования форм числа, а в языках, имеющих артикль, и особенностями в употреблении неопределенного артикля) *.

Ознакомившись в предшествующем изложении с исходными понятиями общей теории видов, перейдем теперь к обзору некоторых проблем славянской аспектологии.

Изучение смыслового содержания оппозиции С : НС прежде всего предполагает тщательное исследование частных видовых значений форм совершенного и несовершенного вида, т. е. функций этих форм в конкретных условиях их употребления. В трудах А. Мазона, Ойг. Зейделя, как и в трудах ряда русских и советских ученых, подробно описаны такие функции совершенного вида, как выражение единичного «завершенного» действия и выражение многократного действия, сведенного к единству; и такие функции несовершенного вида, как выражение единичного развивающегося действия, повторяющегося или обычного действия, обобщенного действия, попытки (тенденции) произвести действие и некоторые другие. Выявлен, особенно в трудах Э. Кошмидера, ряд закономерностей использования видовых форм в определенных контекстах и «ситуационных типах» (так, например, наступление события на фоне «предшествующей длительности» или в «цепи» других наступлений выражается совершенным, а действие, сопровождающее другое действие и составляющее его «фон», — несовершенным видом). Выделены случаи

* Независимо от Польдауфа очень близкая концепция была выдвинута и в советском языкознании. Ср. И. П. Иванова, К вопросу о типах грамматического значения, «Вестник ЛГУ», 1956, № 2, стр. 105—116.

иррелевантности и релевантности вида, т. е., с одной стороны, случаи взаимозаменяемости и «конкуренции видов» (В. Матезиус) *, а с другой — наоборот, те позиции, в которых взаимная их замена невозможна.

Развивая мысли, высказанные А. М. Пешковским и А. А. Шахматовым, ряд зарубежных ученых квалифицирует совершенный вид как положительный, семантически маркированный и вместе с тем «интенсивный» член видового противопоставления **. Вместе с тем, как подчеркивал Зейдель (см. настоящий сборник, стр. 168—169), и несовершенный вид характеризуется в ряде своих значений ярким положительным содержанием.

Большое внимание было уделено проблеме общего значения вида. Общее значение совершенного вида многие ученые связывают, как известно, с так или иначе истолковываемым понятием предела действия (см., например, в настоящем сборнике стр. 184 и сл.). Однако сторонникам этого взгляда нужно было бы четко отграничить то значение предела, которое они усматривают в совершенном виде, от предельности, выступающей в славянских языках в обоих видах и широко представленной и в неславянских языках, как об этом была речь выше. В последнее время, пожалуй, наибольшее признание получила точка зрения (фактически выдвигавшаяся еще в XIX в. в работах Э. Черного и Л. П. Размусена), согласно которой общее значение совершенного вида определяется как целостность действия, его целостное, «комплексное», синтетическое представление (см. стр. 80, 197, 266, 301 и сл.). Общее значение несовершенного вида некоторые ученые связывают с идеей процесса (течения, развития действия) ***, но это явно не покрывает всех случаев. Лучше, как это делает А. Достал ****, не приписывать несовершенному виду никакого общего значения, кроме отсутствия положительного признака, заключенного в совершенном виде.

* См. V. Mathesius, O konkurenci vidů v českém vyjadřování slovesném, SaS, 4, 1938, стр. 15—19; K. V a r e š, O konkurenci vidů v českém a ruském jazyce, «Československá rusistika», 1, 1956, стр. 566—579.

** См. R. J a k o b s o n, Zur Struktur des russischen Verbuns, Charisteria G. Mathesio, Pragae, 1932, стр. 74—84 и в настоящем сборнике стр. 135—188 и 197—198.

*** См., например, А. Мейе, Общеславянский язык, стр. 226.

**** А. D o s t á l, Studie o vidovém systému v staroslověnině, Praha, 1954, стр. 15—16.

Оригинальную концепцию вида как категории, выражающей «направительную отнесенность» из прошлого в будущее (параллельно движению сознания говорящего субъекта) — при несовершенном виде либо из будущего в прошлое (когда события воспринимаются как надвигающиеся из будущего на покоящееся Я) — при совершенном виде, развернул в своих работах Э. Кошмидер (см., в частности, в настоящем сборнике стр. 129—138). Правда, эта его теория не нашла большого числа последователей, и действительно, ее трудно было бы принять, но чрезвычайно интересным остается ее лингвистический отправной пункт: в основу анализа положен факт абсолютной незаменимости несовершенного вида совершенным в ответе на вопрос «что это ты делаешь?». Таким образом, «грамматическая сущность» вида выводится не из логического обобщения всех частных видовых значений, поставленных на одну доску, и даже не из рассмотрения наиболее независимых, наименее контекстуально обусловленных значений, а из анализа только одной семантико-синтаксической черты, но зато такой, в которой с наибольшей резкостью проявляется противоположность одного и другого вида *.

Начало современного этапа в изучении м о р ф о л о г и ч е с к о й системы вида было связано с работами С. Карцевского и отчасти А. Белича (см. в настоящем сборнике стр. 218 и сл. и 213 и сл.), показавшими неправильность старого представления о существовании в современных славянских языках «итеративных» основ, будто бы сохраняющих свой несовершенный вид и в сочетании с приставкой (так называемых imperfectibles, т. е. «не поддающихся перфективации»). В действительности присоединение приставки перфективирует в современных славянских языках любую глагольную основу, а основы несовершенного вида, содержащие приставку, образованы (вовсе не присоединением этой приставки) от основ, уже имевших ее. Отклонения от этого правила крайне немногочисленны, а важнейшее из них, касающееся глаголов движения, в некоторых славянских языках устраняется в ходе исторического развития (о чем писал на болгарском

* Другой не менее важной и яркой чертой, обнаруживающей «грамматическую сущность» вида, является абсолютная несочетаемость форм совершенного вида со словами, обозначающими начало, конец и продолжение действия.

материале Л. Андрейчин (см. в настоящем сборнике стр. 235—236) *.

Характерным для современных исследований в области морфологии вида является также интерес к процессам «депревербации» («депрефиксации»), т. е. отбрасывания приставки для получения основы несовершенного вида (например, *бить дичь* — от *убить*, *дохнуть* — от *издохнуть* и т. д.). Как показал в особенности А. Вайан **, эти процессы играли важную роль в истории славянского глагола. И все же большинство ученых признает, что главной «пружиной» в морфологическом механизме вида, главным продуктивным приемом оформления видовых противопоставлений является и в древних и в современных славянских языках суффиксальная имперфективация, которая, как подчеркивал уже Карцевский, только и создает (однако, добавим, тоже не всегда) чисто видовые корреляции, свободные от примеси лексических значений.

Проблемы происхождения и исторического развития совершенного и несовершенного вида вызвали большие споры, не прекратившиеся и по сей день и разгоревшиеся в последнее время с новой силой ***.

Некоторые ученые старшего поколения, в частности А. Белич, отчасти А. Мейе, как в свое время у нас Г. К. Ульянов, отстаивали в той или иной степени идею преемственности в развитии видовых категорий и трактовали совершенный и несовершенный вид славянских языков как функциональное, а в отдельных случаях даже и формальное продолжение видовых образований индоевропейского глагола (значение которых восстанавливалось в основном по показаниям древнегреческого). Однако морфологические системы греческих и славянских видов настолько несходны, что лишь с трудом отыскивались разрозненные факты, отчасти как будто подтверждающие предположения о возможной материальной связи между этими системами. Что же касается функционального сходства, то оно несомненно, пока речь идет о славянском совер-

* Сходные явления наблюдаются в области приставочных глаголов движения также в чешском и в некоторых других языках.

** См. A. Vaillant, La dépréverbation, *RÉS*, 22, 1946, стр. 5—45.

*** См. I. Němec, Vývojové problémy soudobé nauky o vidu, «*Slavia*», 28, 1959, стр. 301—325; Ю. С. Маслов, Вопросы происхождения глагольного вида на IV Международном съезде славистов, ВЯ, 1959, № 2, стр. 151—157.

шенном и несовершенном виде и древнегреческих основах аориста и презента, но сразу же становится проблематичным, как только от древнегреческого состояния мы переходим к индоевропейскому. У нас нет достаточных данных, чтобы утверждать, что в вопросах вида эти два состояния совпадали друг с другом (скорее в свете показаний хеттских и некоторых других данных можно предполагать их несходство). Поэтому Н. Ван-Вейк выдвинул и обосновал гипотезу (во многом повторяющую гипотезу А. А. Потебни), согласно которой С : НС представляет собой и в формальном и в функциональном отношении славянское новообразование (см. в настоящем сборнике стр. 238 и сл.). Вопрос о происхождении С : НС превращается тем самым в вопрос о первоначальных, «довидовых» функциях формальных средств, в историческую эпоху выступающих в качестве носителей видовых значений, и о путях переосмысления этих функций в функции видовые.

Выше отмечалось, что некоторые лингвисты объединяют под одним названием (Д : ИД) корреляцию П : НП и корреляцию «определенность : неопределенность», выступающую в славянских языках в глаголах движения. Вот эта-то объединенная категория Д : ИД и рассматривается рядом ученых, особенно Ван-Вейком, К. Ренгнеллем, И. Немцем как непосредственная предшественница корреляции С : НС *. В известном смысле с этим можно согласиться, так как и П : НП и какой-то вариант «определенности : неопределенности» **, бесспорно, существовали в праславянском языке до возникновения С : НС и, очевидно, были как-то (но только по-разному!) использованы при оформлении видовых противопоставлений. Думается,

* Впрочем, И. Немец сочетает в своей концепции «теорию Д : ИД» с «теорией преемственности» Г. К. Ульянова (см. в настоящем сборнике стр. 267 и сл.). В советском языкознании термины Д : ИД были переведены — в соответствии с русскими обозначениями, применяемыми по отношению к глаголам движения, — как «определенность : неопределенность». Под этим именем категория Д : ИД и выступает в работах В. В. Бородич, являющейся последовательной сторонницей рассматриваемой точки зрения. Против «теории Д : ИД» возражает А. Достал (см. стр. 276 и сл.), который, правда, истолковывает понятия Д и ИД уже, чем его противники.

** Может быть неповторительность : повторительность, или неинтенсивность : интенсивность глагольного действия и т. п. См. V. Machek, Sur l'origine des aspects verbaux en slave, IV МСС, «Славянская филология», III, М., 1958, стр. 38—57 (и русское резюме, стр. 58—60).

однако, что изучение генезиса С : НС протекало бы успешнее, если бы П : НП и «определенность» : «неопределенность» были бы четко отделены друг от друга, а не соединены в несколько расплывчатом и диффузном единстве.

Не вполне единодушно решается вопрос о времени становления современной видовой системы и о степени охвата ею глагольной лексики в период древнейших письменных памятников. Капитальное исследование А. Достала о виде в старославянском и ряд других работ, несомненно, доказали, что к началу письменности категория совершенного и несовершенного вида уже не только сформировалась, но и успела охватить большую часть глагольной лексики. Однако Достал пошел дальше этого. Он считает, что в исторический период уже вовсе не осталось глаголов, стоящих вне противопоставления С : НС, и что категория вида уже была вполне такой, как в современных славянских языках*. Думается, что истина в этом вопросе скорее на стороне Р. Ружички, который, творчески развивая традиции А. А. Потебни и Г. К. Ульянова, отмечает в древнем языке (конкретно — в языке старших списков «Повести временных лет») еще довольно обильный слой пережитков довидового состояния (ряд глагольных групп, нейтральных в отношении вида), как и некоторые другие особенности, говорящие о качественном различии между древним и современным языками в области глагольного вида (см. в настоящем сборнике стр. 308 и сл.).

Спорным, наконец, остается вопрос о природе славянского противопоставления имперфект : аорист.

Более старая наука хотя и называла имперфект и аорист в славянских языках временами, фактически отмечала наличие в их значении составных элементов видового или близкого к виду порядка. Имперфект сближался, таким образом, с несовершенным, а аорист — с совершенным видом**. Однако немалые затруднения возникали в связи с тем, что в славянских языках аорист и имперфект, как известно, перекрещиваются с категорией С : НС. Это существенно отличает славянские аорист и имперфект от греческих: ведь в древнегреческом языке так называемый аорист индикатива есть просто прошедшее время «аористиче-

* См. А. Dostál, Указ. соч., стр. 57—58, 140 и др. (в настоящей сборник, стр. 299).

** См., например, формулировки Вондрака, приводимые Б. Гавранком (в настоящем сборнике стр. 175).

ского вида», а имперфект — прошедшее время «презентного вида», тогда как в древних славянских языках и в современном болгарском мы имеем по два аориста — совершенного и несовершенного вида, и по два имперфекта, также совершенного и несовершенного вида. Поэтому Б. Гавранек выступил против прежнего понимания различия между славянскими аористом и имперфектом и предложил трактовку данного различия как чисто временного (см. в настоящем сборнике стр. 175 и сл.), т. е., по существу, трактовку, аналогичную той, которая давно (хотя и не единодушно) применялась, например, по отношению к французскому *imparfait* в его противопоставлении *passé simple*. Для современного болгарского тождественную концепцию выдвинул Л. Андрейчин*.

Позже в работах датских структуралистов Йенса Хольта и Х. К. Серенсена было дано прямо противоположное толкование рассматриваемого различия как видового (см. в настоящем сборнике стр. 189 и сл.), причем Хольт пытался отграничить семантически (хотя, думается, в ложном направлении) категорию аорист : имперфект от категории С : НС, а Серенсен считал обе категории семантически тождественными и различающимися лишь «ориентацией», т. е. распределением интенсивного и экстенсивного членов. Представляется несомненным, что имперфект действительно есть интенсивный (а вместе с тем семантически маркированный, как писал Гавранек, и вообще положительный) член в корреляции с аористом. Однако если тезис о видовом характере оппозиции аорист : имперфект можно считать с точки зрения общей теории вида вполне приемлемым**, то все же никак нельзя принять (именно вследствие наличия таких форм, как аорист несовершенного и имперфект совершенного вида) положение о семантическом тождестве обеих видовых корреляций — аорист : имперфект и С : НС.

* См. L. Andrejczin, Kategorie znaczeniowe koniugacji bułgarskiej, Kraków, 1938, стр. 38—39, 40 и Л. Андрейчин, Грамматика болгарского языка, М., 1949, стр. 145 и сл., 168 и сл.

** Кстати, его отстаивает и Е. Курилович, например в статье «Réflexions sur l'imparfait et les aspects en v. slaves» (J. Kurilowicz, Esquisses linguistiques, Wrocław—Kraków, 1960, стр. 119—125). Отметим, что убедительные конкретные соображения в пользу видового характера оппозиции имперфект : аорист в древнейший период истории славянских языков привел недавно Г. Кельн, см. в настоящем сборнике стр. 282 и сл. и указанные там другие его работы.

В заключение остановимся на некоторых проблемах исследования видовых категорий не с л а в я н с к и х языков.

Для языкознания XIX в. постановка вопроса о виде в тех или иных неславянских, например в германских, языках была связана с осознанием в первую очередь внешних аналогий между фактами этих языков и славянскими видами. Внимание исследователей прежде всего привлекали глаголы с приставками. Как уже упоминалось выше, присоединение приставки к глагольной основе часто вносит (или подчеркивает) значение предельности. В славянских языках основы, образованные присоединением приставки, кроме того, что они предельны, относятся к совершенному виду. И вот тождество, скажем, немецкого *durchlesen* и русского *прочитать* в отношении их внешней морфологической структуры (и там, и здесь приставка) и в отношении заключенной в одном и в другом предельности было принято за тождество и в отношении вида. Это вполне понятно: ведь предельность тогда еще не была выделена как особое явление и не была обозначена своим особым термином, а совершенный вид был давно выделен и назван и вместе с тем еще недостаточно знаком ученым, в особенности неславистам. В этих условиях предельность осмыслили как совершенный вид, более или менее отождествили с ним и назвали тем же словом.

Так, еще во времена Гримма и Шлейхера зародилось, а в эпоху младограмматиков — Лескина, Бругмана, Штрейтберга и других — полностью расцвело и оформилось учение о «глаголах совершенного вида» (*verba perfectiva*) в германских и во многих других неславянских языках. По аналогии со славянскими фактами везде, даже в древнегреческом, где ведь были «свои» давно признанные виды, глагольным приставкам приписывалась «перфективирующая сила»; по аналогии с «пустыми», «чисто видовыми» приставками славянских языков (т. е. приставками, в наименьшей степени меняющими способ действия и лексическое значение глагола) были выделены «чисто видовые» приставки и во многих других индоевропейских языках; по аналогии со славянскими бесприставочными основами⁸ совершенного вида, вроде русск. *дать, бросить* и т. д., говорили о «*perfectiva simplicia*» в готском, древневерхненемецком и т. д.

Однако не все лингвисты той эпохи разделяли указанные точки зрения. В конце XIX в. против отождествления славянских и германских отношений убедительно выступил В. Моурек, а позже и ряд других языковедов славянских и неславянских стран*. Было ясно доказано, что о совершенном виде в готском или немецком языке, а также о совершенном видовом значении латинских и греческих приставочных глаголов не может быть и речи**. Постепенно укреплялось сознание того, что во многих подобных случаях мы имеем дело вовсе не с видом, а с категорией П:НП, как бы ее ни называли те или иные исследователи.

Особо стоял — и стоит до сих пор — вопрос о балтийских языках. Конечно, и в них совершенное видовое значение нередко усматривают там, где следовало бы говорить лишь о предельности. Однако наряду с этим здесь как будто есть и совершенный вид или по крайней мере есть глаголы, неспособные в форме настоящего времени служить ответом на вопрос «что это ты делаешь?». Для литовского языка Ян Сафаревич ограничивал круг таких глаголов только, или почти только, образованиями с приставкой *pa-*, но Л. Дамбрюнас (см. настоящий сборник, стр. 365 и сл.) очерчивает их круг значительно шире, хотя, с другой стороны, и признает, что инфинитив этих глаголов или части их способен сочетаться с глаголами «начинать» и «кончать». Раз это так, то они или по крайней мере их инфинитивы не могут быть признаны совершенными. Интересна также отмеченная Э. Френкелем и Дамбрюнасом, но пока подробнее не исследованная тенденция прибавлять к основам «совершенного вида» для выражения несовершенного видового значения итеративный суффикс *-inē-*, превращающийся,

* См. V. E. Mourék, *Syntaxis gotských předložek*, Praha, 1890 и особенно рецензию Моурка на одно исследование о «совершенном виде» в древнесаксонском языке (*AiDa*, 21, 1895, стр. 195—204). См. также В. Delbrück, *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*, II, Straßburg, 1897, стр. 124—126, 160—161, 170. Последующая литература указана в настоящем сборнике в 14-м примечании редактора.

** О латыни см. в настоящем сборнике стр. 330—334 и указанную там литературу (особенно работу Яначка), о греческом — А. Rappaport, *Novi Testamenti Graeci verba recipiantiae praepositione praelixa vim perfectivae actionis necne*, Lwów, 1924 (= *Studia Leopoldiana*, 2); F. Stiebitz, *Studie o slovesném vidu v řečtině novozákonní*, VKČSN, tř. filosoficko-historicko-jazykozpytná, r. 1929, Praha, 1930, IV, стр. 1—182 (с франц. резюме).

таким образом, в «суффикс имперфективации», аналогично тому, что в прошлом имело место в развитии славянских языков.

В отличие от науки XIX в. современная наука о виде в меньшей мере руководствуется формальными аналогиями. Внимание нынешних исследователей скорее привлекают категории, по своему функциональному содержанию сходные с видом славянского или древнегреческого глагола. Ряд таких категорий, как упоминалось в начале статьи, и был (отчасти еще в XIX в.) признан видами, хотя и не всегда вполне единодушно.

Наиболее близкое функционально-семантическое сходство со славянским противостоянием С : НС обнаруживают, помимо древнегреческой (и новогреческой) оппозиции основ аориста и презента, представленные в разных языках оппозиции «аористического прошедшего» (например, франц. *passé simple*) и имперфекта. Поэтому Кошмидер без каких-либо поправок применяет по отношению ко всем таким оппозициям ту самую формулировку, с помощью которой он определяет грамматическую сущность славянских видов: вид есть категория, служащая для выражения направительной отнесенности из будущего в прошлое или из прошлого в будущее (см. выше). Значительно более «легкую», но также единую для всех названных оппозиций формулировку находим и у Мэрченда: рассмотрение процессов как законченных или как незаконченных (см. стр. 357). Отличия от славянских видов касаются здесь, по мнению Кошмидера, как и многих других ученых, не мыслительного содержания категорий, а только степени охвата ими глагольной парадигмы: в славянских языках противостояние С : НС пронизывает все глагольные формы; в древнегреческом есть формы, стоящие вне противоположности аорист : презент, в частности будущее время; в современных романских языках и в турецком соответствующее видовое противопоставление реализуется только в прошедшем времени. Нередко это же наблюдение формулируется иначе: в славянских языках мы имеем дело с «видом глаголов» (все формы одного глагола — одного вида), а в других языках — с «видом отдельных форм» *.

* Подчеркнем, однако, что в отношении славянских фактов подобная формулировка (хотя она вполне согласуется с установившейся традицией) не может считаться теоретически правильной: ведь уже *par définition* чисто видовое противопоставление предпо-

Все же (оставляя в стороне соображения сторонников чисто временной трактовки имперфекта и считая его видом) позволительно сомневаться в семантическом тождестве оппозиции С : НС и оппозиции «аористическое прошедшее» : имперфект. Дело в том, что изложенные сейчас параллели игнорируют славянскую корреляцию аориста и имперфекта, а она, с одной стороны, аналогична, например, романской (в частности, в обеих имперфект является маркированным членом), а с другой, как мы отметили выше, — не может быть семантически тождественна противопоставлению С : НС. Соответственно в уточнении пуждалась бы и семантика (а также и «ориентация») древне- и новогреческой оппозиции «аористического» и «презентного» вида (даже независимо от наличия в древнегреческом третьего члена противопоставления — «перфектного вида»).

Меньшее сходство со славянской оппозицией С : НС наблюдается в английском противопоставлении типа *to write* : *to be writing* и в соответствующих противопоставлениях французского, испанского, итальянского, скандинавских и некоторых других языков. Диапазон значений форм типа *to be writing*, *être en train d'écrire* и т. д. уже, чем диапазон значений славянского несовершенного вида: как известно, эти формы не могут выражать обычного и повторяющегося (по крайней мере повторяющегося через значительные промежутки времени) действия, обобщенного действия, действия нелокализованного во времени («вневременного»). Тем самым в них ярче выступает значение единичного действия, находящегося в процессе осуществления. Кошмидер считает английский *Continuous*, как и славянский несовершенный вид, выражением направительной отнесенности из прошлого в будущее, но добавляет, что в английской форме подчеркнута значение «актуальности», в силу чего она обычно не образуется от некоторых глаголов, обозначающих психические состояния, вроде *love* «любить» и т. п.* Другие авторы указывают на семантическую

лагает отсутствие каких бы то ни было лексических различий между коррелирующими формами, а потому и для славянских языков в случаях чисто видового противопоставления (*подписать* : *подписывать*) теоретически правильнее (как и делает ряд советских и зарубежных ученых) говорить не о разных глаголах, а о формах одного глагола.

* См. E. Koschmieder, *Zeitbezug und Sprache*, Leipzig, 1929, стр. 51—53.

маркированность форм типа английского Continuous, а для ряда языков — даже на факультативность их употребления (см. в настоящем сборнике стр. 361 и сл.). По-разному решается вопрос о видовом значении форм, составляющих немаркированный член рассматриваемой корреляции (т. е. «простых» *to write, I write, I wrote, écrire* и т. п.). Нередко их считают «совершенными», за исключением, разумеется, форм настоящего времени (и в романских языках — имперфекта)*. Но «совершенство» эта оказывается настолько широкой и расплывчатой, что скорее нужно согласиться с теми лингвистами, которые в немаркированном члене интересующей нас корреляции усматривают «общий» или «нейтральный» вид, т. е. не находят в нем определенного видового значения**.

Наиболее своеобразное место в системе видовых противопоставлений занимает «перфектный вид», или перфект. Прежде всего семантически перфектный вид подразделяется на две разновидности: 1) «перфект состояния», обозначающий статическое состояние как результат предварительного завершенного действия, и 2) «перфект действия», обозначающий действие, оставляющее по себе те или иные результаты, следы, последствия и т. д., так или иначе актуальные для последующего временного плана. К первому типу относится древнейший греческий и восстанавливаемый древний индоевропейский перфект, обороты типа *scriptum habeo* «имею написанным» в народной латыни, сходные по значению конструкции древних и современных германских и романских языков, например франц. *il est maigri* «он исхудал(ый)». Курилович говорит о подобных образованиях как о «сложном виде» (*complexe*), перфективном по отношению к несовершенному и имперфективному по отношению к совершенному виду***, а некоторые ученые считают, что перфект этого типа стоит вообще вне

* Именно так трактует, например, Кошмидер (см. предыдущую сноску) отношения в английском, Гэрей — отношения во французском (причем в случае так называемой «конниденции» Гэрей даже в формах настоящего времени усматривает перфективность; см. в настоящем сборнике стр. 353).

** См., например, Й. Хольт, Указ. соч., стр. 75. Тем более оправдано понятие нейтрального (а не совершенного) вида в применении к соответствующим формам в тех языках, в которых интересующая нас маркированная форма является лишь факультативной, т. е. всегда может быть заменена немаркированной.

*** См. J. Kuryłowicz, *Esquisses linguistiques*, стр. 111

противопоставления С : НС (см., например, в настоящем сборнике стр. 324). Ко второму типу принадлежат формы перфекта на более поздней ступени их развития, в частности, например, формы современного аналитического перфекта западноевропейских языков (поскольку они, однако, еще не превратились, как в разговорном французском языке и в южнонемецких говорах, в «историческое», повествовательное время, что представляет собой уже третий этап эволюции перфекта). Курилович и некоторые другие ученые сближают перфект второго типа (и соответственно плюсквамперфект) со славянской совершенностью или с аористом (помещая их в одну клетку схемы)*, с чем, однако, трудно согласиться. Правда, в латыни так называемый *perfectum* даже прямо совмещает функции перфектного вида (обеих его разновидностей) и аористического вида (и в генетическом плане рассматривается как некая комбинация форм одного и другого, причем сходное развитие предполагается и для прагерманского), но это еще не говорит о семантическом тождестве этих двух видов, представленных в других языках отдельными формами. Общеизвестно, что западноевропейский перфект переводится на славянские языки и совершенным и несовершенным видом, в зависимости от контекста, и что славянский аналитический перфект (для *жъмь* и т. д.), семантически аналогичный перфекту других языков (и прodelьвающий в общем аналогичный путь развития), образуется уже на ранних этапах и в несовершенном виде. Все это не позволяет подвести перфект (в обеих его разновидностях) под формулировку, принимаемую для совершенности, и заставляет искать для перфектного вида какую-то другую, специальную формулировку. Отметим, что и Кошмидеру, по существу, не удалось распространить на перфект свою теорию «направительной отнесенности».

Рассматривая последний, третий, этап эволюции перфекта, можно согласиться с Мейе, говорившим об утрате перфектом видовых перфектных функций и о развитии в нем чисто временных функций**. Особенно ярко выступает

* Там же и *L'apophonie*, стр. 25 и сл. Ср. также G. I v à n e s c u, *Le temps, l'aspect et la durée de l'action dans les langues indo-européennes*, *Mélanges linguistiques publiés à l'occasion du VIII-ème Congrès International des linguistes à Oslo, Bucarest, 1957*, стр. 43 и сл.

** См. A. Meillet, *Linguistique historique et linguistique générale* I, 2-е изд., Paris, 1926, стр. 144, 149—158, 186—188 и др.

этот процесс в южнонемецкой языковой области, где аналитический «перфект» семантически сливается с невидовым, нейтральным в отношении вида повествовательным прошедшим типа *ich schrieб* (неудачно называемым «имперфектом») и вытесняет его (в диалектах — полностью) из живого употребления *. Параллельно в западноевропейском плюсквамперфекте, в будущем перфекта, инфинитиве перфекта и т. д. развивается значение чисто временного предшества, лишь отчасти напоминающее одну из функций славянской совершенности.

Широкое распространение категории вида в разных языках сочетается, таким образом, с ее значительным разнообразием не только в формальном, но и в функционально-семантическом отношении. Это разнообразие возрастает еще больше, если учесть все то, что писалось о видовых категориях многих других языков, которых мы здесь и вовсе не затрагивали. Это разнообразие не поддается втискиванию в какую-либо готовую «схему возможностей» — априорную или даже апостериорную, но построенную на базе слишком огульных и «нивелирующих» характеристик, а требует тщательного, вникающего в тонкие семантические оттенки сопоставительного изучения. Что же касается общего единого определения вида как грамматической категории, то оно вряд ли может быть более конкретным (по крайней мере пока, на данном этапе развития науки), чем то определение, которое дано выше, в начале этой статьи, словами Йенса Хольта.

Ю. Маслов.

* Несколько иная картина во французском, где перфект (*passé composé*) семантически совпадает с видовым повествовательным прошедшим аористического типа (*passé simple*) и вытесняет его в живом языке, не затрагивая, однако, другого видового прошедшего — *imparfait*.

I

ВИД И СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ

(в славянских и неславянских языках)

ВИД И ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

ГЛАГОЛА

I

В польских словарях, как и в словарях других славянских языков, часто встречаются сложные глаголы, которые имеют различные приставки, но переводятся одинаково. Так, например, оба глагола: *zemrzeć* и *umrzeć* — переводятся как *sterben* «умереть»; все три глагола: *stracić*, *utracić*, *zatracić* — как *verlieren* «потерять»; *zabronić* и *wzbronić* — как *verboten* «запретить» и т. п. Число таких случаев, когда несколько разных глаголов при переводе на другой, неславянский, язык могут или должны быть переданы одним и тем же глаголом, очень велико. Но при более тщательном исследовании славянского употребления оказывается, что мы встречаемся здесь с более или менее отчетливыми семантическими оттенками, не имеющими, однако, в западноевропейских языках вполне точных соответствий [1]. Приставки не сообщают глаголу никакого существенно нового значения, а лишь обозначают, как совершается действие. Я называю такие приставки образующими способ действия (*aktionsartbildend*). В настоящем исследовании будет показано, что при соединении простого глагола с приставкой возникают не столь простые и схематичные отношения, как это представлено у авторов описательных грамматик. Необходимо различать следующие случаи:

* Под этим заголовком здесь объединены два отрывка из книг Агрелля: [1] Sigurd Agrell, *Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte, Ein Beitrag zum Studium der indogermanischen Präverbia und ihrer Bedeutungsfunktionen*, Lund, 1908 (=LUÅ, Ny följd, afd. 1, bd. 4, No 2); [11] ег о ж е, *Przedrostki postaciowe czasowników polskich* (=«Materyaly i prace Komisji językowej Akademii umiejętności w Krakowie, t. VIII), w Krakowie, 1918.

1. Приставка придает глаголу совершенно новое (обычно пространственное) значение, например *wyjechać* «выехать», *rozbić* «разбить», *oddać* «отдать» и т. д.; *zrobić* «заработать» от *robić* «делать, работать»; *rozładować* «растворить, разбавить» от *tworzyć* «создавать» и т. д.

2. Приставка не придает глаголу абсолютно нового значения и лишь обозначает, что действие является законченным (несовершенный глагол становится совершенным). Здесь следует, однако, разграничить два случая:

а) Приставка изменяет только вид (обозначает лишь, что действие является законченным, но не говорит к а к; посредством префиксации дается лишь указание на момент окончания действия), например: *zrobić* «сделать», *s-pytać* «спросить».

б) Приставка уточняет, как совершается действие, она не только изменяет вид, но определяет также способ действия, например: *ukończyć* по отношению к *skończyć* (ср. русск. закончить и окончить)*, *przypadlić* по отношению к *znaglić* (то и другое «поторопить», ср. русск. отличить и различить**)...

Под способом действия (Aktionsart) я подразумеваю не две основные категории славянского глагола, не формы, обозначающие незаконченные и законченные действия (имперфективный и перфективный глагол). — эти категории я называю видами (Aspekte). Термином способ действия я обозначаю те до сих пор почти вовсе не привлекавшие внимания и тем более никем не классифицировавшиеся семантические функции приставочных глаголов (а также некоторых бесприставочных глаголов и суффиксальных образований), которые уточняют, как совершается действие, обозначают способ его осуществления.

II

Для того чтобы сразу ориентировать читателя в предмете данного исследования, я проанализирую здесь четыре очень употребительных сложных глагола, а именно формы

* Здесь дается не перевод, а приблизительное соответствие в русском языке. — Прим. перев.

** Поскольку передать оттенки, о которых идет речь, в переводе невозможно, приводится аналогичный русский пример, соответствующий приведенным ниже глаголам *rozróżnić* и *odróżnić*. — Прим. перев.

совершенного вида от глагола *kończyć* «кончать» [2] — *s-*, *u-*, *za-* и *do-**kończyć*, между которыми ни лексикография, ни грамматика до сих пор не обнаружили никаких смысловых различий.

Я не отрицаю, что в известных случаях действительно почти безразлично, какая именно приставка (например, *s-* или *za-*) соединяется с глаголом *kończyć* для образования его перфективной формы. Но следует обратить внимание и на то, что в других случаях замена одной приставки другой является абсолютно невозможной. Так, например, нельзя сказать *nagle ukończył pieśń* («внезапно окончил песню») вместо *nagle skończył pieśń* («внезапно закончил песню») и, во всяком случае, лучше сказать *po długich staraniach ukończył pracę*, чем *po długich staraniach skończył pracę**. Кроме того, следует принять во внимание, что в некоторых оборотах замена одной приставки другой оказывается возможной, однако каждая приставка придает глаголу несколько иной оттенок значения. Так, мы говорим:

- 1) *Ukończył swoją pracę w domu.*
- 2) *Dokończył swojej pracy w domu.*
- 3) *Zakończył swoją pracę w domu.*
- 4) *Skończył swoją pracę w domu.*

В первом случае (*u-*) говорящий имеет в виду, что субъект (например, ученик), вероятно, работал только дома. Во втором случае (*do-*) предполагается, что начало работы было сделано вне дома (например, в школе), остальная же ее часть — дома. В третьем случае действие понимается так, что, скажем, начало и основная часть работы были сделаны вне дома (например, в школе или у товарища) и лишь самый конец, написание последних строк, последняя переработка, была осуществлена дома¹.

В этих трех случаях приставка не только изменяет вид глагола *kończyć*, но и в каждом отдельном обороте придает глаголу еще какой-то новый оттенок значения, подчеркивает тот или иной характер действия, тот или иной способ глагольного действия.

Способ (характер) действия, обозначаемый приставкой *u-*, я называю дуративным² (или процессуальным):

* Русский перевод «после долгих трудов он закончил (или окончил) работу» не передает этого различия. — Прим. перев.

здесь речь идет о всем протекании действия, о процессе в полном его объеме.

Способ действия, обозначаемый приставкой *do-*, я называю комплетивным: здесь, собственно, подчеркивается вторая половина действия.

Способ действия, выражаемый приставкой *za-*, я называю дефинитивным: здесь идет речь о самой последней фазе протекания действия, о последних решающих моментах процесса...

В четвертом случае (*skończył swoją pracę w domu*), строго говоря, нет особого способа действия: при употреблении приставки *s-* мы лишь чувствуем, что с точки зрения вида действие является совершенным [3].

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ Эти различия, отмеченные уже в моей работе «Aspektänderung...», отрицает Фр. Травничек (SMF, 2, 1912, стр. 260—262). В ответ на его критику я могу лишь сказать, что пишу о польском языке, а не о чешском.

² Несовершенный вид, по моему мнению, не следует называть «дуративным» («длительным»), как это до сих пор часто делается в грамматиках.

Герман Якобзон

[Из рецензии на книгу Якоба Вакернагеля
„Лекции по синтаксису“]*

...Когда речь идет о различии между «перфективными» и «имперфективными» глаголами, имеются в виду субъективные формы восприятия действия, выражающие то, как представляет себе говорящий его протекание. Напротив, в основе таких понятий, как итеративные, интензивные, каузативные глаголы, лежат объективные различия между самими действиями [4]. Поэтому русские с полным правом дали категориям своего глагола название «виды» (от *videre*, лат. *videre*). Тем самым виды (*Aspekte*) — а только так их и следует называть, потому что они именно не обозначают каких-либо различий между самими действиями, — теснейшим образом сближаются с наклонениями и временами, которые также отражают субъективные формы восприятия.

Со способами действия в собственном смысле слова (*Aktionsarten*), например итеративным, интензивным и т. д., виды не имеют ничего общего...

Однако поскольку итеративные основы играют в структуре славянского вида большую роль, оказывается, что границы между видом и способом действия являются зыбкими. Это и естественно, ибо в жизни языка нет прочных границ. Для того чтобы объективно данные различия в характере протекания действий нашли свое языковое выражение, к ним должен присоединиться и субъективный момент восприятия действия, что мы имеем, например, при употреблении *potórniat* «порхать» вместо *pótórniat* «лететь».

* Hermann Jacobson, „Jakob Wackernagel. Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch, Basel, 1920, 1924. Рецензия помещена в «Gnomon», Bd. 2, 1926, Heft 7, стр. 369—395.

С другой стороны, и при выборе вида точка зрения говорящего также не является независимой, по крайней мере от того, какие фактические различия возможны в каждом данном случае. У ряда глаголов оба вышеуказанных момента совпадают, так что они употребляются либо исключительно как перфективные либо лишь как дуративные. Но важно то, что для видов преобладающим, решающим моментом является субъективное восприятие говорящего, а для способов действия — объективно наличная фактическая данность. Благодаря тому, что каждая категория содержит в себе элементы другой, возникает возможность перехода одной категории в другую, что часто наблюдается в различных языках.

Вальтер Порциг

О СПОСОБАХ ДЕЙСТВИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПРЕЗЕНТНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ*

[Отрывок]

Синтаксис индоевропейского глагола страдает от частного смешения способа действия и вида¹. Способ действия указывает, как протекает действие или событие; морфологически ему соответствуют форманты, образующие «временные основы» глагола (Tempusstämme) [5]. Следовательно, в зависимости от этих формантов действия делятся на классы точно так же, как предметы — в зависимости от формантов, образующих различные именные основы. Это разделение по классам в общиндоевропейском языке является более древним, чем разделение имени и глагола, ибо очень часто один и тот же формант обнаруживается как в именной, так и в глагольной основе; иными словами, одна и та же основа и склонялась, и спрягалась. Количество подобных классов а priori установить невозможно, равно как и тот принцип, на основании которого они были образованы. Этих классов столько, сколько существует различных основообразующих формантов, и их значение должно устанавливаться для каждого из этих формантов особо. Тот факт, что по своим значениям они объединились затем в известную систему, коренится в самом существе языка, но исследование еще не настолько продвинулось вперед, чтобы эту систему можно было определить.

Вид в отличие от способа действия — это та точка зрения, с которой рассматривается действие, а рассматривается оно либо как процесс (Verlauf), либо как факт (Ereignis). В принципе по отношению к каждому действию возможны обе точки зрения, но в конкретном языке по

* Walter Porzig, Zur Aktionsart indogermanischer Präsensbildungen, IF, Bd. XLV, 1927, Heft 1, стр. 152—167.

отношению к некоторым или ко всем действиям устанавливается та или иная точка зрения, с которой они должны рассматриваться. Таким образом, вид по своему существу характеризуется строгой полярностью, т. е. мы можем назвать видом только такое различие внутри глагольных значений, с помощью которого каждое действие квалифицируется либо как «процесс», либо как «факт». О том, имеется ли в данном языке вид, мы можем судить лишь на основании морфологии, ибо любая смысловая категория должна быть воплощена морфологически.

Таким образом, если способ действия и вид являются двумя различными измерениями глагольного значения², то возникает вопрос, в каком отношении друг к другу они находятся в индоевропейских языках. Ответ дает морфология. В отдельных языках существует три приема для различения перфективного и имперфективного видов: использование 1) различных корней, 2) различных «временных основ» и 3) сложения с приставками. Третье средство могло возникнуть только в исторической жизни отдельных языков. Первое, собственно говоря, не является морфологическим, так как различные корни обозначают не различные виды одного и того же действия, а различные действия. Употребление различных корней может приобрести морфологическую значимость лишь в рамках супплетивности, но супплетивность как раз предполагает, что соответствующая категория уже существует в языке как чисто морфологическое различие (так, *brā* и *ēidō* могут противостоять друг другу как презент и аорист лишь потому, что существует морфологическое соотношение между *ṛeḥōyā* и *ēḥōyōyā*). Таким образом, первоначальным формальным признаком категории вида могло быть лишь использование различных «временных основ». Но уже с первого взгляда ясно, что «временные основы» не могли с самого начала служить для этой цели. Ведь они вовсе не однозначно распределены по видам. Напротив, к каждому виду относится по несколько образований. Итак, мы замечаем, что категория вида перекрывает категорию способа действия. Это важно учесть при решении вопроса о первоначальной функции того или иного образования «временных основ». Все попытки связать эти образования с видом оказывались до сих пор безуспешными, тогда как задача, заключающаяся в том, чтобы определить их способ действия, вполне разрешима [6].

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ Четкое указание на это является заслугой Германа Якобсона («Spotop», 2, стр. 379 и сл.). [См. настоящий сборник, стр. 39—40.]

² Этому различию ничуть не противоречит тот факт, что, например, в славянских языках один из способов действия, а именно «итеративный», включился в видовую систему, подобно тому как употребление древнего конъюнктива в некоторых языках в функции будущего вовсе не устраняет различия между наклонением и временем.

ВИД ОБЪЕКТИВНЫЙ И ВИД СУБЪЕКТИВНЫЙ* [7]

...Считается, что наиболее простой способ установить, какого вида данный глагол — совершенного или несовершенного, состоит в том, чтобы выяснить, возможно ли при нем обозначение продолжительности действия. Например, такой имперфективный глагол, как нем. *jaßen* «гнать», допускает добавление наречия *lange* «долго», тогда как соответствующий перфективный глагол *erjaßen* [8] не допускает подобного добавления. Мне не известно, кто впервые обратил внимание на это различие; аналогичные мысли можно найти, например, у Лескина¹ и Штрейтберга². Насколько я знаю, никто против этого пока не возражал. Сказанное, однако, противоречит тому, что наблюдается у некоторых глаголов в славянских языках. Так, в русском наряду с несовершенным *стоять* существует глагол совершенного вида *постоять*, то же самое отмечается и у других глаголов покоя, а между тем ко всем этим глаголам, как несовершенным, так и совершенным, разумеется, можно добавить обозначение продолжительности действия.

Как же разрешить это противоречие, и в особенности применительно к такому сложному образованию, как греческий аорист?

И все же дело обстоит очень просто. До сих пор никто не заметил, что здесь смешано воедино то, что нуждается в четком разграничении, ибо перед нами вещи, лежащие в двух различных плоскостях. Различие между *ἔβασιλευον* «я был царем» и *ἔβασιλευσα* в смысле «я был царем» («про-был царем») существует лишь в восприятии говорящего; все зависит от его представления, от того, рассматривает ли

* E d u a r d H e r m a n n, Objektive und subjektive Aktionsart, IF, Bd. XLV, 1927, Heft 3, стр. 207—228. Публикуется со значительными сокращениями.

он свое царствование в процессе его протекания или же суммирует, объединяет все моменты этого царствования, сводя их в некую целостность. В предложении: "Ἄρδιος δὲ βασιλεύσας ἑπὶ δέουτα πενήκοντα ἔτα ἐπεδέξατο Σαδύατῆς ὁ Ἄρδιος καὶ ἐβασίλευσεν ἔτη δωδέκα (Геродот, 1, 16) «После того как Ардий процарствовал без одного года пятьдесят лет, ему наследовал Садият, сын Ардия, и он процарствовал двенадцать лет» — автор объединяет в одно целое все 49 лет царствования Ардия и в другое целое — все 12 лет царствования Садията, словно каждое из этих царствований не имело длительности и продолжалось предельно короткое время; этим подчеркивается, что действие закончилось, достигло своего завершения. Такой глагольный вид я называю к о м п л е к с и в н ы м. Но представим себе, что вместо аориста Геродот употребил бы здесь имперфект; в таком случае он не отметил бы завершенность обоих действий, не объединил бы каждое из них в определенное целое; он сообщил бы нам лишь о том, что в течение названных периодов времени оба царя занимали престол, он показал бы, что воспринимает действие в самом процессе его протекания. Такой глагольный вид я называю к у р с и в н ы м. Из сказанного следует, что различие между комплексивным и курсивным видами опирается лишь на восприятие говорящего, а не на действительные различия двух разных существующих вне его фактов; таким образом, различие комплексивности и курсивности следует считать субъективным.

Совсем по-иному обстоит дело с *ἔβασιλευον*, *ἔβασιλευσα* «я был царем», с одной стороны, и *ἔβασιλευσα* «я стал царем, я воцарился» — с другой. Здесь перед нами два объективно различных факта. Царствование имеет некую протяженность во времени, воцарение такой протяженности не имеет. Заняла ли церемония коронования много времени или мало, протекала ли процедура избрания медленно или быстро, это в данном случае безразлично. Имеется в виду лишь некое определенное действие, по завершении которого произошло воцарение. До этого действия претендент не был царем, после его завершения он им стал. Таким образом, воцарение, в конце концов, сводится к одному-единственному моменту. Я говорю «моменту», а не «мгновению» (Moment, nicht Zeitpunkt) потому, что мгновение лишено протяженности во времени, тогда как завершение решающего действия, даже если оно и не имеет временной

протяженности, воспринимается людьми не иначе, как имеющее таковую. Будучи профанами в физике, в меру слабости и ограниченности нашей способности постижения мы вообще не обнаруживаем здесь большой точности и в нашем восприятии захватываем вместе с моментом завершения решающего действия и ряд других соседних моментов. В большинстве случаев (я говорю не только о воцарении, но также и о достижении вершины горы, об отъезде и т. д.) говорящий вообще не в состоянии указать, какой именно элемент действия является подлинно решающим. Это никого не тревожит и может безо всякого ущерба для слушающего и говорящего оставаться невыясненным. Однако тот же говорящий очень хорошо знает, что воцарение, достижение вершины при восхождении на гору, отъезд и т. д. представляют собою действия или события, лишённые какой бы то ни было протяженности во времени. К словосочетаниям подобного рода нельзя добавить в качестве обстоятельства продолжительности даже мельчайшей математически выделенной единицы времени. Я не могу сказать: *Er erstieg den Berg einen Augenblick lang* (букв. «Он взобрал на гору одно мгновение»). Я могу это сделать вопреки общепринятому обыкновению выражаться, разве только имея в виду, что он взобрал на гору и оставался на вершине одно мгновение (*Er erstieg den Berg und blieb einen Augenblick oben*); но тут речь шла бы уже не только о достижении вершины. Глагольные формы, вроде *ἐβασίλευν*, *ἐβασίλευσα* со значением «я был царем», я называю формами дуративного (длительного) вида, а такие, как *ἐβασίλευσα* в смысле «я стал царем, я воцарился», — формами недуративного (недлительного) вида. Источник различия между первыми и вторыми лежит вне говорящего; таким образом, это различие основывается на объективных фактах и его следует считать объективным.

Все отмеченные до сих пор в разных языках глагольные виды делятся на две принципиально отличные друг от друга группы — на субъективные и объективные. Если различие между обоими объективными видами основывается на различии внеязыковом, заключенном в событиях самой действительности, и то, что имеет протяженность во времени, неизменно противопоставляется тому, что ее не имеет, то такое различие должно прослеживаться в любом глаголе, больше того, в любом сказуемом. В любом предложении любого языка мы сталкиваемся с дуративным

или недуративным способом выражения. Таким образом, даже неважно, есть ли в том или ином языке глаголы или они в нем вовсе отсутствуют. Вот почему дуративность или недуративность отчетливо распознается и в тех немецких предложениях, где нет глагола. Если, потеряв всякую надежду, я бросаю какое-нибудь дело со словами *aus und vorbei* «все, конец», то это дуративно (и можно было бы прибавить, например, *bis in alle Ewigkeit* «навсегда», «навечно»). Но когда после войны геттингенская электростанция давала ток лишь в ограниченных размерах и каждому, у кого после десяти горел свет, кричали с улицы *Licht aus!* «свет!» (= «гаси свет»), то это, несомненно, было недуративно.

Различие между объективной дуративностью и субъективной курсивностью до настоящего времени в научных исследованиях не проводилось. Это привело к невероятной путанице. Еще больше вреда причинило смешение объективной недуративности с субъективной комплексивностью. Дело в том, что недуративный глагол почти всегда комплексивен, дуративный же, как мы сейчас увидим, может быть употреблен не только в курсивном, но и в комплексивном виде. Путаницу в этом вопросе допускали даже крупные языковеды, и притом именно там, где ее не должно было быть, — в определениях и типовых примерах. Так, Лескин иллюстрирует понятие совершенного вида стихом *Sie wollten erjagen den weißen Hirsch* «Они хотели догнать (= поймать, убить) белого оленя» и говорит: «Глагол *erjagen* содержит в себе представление об окончании погони, о достижении цели». При этом Лескин не замечает, что окончание какого-либо действия и достижение цели этого действия — отнюдь не одно и то же. Если речь идет о том, что «они гнались за оленем в течение трех часов и возвратились домой ни с чем», то, хотя погоня и закончилась, все же цели своей она не достигла. Действие, достигшее своей цели, одновременно с этим заканчивается, но не всякое заканчивающееся действие достигает поставленной перед ним цели. Древние греки располагали для дуративного глагола формой прошедшего времени, позволявшей им подчеркнуть окончание длительного действия; эта форма — комплексивный аорист. При недуративном глаголе мыслится окончание действия, а не его протекание; здесь окончание действия равнозначно достижению поставленной перед ним цели. Недуративный глагол, таким образом, сам по себе комплексивен. А раз так, то и в языкознании и, что особенно

примечательно, в самом процессе развития языков комплексивность и недуративность оказались смешанными. Лескин, разбирая свой пример, должен был бы задуматься над русской поговоркой *за двумя зайцами гнать, ни одного не поймать*, и тогда бы он, вероятно, заметил, что, хотя при несовершенном *гнать* имеется глагол совершенного вида *погнать*, подстановка этого последнего на место *поймать* лишила бы приведенную поговорку всякого смысла. Определение понятия совершенного вида, данное Сарау (действие, «достигающее цели») ³ и одобренное Гартманом ⁴, также не подходит ни к русскому глаголу *погнать*, ни к старославянскому *пръвити*. Определение Штрейтберга — «совершенный вид обозначает действие с точки зрения момента его завершения» (im Hinblick auf den Moment der Vollendung) ⁵, — кажется, подразумевает то же самое, что и определение Сарау, т. е. достигнутую цель; а раз так, то и оно не всегда приложимо к славянским глаголам совершенного вида. К тому же оно еще и двусмысленно, так как слово *Vollendung* («завершение») может значить то же, что и *Beendigung* («окончание»).

Не может не вносить путаницу и следующее высказывание Сарау: «Славянские грамматисты с полным правом рассматривают глагол совершенного вида как дуративный; правильность такого понимания доказывается, между прочим, и тем, что подобный глагол может быть охарактеризован в отношении длительности действий» ⁷. И Сарау приводит, в частности, следующее предложение из Тургенева: *Он медленно достал из-под полы кафтана тавлинку*. В другом его примере (из сербского языка) при глаголе совершенного вида поставлено наречие *malò po malo*. Обстоятельства времени, отвечающие на вопрос «в пределах какого срока?», как справедливо подчеркнул Штрейтберг ⁸, также могут фигурировать при глаголах этого типа, например: *Wir erstiegen den Berg in vier Stunden* «Мы взобрались на гору за четыре часа» или *Ich komme in vier Stunden zu dir* «Я приду к тебе через четыре часа». К недуративному глаголу можно добавлять и обстоятельства времени, отвечающие на вопрос «на какой срок?», например: *Er wurde für das nächste Jahr Schützenkönig* «На ближайший год он стал королем стрелков». Таким образом, при глаголах, которые я в противоположность Сарау и ряду других ученых называл недуративными, могут быть использованы различные обстоятельства времени. Однако они не могут сочетаться

с обстоятельствами времени, отвечающими на вопросы «как долго?», «с каких пор?», «до каких пор?» — иначе говоря, с обстоятельствами, обозначающими продолжительность действия. Именно поэтому я и называю такие глаголы недуративными в противоположность другим, допускающим добавление подобных обозначений и в силу этого названным мной *дуративными*.

Поскольку все происходящие события и факты либо имеют длительность, либо не имеют ее и соответственно все сказуемые либо дуративны, либо недуративны, то вполне естественно, что многие языки располагают для обозначения обоих названных типов действия двумя особыми, отличными друг от друга формами. Было бы интересно выяснить, как эти соотношения выражены в языках мира. Моя скромная статья затрагивает данную проблему лишь применительно к некоторым индоевропейским языкам...

Сначала приведу несколько примеров из немецкого.

Я не могу сказать: *Er holte mir meinen Mantel 10 Minuten lang* или *Er brachte mir meinen Mantel 10 Minuten lang* (букв. «Он доставил мне мой плащ 10 минут» и «Он принес мне мой плащ 10 минут»). Таким образом, глаголы *holen* и *bringen*, вопреки мнению Дельбрюка ⁹, недуративны. Как известно, бесприставочные недуративные глаголы встречаются в германских языках редко. Еще один пример такого рода — глагол *sterben*. В часто цитируемых словах Вейслингена ¹⁰: *Ich sterbe, sterbe und kann nicht ersterben* «Я умираю, умираю и не могу умереть» Гете отходит от привычного словоупотребления; он использует здесь глагол *sterben* как дуративный и в том же смысле мог бы сказать: *Schon seit Stunden sterbe ich und kann nicht ersterben* «Уже много часов я умираю, но не могу умереть». Для обозначения недуративности художник позволил себе форму *ersterben*, составленную по образцу ряда немецких недуративных глаголов посредством добавления приставки к соответствующему дуративному. Ср., например, *einschlafen* «заснуть» (и «засыпать») наряду с бесприставочным и дуративным *schlafen* «спать». Предложение *Ich schlief einen Augenblick lang ein* (букв. «Я заснул одно мгновение») может поначалу

⁹ Один из героев драмы Гете «Гец фон Берлихинген». — *Прим. перев.*

показаться читателю совершенно бессмысленным, поскольку мы привыкли употреблять глагол *einschlafen* как недуративный. Однако то же предложение может приобрести смысл, если вложить в него следующее понимание: «Я заснул и спал одно мгновение» (*Ich schlief ein und schlief einen Augenblick*), т. е. если расширить значение глагола *einschlafen*, самого по себе ингрессивного [9], включив в него представление о последствиях факта засыпания. Подобный сдвиг легко осуществим у ингрессивных глаголов, как и, наоборот, в значение эффективных глаголов легко может быть включено представление о причине. На этом пути недуративный глагол становится дуративным, ибо объективно речь идет уже о другом действии. Так было бы возможно сказать: *Als wir beim Rudern müde wurden, legten wir 10 Minuten an* «Когда мы устали грести, мы причалили на 10 минут» (букв. «причалили 10 минут») вместо: ... *legten wir an und ruhten uns 10 Minuten aus* «... мы причалили и отдыхали 10 минут». У глагола *verreisen* «уехать» (и «уезжать») двойное употребление стало явлением исключительно частым. В предложении *Ich verreise heute nachmittag* «Я уезжаю сегодня после обеда» глагол *verreisen* ингрессивен, т. е. недуративен; напротив, в предложении *Ich verreise drei Wochen* «Я уезжаю на три недели» (букв. «уезжаю 3 недели») он дуративен. Соединять оба употребления вместе нельзя; невозможно сказать *Ich verreise heute nachmittag drei Wochen*; можно было бы сказать только так: *Ich verreise heute nachmittag auf drei Wochen* «Я уезжаю сегодня после обеда на три недели», но здесь глагол *verreisen* был бы снова недуративен¹⁸. Подобное употребление недуративного глагола вместо дуративного наблюдается не только в немецком, но и в других языках. Сюда относится ст.-сл. *ѡаѡ*, которое, кроме недуративного значения «стану» [10], получает и дуративное значение «буду» (что часто истолковывалось неправильно). В литовском языке *gelbėti*, если оно недуративно, означает «спасти», если дуративно — «оказывать помощь» и т. д.

Такие примеры, как ст.-сл. *ѡаѡ* или литовск. *gelbėti*, показывают, каким образом недуративный глагол мог превратиться в дуративный. Естественно, имелись и обратные переходы. В развитии балтославянских и х языков мы наблюдаем, кроме того, сращивание объективного и субъективного видов. Выше мы уже отметили,

что недуративные глаголы могут мыслиться почти исключительно в комплексивном, но отнюдь не в курсивном виде. Вследствие этого различать объективную некурсивность и субъективную комплексивность оказалось затруднительным не только для языковедов, — говорящим это удавалось еще в меньшей степени. Система несовершенного и совершенного вида в балтославянских языках в этом отношении весьма показательна. Наряду с различием при помощи языковых средств двух объективных видов, дуративного и недуративного (которое прослеживается в немецком языке еще и поныне), со времен праиндоевропейского языка различали также два субъективных вида: курсивный и комплексивный. Выражение комплексивности, видимо, и было специфической задачей сигматического аориста. Можно предполагать, что система несовершенного и совершенного вида, существующая в балтославянских языках, восходит в своих основных чертах к различению дуративности и недуративности. Так как всякий недуративный глагол комплексивен, противопоставление дуративность : недуративность воспринималось как противопоставление дуративность : комплексивность, вследствие чего дуративность в свою очередь отождествлялась с курсивностью. Поэтому постепенно рядом с каждым дуративным глаголом, который отныне мог быть только курсивным, создавался комплексивный дуративный коррелят. И, напротив, при всяком недуративном глаголе все чаще и чаще возникал соответствующий ему дуративный (в особенности из числа итеративных образований), так что в конце концов почти каждый глагол получил две соотносительные формы. В балтийских языках этот процесс зашел не так далеко, как в славянских. Объективный характер имеют различия, отраженные немецкой глагольной парой *sich setzen* «сесть», «садиться» (недуративность): *sitzen* «сидеть» (дуративность). Не пошел дальше этого и литовский со своей парой *sėti* (или *sėstis*): *sėdėti* (соответственно те же значения). Правда, здесь есть и *pasėdėti*, но оно представляет собою не комплексивный вид к «сидеть», а дуративный глагол, означающий «сидеть немного, короткое время». Напротив, в русском языке, кроме *сесть*, сов., и *сидеть*, несов., есть также *садиться*, несов., и *посидеть*, сов. Различие между *сидеть* и *посидеть* субъективно: первый глагол курсивен, а второй комплексивен [11]. Различие между *садиться*

и *сесть* объективно: эти глаголы обозначают различные действия. В тех случаях, когда *садиться* употреблено не в смысле многократности, а для передачи отдельного, разового факта, оно может обозначать лишь одно: «собраться (быть готовым) сесть (*dabei sein sich zu setzen*), но не выполнить это намерение, хотеть сесть». Так, например, *Он сел, а не сел*, т. е. «хотел сесть, но не сделал этого» [12]. Те же соотношения наблюдаются в славянских языках и у других аналогичных глаголов, например *лечь — ложиться — лежать* или *стать — становиться — стоять*. В балтийских языках различные глаголы находятся на различных этапах этого развития. Так, глагол со значением «ложиться» употребляется в двух видах. Говорят: *jau laikas gultis* «уже пора ложиться», где *gultis* несовершенного вида и означает «заниматься своим укладыванием спать». Но если хотят выразить, что действие на самом деле было или будет приведено в исполнение, то пользуются глаголом *atsigulti*, например *jie atsigule* «они улеглись спать».

Поучительны формы несовершенного вида, образованные от глаголов моментального действия. От русского глагола *заснуть* образуется форма *засыпать*, которая чаще всего используется итеративно, т. е. в многократном значении; ср. *Я с трудом засыпаю* (в устах больного, страдающего бессонницей). Нептеративно, т. е. применительно к однократному действию, эту форму можно употребить, например, в таком предложении, как: *Я уже засыпал, когда меня испугал сигнал пожарной тревоги*. Немецкое *einschlafen* было бы здесь двусмысленным. Оно могло бы значить «Я вот-вот должен был заснуть» (*Ich war dabei einzuschlafen*), что в точности соответствовало бы русскому *я засыпал*. В этом случае смысл выражения был бы «я еще не успел заснуть» и к нему можно было бы добавить какое-нибудь обстоятельство продолжительности, например: *Ich war seit ein paar Sekunden am Einschlafen* «Я засыпал уже несколько секунд». Если же нужно было бы выразить, что «Я уже утратил сознание, процесс засыпания завершился», то тогда по-русски надлежало бы употребить: *Я заснул*. Следовательно, русское *я засыпал* необходимо понимать совсем по-иному, чем *Ich schlief ein* в вышеприведенном немецком примере: *Ich schlief einen Augenblick ein*. В то время как в немецкой форме содержится указание на сон, следующий за моментом засыпа-

ния, русское дуративное *Я засыпал* указывает на то, что предшествует этому моменту.

Итак, семантическое противопоставление несовершенного и совершенного видов выступает в славянских глагольных парах не всегда с одним и тем же содержанием: в одних случаях оно объективно, в других — только субъективно. Иногда несовершенный вид противопоставляется совершенному виду как дуративность — недуративности, а иногда как курсивность — комплексивности [13]. Но так как мы почти всегда имеем дело с двумя членами одной глагольной пары, удобно пользоваться для каждого из членов одним-единственным термином, несмотря на отмеченные сейчас различия в характере противопоставления обоих глаголов друг другу. Тем самым применительно к балтославянским языкам целесообразно сохранить употребительные обозначения «несовершенный вид», «совершенный вид» во всех случаях, когда нет необходимости специально подчеркивать, что данная форма, скажем, дуративна или недуративна и т. п. ...

...В древнегреческом развитие шло по-другому. Правда, и здесь недуративность объединилась с комплексивностью, но это произошло иначе, чем в славянских языках. Развитие было направлено здесь скорее на создание противопоставления между имперфектом и наклонами презента как курсивными формами и аористом как комплексивной формой. В эту схему оказались вовлеченными и образования, выражавшие первоначально лишь объективные различия, наподобие супплетивных форм глагола «видеть» (*ὄραω*, дурат. : *ἴδαι*, недурат.). В результате форма *εἶδον* приобрела и комплексивное значение, например: *οὐ γάρ πω τοῖουκ ἴδον ἀνδρας* («Илиада», I, 262) «ведь я еще не видел таких мужей». Обстоятельства продолжительности действия встречаем здесь не только при комплексивных (особенно сигматических) аористах дуративных глаголов, но и при аористах таких глаголов, которые сами по себе недуративны. Примеры с дуративными глаголами: *ἐγγύμαρ εἰνίσσε* («Илиада», VI, 174) «он прогостил девять дней»; *ἡλασάμεσθα ἐννόχιοι* (там же, XI, 682) «мы проскакали всю ночь»; *μήνα ἔμεινα* («Одиссея», XIV, 244) «я оставался месяц»; *τὸν δ' ἀρ' ὑπέβρουχα θῆκε πᾶν χρόνον* (там же, V, 319) «[непогода] держала (поддержала) его под водой много времени»; при гномическом аористе — *ὄσσον πανημερίη γλαφορή νηὸς ἤνυσεν* (там же,

IV, 356—357) «сколько в течение целого дня проплывет (букв.: проплыл) корабль». Примеры с глаголами, которые сами по себе недуративны, но становятся дуративными, включая в свое значение представление о последующем действии (ср. сказанное выше о немецком глаголе *anlegen*): *ἄφαρ κέ τοι αὐτίκα δοῦναι βουλοίμην ἢ σοῖζε ἤματα πάντα ἐκ θυμοῦ περὶέει* («Илиада», XXIII, 593) «но я бы тотчас отдал [кобылицу], лишь бы навеки не выпасть из твоего сердца»; *δὲ μὲν ἀφρασίη ἐπέων λάβη* (там же, XVII, 695, ср. и «Одиссея», IV, 704) «надолго ее охватило безгласие»; *ἦ τ' ἄν τροχόμενος περ ἔτι τλαίη ἐνιαυτόν* («Одиссея», II, 219) «я терпел (потерпел) бы еще год, хотя и терзаясь мучениями» (*ἐτλήν*, собственно, означает «принял обрушившееся на меня несчастье и переносил его»); *οὐδ' ἄρ' ἔτι δῆν Τηλέμαχος εἰόντο ἐκὰς τράπεζ'* (там же, XVII, 73) «я Телемак недолго оставался вдалеке от своего гостя». Намечались ли уже в праиндоевропейском языке какие-то предпосылки описанного состояния — это особый вопрос, и входить в его рассмотрение я сейчас не могу.

Сигматический аорист, однако, проделал на греческой почве, несомненно, значительный путь развития. В то время как в славянских языках он остался комплексивным и только распространился на все недуративные глаголы, чтобы придать им комплексивность, в греческом языке он приобрел новое значение. Ведь корневой, асигматический аорист недуративных глаголов, войдя в супплетивные связи с дуративными основами и получив в силу этого значение комплексивной дуративности, полностью сохранил и свое исконное значение объективного вида, т. е. — в зависимости от конкретного глагола — значение ингрессивности, эффективности или мгновенности, например *εἶδον* «я заметил, увидел», *ἀπέσβη* «он погас». Но поскольку асигматический аорист имел, таким образом, двойное значение, а именно недуративности и комплексивной дуративности, то и комплексивный сигматический аорист дуративных глаголов в свою очередь стал выражать, кроме комплексивности, еще и недуративность. Прежде всего здесь появилось ингрессивное значение, как это видно по *ἐβασίλευσα* «я стал царем». Что ингрессивный аорист представляет собой греческое новообразование, это до меня признавалось и другими лингвистами, например Гартманом¹¹. Вакернагель также считает это возможным¹². Сигматический аорист выступает иногда и

с эффективным значением; вероятно, именно так он должен быть истолкован в следующем примере: *ἦδε δὲ οἱ κατὰ θυμόν ἀρίστη φαίνετο βουλὴ πέμψαι ἐπ' Ἀτρείδῃ Ἀγαμέμνονι ὄβλον ὄνειρον* («Илиада», II, 6) «ему в душу запало намерение, сочтенное им наилучшим, послать к Атриду — Агамемнону гибельный сон». Наконец, сигматический аорист употребляется в значении мгновенности, например *κατόπνωσε* (Геродот, VII, 12) «он крепко заснул».

Добавление приставки не вело в древнегреческом к обязательной перфективации глагола. Лескин¹³ ошибочно причислил лат. *transire* «переправляться, переходить» и гр. *διαβαίνω* (с тем же значением) к глаголам совершенного вида. Достаточно обратиться к следующему предложению: *ὅπως τις ἐθέλοι ἐκ τοῦ ἑτέρου φάρμακος ἐς τοῦτον διαβῆναι, χρῆν πλοῖον διαβαίνειν* (Геродот, I, 186) «если бы кто-нибудь захотел переправиться из одной части города в другую, то ему следовало бы переправляться на корабле». Здесь форма *διαβῆναι* «переправиться» недуративна, но *διαβαίνειν* «переправляться» — дуративна и к ней вполне допустимо добавить обстоятельство продолжительности, например, *μῆν ἄρη* «один час», «целый час».

Следует коснуться еще одной специфической особенности древнегреческого, на которую часто не обращали внимания. Дело в том, что повторение действия, даже недуративного, может восприниматься как простое протекание дуративного действия, и в таких случаях употребляются наклонения презентя или формы имперфекта. В дельфийских актах об отпуске на волю рабов встречается устойчивая формула *ὁ παρατυχὼν χόριος ἔστω* «пусть подошедший (всякий, кто подойдет сюда) пользуется правами», которая содержит в себе причастие аориста недуративного глагола. Во множественном числе вместо него, как известно, выступает причастие презентя: *οἱ παρατυχάοντες χόριοι ἔστωσι* «пусть подходящие сюда пользуются правами». Причастие презентя стоит здесь, разумеется, не потому, что употреблено множественное число (как будто у причастия аориста нет своих форм множественного числа), а потому, что необходимо изобразить последовательный ряд недуративных актов, вместе составляющих данное действие. Аналогично употребляется и имперфект, например *βαίον* («Илиада», I, 437) «они шли» в смысле «один герой вышел за другим», «все в свой черед вышли».

Точно так же, как показал Сарау¹⁴, обстоит дело и в славянских языках с имперфектом глаголов совершенного вида.

Я хотел бы сказать еще несколько слов о латинских инхоативных глаголах, ибо определить их видовую принадлежность не так-то легко. Прежде всего нужно подчеркнуть, что они выражают, как известно, постепенность действия. Следовательно, например, *obdormiscere* в отличие от немецкого *einschlafen* обычно означает «постепенно приближаться к моменту засыпания». Иными словами, этому глаголу по большей части присуща терминативная дуративность, и он весьма сходен по своему значению с русским *засыпать* в тех случаях, когда русский глагол употреблен не для передачи многократного действия. В дуративности инхоативных глаголов нас убеждает и то, что многие деноминативные глаголы этого типа не образуют как раз того времени, которое особенно часто бывает недуративным, а именно перфекта. В связи с этим я сперва был весьма удивлен, когда, просматривая по словарю Зибелис — Полле к «Метаморфозам» Овидия отнюдь не редкие в этом произведении инхоативные глаголы, обнаружил, что инхоативные глаголы deverбативного происхождения засвидетельствованы здесь в большом количестве примеров именно в формах основы перфекта и лишь в единичных случаях — в формах презентной основы. Однако это объясняется очень просто. В перфекте дуративная бесприставочная форма *dogmivi* «я спал» постоянно чередуется с недуративным приставочным *obdogmivi* «я заснул». Презент же инхоативных глаголов был образован вторично на базе их перфекта, и вполне естественно, что он встречается реже. Дуративный инхоативный презент от *obdogmivi* столь же редок, как в русском неитеративное употребление глагола *засыпать*. Итак, способы выражения инхоативности имеют в обоих языках много общего, хотя эти способы и не восходят к индоевропейскому праязыку, а возникли в той и в другой ветви самостоятельно. Но между латынью и славянскими языками в этом отношении есть и различие: русская форма несовершенного вида *засыпать*, когда она отнесена к однократному действию, неизменно является дуративной, тогда как латинские инхоативные глаголы иногда могут быть и недуративными, так как латинский язык не проводит точного формального различения обоих объектив-

ных видов. Предложение *temporis exiguum tumor evanescere coepit* («Метаморфозы», XIII, 888) «небольшое покраснение на виске начало исчезать» заключает в себе глагол *evanescere*, употребленный в дуративном смысле («исчезать»). В сочетании с глаголом начала, естественно, выступает дуративный инфинитив; по этой причине и в готском языке существует подмеченное Штрейтбергом¹⁵ правило, согласно которому после *duginnan* «начинать» нельзя «перфективировать» глагол посредством приставки *ga-* [14]; этим же объясняется и то, что после *āruþ* и *āruþai* «я начинаю» ставится инфинитив презент¹⁶, а после ст.-сл. *изати* обязателен глагол несовершенного вида. Сюда же можно отнести и дуративное *evanescere* в сочетании с глаголом начала *coepit*. Но в том же произведении инхоативные глаголы *rubescere* и *evanescere* употреблены по-иному: *mundumque rubescere vidit cornuaque extremae velut evanescere lunae* («Метаморфозы», II, 116—117) «и он увидел, что мир стал красноватым, а края луны как бы поблекли». Здесь, вероятно, имеется в виду не только приближение к цели, но и ее достижение, а раз так, то оба глагола следует считать недуративными. То, что здесь мы имеем инфинитивы презент, объясняется специфической особенностью латинского синтаксиса: они зависят от исторического перфекта *vidit* «увидел» и употреблены для обозначения одновременности; по смыслу, однако, эти инфинитивы не что иное, как инфинитивы исторического перфекта, который весьма часто выражает недуративность.

Свои рассуждения в этой статье я сознательно ограничил лишь тем, что счел наиболее существенным. Пусть будущие исследователи возьмут на себя задачу установить, какие формальные средства применял индоевропейский праязык и отдельные индоевропейские языки на протяжении их развития для того, чтобы выразить как различные объективные, так и субъективные глагольные виды.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ A. Leskien, Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache, Heidelberg, 1909, стр. 217.

² W. Streitberg, Über Delbrücks Auffassung von perfektiven und imperfektiven Zeitwörtern, IF Anz, 11, 1900, стр. 61; ег о же, Zum Perfektiv, IF, 24, 1909, стр. 313.

³ A. Leskien, Указ. соч., стр. 216.

[Из введения к работе „Глагольный вид в латинском языке. Проблемы и выводы“]*

Известно, что термин «aspect» — перевод русского слова «вид» — заимствован из славянской грамматики, в которой это понятие играет исключительно важную роль. В самом деле, для обозначения любого действия славянские языки имеют, как правило, по два различных глагола, один — несовершенного вида, другой — совершенного; пользуясь глаголом несовершенного вида, говорящий представляет себе действие в становлении, как некий процесс; пользуясь глаголом совершенного вида, он охватывает действие в целом, и в его восприятии оно полностью отвлечено от идеи развития. Таким образом, понятию вида, каким оно предстает перед нами в славянской глагольной системе, свойствен чисто субъективный характер; объективные особенности действий этим понятием не учитываются.

В противоположность сказанному о категории вида количество способов действия ** принципиально не ограничено, поскольку всякой глагольной форме присущ, вообще говоря, свой собственный способ действия. Впрочем, эти оттенки могут интересовать грамматиста лишь постольку, поскольку язык создал особые обозначения для противопоставления их друг другу [15]. С семантической точки зрения, несомненно, важно отметить различие способа действия франц. écrit «пишет» в таких предложениях, как il écrit bien «он хорошо пишет» и il écrit une lettre «он пишет письмо». И то, что различие чисто

* K. v a n d e r H e y d e, L'aspect verbal en latin, Problèmes et résultats, REL, 10, 1932, стр. 326—336; 11, 1933, стр. 69—84; 12, 1934, стр. 140—157.

** Во французском подлиннике автор пользуется немецким термином «Aktionsart»: le nombre des Aktionsarts.— Прим. перев.

⁴ Chr. S a g a u w, Syntaktisches, KZ, 38, 1905, см. стр. 149.

⁵ F. H a r t m a n n, Aorist und Imperfekt, KZ, 48, 1917, см. стр. 22.

⁶ W. S t r e i t b e r g, Zum Perfektiv, стр. 312.

⁷ Chr. S a g a u w, Указ. соч., стр. 148.

⁸ W. S t r e i t b e r g, Zum Perfektiv, стр. 313.

⁹ B. D e l b r ü c k, Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, Bd. 2, Straßburg, 1897, стр. 15.

¹⁰ Не совсем правильно объясняет употребление глагола verreisen Я. Вакернагель (см. J. W a s k e r n a g e l, Vorlesungen über Syntax, I, Basel, 1924, стр. 156). На деле глаголу reisen, всегда дуративному, противопоставит в качестве исключительно недуративного глагол abreisen, а не verreisen.

¹¹ F. H a r t m a n n, Указ. соч., KZ, 49, 1918, стр. 32.

¹² J. W a s k e r n a g e l, Указ. соч., стр. 173.

¹³ A. L e s k i e n, Указ. соч., стр. 221.

¹⁴ Chr. S a g a u w, Указ. соч., стр. 155 и сл. [Более новая литература о славянском имперфекте от совершенных глагольных основ указана в 40-м прим. ред. и в примечании 14 на стр. 183.]

¹⁵ W. S t r e i t b e r g, Perfektive und imperfektive Aktionsart im Germanischen, PBB, 15, 1891, см. стр. 108.

¹⁶ D. C. H e s s e l i n g, Zur Syntax von ἄρχομαι und Verw., Byzantinische Zeitschrift, 20, 1911, стр. 147—164.

логического характера между глаголами, выражающими действие ограниченное, и глаголами, выражающими действие неограниченное, может иметь реальную ценность для понимания известных фактов грамматики, было подмечено уже Дицем, исследовавшим описательный пассив романских языков¹ (хотя, кстати сказать, Диц не пользуется термином «способ действия»), а позднее Линдртом². Но для научного описания морфологических средств, с помощью которых выражается вид или способ действия, эти оттенки представляют лишь второстепенный интерес.

К тому же, идет ли речь о категориях, морфологически обозначенных или необозначенных, необходимо сгруппировать их, исходя из парных противопоставлений. Я дал³ — частично сойдясь в этом вопросе с Есперсеном⁴ — обзор наиболее важных типов противопоставлений, с которыми нам чаще всего приходится сталкиваться, а именно: однократное действие — действие повторяющееся; действие определенное — действие неопределенное; действие результативное — действие нерезультативное; действие мгновенное — действие длительное; изменение (действие «мутативное») — состояние и т. д. Если поставить своей задачей, как это делают Нурен и Поллак⁵, включение всех этих оттенков в одну общую систему логического характера, то неизбежно придется пренебречь одними из них и упустить из виду другие. Так, например, Поллак, помещая результативный способ действия в качестве подрубники в мгновенный (который он называет «перфективным»), попал бы в весьма трудное положение, если бы ему нужно было включить в свою систему, скажем, такое противопоставление, какое наблюдается в нем. *hörchen* — *hören* «слушать — слышать» или *strömen* — *aussströmen* «течь — вытекать». К этому можно добавить, что оба вышеупомянутых автора, ставя во главу угла избранной ими системы деление на действие мгновенное и действие длительное, вынуждены отдельно рассматривать случаи действия «мутативного», с которым мы сталкиваемся, например, в нем. *bleichen* и *erbleichen* «бледнеть — (по)бледнеть сразу», и пренебречь противопоставлением, заключенным в лат. *palleo* — *pallesco* «я бледен — я становлюсь бледным».

Способ действия глагола или отдельной глагольной формы не есть нечто абсолютное; с точки зрения психологии его можно устанавливать, отталкиваясь от несколь-

ких принципов, исходя из нескольких «оснований сравнения»; но при изучении языковых средств выражения интересны только такие оттенки значения, носителями которых являются морфологические знаки⁶. Таким образом, — я приведу хорошо известный, но нередко неправильно истолковываемый пример — различие между нем. *jagen* «гнать» в предложении *Sie jagten den Hirsch drei Stunden lang* «Они гнали оленя в течение трех часов» и *erjagen* в предложении *Sie wollten den weissen Hirsch erjagen* «Они хотели догнать (=убить, захватить) белого оленя», вообще говоря, может быть определено как различие между длительным и точечным (то есть недлительным) действием, как это и делает Герман⁷. Однако при таком толковании совершенно не замечают значения результативности, придаваемого глаголу приставкой, что отчетливо видно, например, в следующем предложении: *Sie erjagten den Hirsch in drei Stunden* «Они нагнали оленя за три часа», т. е. «им удалось сделать это, потратив три часа».

Итак, необходимо точно определить характер противопоставления, вскрываемого в каждой морфологической паре. С семантической точки зрения эти пары в высшей степени неравноценны; действительно, в ряде случаев термин «способ действия» крайне недостаточно характеризует тот или иной заключенный в глаголе оттенок. Когда речь идет о таких противопоставлениях, какие наблюдаются в лат. *facio* — *facito* (действие однократное — действие повторяющееся: «делаю» — «обычно, часто делаю») или в *pallesco* — *palleo* (изменение — состояние: «я становлюсь бледным» — «я бледен»), то различие способа действия коренится в природе самого действия; тут все дело, как говорит Вундт⁸, в «свойствах, подлежащих наблюдению в самом действии». Напротив, внешние свойства действий, выражаемых французскими глаголами *marcher* в предложении *Il marche dans la rue* «Он идет по улице» и *aller* в предложении *Il va à la maison* «Он идет домой», ничем друг от друга не отличаются, как не отличаются они и у действий, выраженных глаголом *porter* в предложении *Ce garçon porte de beaux vêtements* «Этот мальчик носит красивое платье» и *apporter* в предложении *Ce garçon m'apporte le journal* «Этот мальчик мне приносит газету». В этих парах каждый второй глагол «детерминирован» по отношению к первому, т. е., выражая идею

действия, он указывает, что данное действие преследует определенную цель. Другого характера (хотя действие здесь, объективно, одно и то же) противопоставление, наличное в таких парах, как *regarder* — *voir* «смотреть — видеть» или *écouter* — *entendre* «слушать — слышать», где вторые глаголы заключают в себе значение «результативности».

Как нетрудно заметить, последние из наших примеров, в которых речь идет не столько о внешних свойствах действия, сколько о степени его эффективности, т. е. о внутренних его свойствах, подводят нас, можно сказать, вплотную к области вида. Действительно, достаточно перенести понятие эффективности из плоскости лексики в плоскость грамматики, и говорящий сможет представлять действие, о котором он сообщает, то как находящееся в процессе развития, то как достигшее цели, т. е. дошедшее до момента, пересекающего его активность. В этой возможности и состоит сущность славянского противопоставления несовершенного и совершенного вида или греческого противопоставления основы презента основе аориста.

Сравнение способов выражения вида в обоих названных языках поразительным образом подтверждает наличие между ними этого психологического родства. Большинство греческих глагольных основ аориста, как известно⁹, выражает «эффективный» способ действия; «ингрессивный» способ действия, очевидно, возник в результате вторичного развития¹⁰; что же касается славянских языков, то тут к глаголу добавлялась приставка, указывавшая на цель данного действия и ставшая средством выражения совершенного вида. Здесь не место входить в подробности этого процесса, чрезвычайно многообразные, особенно в греческом, ибо мы видим свою задачу исключительно в том, чтобы разграничить категорию вида и более сложную категорию способов действия.

Совершенно ясно, что исторически выражение способа действия древнее, чем выражение вида. В самом деле, изобилие форм, способных передавать всевозможные разновидности действия, отвечает, как это замечено Леви-Брюлем¹¹, потребности первобытного мышления в конкретном характере выражения. Стремление говорящего к синтезу — вот причина того, что на способы действия наслоилось субъективное противопоставление видов. Само собой разумеется, что это не уничтожает объективных

различий, выражаемых способами действия. Так, Агреллю¹² удалось изучить на материале польского языка различия в способах действия, существующие между разными приставочными производными совершенного вида, образованными от одного бесприставочного глагола; в греческом языке способ действия аориста *ἔρχομαι* «я возымел» является «ингрессивным» при сравнении со способом действия презента *ἔρχομαι* «я имею»; способ действия аориста *ἔρριψεν* «я добыл» — «результативным» при сравнении с «терминативным» способом действия презента *ἔρριψαμι* «я добываю»; способ действия аориста *ἔβη* «я шагнул» — «точечным» при сравнении с «итеративным» способом действия презента *βίβωμι* «я шагаю»; но с функциональной точки зрения все эти оттенки сливаются в субъективной категории вида, противопоставляя представление о действии в процессе становления представлению о действии, достигшем цели, т. е. дошедшем до момента, пересекающего активность грамматического субъекта.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ Fr. Diez, *Grammatik der romanischen Sprachen*, III. Teil, 4-е изд., Bonn, 1876, стр. 202.

² Hj. Lindroth, *Zur Lehre von den Actionsarten*, PBB, 31, 1906, стр. 239 и сл.; его же, *Om adjektivering av particip*, Lund, 1906. [Ср. также А. Нурен, в настоящем сборнике стр. 335—344.]

³ K. van der Heyde, *Composita en Verbaal Aspect bij Plautus*, Amsterdam, 1926, стр. 2.

⁴ O. Jespersen, *Philosophy of Grammar*, 1924, стр. 287 [русск. перевод: О. Есперсен, *Философия грамматики*, М., 1958, стр. 335].

⁵ A. Noreen, *Vårt språk*, V, Lund, 1904—1912, стр. 607—645; H. Pollak, *Studien zum germanischen Verbum*, I: *Über Actionsarten*, PBB, 44, 1920, стр. 390 и сл. В свою систему способов действия Нурен, однако, не включает противопоставление результативности/нерезультативности, которое он рассматривает как видовое.

⁶ Несколько случаев, когда одно и то же глагольное понятие выражается двумя различными глаголами (лат. *dicere*—*loqui*; франц. *dire*—*parler* «говорить»), можно рассматривать как относящиеся сюда же. Действительно, в этих случаях «знаком» является слово в целом.

⁷ E. Hermann, *Objektive und subjektive Aktionsart* [в настоящем сборнике, стр. 47]. Основная ошибка Германа заключается в том, что среди различных способов действия он видит лишь одноединственное противопоставление: длительное действие — недлительное действие. Несколько ниже [в абзацах, опущенных в настоя-

шем издании, см. IF, 45, стр. 212—213] он к тому же впадает в старое и неоправданное пристрастие к подразделениям: «перфектное» действие (perfektisch) у него — подразделения «дуративного»; «ингрессивное», «эффективное» и «мгновенное» — подразделения «недуративного».

⁸ W. W u n d t, Völkerpsychologie, II: Die Sprache, II. Teil, 2-е изд., Leipzig, 1904, стр. 191.

⁹ R. K ü h n e r, Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache, 3-е изд., II. Teil, bearb. von Gerth, Bd. I, Hannover, 1904, стр. 154.

¹⁰ B. F a d d e g o n, The Categories of Tense or Time, Manner of Action and Aspect, as expressed by the Verb, «Donum natalicium Schrijnen», Nijmegen-Utrecht, 1929, см. стр. 124, 128.

¹¹ L. L é v y - B r u h l, Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures, Paris, 1910, стр. 161.

¹² S. A g r e l l, Aspektänderung... [в настоящем сборнике, стр. 35 и сл.].

Кристина Неттеберг

[Способы действия, представленные в обоих видах
и только в одном]*

Говоря о способах действия (espèces d'action), следует прежде всего выделить те из них, которые сочетаются с обоими видами (мы отмечаем лишь некоторые, чаще всего встречающиеся способы действия): ингрессивный (тип *zakrzewić* «начать выращивать, положить начало», сов.: *zakrzewiać*, несов., наряду с *krzewić* «растить, культивировать»); дистрибутивный (тип *rokgorić* «поразбрызгать», сов.: *rokgoriać*, несов., наряду с *kgorić* «брызгать»); результативный (тип *skrócić* «сократить», сов.: *skrasać*, несов., наряду с другими приставочными образованиями от *-krócić*); дефинитивный (тип *zapeścić* «замучить», сов.: *zapeścić*, несов., наряду с *peścić* «мучить»). Правда, не у всех корней, которым можно придать соответствующий способ действия, имеются приставочные образования для обоих видов, но уже тот факт, что данные способы действия могут быть обнаружены в обоих видах, показывает, что они не связаны лишь с одним из видов и что в них, таким образом, следует видеть скорее лексическую категорию, не зависящую от противопоставления видов. Для этой группы способов действия характерно то, что именно взаимодействие между приставкой и смысловым содержанием корня определяет тот способ действия, который придается данному глаголу.

Другая группа способов действия, напротив, имеет огромное значение для описания видов. Речь идет о тех способах действия, которые сочетаются лишь с одним из видов: совершенный вид — мгновенно-одноактное действие, несовершенный вид — действие итеративное или

* Отрывок из книги: Kristine Netteberg, *Études sur le verbe polonais*, Copenhagen, 1953.

неопределенное (*aindéterminées*) [16]. Для этой группы характерна обязательная связь между видом и способом действия и отсутствие приставки у несовершенного глагола. Изменение данных характеристик влечет за собой более или менее полное изменение характера действия. Например, глаголы несовершенного вида с суффиксом *-pać* [17], как известно, не имеют ничего общего с мгновенностью или одноактностью. Известно также, что итеративный глагол в соединении с приставкой уже перестает быть итеративным, а представляет собой обычный глагол несовершенного вида со способом действия, определяемым приставкой (ср., например, *wypisywać* «выписывать») [18]. Наконец, неопределенные глаголы в тех же условиях утрачивают значение ненаправленности или итеративности и также становятся обычными несовершенными глаголами, способ действия которых является результатом взаимодействия значений приставки и корня и уточняется контекстом.

И в самом деле, многие лингвисты, формулируя дефиницию соответствующего вида, молчаливо исходили из этих способов действия. Например, совершенный вид раньше характеризовали как моментальный или как «точечный», его символом нередко считали точку, а несовершенный вид или определяли как выражающий многократность и представляли как ряд точек или линий, или же противопоставляли его совершенному виду со значением мгновенности, считая его дуративным и изображая в виде линии. Если эти типы действий в противоположность многим другим сочетаются лишь с одним из видов, то отсюда следует, что их характер решительно несовместим с другим видом и что их смысловое содержание соответствует какому-то ярко выраженному элементу смыслового содержания данного вида.

Помимо уже упомянутых способов действия, с совершенным видом связан как будто еще один — претеритивный, обозначающий прерванность действия [19]. Этот способ действия характерен для ряда глаголов (в частности, для глаголов состояния) в сочетании с приставкой *po-*, не имеющих в точности соответствующего им по смыслу несовершенного коррелята. В тех случаях, когда несовершенный коррелят с приставкой *po-* имеется, он не может быть представлен на место претеритивного глагола без существенного изменения смысла высказывания. Интерес-

но по этому поводу отметить, что претеритивные глаголы совершенного вида, образованные от неопределенных глаголов, сохраняют свойственный этим последним оттенок пространственной неопределенности, но утрачивают их итеративный характер. Итеративность, т. е. регулярная и постоянная повторяемость, выступает, следовательно, как элемент смыслового содержания, несоместимый с совершенным видом.

Джуро Грубор

[Из книги „Видовые значения“]*

ВВЕДЕНИЕ

...При изучении вида часто делали ошибку, не уделяя достаточного внимания различным группировкам глаголов, а иногда даже и вовсе не принимая их в расчет, вследствие чего особенности какого-либо глагола или каких-либо глаголов рассматривались как общее свойство глагола вообще.

Например, такие глаголы, как нем. *erjagen* «догнать, догонять» и *besteigen* «взойти, всходить (на вершину)» или серб.-хорв. *doplivati* «доплыть, приплыть», наводили на мысль, будто все глаголы совершенного вида выражают конечный момент действия, его законченность, результативность, точечность, мгновенность.

В науке появилось течение, направленное против подобногo понимания (Сарау, Агрелль и др.), но единство взглядов еще не достигнуто (Карцевский, Белич и др.), не создана подлинная основа для анализа, не определено понятие, которое охватило бы все частные случаи, — одним словом, в точку еще не попали.

Существуют две основные группы глаголов: Р и С.

Р-глаголы — глаголы развития, т. е. действия и становления: сербохорв. *оре* «пашет»; *расте* «растет». Сначала борозда лишь начинается, затем становится все более длинной, за первой ложится вторая, работа продвигается вперед — идет пахота; растение всходит, становится все больше и больше — растет. В первом случае перед нами действие, во втором — становление, но и в том и в другом случае мы имеем дело с развитием.

* Ђуро Грубор, Аспектна значења, Rad, Knjiga 293, 1953, стр. 1—234; knjiga 295, 1953, стр. 81—284.

С-глаголы — глаголы состояния: сербохорв. *jest* «ест, существует», *лежи* «лежит»; ничто не меняется, не развивается, все пребывает в покое.

Группа Р чрезвычайно обширна, к ней относятся почти все глаголы, другая же группа очень мала. Само содержание категории вида говорит о том, что он более необходим для первой группы глаголов, да и его возникновение, вероятно, связано с этой группой; лишь затем он нашел применение и в С-глаголах.

В речи ощущалась большая потребность различать, строит кто-либо дом или построил его, чем то, спал ли кто-либо эту ночь или проспал ее. Вид в глаголах состояния часто представляет собой как бы излишнюю роскошь.

Несовершенный вид Р-глаголов показывает развитие, процесс совершения действия или становления в любом времени и на любой стадии; он допускает любое время: настоящее, прошедшее или будущее. Несовершенный вид как раз и выражает действие или становление в то время, к которому они относятся, во время действия или становления, в данной точке их протекания; он обозначает любую стадию развития: начало, середину, конец. Ср. *оре* «пашет», *орао је* «пахал», *ораће* «будет пахать»; *расте* «растет», *расла је* «росла», *рашиће* «будет расти»; *оре прву, средњу, последњу борозду* «пашет первую, среднюю, последнюю борозду», *почетни дио прве борозде* «начальную часть первой борозды», *последњи дио последње борозде* «последнюю часть последней борозды».

Несовершенный вид может охватывать и все время действия (становления), все его стадии: *Лани смо цијеле године, све што смо имали орати, орали нас два заједно* «В прошлом году все то, что мы должны были (вс)пахать, мы весь год пахали вдвоем». Но и здесь сам глагол обозначает лишь процесс совершения действия, показывая его в какой-то точке развития.

Несовершенный вид глаголов развития не выражает времени (т. е. его продолжительности, его течения), он говорит лишь о развитии действия или становления, а время может быть обозначено другими словами: *два сата* «два часа», *дуго* «долго». На отношение течения действия ко времени могут указывать слова вроде *брзо* «быстро», *споро* «медленно», но сам глагол не выражает и этого отношения. Тем не менее нельзя без ущерба для науки упускать из виду, что глагол (обозначенное им действие)

доводит до завершения то, что выражено в других словах. Это его особенность. Одно дело *оре*, когда мы говорим *оре брзо* «пахет быстро», а другое — когда мы говорим *оре споро* «пахет медленно». Это особенность эвентуальная, возможная, — особенность, которая не может быть исключена, но не является обязательной.

Несовершенный вид глаголов состояния, С-глаголов, указывает, в каком состоянии кто-либо (что-либо) находится в какой-либо момент времени, т. е. представляет лицо (предмет и т. д.) в соответствующее время: *jest* «ест», *био је* «был», *биће* «будет»; *лежи* «лежит», *лежао је* «лежал», *лежаће* «будет лежать». Но если нет развития, то нет и не может быть и стадий развития.

Эти глаголы, так же как и Р-глаголы, непосредственно не выражают времени, хотя у них и нет никакого другого развития, кроме развития времени.

И здесь обстоятельства продолжительности времени, вроде *два сата*, *дуго*, могут сопровождать глагол. Но если нет иного развития, кроме временного, то не может быть обозначено и отношение развития действия ко времени, т. е. не может быть пометы *брзо* или *споро*.

Из сказанного ясно, что термин «трајни» (длительные) не подходит ни к несовершенным глаголам развития, ни к несовершенным глаголам состояния, так как этот термин указывает на время, а ни те, ни другие не выражают времени.

Действие, становление и состояние, передаваемые несовершенными глаголами, конечно, длятся, но сами глаголы обозначают не эту длительность, а то, что действие и становление совершаются, что кто-то (что-то) находится в данном состоянии; они непосредственно не говорят о длительности, о времени, но указание на эту длительность и на это время может быть им придано.

Совершенные глаголы развития выражают полную завершенность действия или становления от начала до конца, завершенность всего действия или завершенность определенного количества этого действия: *узоро сам* «я вспахал» (все, что я предполагал вспахать этой весной или осенью, или первую борозду, первые три борозды и т. д.); *нарасли курузи* «выросла кукуруза» (мне до колен, по пояс или выше моего роста).

Здесь идет речь лишь о завершенности развития, а не о каком-либо времени. В момент завершения время про-

цесса совершения уже прошло, завершен и последний момент действия. Впрочем, временная помета и здесь может быть придана, но не так непосредственно, как у несовершенных глаголов, например, *узоро за три дана* «вспахал за три дня» (а не прямо: *три дана* «три дня»), *брзо* «быстро», *споро* «медленно» (но ни в коем случае не *дуго* «долго»); *узороћу до неђеље* «вспаху до воскресенья».

Из числа совершенных глаголов, соответствующих несовершенным глаголам состояния, одни принадлежат уже не к глаголам состояния, а к глаголам развития, например *лећи* «лечь», *сјести* «есть», и к ним относится все то, что было сказано выше о глаголах развития, другие же и сами являются глаголами состояния, например *остати* «остаться», *забавити се* «задержаться», *задржати се* «задержаться, остановиться, остаться».

И у этих глаголов форма настоящего времени не может выражать подлинного настоящего, хотя они и допускают такие обстоятельства времени, как *два сата*, *дуго*.

РАЗБИВКА ГЛАГОЛОВ НА ГРУППЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ВИДА

1. Глаголы развития (эволютивные) и состояния (стативные).

Во всех работах о глагольном виде в большей или меньшей степени обнаруживается тот недостаток, что между этими двумя группами не проводится четкого различия.

Глаголы состояния обычно или совсем игнорировались, или отождествлялись с точки зрения вида с глаголами развития, хотя в других отношениях их своеобразие признавалось. На самом же деле, если говорить о виде, обе группы разделены глубокой, можно сказать, почти непроходимой пропастью.

Эволютивные глаголы несовершенного вида выражают действие или становление в развитии; эволютивные совершенные глаголы — определенное количество действия или становления в его завершенности. Стативные же глаголы не обозначают ни действия, ни становления, ни развития, ни завершенности; но все же и состояние может быть выражено в обоих видах.

Несовершенные глаголы состояния указывают, что некто (нечто) находится в том или ином состоянии,

а совершенные — сколько времени провел субъект в этом состоянии.

Если совершенные глаголы развития связаны с объектом, возникающим или изменяющимся в результате действия, или с пройденным расстоянием, а о времени как таковом здесь нет и речи, то глаголы состояния как бы от досады на недостаток чего-то более существенного говорят лишь о времени: *начинио кућу* «построил дом», но *остао цијелу ноћ* «остался на всю ночь» [20]. В первом случае внимание сосредоточено преимущественно на объекте, во втором же — лишь на времени; для одних глаголов время является второстепенным обстоятельством, для других же — основным и единственным: *саградио по куће* «построил полдома», но *остао два сата* «остался на два часа».

Обстоятельство *дуго* «долго» не сочетается с совершенными глаголами развития, так как они выражают все завершённое действие, а все действие не является завершённым, пока не осуществлена самая последняя его часть; поэтому долгим может быть не завершённое действие, а ожидание, предшествующее этой завершённости. Впрочем, обстоятельство *дуго* не может быть исключено а *limine* и для этих глаголов: употребляясь в сочетании с отрицанием, оно относится к периоду времени, в течение которого совершено все действие, от начала до конца; употребляясь же без отрицания — ко времени после завершения действия; ср. *дуго је извршена*, т. е. «давно завершено (дело)», много времени прошло с тех пор, как оно было завершено.

Напротив, при совершенных глаголах состояния обстоятельство *дуго* оказывается вполне уместным: *остао је там дуго* «он остался там надолго», так как в этом случае развивается только время, а *дуго* как раз и есть обозначение времени. Для совершенных глаголов состояния время — это то же, что для глаголов развития — расстояние: *прешао километар, 10 км, много* «прошел километр, 10 км, много»; *остао минуто, сат, много, дуго* «остался на минуту, на час, надолго».

2. Классификация глаголов развития, т. е. действия и становления (*оре* «пашет», *расте* «растет»).

Классификация проводится по трем признакам:

Во-первых, по способу образования видовых пар, т. е.

в зависимости от того, используется ли перфективация (присоединение приставки к глаголу несовершенного вида) или имперфективация (суффиксальное расширение основы совершенного глагола) и является ли исходный глагол простым (бесприставочным) или сложным (приставочным).

Во-вторых, по количественной характеристике завершённости действия или становления глаголов совершенного вида. Здесь выделяются 11 групп*.

I. Пантивные глаголы: все действие (становление) от начала до конца или определенная его часть в полном ее объеме совершается постепенно, часть за частью: *гради кућу* — *саградио кућу* «строит — построил дом» (весь); *саградио трећину куће* «построил третью часть дома» (всю третью часть); *плете чарану* — *дплете чарану, пб чаране* «вяжет чулок — связала чулок, половинку чулка» и т. д.; *иде* — *дође* «идет, едет — пришел, приехал» (например, из Сплита в Загреб, или в любую точку по пути из Сплита в Загреб).

II. а) Тотивные глаголы: действие совершается целостно, оно может быть завершено только все полностью (но не часть его): *пече јање* — *испече га* «жарит — изжарил барашка»; *кује* — *скова сјекиру* «кует — выковал топор» (нельзя сказать *пб сјекире* «полтопора», как мы говорим *оплете пб чаране*); *иде* — *изађе из тунела* «идет — вышел из тоннеля». Развитие действия и здесь происходит постепенно (можно сказать *испече га на по* «изжарил его наполовину»), но важно, что действием жарки охватывается сразу весь барашек, действиемковки — сразу вся масса железа, при выходе из тоннеля решающим является только последний момент, пересечение границы между «внутри» и «вне». Несмотря на то, что различие между пантивными и тотивными глаголами базируется не на значении вида, а на способе действия**, мы не можем пренебрегать этим различием, если хотим прийти к точному определению вида.

б) Тотивные сепаратные глаголы: совершенный глагол обозначает завершённость какой-либо

* К примерам, которыми автор иллюстрирует свои группы в тексте данного параграфа, мы добавили некоторые его примеры и пояснения, взятые из последующих частей работы, здесь опущенных. — Прим. перев.

** В подлиннике автор пользуется транскрипцией немецкого термина «Aktionsart»: «на акционсарту». — Прим. перев.

самостоятельной части действия несовершенного глагола: *гуче* «воркует» — *гукну* «проворковал, издал один воркующий звук».

III. **И н х о а т и в н ы е** глаголы: завершено начало действия: *пјева* — *зѧпјева* «поет — запел», *иде* — *пође* «идет — пошел».

IV. **Ф и н и т и в н ы е** глаголы: выражается завершенность последней части действия: *гради* — *догради кућу* «строит — достроил дом».

V. **Д е м и н у т и в н ы е** глаголы: завершено действие, более короткое, чем обычно: *звизди* — *пѧзвйжда* «свистит — посвистел»; *плаче* — *пѧплака* «плачет — поплакал».

VI. **А у г м е н т а т и в н ы е** глаголы: завершено действие, превысившее нормальные границы, преувеличенное: *пече јање* — *прѧпече га* «жарит — пережарил барашка».

VII. **М а й о р а т и в н ы е** глаголы: некто осуществил большее количество действия (или лучше совершил его), чем кто-то другой: *пјева* — *натпјева је* «поет — превзошел ее своим пением» (например, Милош — вилу).

VIII. **И н т е н с и в н ы е** глаголы: действие достигло высшей точки желаемого субъектом развития: *пјева* — *рѧспјева се* «поет — распелся».

IX. **С а т и в н ы е** глаголы: действие совершено в объеме, вполне достаточном для субъекта: *копају* — *накопали се* «копают — накопились (вдоволь)».

X. **С у б с т и т у т и в н ы е** глаголы: совершение действия до любой стадии в будущем: *пише* — *ако успишеш* «пишет — если напишешь, напишешь» [21].

XI. **С л е п ы е** глаголы (*verba саеса*): завершенность действия зависит от скрытых объектов или от таких, которых, может быть, и вообще нет, а субъект этого не знает: *лови* — *улови зеца* «ловит — поймал зайца»; *моли* — *измоли од маме грозд* «просит — выпросил у мамы винограду». Если бы здесь действие регулярно достигало успеха, эти глаголы попадали бы в группу тотивных (все действие завершено и наступает изменение отношений) или пантивных (*проси* — *напроси торбу брашна, пѧ торбе* «просит — выпросил мешок муки, полмешка»). Но заяц убежал или его вообще не было, винограда у матери нет или мы его не заслужили и т. д. Действие может быть полностью закончено, а успеха нет, так как успех зависит от факторов, лежащих вне действия. Здесь глагол совершен-

ного вида часто не является прямым видовым дублетом соответствующего несовершенного: он выражает не завершение действия, а только его следствие.

В-третьих, классификация глаголов развития производится по характеру действия, причем выделяются три группы:

а) в результате действия что-то возникает: *гради* — *сагради кућу* «строит — построил дом»;

б) в результате действия что-то изменяется: *оре* — *узора њиву* «пашет — вспахал поле»;

в) в результате действия кто-то (что-то) перемещается в пространстве: *иде* — *дође* «идет — пришел».

Назовем эти группы следующими терминами:

а) **к р е а т и в н ы е**,

б) **т р а н с ф о р м а т и в н ы е**,

в) **м о т и в н ы е**.

Все три рассмотренные классификации между собой перекрещиваются.

3. Глаголы, которые являются и несовершенными и совершенными [22]...

4. Классификация стативных глаголов, т. е. глаголов состояния, пребывания в покое.

Эти глаголы выражают состояние, в котором кто-либо (что-либо) находится; в процессе пребывания в таком состоянии ничто не возникает, не изменяется, не перемещается, только время течет мимо этого состояния, указывая его продолжительность. Ясно, что здесь речь может идти лишь о завершенности времени (о временской извршености). Классифицируя стативные глаголы, мы выделяем следующие группы:

I. **П а н т и в н ы е**: *остаје* — *оста* «остаётся — остался»; *живи* — *проживје* «живет — прожил»; *лежи* — *прележа* «лежит — пролежал»; *стоји* — *престаја* «стоит — простоял»; *спава* — *преспава* «спит — проспал»; *мучи* — *премуча* «молчит — промолчал»; *мирује* — *премирова* «пребывает в покое — пробыл в покое».

II. **Т о т и в н ы е**: *зимује* — *зимова, презими* «зимует — перезимовал»; *данује* — *данова, предани* «днюет, проводит день (где-либо) — провел день»; *ноћива* — *ноћи, преноћи* «ночует — переночевал».

III. **И н х о а т и в н ы х** нет (см. ниже, п. 5).

IV. **Ф и н и т и в н ы е**: *лежи* — *облежа* «лежит — отлежал, пролежал (до конца)»; *спава* — *доспава* «спит —

доспал». Здесь подчеркивается, что завершен и последний отрезок определенного промежутка времени.

V. Деминутивные: *jest* — *да побуде* «есть — побыть»; *живи* — *да поживи* «живет — пожить»; *лежи* — *полежа* «лежат — полежал»; *спава* — *поспава* «спит — поспал».

VI. Аугментативные: *лежи* — *прележа* «лежит — перележал, лежал дольше, чем нужно»; *стоји* — *престаја* «стоит — перестоял».

VII. Майоративные: *живи* — *надживје* «живет — пережил (кого-либо)»; *сједи* — *надсједи* «сидит — пересидел (кого-либо)».

VIII. Интенсивные и IX. Сативные отсутствуют (см. ниже, п. 5).

X. Субститутивные: *може* — *узможе* «может — получит возможность, сможет»; *жели* — *узжели* «хочет — захочет».

XI. Verba saesa отсутствуют.

Б. Видовые пары типа С—Р.

Существуют видовые пары, несовершенный член которых является стативным, а совершенный — эволютивным. Сюда относятся:

III. Перцессивные глаголы [23], соответствующие инфинитивным: *лежи* — *леже* «лежит — лег»; *стоји* — *стаде* «стоит — стал»; *сједи* — *сједе* «сидит — сел»; *кличи* — *клекну* «стоит на коленях — стал на колени»; *спава* — *заспа* «спит — заснул», *бди* — *пробуди се* «бодрствует — проснулся»; *мучи* — *умукну* «молчит — замолчал»; *бијели се* — *побијелье* «белется — побелел»; *жели* — *пожеље* «хочет — захотел».

VIII. Интенсивные: *лежи* — *разлежа се* «лежит — разлежался»; *сједи* — *усједи се* «сидит — засиделся»; *спава* — *распава се* «спит — разопался».

IX. Сативные: *лежи* — *належа се* «лежит — належался»; *сједи* — *насједи се* «сидит — насиделся»; *мучи* — *намуча се* «молчит — намолчался».

Иван Польшауф

МЕСТО ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ВОПРОСОВ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА*

Различие между лексической и грамматической абстракциями можно сформулировать следующим образом: в лексической абстракции более высокая ступень включает в себя низшую, например: *Žolík* «Жолик» (кликча собаки), *jezevčík* «такса», *pes* «собака», *masožavec* «хищник», *čtvornožec* «четвероногое», *ssavec* «млекопитающее», *živočich* «животное», *organismus* «организм», *přírodnína* «явление природы», *organisovaná hmota* «организованная материя», *jednotlivina* «отдельное», *něco* «нечто»; а в грамматической абстракции более высокие ступени лишь базируются на низших. Так, корни предметности, составляющей фундамент имени существительного, уходят в «нечто конкретное»; глагол строит свое основание — деятельность — на «действии». При этом существительное может выражать также и действие, а глагол — отношение. Подлежащее базируется на существительном, однако подлежащим может быть и глагол. Сказуемое основывается на глаголе, но ядром сказуемого может быть и существительное. Предикация как акт образования предложения строится на подлежащем и сказуемом, однако в таком предложении, как *Prší* «Идет дождь» (безл.), она выступает совершенно самостоятельно. Таким образом, различные ступени грамматической абстракции связаны друг с другом иначе, чем ступени абстракции лексической, хотя в обоих случаях возникает иерархия низших и высших ступеней, а следовательно, и грамматических категорий низшего и высшего порядка. Обе абстракции так или иначе

* Ivan Poldauf, Podíl mluvnické a nauky o slovníku na problematice slovesného vidu, Studie a práce lingvistické, 1, K 60. narozeninám ak. B. Havránka, Praha, 1954, стр. 200—223. Публикуется с сокращениями.

проявляются — в этом и заключается реальность их существования. В эпоху, когда еще не было наименования «действия» (вообще), абстракция действия уже существовала, ибо она ярко проявлялась как основание для грамматической категории самого низкого порядка [24]. Это значит, что основание данной грамматической категории не имело тогда соответствующей формы в низшей, лексической области. Однако встречаются и такие абстракции, которые не имеют лексической формы и в то же время не образуют основания для низших грамматических категорий. Для них остается в силе лишь то, что они так или иначе проявляются, и притом в грамматических категориях более высокого порядка.

Так, различие между чечевицей (линзой) в оптике и чечевицей — бобовым растением (в чешском то и другое — *čočka*) мы можем с известной натяжкой передать, пользуясь для линзы философским термином «отдельное» (*jednotlivina*), а для чечевицы-растения, за недостатком лучшего термина, словом «целое» (*celkovina*). В первом случае мы имеем нечто считаемое, во втором же — нечто, что мы можем измерять, но не можем считать. Очевидно, что это различие не имеет соответствующего обозначения в словаре, по крайней мере в общенародном ядре словаря. Ясно также, что ни один из этих различающихся в чешском языке элементов не является основанием для той или иной грамматической категории низшего порядка. Предметность, которая образует основу категории существительного, охватывает и то и другое. Однако в чешском языке, а в еще большей степени в других европейских языках, это различие проявляется в грамматических категориях разных ступеней. Например, в английском языке — в категории определенности. Здесь неопределенность существительного при обозначении отдельного выражается словом *a(n)*, при обозначении же целого — отсутствием какого-либо «члена» (*a man* «человек», но *water* «вода», а если речь идет о неопределенном количестве, числе или мере, то *some water*). При детерминации выступают и другие средства (*many people* — *much water*), а в синтаксисе дополнение, простейшим образом присоединенное к глаголу, получает, например в русском языке, различные формы (*свел рыбу* — *пойл рыбы*). Примечательно проявляется это различие и в возможности образования множественного числа, в способности сочетаться с

определением *četný* «многочисленный» и т. п. (*čočka/čočku* «линза/линзы», но *čočka/—* «чечевица/—»; *četná rodina/—* «многочисленная семья/—», но *četné rodiny/četné došky* «многочисленные семьи /многочисленные линзы»).

Поставим перед собой вопрос: являются ли такие абстракции — а то, что они существуют в человеческом мышлении, не подлежит никакому сомнению — лексическими или грамматическими? Очевидно, мы находимся здесь на границе между обоими видами абстракции — и а п о р о г е, отделяющем одно качество абстракции от другого. Вопрос заключается в том, имеем ли мы здесь дело с включением низших ступеней (как при лексической абстракции) или же высшие ступени лишь базируются на низших (как при абстракции грамматической). «Конкретное» (предметное) включает в себя вещи, лиц, животных, вещества, определенные площади, пространства и т. д. Существительное базируется на этой лексической абстракции и тем самым является абстракцией грамматической. «Отдельное» включает в себя определенные площади, пространства, вещи, лиц, животных и т. д., определенные отрезки времени, ограниченные во времени действия и т. п. Следовательно, это абстракция лексическая. А грамматические правила о выборе «члена», способе детерминации, форме простейшего дополнения и т. д. являются выражением чего-то, что лишь базируется на этой абстракции. Называть ли грамматическую абстракцию, не связанную с определенной формой, грамматической категорией или нет — зависит от договоренности. Решающим является то, что такая абстракция качественно отличается от абстракции лексической, которая в нашем примере выражена философским термином «отдельное», но и без такого обозначения давно уже лежала в основе своеобразного грамматического явления. Было бы грубым механицизмом отрицать реальность абстрагирующего процесса там, где его результат не закреплен в слове или в формальной грамматической категории. Разумеется, любая абстракция получает социальное существование лишь в связи с языком, и простейшим выражением абстракции является, с одной стороны, слово, а с другой — формальная грамматическая категория. Однако и грамматическое правило, как мы уже видели на ряде примеров, может отражать определенную абстракцию и находить себе выражение через формальную грамматическую категорию и вместе

с ней. Оно может даже развиваться в формальную грамматическую категорию. Так, скажем, вполне можно себе представить, что язык выработает особый тип склонения для названий отдельного (с вин. п. *gybu* «рыбу») и особый тип для названий целого (с вин. п. *gybu* «рыбы»). Впрочем, это один из самых обычных способов образования новых грамматических категорий.

Абстракции, не имеющие формального выражения, обычного для данной области (т. е. выражения при помощи слова в области лексики или при помощи формальной грамматической категории в области грамматики), я называю, заимствуя термин из старой психологии, лиминальными, потому что они являются факторами, действующими на той границе, через которую осуществляется скачок из области лексических абстракций в качественно новую область абстракций грамматических¹. Лиминальной абстракцией, по моему мнению, является и то, что я раньше в виде эксперимента называл «линейностью»² и что Ф. Коппенхеймер описательно передает как «процессность вообще как известное «направительное» измерение» глагольного действия³. Как «отдельность» предмета проявляется у существительного в возможности образования множественного числа (*čočka/čočku*), приблизительно так же и линейный характер действия проявляется в возможности образования совершенной формы: (*delat/udelat* «делать/сделать», *psát/pisat* «писать/написать» в отличие от *pracovat* «работать» —, *umět* «уметь» —, *vzpáset se* «реять» —) [25].

Если ограничить значение термина «вид», по крайней мере в этой работе, различием совершенности и несовершенности, т. е. комплексного и курсивного понимания действия, то мы обнаружим, что с точки зрения указанных выше критериев вид является грамматической категорией. Эта категория имеет и свою собственную форму. Тот факт, что данная форма не всегда оказывается стабильной, не меняет сути дела. Ведь аналогичные случаи встречаются и в других языках, причем даже в такой бесспорной грамматической категории, как, скажем, категория времени. Достаточно упомянуть греческий и латинский языки. Тем меньшим препятствием является параллельность парадигм совершенного и несовершенного видов. Ведь параллельность парадигм актива и пассива в греческом или латинском языке несколько не мешает при-

знанию в этих языках грамматической категории глагольного залога. Не меняет существа дела и то обстоятельство, что различие совершенной и несовершенной форм проводится в одних случаях посредством приставки, а в других — при помощи суффикса (реже обоими способами одновременно). К ошибочному выводу здесь может привести то, что приставка вносит изменение в основную, начальную часть слова — носителя его значения. Иногда кажется, что на грамматическую традицию оказали влияние вопросы, связанные с лексикографической практикой. Эти вопросы, безусловно, немало способствовали колебаниям, когда речь шла о признании вида грамматической категорией.

Из возражений, которые приводятся против признания вида грамматической категорией, более серьезными являются возражения генетического и в связи с этим парадигматического характера. А именно, в качестве показателей вида используются суффиксы, функция которых, безусловно, заключалась первоначально в формировании лексических значений и которые до сих пор, особенно в соединении с основой прилагательного, полностью сохраняют эту свою функцию (ср. *bohat-pouh*, *-ět* «богатеть», *o- -it* «обогатить»). Что касается приставок как показателей совершенности, то они также до сих пор играют значительную роль в формировании словаря, изменяя самыми разнообразными способами значение основы. Значит, было бы необходимо доказать, что совершенность (и несовершенство) обозначается не самими суффиксами и приставками (а также отсутствием приставки), а чем-то иным, что сопровождает эти суффиксы и приставки, и что, может быть, как-то выпало из поля зрения, и что, напротив, не сопутствует суффиксам и приставкам, когда они выступают в лексической функции. Сомнения парадигматического характера касаются дефективности (неполноты) видовых пар. Парадигмы совершенных и несовершенных форм представлены неодинаковым образом даже у глаголов с одинаковым значением. Часто имеется лишь одна парадигма. Отсутствует совершенная парадигма или — реже — несовершенная. У вполне развитых грамматических категорий такая дефективность может быть устранена, скажем, супплетивными образованиями. И хотя последние существуют и у вида, они все же ни в малейшей степени не уравнивают бросающейся

в глаза дефективности. Так, мы можем сказать о ком-либо, что он нас parálil «надул» или doběhl «провел»; а также paraloval «надувал», но нельзя сказать, что он нас *dobíhal «проводил». Мы скажем dohlížel «присматривал за кем-либо» или dohlédl «присмотрел», но лишь dozíral «наблюдал за кем-либо». Кроме того, известно, что, хотя глаголы иностранного происхождения и выполняют в контексте в зависимости от потребности функцию глаголов совершенного или несовершенного вида, они, как правило, не проводят это различие в своей форме [26]. Это опять-таки означало бы необходимость доказать, что дефективность здесь не так важна, как кажется, потому что она ограничена вполне определенной частью словарного состава и нередко возникает из-за формальных причин (например, в тех случаях, когда отсутствующая форма совпала бы с какой-то другой).

Как уже было отмечено, лиминальная абстракция линейности проявляется, поскольку это пока оказалось возможным установить, в грамматической категории, имеющей собственную форму, причем проявляется негативно: в невозможности образования обоих членов пары совершенный — несовершенный вид. Так же негативно проявляется грамматическая категория времени при ее соприкосновении с грамматической категорией вида. Здесь речь идет о невозможности сочетать презенс в значении актуального настоящего с совершенностью.

Говоря о линейности, мы различаем два типа протекания действия (не по отношению к временной оси): с одной стороны, протекание действия, характеризующегося известным ограничением (исходным пунктом и целью либо направлением) или распределением, а с другой стороны — протекание действия без такого ограничения или распределения.

Действие характеризуется ограничением указанного типа прежде всего в том случае, если оно переходит от подлежащего — производителя действия на дополнение — объект. Мы можем здесь говорить о целенаправленном действии (I—). Так обстоит дело у глаголов, употребляемых с дополнением, причем неважно, выражено ли это дополнение винительным падежом или нет (dělát/udělát něco «делать, сделать что-либо», pomáhal/pomocí někomu

«помогать/помочь кому-либо», házet/hodit něčím «бросать/бросить чем-либо»); является ли дополнение возвратным или нет (mýt/umýt «мыть/умыть», mýt se/umýt se «мыться/умыться», jevit se/projevit se «являться/проявиться»); неважно даже, существует ли объект до действия или возникает лишь в результате действия (kopat/vykopat «копать/выкопать» клад, яму). Дополнением может быть также объективированное время (bdít celou noc/probdít celou noc «быть/пробыть без сна всю ночь»); наконец, объект может стоять на заднем плане как нечто само собой разумеющееся (píse o tom/papíse o tom «пишет/напишет об этом»). С другой стороны, не все глаголы, употребляемые с дополнениями, называют действие, ограниченное определенной целью. Достаточно указать на значение глаголов mít «иметь», znát «знать», umět «уметь», dovést «уметь, суметь, быть в состоянии что-либо сделать», bát se «бояться», vážit si «уважать, ценить». Эти глаголы имеют при себе дополнение, но выражают не действие, переходящее от подлежащего на дополнение, а отношение, т. е. нечто далекое от пространственного восприятия, которое всегда лежит в основе понятия переходности. Ясно, что семантические различия между синонимами могут отражаться и на понятии линейности, причем иногда различие может состоять только в том, что один синоним линейен, а другой — нет: vyhubat/vyhnout se někomu «избегать/избежать кого-либо» — действие, направленное к цели, stranit se někoho «сторониться кого-либо» — действие, не направленное к цели. Подобным же образом, например, при другой лиминальной абстракции отдельный характер предмета то утверждается, то отрицается. Так, ед. ч. kedluben/мн. ч. kedlubny «кольраби», но brukey «брюква, кольраби» не имеет мн. ч. (ср. англ. husk/husks, но chaff/—, оба со значением «мякина»).

Ограничение протекания действия также может быть обусловлено его исходным пунктом и направлением. Такое действие назовем направленным (→). Исходным пунктом является субъект. Направление дается значением глагола (sedat si/sednout si «сидеться/сесть» — вниз, vzlétat/vzletět или vzlétnout «взлетать/взлететь» — вверх, sáknout/vsáknout «впитываться/впитаться» — внутрь, kypět/vzkypět «кипеть/вскипеть» — вверх, tal/rozlát «таять/растаять» — во все стороны). По большей части речь идет о значении, данном контекстом, языковым или внеязыко-

вым (jít domů/přijít domů «идти/прийти домой», jít domů/odejít domů «идти/уйти домой», běžel ze sklepa/vyběhl ze sklepa «бежал/выбежал из подвала»). Как мы видим, речь идет о глаголах движения в самом широком смысле, движения активного и пассивного.

Явлением, родственным ограничению протекания действия, представляется то или иное его распределение как прогрессирующий результат течения этого действия. Подобно тому как возможно сосредоточение в единое целое действия целенаправленного ($\rightarrow \leftarrow$) и направленного, закрепленного в одной точке ($\downarrow \leftarrow \rightarrow$), сосредоточение возможно и в том случае, когда имеет место, скажем, концентрическое распространение (те, кто разбежался, могут собраться вместе; то, что рассыпалось, можно собрать и т. п.). Действие, имеющее исходный пункт, от которого оно распространяется, расширяется, расходится во все стороны, может быть вновь сконцентрировано. Здесь идет речь прежде всего о тех действиях, которые представляют собой движение в известных границах (chvět/zachvět «сотрясать/затрясти», houpat/zahoupat «качать/закачать», kumáct/zakumáct «шатать/зашатать», klopýtat/klopýtnout «спотыкаться/спотыкнуться»); изменение, распространяющееся во все стороны (bobtnat/nabobtnat «набухать/набухнуть», řídnout/zřídnout «редеть/поредеть»); воздействие окружающей действительности на органы чувств (vidět/uvidět «видеть/увидеть», cítit/ucítit «чувствовать/почувствовать») или действие, преднамеренно или непреднамеренно затрагивающее органы чувств (volat/zavolat «звать/позвать», volat/zvolat «кликать/кликнуть», zářit/zazářit «сиять/засиять», vonět/zavonět «пахнуть/запахнуть», bolet/zaboleť «болеть (причинять боль)/заболеть», может быть, и pršet/zapršet «дождить/задождить»). Эти последние действия как будто бы воспринимаются как вибрация (на это указывает по крайней мере сходство с совершенно конкретным пространственным значением za- в zachvět, zakumáct и т. д.). Близко к этому восприятие действий, вызывающих у человека определенную оценку, ощущение приятного или неприятного, например stýská se/zasteskne se «тосковать/затосковать» (безл.), hovět si údům/pohovět si údům «давал/дал отдых членам». Назовем пока такие и подобные им действия диффузными [$\rightarrow ((\cdot)) \leftarrow \rightarrow ((\cdot))$].

Сосредоточение действия в единое целое оказывается

возможным лишь в том случае, когда это действие отправляется от исходного пункта, устремляясь к определенной цели, продвигаясь в совершенно определенном направлении или регулярно рассеиваясь. Следовательно, глаголы, выражающие просто протекающие действия (—), не могут иметь совершенной формы. Лишь в несовершенном виде существуют pracovat «работать», ležet «лежать», přemýšlet «размышлять», postupovat «прогрессировать» и много других глаголов, включая те, которые выражают состояние и отношение. Выше мы привели ряд таких глаголов, употребляемых с дополнением.

Отметим, что и глаголы, выражающие стремление, могут выразить его двояким образом: в зависимости от направленности стремления речь может идти о целенаправленном или же просто протекающем действии. В первом случае стремление направлено на будущее осуществление (например, učit někoho «учить кого-либо» — с тем чтобы научить); во втором — на результат, одновременный действию (например, řídit auto «водить, вести машину», podporovat někoho «поддерживать кого-либо» — результат реализуется одновременно со стремлением, так как в самый момент действия «вести» автомобиль едет, в самый момент действия «поддерживать» кто-то держится).

Ненаправленным является и такое стремление, которое хотя и нацелено на будущее, но имеет своей целью нечто исчезающее, удаляющееся; в достижении подобной цели нет уверенности, так что сознанию здесь как бы не за что «ухватиться» при сосредоточении действия. Так, просто протекающее действие выражено глаголами pachtit se «стремиться», pátrat «вести исследование», pádit se «искать, доискиваться», sledovat «идти по чьим-либо стопам, следить за кем-либо», slídit «следить», směřovat «направляться, иметь целью что-либо», spět «идти в определенном направлении», stíhat «преследовать», stopovat «идти по следам, выслеживать», tíhnout «тяготеть, склоняться к чему-либо».

И здесь возможно различное понимание действия. Так, lovit «ловить» = преследовать что-то удаляющееся, lovit/ulovit «ловить/поймать» (ср. chytat/chytit «хватать/схватить») = стремиться приобрести, получить. Стремление, направленное на одновременный результат, обнаруживается также у некоторых особых глаголов. Это прежде всего opakovat «повторять» и pokračovat v něčem

«продолжать что-либо». Здесь речь идет не столько о стремлении к известному состоянию в настоящем — соответственно к осуществлению известной деятельности в настоящем, — сколько об определенном отношении к имеющемуся в наличии, данному. Если я что-либо повторяю, я стремлюсь к тому, чтобы опять произошло то же самое, а не что-то другое. Точно так же я продолжаю что-либо, стремясь, чтобы это было и впредь. Однако, если конечной целью стремления становится объект, как в случае *opakovat minulou látku* «повторять пройденный материал», то глагол переходит в разряд глаголов с целенаправленным действием: *opakovat/zopakovat* «повторять/повторить». Разумеется, и здесь могут выступать различия в понимании действия, о чем, например, свидетельствует расхождение между чешским *opakovat má slova* (только несов.) и русским *повторял/повторил мои слова*.

Различие между действием целенаправленным, направленным, диффузным и действием, просто протекающим, лишь отчасти совпадает с различием между действием (деятельностью) и состоянием (свойством и изменением свойства): глаголы состояния не могут выражать ни целенаправленного, ни направленного действия. Здесь идет речь об иной абстракции, отражающейся в соотношении подлежащего и сказуемого. Из выделенных нами разновидностей действия первые три можно обобщить как действия линейные, не противоречащие сосредоточению в единое целое — сосредоточению, которое лежит в основе совершенности; в противоположность этому просто протекающее действие (а также просто данное состояние или отношение) несовместимо с таким сосредоточением. Итак, глаголы, выражающие действие, которое мы назвали здесь просто протекающим, не имеют совершенных форм. Приведя нелинейные действия к общему знаменателю, мы получаем лиминальную абстракцию, которая проявляется в грамматической категории вида, подобно тому как, скажем, лиминальная абстракция несчитаемости («целое») проявляется в грамматической категории числа.

Обратимся теперь к сомнениям, связанным с вопросом о парадигматичности видовых различий, т. е. с вопросом о том, соотносятся ли совершенная и несовершенная формы глагола как члены одной парадигмы (примерно так,

как активные и пассивные формы в латинском языке) или же речь идет об отдельных парадигмах двух самостоятельных глаголов. Поскольку эти сомнения основываются на том факте, что связи между системой совершенных и несовершенных форм разнообразны, здесь достаточно указать на многообразие способов оформления перфекта в латинском языке, перфекта и аориста в греческом, — многообразие, не заставляющее нас, однако, говорить о двух глаголах вместо одного. Поскольку же указанные сомнения основываются на часто встречающейся дефективности видовой пары, следует подчеркнуть, что эта дефективность в подавляющем большинстве случаев есть следствие скрещения грамматической абстракции целостности действия (формальным выражением которой является форма грамматической категории вида) и абстракции линейности (которая остается лиминальной). Таким образом, форма совершенного вида отсутствует там, где значение, вытекающее из грамматической абстракции, т. е. абстракции более высокой, оказывается несовместимым с включением в определенный разряд с точки зрения низшей, качественно иной абстракции.

В других случаях неполнота видовой пары обуславливается экспрессивностью. Для выражения своего эмоционального отношения к глагольному действию говорящий иногда употребляет глагол, отличающийся от другого как раз только этим эмоциональным содержанием. Понятно, что при эмоциональном подходе к действию оно часто должно быть представлено как факт преимущественно в его результате, вследствие чего экспрессивный вариант (в семантическом, а не в этимологическом смысле) выступает лишь в совершенном виде. Таковы, например, глаголы *harať* «шлепнуться» (= *upadnout* «упасть»), *zdfímnout si* и *zchrupnout si* «вздремнуть, всхрапнуть» (= *vyšpat se* «выспаться»), *zdfípnout* (= *usnout*) «зуснуть», *rojít* «околеть», *zajít* «погибнуть», *zdechnout* «издохнуть», *zestnout* «скончаться» (= *umřít* «умереть»), *vlepit* «влепить» (= *dát* «дать»), *slupnout* «слопать» (= *sníst* «съесть») [27]. Иногда речь идет о глаголах, встречающихся лишь в определенных сочетаниях: *zpláčeš nad výdělkem* «это тебе боком выйдет», *zbrousíš kus světa* (букв.) «исходить кусок света». Реже мы имеем дело со специально терминологическими или поэтическими вариантами. Например, *obdržet* (= *dostat*) «получить», *vyřknout* (= *řici*) «сказать», *odvětit* и *opáčit* (= *odpovědět*)

«ответить», *spasit* (= *zachránit*) «спасти». Напротив, иногда эмоциональное отношение к действию бывает связано с самим качеством его протекания, особенно при наличии бросающейся в глаза расчлененности этого протекания, вследствие чего экспрессивный вариант оказывается представленным лишь в несовершенном виде. Таковы, например, глаголы *žadonit* «клянчить», *žebřat* «просить милостыню», *škemřat* «назойливо просить», *žebřonit* «попрошайничать» (= *prositi* «просить»), *čubřnět* «тарашить глаза», *čupnět* «считать ворона», *čičet*, *civět*, *zevřovat* «глазеть» (= *dívati se* «смотреть»). И здесь иногда можно говорить скорее о специальных вариантах: *rozmlouvat* «разговаривать, вести беседу», *vyrřávat* «рассказывать», *předčítati* «читать вслух» (но еще в старочешском языке также сов. *rozmluviti*, *vyrřaviti*, ср., впрочем, и русск. *рассказывать/рассказывать*).

Разумеется, это дефективность *sui generis*. Она не является необходимой и постоянной. Так, PSJČ (*Přiruční slovník jazyka českého*) отмечает уже *odvěřivati* к *odvěřiti* «ответить»; изредка встречается также *spatřivati* (= *viděti*) «видеть» к *spatřiti* (= *uviděti*) «увидеть» (тогда как другое значение имеет *spatřivati* = *domnívati se, že je* «сусматривать, находить»). Часто такая дефективность возникает в результате какой-то гибридации в языке, когда часть слова, нейтрального в экспрессивном отношении, заменяется экспрессивно нагруженной глагольной основой. Так, *zamoučiti* «испачкать мукой», безусловно, было образовано в связи с *zamazati* «замазать, запачкать». (PSJČ приводит несовершенное *moučiti* как редкое.) Здесь также образуются специальные и поэтические выражения, например *dopřisovati nepřipná slova* «дописывать незаконченные слова» (в упражнениях и т. п.) = *dopřilovati* «дополнять», *dopřevovati píseň* «допевать песню». Разумеется, во всех этих случаях речь идет о глаголах, составляющих особый слой словаря, подобно тому как в особую группу выделяются, скажем, слова, заимствованные из иностранных языков. Как нельзя судить о звуковой стороне языка, не выделяя особо междометий и слов иностранного происхождения, так нельзя и эти группы глаголов считать вполне равноценными остальным. Это, естественно, должно найти отражение и в грамматических категориях. Я полагаю, что ни такого рода дефективность видовых пар, ни известная формальная дефективность,

как, например, в заимствованных словах (*operovat* «оперировать», несов. и сов.), не дают основания сомневаться в полном развитии грамматической категории вида⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ Лиминальные абстракции близки к «интеллектуальным сокращениям эмпирии», о которых говорит Б. Гавранек (см. В. Н а в г а н е к, *Genera verbi v slovanských jazycích*, I, Praha, 1928, стр. 6).

² I. P o l d a u f, *Atemporalnost jako gramatická kategorie českého slovesa?* SaS, II, 1949, стр. 121 и сл.

³ Fr. K o p e č n ý, *Základy české skladby*, Praha, 1952, стр. 76.

⁴ Можно было бы добавить, что иногда дефективность бывает вызвана лишь сомнениями по поводу способа образования соответствующей основы. Как образовать, например, несовершенный вид от *dompnout* «домять», *navřiti* «развариться», *vuvřinout* «свидохнуться, улетучиться»? Такие сомнения возникают в тех случаях, когда оказывается необходимым изменение *t>c* и *d>z* (*dovřtět máslo* «сбить масло», однако PSJČ дает *domlátiti/domlácovati* «домолотить/домолачивать») и в особенности когда форма, которую нужно образовать, совпадает с формой более употребительного глагола (*projězdit celý kraj* «изъездить весь край» — *projěžděti/projěti* «проезжать/проехать»).

II

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ
И ВАЖНЕЙШИЕ ФУНКЦИИ
ВИДОВЫХ КАТЕГОРИЙ СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВ

Андре Мазон

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДОВ РУССКОГО ГЛАГОЛА*

[Отрывки]

Глава I. ИНФИНИТИВ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА

Инфинитив несовершенного вида выражает:

- 1) единичное развивающееся действие;
- 2) повторяющееся действие, которое, в частности, может быть обычным или общим;
- 3) единичное действие, рассматриваемое как бы в принципиальной плоскости и тем самым обобщенное.

.....

I. ЕДИНИЧНОЕ РАЗВИВАЮЩЕЕСЯ ДЕЙСТВИЕ

A. Действие начатое или прерванное

Неполный характер глагольного действия и, следовательно, невозможность рассматривать его как полностью законченное целое со всей очевидностью выступает в примерах, где основной глагол, от которого зависит инфинитив, имеет значение «начинать», «продолжать» или «кончать». Поэтому употребление инфинитива несовершенного вида оказывается строго регулярным при следующих глаголах: *начать/начинать, привыкать/привыкнуть, принимать/приниматься, пуститься/пускаться, стать* в значении «начать, приняться за», *учиться*, при форме повелительного наклонения *давай, давайте* в значении «ну-ка, сделаем это» (ед. число *давай* часто употребляется в повествовательном значении), при прошедшем времени

* A n d r é M a z o n, *Emplois des aspects du verbe russe*, Paris, 1914 (=Bibl. de l'Institut Français de Saint-Petersbourg, 4). — Публикуемые отрывки значительно сокращены за счет примеров и некоторых частностей.

пошел в значении «начал»; при *продолжать*; при *бросить*/*бросать* в значении «переставать, прекращать», *кончить*/*кончать*, *отвыкнуть*/*отвыкать*, *перестать*/*переставать*, *разучиться*/*разучаться*, при безличной форме настоящего-будущего времени *будет!* в значении «довольно!»

Прямое продолжение этого ряда составляет описательное будущее время с глаголом *буду*, которое можно считать самым надежным критерием вида русского глагола. Действительно, именно и н г р е с с и в н ы м (начинательным) значением *буду* объясняется исключительно несовершенный характер этой описательной формы.

Понятие простого приступа к глагольному действию так же ясно проявляется, когда при отсутствии перечисленных выше глаголов инфинитив зависит от такого слова с начинательным значением, как *ну*, или употребляется абсолютно независимо, как повествовательный инфинитив во французском языке (*Et lui de se sauver...* «А он бежать...»); «И ну *топорщиться*, *пыхтеть* и *надуваться*» (басня Крылова «Лягушка и Вол»); «Старик было *отнекиваться*» (Афанасьев, «Сказки»); «Она *вглядываться*, *вглядываться...*» («Записки охотника», Бежин луг)

Понятие продолжения глагольного действия или, точнее, своевременности его продолжения выявляется в предложениях типа *пить так пить*, когда этот тип означает: «Если начато какое-либо дело, нужно делать его, следовательно, не оставлять незавершенным, а продолжать до самого конца». Например: *смеяться так смеяться*; *работать так работать*; *начинать так начинать* («Записки охотника», Певцы).

Соответствующий тип с инфинитивом совершенного вида имеет другое значение: «Если что-либо делается, нужно делать это хорошо», например: *разойтись так разойтись...*

Наконец, понятие *перерыва*, прекращения глагольного действия в самом процессе его протекания проявляется в примерах, где инфинитив несовершенного вида зависит от слова, выражающего требование прекратить действие, например *полно* или *довольно*: «Да полно вздор-то вам *болтать...*» (Братья Карамазовы, ч. III, кн. VII, гл. III); «Погоди *радоваться*, еще я тебя приструню...» (Ф. Сологуб, «Мелкий бес», XXXI).

Б. Нерешительность субъекта в отношении осуществления действия

Понятие незавершенности глагольного действия легко выявляется в предложениях, выражающих неуверенность или нерешительность субъекта в отношении самого хода данного действия. Например: «Я не знал, что *отвечать* на ее вопрос» («Записки охотника», Ермолай и мельничиха); «*Говорить* мне ему это или нет...?»

Впрочем, действие, к которому относится нерешительность субъекта, может рассматриваться в его абстрактном единстве, следовательно, в совершенном виде; причем действие это оказывается тем более пригодным для такого понимания, чем менее в нем представлено элементов неуверенности. Например: «Я не знал, что *ответить* на ее вопрос».

В. Тенденция, склонность субъекта к действию

Понятие действия, рассматриваемого в его развитии, в частности в начальной фазе его развития, ясно обнаруживается в предложениях, выражающих в какой-то степени тенденцию к осуществлению глагольного действия без обозначения предела или результата этого действия.

Таковы прежде всего предложения, содержащие более или менее ясный намек на стремление субъекта к цели, достижение которой представляется проблематичным (инфинитив попытки: *de copati*): «Да нет здесь друзей, никто не придет *спасать*» («Мелкий бес», XXV).

В более широком смысле сюда относятся все предложения, выражающие намерение субъекта действовать тем или иным образом и не дающие ясного указания на предел глагольного действия: «Иду к Лисе *лечиться*» (Афанасьев, «Сказки»); «А вот, Медведюшка, еду в город корешки *продавать*» (там же); «Пора домой, — сказал он, и встал *прощаться*» («Мелкий бес», I); «Усмехнулся, повернулся, чтобы *уходить*» (там же, XIX).

Небезынтересно отметить, что замена несовершенного вида совершенным в тех из приведенных выше примеров, в которых она возможна, привела бы к двойному резуль-

тату — к ослаблению представления о сложности и продолжительности действия и к усилению выражения воли субъекта; поэтому действие было бы представлено как единое и короткое, а психологический оттенок заключался бы уже не в намерении, а в решимости, которая непосредственно направлена на завершение действия и оставляет в тени его развитие. Например: «Он встал *попрощаться*» (вместо *прощаться*); «Он повернулся, чтобы *уйти*» (вместо *уходить*) и т. д.

Г. Действие длительное или сложное

То же самое понятие развития действия мы обнаруживаем и там, где речь идет о действии, которое предполагает известную длительность или сложность и понимается говорящим скорее в его реализации, непременно длительной или сложной, чем в его завершении, непременно кратком; при этом понятие приступа к действию отходит на задний план, тогда как понятие длительности подчеркивается: «Вы у нас останетесь *обедать*» («Записки охотника», Мой сосед Радилов); «Аркадий Павлыч велел со стола *прибирать* и сена принести» (там же, Бурмистр); «Нужно было *объясняться*» («Обломов», ч. 2, гл. VI); «Охота вам *жить* у него да брань *переносить*» («Гроза», I, 2).

Если в некоторых примерах этого типа постановка совершенного вида вместо несовершенного (например, *объясниться* вместо *объясняться*) возможна при замене понятия развития понятием результата, то в ряде случаев оба вида могут быть употреблены один вместо другого, кажется, и вовсе без различия в значении. Так, все равно, сказать ли «Она велела вам *кланяться*» или «Она велела вам *поклониться*». Однако несовершенное *кланяться* в подобных формулах вежливости более употребительно. Сходным образом не различаются «Вы у нас останетесь *обедать?*» и «Вы у нас останетесь *пообедать?*» или «Куда мне *дваться?*» и «Куда мне *деться?*» — хотя *пообедать* благодаря приставке *по-* содержит все же очень легкий оттенок большей вежливости, а *деться*, по мнению некоторых, кажется более определенным и потому более настойчивым, выражающим большую степень безнадежности, чем *несов. дваться*.

Д. Постоянное действие

Понятие длительности и длительности неопределенной особенно ярко проявляется в тех случаях, когда инфинитив несовершенного вида обозначает действие или событие, осуществляющееся постоянно: «Узкие тропинки тянулись по полям, пропадали в лощинах, вились по пригоркам, и на одной из них, которой в пятистах шагах впереди от нас приходилось *пересекать* нашу дорогу, различил я какой-то поезд» («Записки охотника», Касьян с Красивой Мечи); «А речку вброд *переезжать* надоть» (там же, Стучит).

Соответствующие глаголы совершенного вида *пересечь* и *переехать* устранили бы понятие постоянного осуществления действия, выражая: первый — мимолетное зрительное впечатление, а второй — отдельное действие, которое следует выполнить в определенный момент.

Е. Действие, представленное как наличное, в момент его развертывания

Понятие развития глагольного действия проявляется также в некоторых предложениях, выражающих действие, представленное как раз в момент его осуществления как наличное: «За что, сударь, Савел Прокофьевич, честного человека *обижать* изволите?» («Гроза», IV, 2).

То же самое мы наблюдаем в придаточных предложениях, начинающихся союзом *чем* (в значении «вместо того, чтобы»), поскольку такие предложения образуют как бы фон, на котором затем выделяется действие главного предложения: «*Чем читать* [что я сейчас делаю], я лучше пойду погуляю»; «*Чем писать*, дала бы место» («Мелкий бес», XXI).

Впрочем, в последнем типе предложений иногда может выступать инфинитив совершенного вида, если глагольное действие рассматривается как законченное, например: «*Чем уйти*, он бы лучше остался»; однако даже в подобных случаях употребление инфинитива несовершенного вида является более естественным и встречается чаще: «*Чем уходить*, он бы лучше остался».

Действие, представленное как наличное, в ходе его осуществления, может быть действием прошлого: «Пришлось бирюку *бежать* через дорогу, а на ту пору шел по дороге с поля мужик» (Афанасьев, «Сказки»).

Ж. Действие, рассматриваемое в его развитии, производящем на субъекта то или иное впечатление

Понятие развития действия выступает, наконец, в некоторых предложениях, обозначающих, какое впечатление производит на субъекта протекание действия, выраженного инфинитивом несовершенного вида; ясно, что в подобных случаях внимание акцентируется на самом действии, а не на его завершенности или результате. Например: «В то время лисе скучно показалось *дожидаться*, захотелось сманить петуха с дерева...» (Афанасьев, «Сказки»); «Жаль мне было *рассставаться* с стариком» («Записки охотника», Хорь и Калиныч); «Ах, кабы знали эти люди, каково мне *прощаться* с тобой!» («Гроза», V, 3).

2. ПОВТОРЯЮЩЕЕСЯ ДЕЙСТВИЕ

А. Повторяющееся действие в собственном смысле слова

Инфинитив несовершенного вида выражает действие повторяющееся, в частности обычное: «Ермолаю было приказано *доставлять* на господскую кухню раз в месяц пары две тетеревей и куропаток...» («Записки охотника», Ермолай и мельничиха); «Условились *заниматься* три раза в неделю по два часа...» («Мелкий бес», VII)

К предложениям, выражающим повторяющееся и, в частности, обычное действие, следует присоединить предложения более или менее общего характера (впрочем, иногда бывает трудно отделить одну категорию от другой): «Он почитал за грех *продавать* хлеб — божий дар...» («Записки охотника», Одноворец Овсяников); «Корогостель — это дичь: его *есть* можно» (там же, Касьян с Красивой Мечи); «...Землянки в грязи, в которые, согнувшись, могут *влезать* только два человека...» («Севастополь в декабре 1854 г.»).

К данной категории примеров, естественно, примыкают поговорки, пословицы, сентенции и вообще фразы подлинно общего характера: «Что, куманек, не стыдно ли свой грех на чужих *сваливать*?» (Афанасьев, «Сказки»); «Человек никогда не должен *забывать* свое достоинство, не правда ли?» («Записки охотника», Ермолай и мельничиха); «При

гостях невежливо о секретах *разговаривать*» («Мелкий бес», I).

Наконец, сюда же относятся инфинитивы несовершенного вида, зависящие от абстрактного существительного (*способность, искусство, право, привычка*), предполагающего в высшей степени неопределенное и общее понимание соответствующего действия, например: «Известно, что собаки имеют способность *улыбаться*, и даже очень мило улыбаясь» («Записки охотника», Ермолай и мельничиха).

Если для выражения одного и того же глагольного понятия сосуществуют две формы несовершенного вида, определенная и неопределенная, то для обозначения повторяющегося действия обычно используется неопределенная форма: «Он тогда должен был *ходить* в театр еженедельно»; «Любишь *кататься*, люби и саночки возить».

Б. Повторяющееся действие, сведенное к единству

Однако имеются и такие случаи, когда для выражения повторяющегося или сложного действия используется определенный глагол. Это происходит тогда, когда данный факт в воображении говорящего оказывается сведенным к единству: «Он может *нести* свободно четыре пуда»; «Он может *идти* или *ехать* пять часов без остановки».

Основания для такого сведения к единству ясны, когда речь идет о конкретном понятии. Параллельные определенные и неопределенные формы существуют лишь в группе глаголов, обозначающих движение, и это движение, вообще говоря, сложное само по себе, мыслится как простое или сложное в зависимости от того, совершается ли оно в одном или в разных направлениях. «Ворон может *лететь* туда» обозначает движение в определенном направлении; «Ласточка может *летать* над прудом» обозначает, напротив, движение в разных направлениях. Следовательно, единства направления уже достаточно, чтобы создать впечатление единства действия, на чем и основывается употребление определенного глагола движения.

Несомненно, именно на базе конкретного представления (в настоящее время более или менее ослабленного, но все же еще в значительной мере способствующего впечатлению единства глагольного действия) закрепилось

употребление определенного глагола движения в некоторых абстрактных выражениях, например:

вестти: «Он женился, и стало ему с тех пор *вестти*»;
вестти (хорошую жизнь, переписку, разговор);
идти: «Эта пьеса может *идти* много раз подряд»;
нести (крест, вздор);
ломить: «Голову *ломит*» и т. д.

3. ОБОБЩЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ

Инфинитив несовершенного вида выражает также действие, которое с точки зрения говорящего затрагивает в какой-то степени принципиальный вопрос или устанавливает известную линию поведения и выступает, следовательно, в расширенном и в известной мере обобщенном смысле.

Переход от узкого и абсолютно частного понимания глагольного действия к широкому и более или менее обобщенному пониманию того же самого действия ясно виден в некоторых примерах, заключающих в себе вопрос или рассуждение, за которым следует ответная реплика в вопросительной или восклицательной форме. Вопрос или рассуждение выражает один определенный факт, причем предполагается, что он реализуется в определенный момент будущего, например: «Послушай-ка, Хорь, — говорил я ему, — отчего ты не откупишься от своего барина?» («Записки охотника», Хорь и Калиныч). Ответная реплика: «А для чего мне *откупаться*?» (там же) — вновь называет тот же самый факт, представляя его, однако, в неопределенной и общей форме и поднимая принципиальный вопрос, связанный с его реализацией.

Аналогично: «Подождите еще немножко, — умоляющим голосом произнесла Акулина. — Чего *ждать*?.. Ведь уж я простился с тобой» («Записки охотника», Свидание); «Я с ума сойду от радости. — Вот! Есть от чего с ума *сходить*!» («Гроза», II, 3).

Рассмотрение действия в принципиальной плоскости обнаруживается и в следующих предложениях, по большей части восклицательных (некоторые из них имеют характер стереотипных формул): «Ну, да, ведь, с тобой что *толковать*!» («Гроза», I, 1); «Уж что *говорить*!» (там же, II, 3); «Как это *спускать* таким негодяям?» («Мелкий бес», XII); «Едва ли нужно *говорить*, что...» (ходячая формула)

Глава II. ИНФИНИТИВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА

Инфинитив совершенного вида выражает:

- 1) единичное действие, рассматриваемое в его целостной завершенности;
- 2) повторяющееся действие, сведенное к единству.

1. ЕДИНИЧНОЕ ДЕЙСТВИЕ, РАССМАТРИВАЕМОЕ В ЕГО ЦЕЛОСТНОЙ ЗАВЕРШЕННОСТИ

А. Действие, обуславливающее другое действие

Понятие целостной завершенности глагольного действия проявляется прежде всего там, где речь идет о действии, завершение которого представлено как необходимо предшествующее осуществлению другого, последующего действия: «Вздумали они *построить* себе из снега избушку и жить добром» (Афанасьев, «Сказки»); «Да еще тебе до театра надо *одеться* прилично» («Обыкновенная история», I, II).

Б. Действие, не обуславливающее другого действия, но тем не менее понимаемое как законченное целое

Инфинитивы совершенного вида, обозначающие действие, от завершения которого не зависит никакое последующее действие, выражают заключенное в них понятие целостной завершенности единственно в силу своего результата и в многозначности; завершенность действия вытекает из того факта, что имеется в виду его результат, а не развитие.

Противопоставление двух понятий — совершенности и несовершенности — ясно выступает при сравнении следующих двух предложений: с одной стороны, «Извольте *взять* билет, — с приятностью говорил ему профессор» («Записки охотника», Гамлет Щигровского уезда), где действие рассматривается как единое целое; а с другой стороны: «Да не извольте *выбирать*» (там же), где выражено развивающееся действие.

Подобное же противопоставление не менее хорошо прослеживается при сравнении двух членов одного и того же

предложения: «Его окружали теперь такие простые, добрые, любящие лица, которые все согласились своим существованием *подпереть* его жизнь [один раз], *помогать* ему [непрерывно, постоянно] не замечать ее, не чувствовать» («Обломов», 4, IX).

2. ПОВТОРЯЮЩЕЕСЯ ДЕЙСТВИЕ, СВЕДЕННОЕ К ЕДИНСТВУ

Повторяющееся и, в частности, обычное или общее действие выражается инфинитивом совершенного вида, когда оно сведено к единству мыслью говорящего.

Это сведение сложного действия к единству осуществляется двумя способами:

А. Действие, рассматриваемое лишь с точки зрения его результата, обнаруживает видимость единства благодаря этому результату (сведение к единству через понятие результата).

Б. Действие, реальная сложность которого выявляется лишь из контекста, представлено в отдельном полностью законченном акте своего осуществления и, таким образом, оказывается, так сказать, сведенным к частному случаю (партикуляризация).

А. Сведение к единству через понятие результата

Реально сложное действие, сведенное к единству через понятие результата, может выступать как в предложении с частным значением, так и в предложении, имеющем более или менее ярко выраженное общее значение; впрочем, часто бывает трудно отделить один случай от другого.

а) Предложения, имеющие частное значение: «По всем соседям шлет просить *пожаловать*» («Записки охотника», Одноворец Овсяников); «Думалось, что если *ударить* по ней несколько раз камышовкой, то поднимется до самого неба пыльный столб» («Мелкий бес», III);

б) предложения, имеющие общее значение (выражающие обобщенный частный факт или представляющие собой общие фразы типа правил, сентенций и т. д.): «Что борода? борода — трава: *скосить* можно» («Записки охотника», Хорь и Калиныч); «Притом, всякое несчастье можно *перенести...*» (там же, Мой сосед Радилов); «Наше дело —

торговое, купецкое; наше дело *купить*» (там же, Контора); «Земские школы надо *подтянуть*» («Мелкий бес», X).

Каково бы ни было значение приведенных выше предложений, частное или более или менее общее, все они равным образом выдвигают на передний план единый результат всех актов соответствующего действия. На этом результате и сосредоточена мысль говорящего, чем и достигается сведение к единству. Все такие предложения характеризуются также общим экспрессивным значением, они имеют абстрактный и категорический характер: абстрактный — потому что они в гораздо большей степени выражают результат действия, чем само это действие; категорический — потому что они не дают увидеть всей относительной длительности, сложности или множественности, необходимо характеризующей действие, рассматриваемое в его развитии. Впрочем, о различии в экспрессивности между глаголами совершенного и несовершенного вида в составе таких предложений можно судить, сравнив, например, два противопоставленных друг другу по глагольному виду члена следующих высказываний: «*Обманывать* то я не умею; *скрыть* то ничего не могу» («Гроза», II, 2); «Грех *убивать* птицу; великий грех *пролить* кровь невинную».

Б. Сведение к частному случаю (партикуляризация)

Действие, сведенное к частному случаю, — это часто повторяющееся или обычное действие, представленное как совершившееся однажды, в один определенный момент. Легче всего выделяются обороты, в которых реальная многократность прошедшего действия прямо обозначена с помощью претеритальной формы *бывало*, например: «Так, *бывало*, и хочется *подойти* к ней, *взять* ее за руку и *сказать...*» («Записки охотника», Татьяна Борисовна и ее племянник).

Подобным же образом мы обнаруживаем партикуляризацию действия в следующих примерах: «Аркадий Павлыч любил, как он выражался, при случае *побаловать* себя...» («Записки охотника», Бурмистр); «Федя не упускал случая *подтрунить* над отцом...» (там же, Хорь и Калиныч).

Обстоятельство времени (*при случае*, *в одно прекрасное утро* и т. п.), приурочивающее действие к одному определенному моменту, может совсем отсутствовать. В этих слу-

ОЧЕРК НАУКИ О ВИДАХ ПОЛЬСКОГО ГЛАГОЛА.
ОПЫТ СИНТЕЗА*

ВВЕДЕНИЕ. ЧТО НАЗЫВАЕТСЯ ВИДОМ?

В системе польской грамматики термином «вид» (*aspekt*) называют явление, состоящее в том, что польский язык для выражения одного глагольного значения использует в принципе два глагола, тогда как в неславянских языках обычно выступает только один глагол. Например, лат. *describere*, франц. *décrire*, нем. *beschreiben* в польском языке соответствуют *opisać* «описать» и *opisywać* «описывать»; лат. *jacere*, франц. *jeter*, нем. *werfen* — *rzucić* «бросить» и *rzucać* «бросать»; лат. *interficere*, франц. *tuer*, нем. *erschlagen* — *zabić* «убить» и *zabijać* «убивать» и т. д. Глагольные пары подобного рода не являются обычными стилистическими синонимами типа *interficere* — *pecare*, *töten* — *erschlagen*, *tup* — *machem*. Стилистические синонимы в польском языке тоже существуют, однако каждый из них в свою очередь выступает в виде пары глаголов; например, нем. *tun* — *machen* («делать») приблизительно соответствуют пары: *czynić* и *uczynić* — *robić* и *zrobić*. Значение обоих членов таких глагольных пар тождественно: *opisać* и *opisywać* оба имеют значение латинского *describere*, но различаются тем, что в одних условиях употребляется лишь первый глагол, а в других — лишь второй. В этом можно легко убедиться: говоря об одном и том же факте, мы, в зависимости от определенных условий, используем либо один, либо другой из двух глаголов, хотя идентичность их значения несомненна, так как обоими

* Erwin Koschieder, *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie, Próba syntezy, Rozprawy i materiały wydziału I Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie*, t. V, z. 2, Wilno, 1934. Введение, главы I и II публикуются с незначительными, а глава III с довольно большими сокращениями. Глава IV («История видовой системы») и «Заключительные замечания» при переводе опущены.

чаях оттенков партикуляризации нередко придается тем или иным обстоятельством места или образа действия, сопровождающим глагол, что особенно заметно в предложениях, выражающих два последовательных действия, одно из которых представлено как повторяющееся, а другое сведено к одному отдельному примеру. Неопределенному впечатлению длительности и сложности, связанному с инфинитивом несовершенного вида, противостоит здесь всегда очень определенное впечатление относительной краткости, производимое инфинитивом совершенного вида. Инфинитив несовершенного вида внушает мысль о совокупности всех актов действия, инфинитив совершенного вида выделяет один эпизод. Например: «... Не весело *ехать*, целые сутки *ехать* по зеленоватому морю больших дорог или, чего боже сохрани, *загрязнить* на несколько часов перед пестрым верстовым столбом с цифрами» («Записки охотника», Два помещика). Или же с еще более поразительным контрастом, поскольку на этот раз речь идет об одном и том же действии, рассматриваемом сперва в его неопределенной возможности, а затем как определенное в его неизбежной и полной реализации: «...[Я] чувствовал, что владеть я этим телом не могу, что оно не мое и что она может *распоряжаться* им, как хочет, а хочет *распорядиться* им не так, как я хочу. И я ничего не могу сделать, ни ей ни ему» («Крейцера соната», XXV).

Ср. также инфинитив совершенного вида, не имеющий при себе непосредственного временного уточнения, но сопровождаемый какими-либо другими обстоятельственными словами: «Ермолай любил *покалякать* с хорошим человеком...» («Записки охотника», Ермолай и мельничиха); «Невежа, — подумал Передонов, — не умеет *поблагодарить* хорошенько» («Мелкий бес», I). Однако наличие одного или нескольких обстоятельств, определяющих действие, как бы часто они ни встречались, никоим образом не является в таких случаях безусловно обязательным. Для передачи оттенка партикуляризации, свойственного приведенным сейчас предложениям, достаточно совершенного вида самого по себе. Об этом можно судить по следующим примерам: «... Оба любили *поговорить*» («Мелкий бес», XXXI); «Он у меня такой, что не прочь и *полениться*, если ему дать волю» (там же, XV), а также по таким пословицам, как «*Подать* — не мудрено, а мудреней того, где *взять*» (Даль, Пословицы русского народа).

глаголами мы выражаем один и тот же факт. Например, говоря о возвращении домой, мы скажем: 1) *Gdy wracałem do domu, spotkałem brata na ulicy* «Когда я возвращался домой, я встретил брата на улице», где *wróciłem* «возвратился» было бы абсолютно невозможно, и 2) *Gdy wróciłem do domu, znalazłem jego list na biurku* «Когда я возвратился домой, я нашел его письмо на письменном столе», где *wracałem* «возвращался» было бы невозможно, тогда как полатыни мы использовали бы в обоих случаях формы глагола *reverti*. Еще отчетливее эта идентичность значений выступает в других случаях, где тождественно даже все содержание обоих сравниваемых примеров: 1) *Siedziałem wczoraj przy biurku i pisałem list do brata, a wtem Antek nagle wpadł do pokoju* «Сидел я вчера за письменным столом и писал письмо брату, как вдруг в комнату вбежал Антек» и 2) *Siedzę wczoraj przy biurku i piszę list do brata, a wtem Antek nagle wpada do pokoju* «Сажу я вчера за письменным столом и пишу письмо брату, как вдруг в комнату бегают Антек». То же самое справедливо утверждает Ян Лось, говоря, что «с изменением «вида» значение глагола не изменяется»¹. Итак, глаголы каждой пары различаются между собой не по значению, не стилистически, а функционально. Подобно тому как в предложении *Jutro pojedę do miasta, a gdy będę w mieście, pójdę do pana NN* «Завтра я поеду в город, а когда буду в городе, пойду к г-ну Н» формы *miasta* и *mieście* имеют одно и то же значение существительного «город», но различаются с точки зрения функции падежа, так и в приведенном выше примере формы *wróciłem* и *wracałem* имеют одно и то же глагольное значение «*reverti*», но различаются функционально. Категорию, функцию которой выполняют формы *wróciłem* и *wracałem* и все другие пары подобного рода, мы называем видом, подобно тому как категорию форм *miasta* и *mieście* называем падежом. Вид, представленный в глаголах *wrócić*, *opisać*, *zrobić* и т. д., называется *с о в е р ш е н н ы м*, а представленный в глаголах *wracać*, *opisywać*, *zrobić* — *н е с о в е р ш е н н ы м*.

Итак, характерной чертой видовой системы является дуализм совершенности и несовершенности, который в польском языке выступает в форме глагольных пар, в неславянских же языках — в другой форме. При этом один и тот же факт представляется то как совершенный, то как несовершенный, в зависимости от факторов, о которых

речь будет ниже, подобно тому как один и тот же факт представляется то в настоящем, то в прошедшем или будущем времени, в зависимости от временного отношения говорящего к этому факту. Совершенный и несовершенный виды выступают также и в других языках, но не всегда в качестве чистых категорий. Некоторые языки, например немецкий, вообще не знают вида. Зато аналогичными виду категориями являются: в греческом языке — формы аориста и презента (*ποιῶσι* : *ποιῶν* = *zrobić* «сделать» : *robić* «делать»), в английском — формы типа *to be reading* : *to read* (= *czytać* «читать» : *przeczytać* «прочитать»), во французском — *passé défini* и *imparfait* (*je lis* : *je lisais* = *przeczytałem* «я прочел» : *czytałem* «я читал»), в латыни — имперфект и перфект (*faciebat* : *fecit* = *robił* «делал» : *zrobił* «сделал»). Следует, впрочем, отметить, что здесь имеются некоторые довольно значительные различия, вытекающие отчасти из исторического развития данных форм и их функций в известные периоды истории этих языков. Сравнение названных категорий с польскими видами является задачей сравнительной грамматики и выходит за рамки настоящей работы. Здесь же следует еще обратить внимание на различие между категориями видов и так называемых «способов действия» (*rodzajów czynności*, *Aktionsarten*).

Глаголы польского, как, впрочем, и всех вообще славянских языков, можно разделить на ряд групп на основании известных общих черт в их значении, относящихся к способу протекания данного действия. Такие группы часто выделяются также благодаря общим формальным показателям, с которыми связаны общие для этих глаголов оттенки значения. В различных грамматиках польского языка мы находим более или менее исчерпывающие перечни таких групп. Сюда относятся, например, д у р а т и в н ы е глаголы, выражающие действие, характеризующееся известной протяженностью во времени, например: *ubiec* «истечь, пройти» (о сроке), *ułożyć* «уложить», *popłakać* «поплакать» и т. д.; т о ч е ч н ы е глаголы, представляющие действие без протяженности во времени, например: *umrzeć* «умереть», *reknąć* «клонуть», *doknąć* «тронуть». Эти глаголы являются точечными в полном смысле слова, ибо они обозначают математическую точку, разделяющую два непосредственно соприкасающихся состояния. Например, человек, который еще не умер, живет, а в тот миг,

когда он перестал жить, он уже умер. Мы имеем, далее, мгновённые глаголы, выражающие действие, совершаемое в один прием с такой незначительной продолжительностью, что практически период его длительности тоже равняется точке, например, krzyknąć «крикнуть», cisnąć «швырнуть», rzucić «бросить»; эти глаголы часто причисляются к точечным. Начинательные (инг्रेसивные) глаголы обозначают начало данного действия, как, например, zaśpiewać (в смысле zacząć śpiewać) «запеть», zarząkać «заплакать». Результативные включают в свое значение результат действия, например: zabić «убить», ułożyć «уложить», dogonić «догнать»; инхотивные обозначают постепенный переход из одного состояния в другое, например: kamienieć «каменеть», blednąć «бледнеть»; однократные (семельфактивные) — действие, которое совершается только один раз, например: wyciągnąć «вытянуть», krzyknąć «крикнуть», zabić «убить»; многократные (итеративные) — многократно повторяющееся действие, например: mawiać «говаривать», chodzić «ходить», nosić «носить». Ср. еще детерминативные глаголы: przynieść «принести», przynieść «приносить»; индетерминативные: nieść «нести» и т. д. Подобных семантических групп, очевидно, можно выделить очень много. Но лишь некоторые из них имеют формальные показатели, да и те обычно не являются общими для всех глаголов данной группы. Для всех этих групп характерно, что глаголы, относящиеся к одной группе, обнаруживают общность с точки зрения значения, и именно эта общность определяет принадлежность глагола к данной группе. Например, krzyknąć относится к группе мгновенных глаголов, в которую входит, кроме того, еще много глаголов на -nąć. Суффикс -nąć (-но-, -не-), однако, не определяет принадлежности глаголов к этой группе, так как 1) очень много глаголов с этим суффиксом относится к другим группам, например: ciągnąć «тянуть» (дуратив) и blednąć «бледнеть» (инхотив), и 2) к мгновенным мы причисляем и глаголы с другими суффиксами, например: rzucić «бросить», skoczyć «прыгнуть». Далее, очень часто один и тот же глагол относится одновременно к нескольким таким группам. Например, blednąć с точки зрения длительности действия является дуративным глаголом, но, кроме того, относится к глаголам инхотивным и однократным. Это объясняется тем, что

принципы деления, на основании которых мы образуем такие группы, часто взаимно перекрещиваются.

Все группировки подобного рода лежат в той же плоскости, что и семантические разряды существительных, например конкретные, абстрактные, увеличительные, имена собственные, одушевленные, неодушевленные и т. д.; подчеркнем, что при таком делении одно и то же существительное также относится одновременно к нескольким группам. Так, jabłko «яблоко» — существительное конкретное, нарицательное, неодушевленное; Kasiuchna — конкретное, уменьшительное, личное, одушевленное, имя собственное и т. д. Следовательно, способы действия относятся к семантическим категориям и отличаются друг от друга по значению. Виды же различаются не по значению, а функционально. Смысловое содержание результативного глагола zabić «убить» настолько сильно отличается от содержания дуративного индетерминативного bić «бить», что, говоря об одном и том же факте, мы не можем заменить один глагол другим. Например, такой факт, как битье собаки в предложении *Gdy pan X bił swego psa, zbliżył się policjant* «Когда г-н X бил свою собаку, приблизился полицейский», даже при изменившемся соотношении с другим фактом (аналогично *wracałem* «возвращался» — *wróciłem* «возвратился») не может быть выражен при помощи глагола zabić, потому что X свою собаку вовсе не убил. Часто различия гораздо менее значительны, но в любом случае *zaśpiewać* «запеть» будет иметь иное значение, чем *rośpiewać* «попеть» (инг्रेसив : претеритив), *robić* «делать» (индетерминатив) — иное, чем *dogabiać* «доделывать» (детерминатив), *napisać* «написать» — иное, чем *przepisać* «переписать», *mawiać* «говаривать» — иное, чем *mówić* «говорить», *ciągnąć* «тянуть» — иное, чем *przeciągnąć* «протягивать» и т. д. Это значит, что при помощи способов действия мы выражаем разные по своему содержанию действия; если мы изменим способ действия, то изменится и само действие. Если же мы изменим только вид, то действие как таковое останется неизменным (ср. выше, пример: *Siedziałem wczoraj przy biurku i pisałem list do brata, a wtem Antek nagle wpadł do pokoju i Siedzę... piszę... wpada...*). Факты, выраженные глаголами *robić* «делать»: *zrobić* «сделать», *przeciągnąć* «протянуть»: *przeciągnąć* «протягивать», *dogobić* «доделать»: *dogabiać* «доделывать»,

przepisać «переписать»: przepisywać «переписывать» и т. д., являются в каждой паре — или по крайней мере могут являться — полностью идентичными.

Таким образом, если, говоря о способах действия, мы группируем глаголы по их смысловому содержанию, то вид, которым характеризуется данное глагольное значение или данное смысловое содержание, зависит от определенных условий, о которых будет сказано ниже. Следовательно, в принципе между способом действия и видом существует примерно такое же различие, как между семантическими разрядами и падежами существительных. Например, данное существительное относится к разряду конкретных имен по своему значению и ставится в определенном падеже в зависимости от синтаксических условий. Впрочем, в деталях между отношениями в глаголе и отношениями в существительном обнаруживаются довольно значительные различия.

Какой именно способ действия употребить в том или ином случае, решает словарь, употребление же видов определяется не словарем (ибо в словаре под *jascega* мы находим и сов. *rzucić* «бросить» и несом. *rzucić* «бросать»), а видовой системой, которой и посвящается настоящая работа.

1. ФОРМАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ВИДОВ

Для выражения видов в польском языке нет прямых суффиксальных показателей, какие существуют у ряда других категорий, например у степеней сравнения прилагательных. Однако соответствующие параллельные глаголы объединяются в пары семантических дублетов по известным правилам, так что необходимо различать следующие типы пар:

1) *krzyczeć* «кричать» (несом.) : *krzyknąć* «крикнуть» (сов.) = *clamate*, *schreien*. Рядом с бесприставочным несовершенным глаголом стоит бесприставочный совершенный глагол с основой настоящего времени на *-po-* (по-).

2) *robić* «делать» (несом.) : *zrobić* «сделать» (сов.) = *faire*, *machen*. Рядом с бесприставочным несовершенным глаголом стоит совершенный глагол с приставкой, которая или совсем не изменяет значение глагола, или изменяет его в очень незначительной степени, как, например, приставки *po-*, *z-*, *u-*. При этом обыкновено для каж-

дого глагола из нескольких возможных приставок используется только одна, например: *robić* : *zrobić* (а не *urobić*), но *szypić* : *uczypić* (а не *sczypić*). Выбор приставки в каждом данном случае определяется словарем.

3а) *wrócić* «возвратиться» (сов.) : *wracać* «возвращаться» (несом.) = *reverti*, *retourner*, *zurückkehren*. От бесприставочного совершенного глагола путем его итеративизации образуется несовершенный дублет, причем итеративное значение утрачивается.

б) *zarobić* «заработать» (сов.) : *zarabiać* «зарабатывать» (несом.) = *gagner*, *verdienen*. От приставочного совершенного глагола образуется несовершенный дублет путем перевода этого глагола в итеративный класс. При этом итеративное значение исчезает, как и в типе 3а. Сведения о суффиксах итеративизации даются в грамматиках. Приставочные производные от *nieść* «нести», *iść* «идти» и т. д., т. е. от глаголов, имеющих при себе старые итеративы на *-i-* (*nosić* «носить», *chodzić* «ходить» и т. д.), используют для образования несовершенных дублетов приставочные производные от этих итеративов, например: *wynieść* «вынести»: *wynosić* «выносить». К типу 3б относится подавляющее большинство пар. Например, одной паре *robić* : *zrobić* (2-й тип) в приставочных образованиях от этого корня соответствуют: *dogobić* «доделать» : *dogabiać* «доделывать», *parobić* «наделать» : *parabiać*, *obrobić* «обработать» : *obrabiać*, *porobić* «поделать» : *porabiać*, *przerobić* «переработать» : *przerabiać*, *wyrobić* «выработать» : *wyrabiać*, *zarobić* «заработать» : *zarabiać* и т. п.

4) *dziać się* «происходить» (несом.) : *stać się* «произойти» (сов.)** = *fieri*, *se faire*, *geschehen*.

Рядом с несовершенным глаголом стоит совершенный с тем же самым значением, но другого этимологического происхождения. Этот тип пар ограничивается немногочисленными случаями.

Данный обзор исчерпывает существующие типы пар. Следует, однако, подчеркнуть одну характерную черту

* Русский перевод не воспроизводит здесь морфологической структуры примера Кошмидера (в отличие от примеров в предыдущих рубриках). Для русского языка данный тип мог бы быть проиллюстрирован примером *лишить* : *лишать*. — Прим. перев.

** И здесь русский перевод не воспроизводит морфологической структуры польского примера. Ср. русск. *брать* : *взять*. — Прим. перев.

видовой системы: не у каждого глагола имеется точный коррелят. Ибо у ряда бесприставочных глаголов в результате сложения с приставками (2-й тип) возникают значения, не полностью соответствующие бесприставочному глаголу, так что сложных образований со значением бесприставочного глагола (как в случае *robić* «делать»: *zrobić* «сделать») не имеется. Дублиеты же иного типа в этих случаях не употребляются. Так, среди всех приставочных образований от глагола *nieść* «нести» ни одно не соответствует точно бесприставочному глаголу; приставка здесь везде производит какое-то, хотя бы минимальное, сужение объема значения, а другие типы дублиетов, кроме 2-го типа, в данном случае не используются. Однако обычно в этом и в других подобных случаях такое сужение объема практически не создает трудностей. Возьмем, например, предложение *Frank nieś drzewo* «Франек несет дрова». Очевидно, здесь имеется в виду, что Франек либо выносит (*wynosi*) эти дрова откуда-нибудь, либо куда-нибудь их вносит (*wnosi*), либо приносит (*przynosi*), либо переносит (*przenosi*) и т. д. Если в данном предложении речь идет о том, что Франек выносит дрова, например из дровяного сарая, в этом случае используется глагол *wynieść* как совершенный коррелят несовершенного *nieść*; если Франек, скажем, переносит дрова из сарая на чердак, то мы употребляем совершенный глагол *przenieść* и т. д. Если же речь идет лишь о том, что Франек несет (*nieś*) дрова, то точного коррелята совершенного вида для этого глагола мы не имеем, так как даже *ponieść* «понести» выражает несколько иное значение. В подобных случаях выступают пары не полностью соответствующих друг другу глаголов, как *nieść* : *wynieść*, *nieść* : *przynieść* и т. д., которые можно было бы назвать парами неточных дублиетов 2-го типа. О том, какие глаголы имеют неточные дублиеты, сообщают словари. Во всяком случае, к этой категории относится довольно значительное число бесприставочных глаголов.

Некоторые глаголы вообще не имеют совершенного коррелята, хотя бы и неточного. К ним относятся прежде всего ряд глаголов, обозначающих состояние, например: *stać* «стоять», *leżeć* «лежать», *znać* «знать», *kochać* «любить» и т. п., в частности и приставочные несовершенные глаголы, вроде *zależać* «зависеть»; далее, известная группа вспомогательных глаголов, например: *mieć* «иметь», *mu-*

sieć «долженствовать», *pić* «мочь», *śmieć* «сметь», *umieć* «уметь»; наконец, некоторое число бесприставочных итеративных глаголов, например: *nosić* «носить», *wozić* «возить», *pisywać* «писывать», *mawiać* «говоривать» и т. п. Вопрос о том, по какой причине эти глаголы не имеют совершенного коррелята, пока еще не подвергался исследованию. Напрашивается мысль, что их значение содержит известные компоненты, не поддающиеся перфективации. В пользу этого говорил бы тот факт, что в некоторых других языках те же самые или подобные семантические группы также не имеют категорий, соответствующих польскому совершенному виду. Мне представляется, однако, возможным, что причины кроются здесь в особенностях исторического развития категорий совершенности и несовершенности в польском языке. Словом, пока вопрос остается открытым [28].

Кроме того, заслуживает внимания тот факт, что в польском и в других славянских языках существует немногочисленная группа двувидовых (или вневидовых) глаголов, которые с точки зрения вида могут быть расценены как «сomposita», поскольку они употребляются то как совершенные, то как несовершенные. К этой группе относятся следующие глаголы: *widzieć* «видеть» и «увидеть» (ср., однако, вышеупомянутый 4-й тип [29]), *zdołać* «суметь» и «уметь, мочь», *gasić* «извольт, соизвольт», *ofiarować* «жертвовать, пожертвовать», *darować* «даровать», *opłacić się* «окупается, окупится» и *potrafić* «уметь, суметь» (от которого, однако, иногда уже образуется дублиет *sportrafić*).

Все эти отступления от нормы не оказывают, однако, существенного влияния на дуализм системы, основанной на парах семантических дублиетов. Ведь существование так называемых «*pluralia tantum*» и «*singularia tantum*», или дефективных типов склонения, или остатков двойственного числа несколько не препятствует дуализму единственного и множественного числа в склонении. В принципе каждое глагольное значение выступает и в совершенном и в несовершенном виде, а каждая конкретная глагольная форма всегда имеет один, и только один, вид, являясь, следовательно, либо совершенной, либо несовершенной.

Итак, в целом о формальных показателях видов можно сказать, что логическая категория вида

выражается в польском языке при помощи формальных средств словаря, которые в области вида утрачивают свои смысловые функции, приобретая функцию видовую. При этом нет ни одного внешнего критерия, который позволил бы человеку, не знающему польского языка, с первого взгляда определить, является ли данный глагол совершенным или несовершенным. Ибо наряду с обычными беспривставочными несовершенными глаголами существуют также беспривставочные совершенные, например: wrócić «возвратиться», rzucić «бросить», krzyknąć «крикнуть», dać «дать»; наряду с беспривставочными совершенными на -nąć, как, например, krzyknąć, имеются многочисленные несовершенные глаголы такого же типа, например: ciągnąć «тянуть», gasnąć «гаснуть», biegnąć «бежать»; наряду с обычными привставочными совершенными (неитеративными) типа napisać «написать», существуют и несовершенные, вроде pisać «принадлежать», potrafić «уметь», prosić «окаждать»; даже наряду с обычными привставочными итеративными глаголами несовершенного вида типа wyciągnąć «выносить», sporadycznie встречаются напоминающие их по форме совершенные, например ujeździć «объездить (лошадь)», несовершенным дублетом которого является ujeżdżać «объезжать». Но, несмотря на отсутствие внешних критериев, каждый поляк всегда сумеет определить, является ли данный глагол совершенным или несовершенным, так как на вопрос «что это ты делаешь?» никогда нельзя ответить совершенным глаголом. Следовательно, если глаголом можно ответить на этот вопрос, то глагол является несовершенным, если же нельзя, то совершенным. Указанный эксперимент не может служить критерием лишь для беспривставочных итеративных глаголов, так как они, собственно говоря, не отвечают на такой вопрос, хотя и относятся к несовершенным. Эти глаголы, однако, очень легко распознаются на основании словообразовательных критериев. Итак, определение вида данного глагола не представляет для поляка никаких трудностей, ибо решающим здесь является языковое чутье при ответе на вопрос «что это ты делаешь?». Однако иностранцу, который таким чутьем не обладает, помимо изложенных выше общих указаний, может помочь лишь словарь.

II. НАЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ ВИДА В СИСТЕМЕ ГРАММАТИКИ

На вопрос, каково назначение категории совершенного и несовершенного видов, очевидно, можно ответить, следуя за научной традицией, что несовершенство представляет данное действие *dans son développement* — в его развитии, т. е. в процессе его осуществления, а совершенность — *dans son achèvement, dans son résultat*⁷, т. е. в его результате или завершенности. Однако, как только заходит речь о применении этого определения к конкретным случаям, сразу же возникают сомнения: что значит *dans son développement* и *dans son résultat, achèvement*? Например, если официант в ресторане спрашивает: *Czy panowie już zapawali?* «Господа уже заказывали?» (несов.), то трудно сказать, идет ли речь в этом вопросе о *développement* или об *achèvement*, а иностранец, основываясь на таком определении, скорее употребил бы совершенный вид, так как он, несомненно, полагал бы, что речь здесь идет о *résultat*, о целостности, об *achèvement, Vollendung* и т. п. Это относится и к следующим случаям: *Zaraz wysiadamy* «Мы сейчас выходим» или *Czy już brałeś lekarstwo?* «Ты уже принимал лекарство?», *Czy już chodziliś do apteki?* «Ты уже ходил в аптеку?» и т. д. Все такие определения имеют слишком общий характер и в свою очередь требуют точной дефиниции выражений *développement, résultat, achèvement, Vollendung* и т. п. А прежде всего, даже если в ряде случаев и можно показать, в чем именно следует усматривать это *développement* и т. д., из подобных определений нельзя сделать вывод, почему одни типы предложений требуют *développement*, другие же — *achèvement*. Все эти выражения представляют собой лишь более или менее удачно выбранные синонимы «совершенности» и «несовершенности», *dokończoności* и *niedokończoności*, и если названные польские термины должны быть объяснены, то это не в меньшей мере относится и к их иноязычным синонимам. Подобно тому как известные акустические определения звуков в фонетике — «шипящие», «плавные», «твердые» и т. д. — не определяют сущности артикуляции данного звука, так и данные определения не отражают синтаксической сущности категории видов. Поэтому они понятны только для посвященных, так же как и акустическая терминология в фонетике. Если бы мы сказали иностранцу, что он должен произносить начальный согласный в слове

bały się твердо, а в слове biały мягко, то он, не слыша соответствующих звуков, оказался бы в затруднительном положении, не зная, как их произнести, и, например, в Саксонии каждый подумал бы, что мягкое b — это b, а твердое b — это p. Комментарии, часто сопровождающие такие определения, будучи основанными на сравнении с подобными звуками иных языков, в некоторых случаях могут устранить у некоторых изучающих язык всяческие сомнения, но только именно в некоторых случаях и у некоторых посвященных; таким образом, эти комментарии не могут считаться объективным описанием, которое должно быть понятным для каждого читателя и должно вскрывать самую суть дела. Точно так же и проводимое Лескиным сравнение с немецкими глаголами типа erjagen «настичь», «настигать» и т. п., является не научным описанием, а в лучшем случае лишь подобного рода комментарием. В фонетике проблема решена с помощью артикуляционных определений, которые человеку, владеющему данным языком, дают возможность осознать родной язык, а иностранцу — воспроизводить звуки и понимать их сущность. И как в фонетике лишь детальный физиологический анализ работы органов речи дает основания для научных дефиниций, так и в области синтаксиса лишь анализ самих понятий, выражаемых синтаксическими категориями, дает нам основу для строго научных определений.

Поэтому я считаю абсолютно необходимым провести такой понятийный анализ категорий совершенности и несовершенности, — анализ, который, подобно анализу артикуляции в фонетике, раскрывает существо дела и тем самым дает ключ к пониманию очень многих деталей. Из этого анализа мы получим прежде всего и соответствующий принцип классификации материала.

Вопрос о назначении совершенного и несовершенного видов в системе грамматики является важным не только для польского и других славянских языков, но и для общего языкознания. Ведь в целом ряде неславянских языков обнаруживаются параллельные или родственные явления, и для понимания этих явлений рассмотрение польских фактов, и прежде всего вопроса о назначении грамматической категории вида, представляется со сравнительной точки зрения весьма ценным, в особенности потому, что некоторые из этих языков теперь уже относятся к

мертвым и применительно к ним трудно опираться на такой очень важный критерий, как языковое чутье. Если разработка польской аспектологин претендует на общее значение для языкознания и не хочет быть лишь разделом описательной грамматики польского языка, то она непременно должна учесть это обстоятельство и, подвергнув точному анализу вопрос о назначении видов в системе грамматики, должна стремиться, исходя из общелингвистических предпосылок, понять явления, свойственные польскому языку, и определять их место в общей системе.

Приступая к исследованию вопроса, в чем состоит смысл разграничения семантических дублетов, мы должны прежде всего рассеять всякие сомнения относительно самого реального существования этих дублетов. Если упомянутые выше типы 1 и 4 не возбуждали никаких сомнений в отношении идентичности значения внутри глагольных пар, то типы 2 и 3 потребуют некоторых пояснений.

Тип 3 (włócić : wtracać и zagubić : zabrać) образует несовершенный коррелят совершенного глагола путем итеративизации, так что можно было бы предположить, что несовершенный глагол по своему значению не соответствует здесь совершенному, обозначая, как итеративный глагол, многократность действия³. Глаголы этого типа, несомненно, могут обозначать многократность действия, например: *Wszystko trzeba mu trzy razy powtarzać* «Все ему надо повторять три раза». Но такую многократность могут обозначать и приставочные совершенные глаголы, например: *Powtórzywszy to pięć razy można przejść do następnego punktu* «Повторив это пять раз, можно перейти к следующему пункту». Ср. также предложения типа *Czasem rzucę na nich okiem* «Порой брошу на них взгляд», где благодаря обстоятельству времени *czasem* «порой» не остается никаких сомнений в том, что мы имеем дело с многократностью, повторительностью, хотя употреблен глагол совершенного вида *rzucę*. Следовательно, возможность выражения многократного действия отнюдь не является характерной особенностью исключительно глаголов с итеративными суффиксами. И, кроме того, что еще важнее, данные глаголы, если говорить о самом виде, вообще не имеют многократного значения. Например, на вопрос *co tam robisz?* «что это ты делаешь?» я отвечаю: *Wyciągam*

gwóźdz «Вытаскиваю гвоздь», Powtarzam wczorajszą lekcję «Повторяю вчерашний урок», а в этих случаях нет и речи о многократности. С таким явлением мы встречаемся у подавляющего большинства подобных глаголов. И если лишь несколько приставочных совершенных глаголов, как, например, *zaśpiewać* в значении «начать петь», не имеют несовершенных коррелятов, образованных таким путем, то это, очевидно, является следствием того, что они относятся к семантическим группам, не имеющим оснований выступать в несовершенном виде.

Тип 2 (*robić* : *zrobić*) породил большие недоразумения. Правда, точные семантические дублиеты возникают в результате сложения лишь с некоторыми приставками. Однако, с другой стороны, все сложные производные от одного и того же бесприставочного глагола, образованные при помощи других приставок, как правило, также являются совершенными, хотя по своему значению, в каждом случае совсем иному они ни в коей мере не могут быть признаны семантическими дублиетами исходного бесприставочного глагола. Например, сов. *zarobić* «заработать», несомненно, не может считаться семантическим дублиетом несовершенного *robić* «делать», «работать»; именно поэтому *zarobić* требует образования вторичного несовершенного глагола *zarabiać* «зарабатывать», что для совершенного *zrobić* «сделать» ввиду наличия несовершенного дублиета *robić* не является необходимым. И именно то обстоятельство, что все глаголы, образованные с приставками, в противоположность бесприставочным, как правило, являются совершенными, создало иллюзию, будто все приставочные образования, производные от одного бесприставочного несовершенного глагола, представляют собой его совершенные корреляты.

Вместо того чтобы группировать все совершенные и несовершенные глаголы в соответствии с действительным употреблением семантических дублиетов, учитывая существование разных формальных типов глагольных пар, некоторые ученые стали группировать часть совершенных и несовершенных глаголов в соответствии с их общими словообразовательными признаками, а семантическое различие, существующее между бесприставочным глаголом и производными приставочными глаголами, стали рассматривать как сущность несовершенности и совершенности. Так, сравнивали

robić «делать» — и	{	wyrobić	bić «бить» — и	{	wybić	piąć «пестить» — и	{	wynieść
		„выработать“			„выбить“			„вынести“
		zarobić			przebić			donieść
		„заработать“			„пробить“			„донести“
		przerobić			zabić			przynieść
		„переделать“			„убить“			„принести“
		zrobić			rozbić			zanieść
„сделать“	„разбить“	„снести“						
и т. д.	и т. д.	и т. д.						

Далее, при сравнении, например *bić* и *zabić*, вполне правильно отмечали, что *zabić* в самом своем значении включает окончание и результат действия; но из этого различия в значениях двух совсем несоотносительных глаголов, один из которых случайно является несовершенным, а другой — совершенным, делали абсолютно неправильный вывод, будто семантические особенности, отличающие *zabić* от *bić*, составляют сущность совершенности вообще. А поэтому совершенность и несовершенность принимали за семантические группы, стоящие наравне с другими семантическими группами, такими, как ингрессивность, точность, дуративность и т. д. И, подобно тому как те или иные действия являются дуративными, одни действия рассматривали как совершенные, а другие — как несовершенные. При этом полностью игнорировали тот факт, что одно и то же действие выражается то в совершенном виде, то в несовершенном, точно так же как, например, одно и то же действие представляется или в будущем, или в настоящем, или в прошедшем времени, а один и тот же предмет — в родительном или предложном падежах и т. д. Эти неправильные выводы повлекли за собой весьма существенные последствия для сравнительного языкознания. Ибо таким образом виды были отождествлены с некоторыми семантическими различиями, возникающими в результате сложения глаголов с приставками, а поскольку приставочные глаголы существуют во всех индоевропейских языках, совершенность и несовершенность стали находить и в тех языках, в которых их нет, например в немецком. В тех же языках, в которых эти категории несомненно существуют, как, например, в семитических, их принимали за нечто другое [30].

Таким образом, анализ видов незаметно переместился из области синтаксиса в область словаря: одни лексиче-

ские значения были признаны совершенными, а другие несовершенными. Однако трактовать эту проблему подобным образом нельзя, ибо таким якобы типичным совершенным значениям, как «erjagen», «erstechen», соответствуют не одни только совершенные глаголы, а, как правило, пары, состоящие из одного совершенного и одного несовершенного глагола, например: *dogonić* «настичь» (сов.) : *doganiać* «настигать» (несов.), *przeszyć kogo mieczem* «пронзить кого-нибудь мечом» (сов.) : *przeszywać* «пронзать» (несов.) и т. д.

В связи с этим обращали внимание также на нем. *ermachen*, например *Der Schuster hat so viel zu tun, er kann seine Arbeit gar nicht ermachen* «У сапожника так много работы, что он не может с нею справиться, сделать ее всю», и утверждали, будто этот глагол является совершенным. Аналогично: *Die Pferde können es nicht erziehen* «Лошади этого не потянут» (=не могут везти такой груз) и т. п. Если бы здесь шла речь о том же явлении, что и в польск. *zrobić* : *zrobić*, т. е. если бы *ermachen* было совершенным коррелятом несовершенного *machen*, то мы бы ожидали найти глагол *ermachen* во всех таких случаях, в которых лексическое значение «*facega*» выступает в совершенном виде. Если, например, по-польски говорят *Zrobiwszy tu kteskę, dopisałem jeszcze kilka słów* «Проведя (букв. сделав) здесь черту, я приписал еще несколько слов», где допустим лишь совершенный вид *zrobiwszy*, то в немецком переводе здесь должен был бы выступать этот мнимый совершенный коррелят несовершенного *machen*. Но никому не придет в голову сказать: *Als ich hier einen Strich er-macht hatte, schrieb ich noch einige Worte dazu*. Это было бы просто непонятно, и каждый скажет лишь *als ich... gemacht hatte...* Ибо нем. *ermachen* имеет совсем другое значение, соответствующее польской паре *rodołać* «справиться (с кем, чем)» (сов.) : *rodoływać* «справляться» (несов.), и вовсе не является совершенным коррелятом несовершенного *machen*.

Далее, утверждают, что действие является совершенным, если его окончание входит в сферу мысли, в поле зрения говорящего («in den Blickpunkt des Sprechenden tritt»), т. е. если окончание данного действия включено в само представление о нем. Очевидно, подобная формулировка могла бы иметь применение в любом случае, когда речь идет о прошлом; но возможность такого ее исполь-

зования устраняют ссылкой на то, что время не оказывает на совершенность и несовершенность ни малейшего влияния. Известную трудность представляет здесь уже вопрос, что значит «in den Blickpunkt des Sprechenden treten». Возможно, что Лескин имел в виду собственное значение глаголов, считая совершенным только такой глагол, значение которого охватывает и окончание данного действия; возможно также, что он имел в виду ситуацию, характеризующую данное действие как совершенное, поскольку из всей ситуации следует, что это действие было или будет закончено. Но и в том и в другом случае Лескин был неправ. Ведь если речь идет, скажем, о глаголе *dopalać się* в значении «догорать», то этот глагол в отличие от бесприставочного *palić się* «гореть», несомненно, заключает в себе понятие окончания горения, но, несмотря на это, является несовершенным глаголом. И, кроме целого ряда подобных глаголов, совершенными должны были бы быть также глаголы с лексическим значением «*conficere*», «*vollenden*», как, например, *dokopywać* «совершать, оканчивать» или *kończyć* «кончать», которые являются несовершенными дублетами совершенных глаголов *dokopać*, *skończyć*. Правда, совершенный глагол *dopalić* в отличие от бесприставочного *palić* также заключает в себе этот конечный момент действия горения, как и целый ряд других совершенных глаголов; однако немало таких глаголов совсем не содержат этого момента. Не говоря уже о всех тех глаголах, которые, как, например, *zaśpiewać* «запеть», *zaświtać* «рассветить», по своему значению выражают не конец действия пения и т. д., а начало, многие глаголы, сложенные с приставкой *po-*, как, например, *poszytać* «почитать», *rogawędzić* «побеседовать», *rogwizdać* «посвятить», *pośpiewać* «попеть», обозначают вовсе не окончание действий чтения, беседы и т. д., а лишь то, что проводится некоторое время за чтением и т. д. Например, в предложении *Poczytałem sobie jeszcze gazetę* «Я еще почитаю газету» форма *poczytałem* сравнительно с *przeczytałem* «прочту» даже явно подчеркивает, что здесь вовсе не идет речь о прочтении всей газеты: что касается конечного момента, результата, то эти глаголы скорее подобны бесприставочным несовершенным *czytać* «читать», *gawędzić* «беседовать», чем такому глаголу, как *przeczytać*, но, несмотря на все это, они являются совершенными. Итак, многие несовершенные глаголы охватывают своим значением тот конеч-

ный момент, который считают характерной чертой значения совершенных глаголов, и многие совершенные глаголы не содержат в себе такого момента, так что рассматриваемое определение, если понимать его как относящееся к значению самих глаголов, не соответствует языковым фактам. Оно не соответствует действительности и в том случае, если мы отнесем его к ситуации, о которой говорится в данном предложении. Ибо если бы совершенные глаголы употреблялись в ситуациях, в которых говорящий имеет в виду окончание выражаемого действия, то мы имели бы эти глаголы, например, в следующих предложениях: *Wcale nie — wtrącił Ignacy.* — *Portmonekta doskonała, sam ją wybierałem* (P u s, Lalka) «Вовсе нет — вставил Игнаций, — кошелек превосходный, я сам его *выбирал*»; *Ja jeszcze będę pracował do dziesiątej, a potem pójdę spać* «Я еще *буду работать* до десяти, а потом пойду спать»; *Kto malował ten obraz?* «Кто *писал* эту картину?»; *A żył jeszcze ze dwa lata w Szwajcarii, a potem zmarł* «И *жил* еще года два в Швейцарии, а потом умер»; *Cygaro się dopala* «Сигара *догорает*»; официант в ресторане: *Czy rapowicie już zamawiali?* «Господа уже *заказывали*?». Во всех таких и подобных предложениях говорящий имеет в виду окончание данного действия, но употребляет несовершенные глаголы, хотя из ситуации определенно явствует, что речь идет о действиях, которые были или будут окончены. Таким образом, вопрос о том, имеется ли в виду окончание данного действия, еще не играет решающей роли.

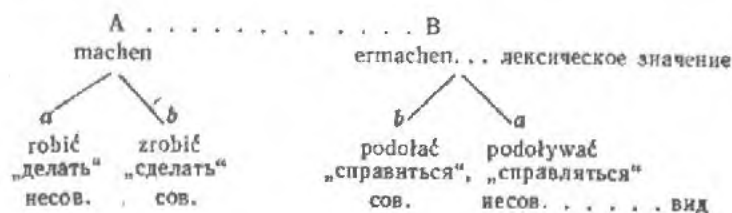
Очевидно, что для такого рода определений наиболее значительную роль сыграло сравнение славянских видов с отношениями в других языках, причем именно сравнение, исходившее из 2-го типа в случаях, когда в славянских языках образуются неточные дублиеты. Мнимой опорой для такого сравнения был факт сложения глаголов с приставками или, скорее, основывающаяся на этом сложении детерминация и результативность. И та, и другая, несомненно, характеризует детерминативные совершенные глаголы в отличие от недетерминативных несовершенных (*donieść* «донести» — *nieść* «нести»), но детерминативные несовершенные глаголы, например *donosić* «доносить», также ведь являются детерминативными, хотя они несовершенного вида. Следовательно, мы имеем здесь дело с абсолютно неправомерным обобщением, так как эта мнимая характерная черта совершенных глаголов обнаруживается

и у глаголов несовершенных. В результате сложения с приставками возникают новые глагольные значения; но они не могут быть базой для сравнения вида бесприставочных и приставочных глаголов, так как те же самые значения выступают и в приставочных несовершенных коррелятах.

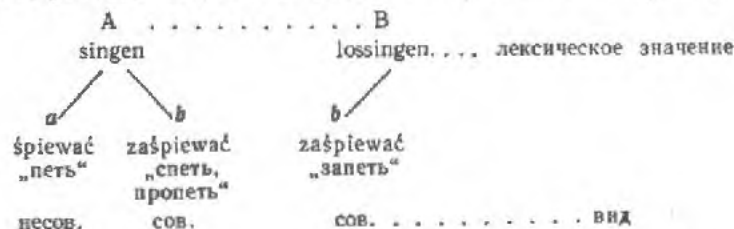
Очень важно, однако, учесть одно обстоятельство, которое часто обходится молчанием: сложение глаголов с приставками, сопровождающееся изменением значения, выступает как формальное средство перфективации лишь у известной части видовых типов глаголов. Прежде всего есть еще три совершенно иных типа видовых пар, и если бы славянские языки обладали лишь одним 2-м типом, то мы совсем не имели бы видов, так как, за исключением типа *gobić* : *zrobić*, все бесчисленные приставочные глаголы, вроде *zagościć* «заработать», были бы представлены лишь в совершенном виде, а мы знаем, что этого в действительности как раз и нет. И, кроме того, в количественном отношении точные и неточные семантические дублиеты 2-го типа сравнительно с другими возможностями составляют лишь меньшинство.

Вообще, говоря о методе интерпретации явления видов, следует подчеркнуть, что здесь не стоило бы исходить из анализа формальных показателей. Позволю себе пояснить на одном примере, к какому результату может привести такой метод при рассмотрении вопроса из другой области. Общеизвестно, что русский язык формально различает атрибутивность и предикативность прилагательных, например: *эта река широка* (предик.) и *эта широкая река* (атрибут.). Если бы нужно было выяснить, что такое предикативность и атрибутивность, и если бы мы применили здесь упомянутый метод, то мы должны были бы выводить сущность этих категорий из их формальных показателей. Но ведь *широка-я* — это детерминация прилагательного, создание определенной формы рядом с неопределенной *широка*; таким образом, мы пришли бы к выводу, что атрибутивность заключается в детерминации, а предикативность — в индетерминации, а это ни в коей мере не соответствует действительности. В чем же состоит ошибочность рассматриваемого метода? Ответ прост: в применении исторического подхода при выяснении грамматической функции категорий описательной грамматики. Можно было бы привести очень много примеров, свиде-

тельствующих о том, что формальные показатели некоторых категорий очень часто утрачивают в процессе развития языка свое первоначальное значение и становятся показателями категорий совсем иного рода. И если говорить о функции категорий совершенности и несовершенности, то такой анализ их формальных показателей в лучшем случае может нам дать лишь указания, касающиеся происхождения этих категорий. В связи с безраздельным господством историзма в методах современной научной грамматики следует самым решительным образом подчеркнуть, что функции видов в грамматической системе входят в сферу описательной грамматики и могут быть подвергнуты историческому исследованию только после того, как определена их роль на основе фактов современного языка. Сравнение же с другими языками может основываться лишь на этих функциях, а не на формальных показателях. Недопустимы такие выводы, как: в славянских языках глаголы с приставками являются (отчасти!) совершенными; в немецком языке также существуют приставочные глаголы; различия, имеющиеся в немецком языке между бесприставочными и приставочными глаголами, существуют и в славянских языках; поэтому различие совершенности и несовершенности в славянских языках — это то же, что и различие приставочных и бесприставочных глаголов в немецком языке. В действительности же, если различие между *robić* «делать» и *zrobić* «сделать», *zarabiać* «зарабатывать» и *zarobić* «заработать» и т. д. мы считаем различием несовершенности и совершенности, то тем самым мы не можем считать различием несовершенности и совершенности то различие, которое существует между *machen* «делать» и *ermachen* «справляться», *stechen* «колоть» и *erstechen* «закалывать», *suchen* «искать» и *finden* «находить». См. следующую таблицку:

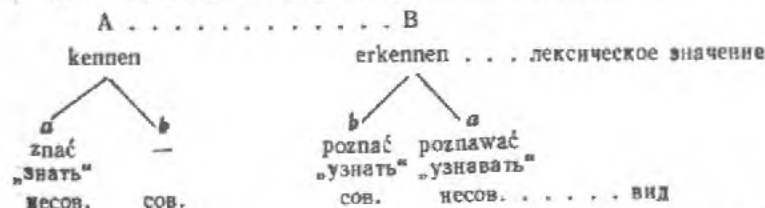

Из этой таблички явствует, что, приняв $a = \text{несов.}$ и $b = \text{сов.}$, мы не можем усматривать в отношении $A : B$ отношение $a : b$. Если даже под B имеется только b , а a нет и если к тому же это Bb выступает также и на месте несуществующего Ab , то и тогда $a : b \neq A : B$. Например:

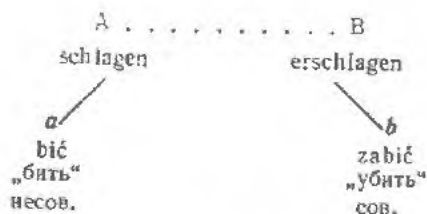

Отношение $A : B$ здесь всегда будет лишь отношением бесприставочного глагола к соответствующему ингрессивному, тогда как *zaśpiewać* в роли Ab полностью утрачивает свое ингрессивное значение и обозначает «спеть, пропеть», например: *Gdy pani O. nam zaśpiewała jeszcze pieśń Schuberta, wszyscy poszli zadowoleni do domu* «Когда г-жа О. спела нам еще песню Шуберта, все пошли довольные домой» (= *gdy wykonała* «когда исполнила», а не *gdy zaczęła* «когда начала»). Поэтому и сравнение *singen* и *lossingen* ($A : B$) также не может быть основой для выявления отношения $a : b$, представляя лишь отношение $Aa : Bb$, т. е. отношение двух различных семантических величин, а не двух видов при одном и том же лексическом значении.

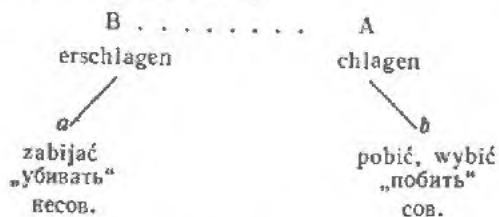
У довольно многочисленных глаголов, не обладающих Ab , например *znać* «знать», анализ понятия совершенности на базе немецких соответствий также невозможен:

Сопоставление же *bić* «бить»: *zabić* «убить» = *schlagen*: *erschlagen*, закономерное с точки зрения семантического сдвига, вызванного присоединением приставки, является совершенно необоснованным и некритичным с точки зрения объяснения видов:

Для нас речь идет лишь об $a : b$, так как, устанавливая отношение несовершенности и совершенности в польском языке, мы можем сравнивать лишь эти две величины. Однако отношение $a : b$ выступает и в следующем сопоставлении (которое, естественно, является столь же неправильным, как и предыдущее):

При таком сопоставлении польскому несовершенному виду отвечает в немецком *erschlagen*, совершенному же виду — *schlagen*, что, несмотря на полное соответствие рассматриваемому методу, явилось бы результатом, полностью противоречащим рассматриваемым утверждениям.

Итак, следовало бы, наконец, отказаться от совершенности и несовершенности немецких глаголов. Само собой разумеется, бывают случаи, когда немецкий глагол при переводе, безусловно, должен быть передан совершенным глаголом. Но от этого немецкий глагол не становится совершенным. Ведь нельзя же утверждать, будто в немецком языке имеется двойственное число в силу того, что в некоторых случаях форма *die Hände* обозначает обе руки одного человека, что, например, в санскрите было бы выражено двойственным числом.

Итак, каковы же функции совершенности и несовершенности? На этот вопрос наука отвечает по-разному, но ясно, что решить его можно, лишь основываясь на употреблении видов. Мы знаем уже, что видовые различия не являются ни различиями в значениях глаголов (и

stać się «совершиться» и *dziać się* «совершаться» обозначают («fieri»), ни чисто стилистическими, как различия между синонимами. Видовые различия являются функциональными. По этой причине исходным пунктом для анализа функции видов должно быть их употребление. Ведь там, где возможен лишь один вид, а другой исключается, проявляется их различие и тем самым их функция в системе грамматики. Однако различий в употреблении совершенного и несовершенного вида очень много, и при выборе исходного пункта нужна осторожность, ибо различия могут здесь быть и побочными, не связанными с функцией видов. Многие из таких различий уже в отдельных славянских языках, а в еще большей степени в неславянских представлены неодинаковым образом. Лишь в одном пункте не только в славянских, но и в неславянских языках господствует далеко идущее сходство, а именно: на вопрос «что это ты делаешь?» нельзя ответить совершенным глаголом. В этом явлении обнаруживается существенная связь категорий времени и вида. Ведь данное различие в употреблении совершенности и несовершенности, хотя оно и представляет собой лишь частный случай, отнюдь не ограничивается областью настоящего времени, но выступает с отчетливой последовательностью и в других временах, где оно только по некоторым причинам меньше бросается в глаза. Иные же, не менее заметные различия в употреблении совершенности и несовершенности в одних случаях выступают очень ясно, а в других отсутствуют вовсе, так что трудно рассматривать их как основу системы. Так, установлено, что несовершенность может иметь значение попытки (ср. лат. *imperfectum de conatu*), например: *doganiał go doganiał, ale nie dogonił* «догонял его догонял, но не догнал», где отчетливо проявляется различие между несовершенными и совершенными формами, причем несовершенность в противоположность совершенности, несомненно, подчеркивает, что субъект пробовал, пытался догнать кого-то. Однако в других примерах этого значения нет совсем, например: *Matejko malował ten obraz* «Эту картину писал Матейко» или *Wczoraj pisałem dwie godziny, a napisałem tylko jedną stronę* «Вчера я писал два часа, а написал только одну страницу», или *piniejszym zaświadcza się, że...* «настоящим удостоверяется, что...» и т. д. Таким образом, создается впечатление, что это

значение попытки является лишь семантическим оттенком, возможным при несовершенности, но не ее сущностью. Далее, отмечается, что совершенность имеет значение возможности (нем. Kannbedeutung): Ten człowiek zje wszystko «Этот человек съест все» = «может съесть». Но и это значение выступает лишь в определенных условиях. Например, его нет в предложении: Zjadł wszystko, co było na stole «Он съел все, что было на столе». Подобным же образом дело обстоит с однократностью совершенных глаголов. Очень часто она отсутствует, например: Obrócił się razę rązy i już nie wiedział... (P r u s, Lalka) «Он обернулся несколько раз и уже не знал...»; Patrzyli na niego ze zdumieniem i zgrozą a często gęsto usłyszal przykre słowo (R e u m o p t, Chłopi) «Они смотрели на него с недоумением и ужасом, и частенько он слышал (букв. — услышал) недоброе слово» [31]. Особой специфичностью отличается вопрос о точечном значении совершенных глаголов. Точечный способ действия может выступать лишь в совершенном виде. Отсюда, однако, не следует, будто точечность, как иногда утверждали, составляет сущность совершенного вида. Возьмем следующий пример: ...kiedy kobieta ma co rozstrzygnąć, to *potrawić* to może dwa tysiące lat (M a k u s z y Ń s k i, Wycinanki) «...когда женщина должна что-нибудь решить, то это может *продлиться* две тысячи лет». О точечности здесь, как видим, не может быть и речи. Все эти и другие подобные семантические оттенки и функции нельзя признать сущностью совершенного и несовершенного вида, так как, хотя они и выступают иногда как явления, сопутствующие видам и основывающиеся на них, они все же характерны далеко не для всех случаев. Мы увидим ниже, что и те функции, которые обнаруживаются в употреблении видов при ответе на вопрос «что это ты делаешь?», также выступают не всегда, но там отклонения можно объяснить именно на базе системы, тогда как в только что приведенных примерах, если принять их за исходный пункт, мы не находим такого объяснения. Другие же различия в употреблении видов, как, например, функция будущего времени у форм настоящего времени совершенных глаголов, не являются общими даже для всех славянских языков и уже поэтому оказываются непригодными для анализа назначения видов в системе грамматики. Стоит подчеркнуть, что из невозможности употребления совершенных глаголов при ответе на во-

прос «что это ты делаешь?» вовсе не вытекает, что их формальное настоящее время должно иметь значение будущего.

.....

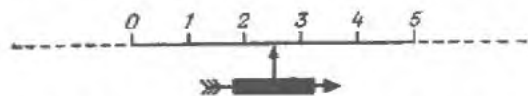
Ответ на вопрос «что это ты делаешь?» обозначает, что в момент речи мы находимся в процессе осуществления действия, выражаемого данным глаголом. Мы констатируем, следовательно, что только что были и в дальнейшем еще будем им заняты. Таким образом, в данном случае 1) факт, о котором идет речь, является актуальным, конкретно происходящим, а не абстрактным и лишь возможным, 2) он осуществляется именно в момент речи, и именно это мы должны выразить. Эти два пункта требуют детальных пояснений.

Начнем со второго пункта и зададим себе вопрос: как можно абстрактно определить такое настоящее время? Используем для этого образную замену временных отношений пространственными. Общепринятым символом времени в пространстве являются часы. На них в качестве эквивалентов единиц времени мы видим пространственные единицы, обычно в наложении двух систем отсчета — минут и часов. По практическим соображениям этому символу была придана форма замкнутого круга. Чтобы получить полный символ, нужно развернуть замкнутый круг в бесконечную прямую линию, на которой единицы времени будут обозначены как единицы пространства: каждой индивидуальной единице времени будет соответствовать индивидуальная единица пространства. Приняв, например, 1 см за эквивалент 1 часа, мы получим бесконечную прямую, на которой сегодняшний день будет представлен следующим образом:

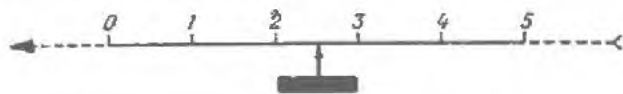
Эта прямая, естественно, внешне изменится в зависимости от того, будет ли принят в качестве мельчайшей единицы времени больший или меньший временной отрезок. Но в принципе она останется прежней, изменится лишь масштаб. Эту прямую мы называем «линией времени».

Стрелки на часах отмечают текущий момент, т. е. локализируют момент или точку времени, которую мы минуем в данное мгновение. Для обозначения этой точки на линии времени нам понадобится лишь одна стрелка, так как мы имеем здесь единичную систему отсчета. Эта стрелка будет постоянно перемещаться вдоль линии времени в неизменном темпе слева направо, а вместе с ней — сознание субъекта, живущее в непрерывном настоящем:

Ведь субъект в каждый момент имеет иное сознание, но он сохраняет непрерывность своего сознания, мысля себя в каждый момент как только что бывшего и впредь долженствующего быть. Таким образом субъект связывает прошлое с будущим уже не в точечном, а в линейном сознании настоящего. При этом порядок, в котором прошлое соединено с будущим, является необратимым, так как субъект не может мыслить себя как только что долженствующего быть и бывшего впредь.

Таков один способ представления времени, но вполне равноценен ему и другой, при котором субъект со своим настоящим стоит неподвижно, а линия времени с ее единицами перемещается мимо него:

Иными словами, важнейшим фактором в нашем представлении времени является понятие движения, без которого часы перестают быть символом времени. Следовательно, при анализе вопросов времени данный фактор следует учитывать. Однако это движение является относительным: мы не знаем, действительно ли перемещается субъект по отношению к единицам времени или же эти единицы перемещаются относительно субъекта. Подобно тому как, скажем, для пассажира в движущемся поезде оба представления движения одинаково возможны и постоянно фигурируют как элемент путевых впечатлений (хотя мы прекрасно знаем, что движутся не телеграфные столбы, не дуга, леса и т. д., а лишь вагоны поезда вместе с нами), так и в

восприятии времени субъектом возможны оба представления, тем более что мы не знаем, перемещается ли субъект или линия времени. Итак, лишь совокупность этих двух представлений движения дает полную картину концепции времени.

Какую же роль в этой концепции играет «факт»? Существует бесконечное множество разновидностей фактов. Однако если принять во внимание их отношение ко времени, то все факты, очевидно, могут быть разделены на две группы: 1) конкретные факты, осуществляющиеся в какое-то время, которое допускает точное календарно-хронологическое определение; 2) абстрактные факты, не связанные со строго определенным, свойственным только им индивидуальным временем, обладающие лишь общей значимостью.

Так, если я действительно мою руки, то этот факт осуществляется в известный час, в известный день и т. д., он вполне конкретен и индивидуален. Если же речь идет о пословице *Ręka rękę myje* «Рука руку моет», то выраженный таким образом факт не осуществляется в определенный час, является абстрактным. Эти два рода фактов имеют неодинаковое отношение к линии времени: конкретные факты занимают свое собственное вполне индивидуальное место на линии времени, их отличает свое «местоположение во времени» или «временное местоположение» (*wartość miejscowa w czasie, Zeitstellenwert*), тогда как абстрактные факты не обладают своим местоположением на линии времени. Различение этих двух типов фактов является постулатом логики. В индоевропейских языках нет соответствующих грамматических категорий [32]. Поэтому европейские лингвисты обычно игнорируют указанное чрезвычайно важное различие и не замечают того, что отсутствие его формального выражения имеет для индоевропейской глагольной системы ряд последствий, затемняющих ее истинный характер. Я выдвинул этот вопрос в своих предшествующих работах о глагольном виде, стремясь определить его роль в концепции времени в целом. Ввиду отсутствия в индоевропейских языках *s o o t v e t s t v u j u c h i x* формальных категорий можно было бы весьма скептически относиться и к данной теории, в тем более к извлеченным из нее выводам. Однако другие языки очень последовательно различают категории временной локализованности и вневременности в глагольной системе

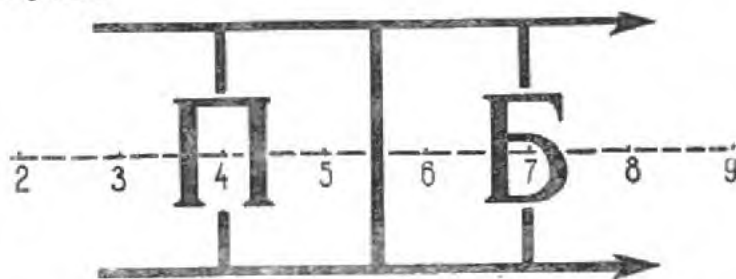
при помощи формальных средств, задачей которых является выделение именно этого различия. Такие формальные категории есть, например, в турецком языке, где они составляют характерную черту глагола. Наряду с так называемыми определенными временами здесь выступает неопределенное время — «аорист» (собственно, вневременная форма), причем употребление этих времен является очень последовательным. Например, определенное настоящее время представляет факт, действительно осуществляющийся в момент речи, тогда как так называемое неопределенное настоящее обозначает, что данный факт происходит обычно, может произойти (т. е. не имеет своего индивидуального местоположения во времени). Термин «настоящее» является здесь, по моему мнению, неточным. Различие между турецким и индоевропейскими языками очень ярко проявляется также в причастиях: *jazağ* = «пишущий» и *jazap* = «пишущий», однако *jazağ* = «тот, который способен писать, кто обычно пишет», т. е. *rişmiennü* «грамотный», тогда как *jazap* = «тот, который в данный момент занят действием писания» (может быть, даже вообще и неграмотный)*. Эти категории в турецком языке не могут заменять друг друга без коренного изменения смысла данного предложения, подобно тому как в польском языке не могут заменять друг друга деепричастия *pisząc* и *pisawszy**. Рассмотренный факт турецкого языка неопровержимо доказывает, что в представлении времени существуют категории временной локализованности и вневременности. Это, безусловно, следует учесть, тем более что отсутствие соответствующих формальных категорий вызывает в индоевропейском и, в частности, польском синтаксисе ряд последствий, непонятных без учета этих факторов. Необходимо осознать, что категории временной локализованности и вневременности действительно существуют и в индоевропейском сознании (когда для нас оказывается важным их выразить, мы делаем это при помощи других частей речи, например наречий и т. д.); поэтому их учет в системе временных категорий отнюдь не означает навязывания индоевропейским языкам несвойственных им понятий.

Таким образом, мы различаем локализованные во времени и вневременные факты. Говоря, субъект выражает

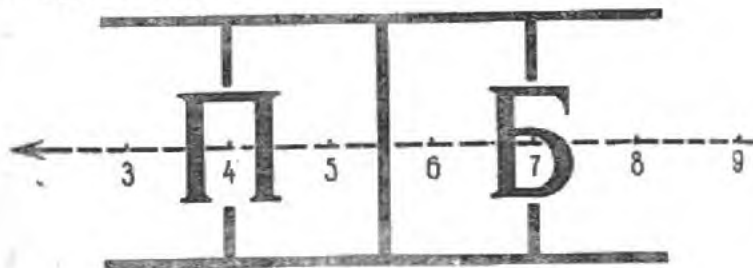
* Или в русском языке причастия *пишущий* и *написавший*. — *Приж. перев.*

отношение во времени между фактом, о котором идет речь, и своим «я». Каково же может быть это отношение для обеих рассмотренных разновидностей фактов?

Говорящий, безусловно, расчленяет время, рассматривая все временные местоположения, которые удаляются от него (или от которых он удаляется), как прошедшие, все те, которые приближаются к нему (или к которым он приближается), — как будущие, а факты, местоположение которых на линии времени совпадает с моментом речи, — как настоящие. Итак, во временной системе, мы видим, так сказать, подвижную систему координат. Обозначив «прошедшие» факты посредством П, а «будущие» — посредством Б, мы можем наглядно изобразить эту систему следующим образом:

Конечно, такое расчленение фактов мыслимо лишь на базе движения во времени, а без движения время вообще нельзя себе представить. Однако, как уже было отмечено, движение это является относительным, т. е. помимо схемы, данной выше, его с тем же успехом можно изобразить следующим образом:

Оба эти представления сосуществуют как равноправные, ибо они вытекают из относительности движения

во времени и не оказывают никакого влияния на разделение фактов на «прошедшие» и «будущие». Помимо теоретических доводов, об этом свидетельствует хотя бы полная равноценность метафор, основывающихся на обеих концепциях. Так, предложение *Wszyscy czujemy, że zbliżamy się do chwili rozstrzygającej...* «Мы все чувствуем, что приближаемся к решающему моменту...» (концепция перемещающегося субъекта) равнозначно *Zbliża się chwila rozstrzygająca* «Приближается решающий момент» (концепция перемещающейся точки времени).

Если речь идет о временной характеристике факта, мы можем или охарактеризовать его местоположение во времени безотносительно к моменту речи, например: *15 sierpnia 1932 o godzinie 5 popołudniu początek wyścigów konnych...* «Начало скачек 15 августа 1932 г. в пять часов пополудни...» — что обычно выражается без глагольных форм, которые в таких случаях по меньшей мере необязательны, — или мы можем охарактеризовать местоположение факта во времени по отношению к говорящему лицу, употребляя для выражения будущего⁶, как правило, форму *futurum*, для выражения прошлого — формальный *praeteritum* и для выражения настоящего — формальный *praesens*. Следует обратить внимание на то, что эти формы не всегда употребляются соответственно в значении настоящего, будущего или прошлого и что иногда мы используем их в других случаях. Так, в приведенном выше примере *Siedzę wczoraj przy biurku i piszę list do brata, a wtem Antek nagle wpada do pokoju* (см. стр. 106), несмотря на употребленный *praesens*, речь идет, как мы видим, о прошлом. Ср. в учебниках по истории: 333: *Aleksander zwycięża w bitwie pod Issus* «333: Александр одерживает победу в битве при Иссе» и т. п., где вообще не рассматривается местоположение факта по отношению к говорящему лицу, имеется в виду лишь его положение в календарно-хронологической системе. Точно так же в примере *syty głodnego nigdy nie rozumie* «сытый голодного никогда не понимает» *praesens* не выражает значения настоящего: здесь мы имеем дело с вневременностью. Поэтому ни *praeteritum*, ни *futurum* не могут изменить основного смысла этого предложения; формулировки *syty głodnego nigdy nie rozumiał* «сытый голодного никогда не понимал» или *syty głodnego nigdy nie będzie rozumieć* «сытый голодного никогда не будет понимать» выражают то же самое.

Категории прошлого, настоящего и будущего отнюдь не исчерпывают всех возможных определений местоположения данного факта на временной линии. Так, можно определить, кроме того, его местоположение по отношению к другому факту и местоположение всего комплекса по отношению к моменту речи — в этом случае мы получаем понятия предпрошедшего, преждебудущего и т. д. В некоторых языках есть и другие категории, но нам вполне достаточно этих. Во всех этих случаях обозначается соотношение между местоположением данного факта и говорящим лицом. Это соотношение мы называем термином «темпоральная отнесенность» (*względność temporalna, Zeitstufenbezug*). Ясно, что темпоральная отнесенность может иметь место лишь у конкретных фактов, тогда как у фактов абстрактных нет базы для такой отнесенности, поскольку у них нет своего местоположения на линии времени. При отсутствии специальных глагольных категорий для обозначения абстрактных фактов мы используем те категории, которые у нас имеются; однако их первичная функция при этом утрачивается.

Возвращаясь к нашему ответу на вопрос «что это ты делаешь?», мы можем констатировать, что изложенное выше определение настоящего недостаточно. Ведь не каждое настоящее, которое предполагает, что в момент речи мы находимся в какой-то точке в пределах временного местоположения выражаемого факта, отвечает на вопрос «что это ты делаешь?» Так, если кондуктор в трамвае говорит: «*Proszę (или poproszę) o bilety do kontroli*» «Прошу (или попрошу) билеты для контроля» или свидетель в суде: *Przyśięgam* «Приношу присягу», то такое настоящее не отвечает на указанный вопрос. Такое *proszę, poproszę, przyśięgam* и т. п. не сообщает, что я занят просьбой, а собственно, и является этой просьбой — не говорит о данном факте, а само по себе является этим фактом, тогда как *Piszę list do brata* «Пишу письмо брату» только говорит о данном факте, не будучи им. В случаях, вроде сейчас рассмотренных, иногда в настоящем выступает совершенный вид. Следовательно, наш вопрос и, соответственно, ожидаемый ответ заключают в себе еще какие-то иные факторы, которые именно и требуют несовершенности.

Здесь мы переходим в область иного типа временной характеристики факта. Этот тип характеристичен я называю «направительной отнесенностью»

(względność kierunkowa, Richtungsbezug). Как мы видели, концепция времени основывается на факторе движения. А с понятием движения связано понятие направления. Если в упомянутом выше первом типе временной характеристики фактов мы характеризуем их в зависимости от отношения их местоположения во времени к местоположению говорящего лица в момент речи, то в этом втором типе мы характеризуем факты в зависимости от направительной отнесенности, вытекающей из двойственного восприятия относительного движения. Выше уже было показано, что это относительное движение можно наглядно представить себе двояким способом: либо по временной линии из прошлого в будущее перемещается субъект, либо из будущего в прошлое, минуя субъект, перемещаются точки временной линии, — это зависит от того, наблюдает ли субъект себя самого или другое лицо по отношению к временным местоположениям или же он наблюдает временные местоположения по отношению к себе. В ответе на вопрос «что это ты делаешь?», как мы сейчас увидим, ясно обнаруживается направительная отнесенность из прошлого в будущее.

Когда мы хотим сказать о каком-то факте, что он осуществился, мы говорим: Fakt ten nastąpił «Этот факт произошел». Тем самым мы выражаем, что факт, который до момента своего осуществления относился к будущему, перешел границу, отделяющую его от прошлого, встретившись на этой границе с нашим «я». Например, O godz. 9-ej zgasło światło elektryczne «В девять часов погас электрический свет». В восемь часов этот факт еще находился в будущем и приближался к говорящему субъекту, в девять он произошел и с момента своего осуществления относится к прошлому, удаляясь от субъекта все больше и больше. Ясно, что в этом случае движение времени мы понимаем как перемещение временного местоположения факта по отношению к субъекту из будущего в прошлое. Следовательно, мы имеем здесь дело с выражением, основываемся на второй концепции движения, когда субъект наблюдает местоположения на линии времени, перемещающиеся по отношению к нему. Такие местоположения встречаются с субъектом, но никогда не движутся вместе с ним в направлении от прошлого к будущему. Этот способ понимания относительного движения во времени я называю направительной отнесенностью из будущего в прошлое.

Когда же мы хотим выразить, что в какой-то момент действующее лицо, т. е. подлежащее предложения, занято (было или будет занято) осуществлением данного факта в его временном местоположении, т. е. когда мы хотим выразить, что данный факт совершается, мы рассматриваем относительное движение времени как движение действующего лица, перемещающегося по отношению к временным местоположениям в том же направлении, что и говорящее лицо, — из прошлого в будущее. Ведь если данный факт совершается, то это значит, что он только что совершался и будет совершаться в дальнейшем. Здесь исходным пунктом в представлении относительного движения является не местоположение на линии времени, а действующее лицо. Такой способ понимания относительного движения во времени я называю направительной отнесенностью из прошлого в будущее.

Таким образом, обе направительные отнесенности строго соответствуют обеим концепциям движения во времени, и если характеристика факта в зависимости от отношения его местоположения во времени к субъекту абстрагируется от движения, заимствуя у него лишь понятия будущего и прошлого, то направительная отнесенность абстрагируется от отношения между положением факта и говорящим лицом.

Вернемся теперь к нашему ответу на вопрос «что это ты делаешь?» Этот ответ представляет собой а) с точки зрения временной системы настоящее в точном смысле слова, б) с точки зрения направительной отнесенности — типичную отнесенность из прошлого в будущее. В этом ответе речь идет не о том, что нечто произошло или произойдет, а о том, что в момент речи кто-то чем-то занят, т. е. что он только что что-то делал и будет это делать в дальнейшем. Итак, возвращаясь к вопросу о том, какие же факторы требуют несовершенности в ответе на вопрос «что это ты делаешь?», мы констатируем, что несовершенности требует, безусловно, лишь направительная отнесенность из прошлого в будущее, заключенная уже в самом вопросе. Ибо настоящее как темпоральная отнесенность еще не требует несовершенности, поскольку существует настоящее, не отвечающее на вопрос «что это ты делаешь?», например: Poproszę o biletu «Попрошу билет» и т. п. Следовательно, несовершенство выражает направительную отнесенность из прошлого в будущее — это и есть собственная функция

категории несовершенности, разумеется, не только в настоящем, но и в прошлом и будущем. Категорией, служащей для выражения направительной отнесенности из будущего в прошлое, является совершенство, ибо при ее помощи мы выражаем готовый факт, взятый в его местоположении на линии времени.

.....

Нам предстоит, однако, решить еще один вопрос. На основании определения мы знаем только, что мы выражаем при помощи видов. Мы знаем также, что, за исключением некоторых особых случаев, каждый факт может быть представлен и в одном и в другом виде. Теперь важно еще выяснить, какие именно факторы побуждают нас представлять данный факт в *développement* (в развитии) или же в *achèvement* (в завершенности), т. е. каковы типичные случаи, в которых выступает или должна выступать та или иная направительная отнесенность, требующая данного вида. И именно в этом вопросе результаты проведенного нами анализа понятий играют большую роль.

Естественно, что мы употребляем данный вид прежде всего тогда, когда мы хотим специально подчеркнуть данную направительную отнесенность; но необходимость ее подчеркивания далеко не в каждом случае выступает так ясно, как в ответе на вопрос «что это ты делаешь?» или при выражении точечного действия. Как мы уже выяснили, только в настоящем, отвечающем на вопрос «что это ты делаешь?», безраздельно господствует несовершенство. В прошлом же и будущем каждый факт, обладающий некоторой протяженностью во времени, может быть представлен в обеих направительных отнесенностях, так что в принципе можно употреблять оба вида. Отсюда, однако, не следует, будто в этих временах вид в конкретных случаях является произвольным и будто в них можно заменять один вид другим без ущерба для значения.

Это значит, что хотя, за исключением точечных фактов, о каждом факте можно сказать, что он находился или будет находиться в процессе протекания, что он *совершался* и стал реальностью — *совершился*, все же мы выбираем ту или другую форму в зависимости от того, какую именно направительную отнесенность мы хотим выразить. В сущности, вид выражает известное отношение, опирающееся на

сравнение двух величин. Выбор данного типа отнесенности для данного факта предопределен, когда другие мысли, содержащиеся в высказывании, уже составляют некоторые компоненты направительной отнесенности и дают исходный пункт для сравнения.

Здесь можно в порядке аналогии указать на логику выражения в математике. Если из двух величин a является большей, а b меньшей, то такое отношение в принципе можно выразить двояким способом: 1) $a > b$ или 2) $b < a$. Какую возможность мы выберем, зависит от того, что на основе логического развития данного математического вывода будет являться исходным пунктом: а) одна из двух величин — a или b , или β) один из двух знаков — $>$ или $<$. Следовательно, а) если исходным пунктом сравнения будет a , выражение будет иметь вид $a > b$; если же b , то $b < a$; β) если речь идет о том, какая из величин является большей, то $a > b$; если же спрашивается, какая из них меньшая, то $b < a$. Это значит, что решающей здесь является логическая связь, существующая между данным высказыванием и другими суждениями в составе всего вывода. Поскольку логическая связь предопределяет выбор одного компонента этого отношения, о свободе выбора той или иной формы в принципе речь может идти только в случае совершенно изолированной констатации различия между этими двумя величинами, вне связи с другими суждениями данного вывода. В этом последнем случае выбор одного компонента — т. е. либо исходного пункта, либо самого отношения, — естественно, определяет другие компоненты, но сам по себе выбор именно этого компонента не является предопределенным. Подобным же образом дело обстоит и при выборе вида. Если временное отношение данного факта к другому в комплексе фактов, называемом ситуацией, содержит элементы относительности (например, одновременность или предшествование), то это отношение, свойственное данной ситуации, влечет за собой для данного факта данную направительную отнесенность. Если же данный факт совершенно изолирован, то направительная отнесенность является в принципе произвольной; естественно, что выбор одного исходного пункта или решительное подчеркивание одного отношения, одной отнесенности оказывается здесь решающим.

Итак, мы имеем в основном следующие случаи:

1. В сложном ситуационном типе, в котором данный факт выступает во временном отношении к другим фактам, сама ситуация определяет направлятельную отнесенность, а тем самым и вид. Это имеет место тогда, когда ситуация содержит в себе общую для обоих фактов основу сравнения.

2. В изолированном типе направлятельная отнесенность является произвольной, если для нас не важно особо подчеркнуть одну определенную направлятельную отнесенность выбором данного исходного пункта, например, субъекта по отношению к местоположению факта во времени (в изолированном вопросе «что это ты делаешь?») или факта в его местоположении (при подчеркивании достижения результата).

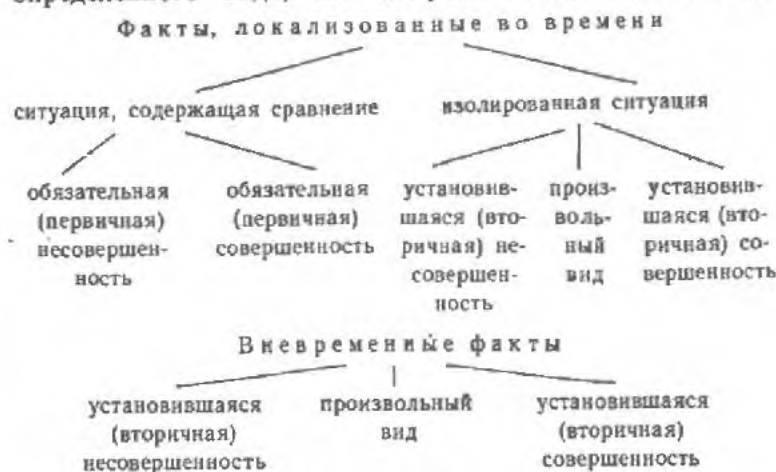
3. В ограниченном количестве случаев направлятельная отнесенность определяется самим фактом; это происходит тогда, когда этот факт имеет чисто точечный характер.

III. УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДОВ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

...Мы видели, что существует два рода фактов, имеющих неодинаковое отношение к видам: факты, обладающие местоположением во времени, и факты без такого местоположения. Это различие будет исходным пунктом нашей классификации материала, так как факты без местоположения на линии времени, собственно говоря, не требуют никакого вида. Ведь направлятельная отнесенность заключается в понятии перемещения во времени местоположения данного факта и говорящего субъекта. Вневременные же факты не обладают местоположением. Следовательно, в принципе различия в направлятельной отнесенности, а тем самым и в виде являются для них несущественными. Поскольку в польском языке нет специальных категорий для выражения вневременности (имеющихся, например, в турецком языке), нам приходится пользоваться теми формами, которые существуют, хотя они и не выражают этой вневременности; отсюда следует, что при вневременности теоретически не является обязательной ни совершенность, ни несовершенность.

Итак, мы имеем два рода фактов, а в рамках первого рода — две возможности: а) ситуация требует одного вида,

б) ситуация не требует определенного вида. В случае (а) ситуация может требовать 1) совершенности, 2) несовершенности; в случае (б), если вид не основывается на специальном подчеркивании самой направлятельной отнесенности, он может быть 1) произвольным, 2) определяемым как совершенный или несовершенный на базе иных факторов, отчасти вторичных. Равным образом и при фактах, не обладающих местоположением на линии времени, вид может быть 1) произвольным и 2) регулируемым вторично как совершенный или несовершенный. Таким образом, абстрагируясь от случаев, в которых сам факт требует определенного вида, мы получим следующую схему:

Разумеется, помимо этого, в известных условиях резкое подчеркивание направлятельной отнесенности может требовать определенного вида. Если речь идет о ситуации, содержащей сравнение, такое подчеркивание, естественно, может проявиться лишь в использовании того вида, которого требует сама ситуация. Следовательно, с обусловленностью выбора вида стремлением непосредственно подчеркнуть направлятельную отнесенность мы имеем дело только там, где вид мог бы быть произвольным.

Отсюда следует, что несовершенность, выступающая в каком-то конкретном случае, может быть 1) обязательной на основе направлятельной отнесенности, или вытекающей из ситуации, или же подчеркнутой непосредственно самим говорящим, 2) установившейся в результате

вторичного урегулирования в рамках изолированных ситуаций, 3) произвольной в тех же рамках, так что она может быть заменена совершенностью, 4) установившейся в результате вторичного урегулирования в рамках вневременности и 5) произвольной в рамках вневременных фактов. Те же случаи возможны и в конкретном примере совершенности. Это значит, что вид конкретной формы глагола может основываться на одном из этих пяти случаев. Таким образом, в результате теоретического анализа мы получили логическую схему, позволяющую нам выделить случаи, в которых польская норма отходит от теоретических постулатов. Подобно тому как формулировка какого-либо звукового закона в области исторической фонетики позволяет нам выделить случаи отклонения от нормы и одновременно требует объяснения этих отклонений, так и здесь мы получили критерий, который позволяет оценить вид в конкретных примерах, охарактеризовать эти примеры как нормальные или отклоняющиеся от нормы, и — в этом последнем случае — требует от нас истолкования данного отклонения.

Переходим к описанию употребления видов в современном польском языке *.

А. ФАКТЫ, ОБЛАДАЮЩИЕ МЕСТОПОЛОЖЕНИЕМ ВО ВРЕМЕНИ

1. Факт требует одного определенного вида

Если данный факт не имеет протяженности во времени и равняется математической точке, то он может быть осознан только в направительной отнесенности из будущего в прошлое и, следовательно, выражен только в совершенном виде.

Подобные факты встречаются довольно часто. При этом речь всегда идет о глаголах, обозначающих такой переход из одного состояния в другое, при котором оба состояния непосредственно, без какого-либо промежутка во времени, соприкасаются друг с другом, например: *umrzeć* «умереть», *reknąć* «лопнуть» и т. д. Мы можем представить себе данное существо либо еще живым, либо уже мертвым, между

* В последующем тексте при переводе сделаны значительные сокращения в пределах всех выделяемых автором рубрик. — *Прим. перев.*

этими двумя состояниями нет никакого третьего, переходного. К рассматриваемой категории можно было бы причислить случаи, где говорится о начальной или конечной точке какого-либо действия, например: *zaspiewać* «запеть», *dokończyć* «додончить», *dojechać* «доехать», *dopalić się* «догореть» и т. п. Однако эти последние примеры отличаются от предыдущих (обозначающих точечность в полном смысле слова) тем, что здесь глагол (скажем, *dopalić się*) не только указывает на заключительный момент, но охватывает и предыдущее действие (горение), без чего такой глагол был бы немислим. Напротив, *umrzeć* вовсе не включает предшествующего умирания, а выражает или может выражать факт чисто точечного характера. Во всех подобных случаях совершенный вид не обуславливается ситуацией и вытекает из самой природы данного действия. В течение долгого времени точечность принимали за сущность совершенного вида, но мы знаем, что есть немало совершенных глаголов, соответствующих не точке, а линии: например, *pogwizdać* «посвистеть», *posiedzieć* «посидеть» и т. п. Следовательно, точечность не может быть сущностью совершенного вида; она представляет собой лишь некий специальный случай, к которому несовершенный вид по природе вещей не может быть применен. Если от подобного глагола все же образуется форма несовершенного вида, то эта форма при ее использовании в актуальном временном значении получает несколько иной смысл. Для несовершенности необходимо некоторое протяжение во времени; и оно создается за счет присоединения к конечной точке действия симптомов, сопутствующих признаков ее приближения. Если *umrzeć* выражает самый момент перехода от жизни к смерти, то несовершенное *umierać* «умирать» охватывает симптомы приближения смерти, выстраивая их в линию, необходимую для несовершенности, так что смысл здесь уже будет «лежать в агонии, бороться со смертью». Другие же глаголы получают значение состояния, порождаемого данным фактом, например: *dotknąć* : *dotykać* «коснуться : касаться». Так возникают противопоставления, вроде *wybierał się, wybierał, ale się nie wybrał* «собирался, собирался, но (так и) не собрался»; *doganiał go, doganiał, ale go nie dogonił* «догонял его, догонял, но не догнал» и т. п. Здесь в формах несовершенного вида выступает конативность (ср. в латыни и в греческом языке *imperfectum de conatu*).

Иногда подчеркивание сопутствующих признаков приводит к появлению совершенно другого значения, например: *zdać egzamin* «сдать экзамен» = «получить положительную оценку», а *zdawać egzamin* «сдавать экзамен» = «подвергаться экзамену». То, что данное лицо лишь подверглось экзамену, еще никоим образом не означает, что оно этот экзамен сдало. В подобных случаях мы имеем дело с неточными дублетами, как, собственно, и в случае *umiegać*.

При употреблении несовершенных форм таких глаголов в значении многократности точечность сохраняется. Однако они указывают уже не на одну точку, а на ряд точек, выстраивающихся в линию, что и дает возможность представить действие в несовершенном виде. Например: *Paniuje tam straszna epidemia, ludzie umierają setkami* «Там страшная эпидемия, люди умирают сотнями», где *umierają* означает, что много людей уже умерло и много, несомненно, еще умрет (а не то, что много людей лежит в агонии). Так же и при вневременности: *Zdarza się, że taki człowiek bez wszelkiego przygotowania przychodzi na egzamin — i zdaje egzamin* «Случается, что такой человек, совсем не подготовившись, приходит на экзамен — и сдает его». Наконец, в историческом и сценическом настоящем рассматриваемые несовершенные глаголы тоже обозначают точечные действия, о чем еще будет идти речь ниже.

За исключением отмеченных сейчас случаев, точечность факта может быть выражена только совершенным видом, а следовательно, наступление такого отдельного факта может быть представлено только в прошедшем или в будущем времени. Лишь там, где возможно предвидеть его наступление, мы можем придать действию известную временную протяженность включением предваряющих симптомов, причем в этом случае мы выразим уже не само наступление соответствующего события, а именно эти симптомы. Те же точечные и моментальные события, которые нельзя предвидеть, вообще не могут быть представлены в актуальном несовершенном настоящем: ведь их наступление констатируется лишь после того, как оно состоялось, т. е. тогда, когда оно уже принадлежит прошлому. Например, мы скажем: *Uderzyłem się głową o kant* «Я стукнулся головой об угол» (в темной комнате), а не *uderzam się* «стукаюсь». Непредусмотренность такого

«наступления» исключает формы настоящего времени и в других языках. Так, по-немецки нельзя было бы сказать *Ich stosse mich (gerade) an die Kante* «Я (как раз) натыкаюсь на угол» и т. п.

II. Ситуация, содержащая сравнение, требует одного определенного вида

1. Направительная отнесенность из прошлого в будущее: несовершенный вид.

Здесь выступают два типа ситуаций: а) в одних исходным пунктом сравнения является определение времени, б) в других — какой-либо иной факт либо его местоположение на временной линии.

а) К типу, в котором пунктом сравнения оказывается момент, обозначенный обстоятельством времени, или же само указание на время заключает в себе направительную отнесенность из прошлого в будущее, принадлежат:

а) В области настоящего — все случаи настоящего в смысле ответа на вопрос «что это ты делаешь?». Конечно, обстоятельства вроде *teraz, w tej chwili, obecnie, właśnie* «сейчас, в этот момент, теперь, как раз» и т. п. могут и отсутствовать, ибо они подразумеваются из контекста и из самой формы *praesens*. Ср. *Piszę (w tej chwili) list do brata* «Пишу (в данный момент) письмо брату», *Czytam książkę* «Читаю книгу». Следует обратить внимание на то, что в несовершенном виде выступают не только индетерминативные, но и детерминативные глаголы, например *wyciągam gwóźdź* «вытаскиваю гвоздь», и даже такие, в лексическом значении которых прямо подчеркивается окончание действия, например *cygaro się dorała* «сигара догорает», *dojeżdżamy* «мы (уже) подъезжаем», т. е. наша поездка подходит к концу. Говорю об этом в связи с теорией, будто у совершенных глаголов законченность действия вытекает из их лексического значения или из того факта, что эта законченность «находится в поле зрения говорящего лица». Приведенное употребление дает прекрасный аргумент против подобных толкований, ибо, если бы дело обстояло так, все глаголы с подчеркнутым значением окончательности не могли бы выступать в несовершенном виде.

б) В области прошлого, настоящего и будущего сюда же относятся сочетания с обстоятельствами типа *cozaj to*

bardziej, coraz to pręcej «все сильнее, все быстрее», выражающими направление из прошлого в будущее, и с обстоятельствами времени, отвечающими на вопрос «как долго?» (*jak długo*), например: *przez cały ten czas, jedną godzinę, całe lata* «все это время, (целый) час, целые годы» и т. д. Нужно, однако, отметить, что с обстоятельствами этого последнего типа употребляются и совершенные глаголы, а именно так называемые претеритивные, образованные с приставкой *po-*: *postać, posiedzieć, przeczytać* «постоять, посидеть, почитать (провести некоторое время за чтением)» и т. д. При других глаголах, например *przesiedzieć* «просидеть», подобные определения времени являются не обстоятельствами продолжительности, а дополнениями: *Przesiedzieli godzinę w milczeniu* «Они просидели час в молчании».

Примеры: *Madzię ogarniał coraz większy niepokój* (*P r u s, Eмансупантки*) «Мадзю охватывало все большее беспокойство»; *Człowiek ten przedstawiał się coraz inaczej* (он же, *Lalka*) «Этот человек представлялся (ей) все в новом и новом свете»; *Zmierzch zapadał coraz głębszy* (*P e r z y ś k i, Cudowne dziecko*) «Сумерки сгущались все больше». Во всех этих и подобных примерах глаголы совершенного вида были бы невозможны. *Marynia* (która przez cały ten czas rozmowy matki z Sobieniewskim *jadła* obiad, teraz, otarłszy usta, wstaje i mówi:) (*B a ł u c k i, Klub kawalerów*) «Марыня (которая во все время разговора матери с Собеневским *ела* обед, теперь, вытерев губы, встает и говорит:)».

Обстоятельства времени, отвечающие на вопрос «как долго?», обычно требуют в польском языке несовершенного вида, например: *A. orgasowywał* (не — *orgasował*) *swoją gramatykę całe lata* «А. обрабатывал (не — обработал) свою грамматику годами». Однако есть известные исключения — отмеченные выше приставочные глаголы. Ср.: *Proszę się nie ruszać, a muszę zapowiedzieć panu, że to potrwa* *dosyć długo* (*B a ł u c k i, Grube ryby*) «Прошу не двигаться и должен предупредить вас, что это *продлится* довольно долго»; *Pan Kazimierz* *postał* *chwilę. Wreszcie* *ukłonił się i wyszedł* (*P r u s, Eмансупантки*) «Пан Казимерж *постоял* минуту. Наконец поклонился и вышел»; *Targ z niemi* *przeciągnął się z kwadrans* (он же, *Lalka*) «Торг с ними *продлился* с четверть часа»; *Drugi syn* *Władysława i Zofii* *nie pożył długo* (*J a c h i m e s k i, Muzyka*

polska) «Второй сын Владислава и Софии прожил недолго». Подобные примеры говорят о том, что в польском языке при обстоятельствах, отвечающих на вопрос «как долго?», совершенный вид, во всяком случае, не исключается. Однако отсюда еще не следует, что теоретически мы должны ожидать в таких предложениях именно этого вида: ведь его можно было бы рассматривать и как отступление от нормы, свойственное только польскому языку. С другой стороны, по утверждениям польских грамматистов⁷, обстоятельства указанного типа требуют несовершенности. Хотя подобного рода утверждения и не соответствуют фактам, они важны как ясные свидетельства прочной связи между несовершенным видом и обстоятельствами продолжительности, — связи, наличной в языковом сознании поляка. Поскольку в некоторых других языках в аналогичных случаях выступает категория совершенности (например, в древнегреческом — аорист: *ἔβασιλευσε* *τριάχοντα* *ἔτη* «Он процарствовал 30 лет»), можно думать, что эта связь является специфически польской или специфически славянской чертой. Интересно было бы подвергнуть вопрос детальному исследованию. Сейчас я не могу его решить [33].

С иными обстоятельствами времени, вроде *powoli, stopniowo* «мало-помалу, постепенно», употребление несовершенного вида не обязательно, но довольно обычно. Ср. совершенный вид: *Stopniowo doszło do tego, że...* «Постепенно дошло до того, что...» и т. п.

γ) Сходную категорию фактов представляют собой инфинитивы при вспомогательных глаголах типа *zacząć, kontynuować, przestać* «начать, продолжать, перестать». Само значение этих глаголов указывает на то, что подлежащее действует и находится в известной точке местоположения действия, выраженного зависящим от них инфинитивом. Следовательно, данный инфинитив представляет действие в процессе его протекания. Ведь само собой разумеется, что нельзя *начать* или *продолжать* такое действие, местоположение которого на линии времени уже целиком заполнено им самим. Равным образом *перестать* делать что-то можно только в какой-то момент протекания соответствующего действия. Все эти вспомогательные глаголы изображают движение времени именно в определенной фазе местоположения данного факта. Тем самым заранее исключается представление

всего местоположения факта в его целостности, т. е. исключается совершенный вид. Потому-то инфинитивы, зависящие от таких глаголов, могут быть только несовершенного вида, например: *Wówczas Selim odwrócił się i rozczął mierzyc z pistoletu (Siemkiewicz, Hania)* «Тогда Селим обернулся и начал *целиться* из пистолета»; *Ona przestała płakać* «Она перестала плакать» и т. д.

б) В качестве исходного пункта сравнения выступает другой факт, входящий в состав целой ситуации. Оба сказуемых могут быть равноправными, либо одно оказывается подчиненным по отношению к другому.

а) Сказуемые равноправны. Ситуационный тип: «что-то произошло, и тем временем произошло что-то другое». Например: *Lampa gasła. Wokulski zdmuchnął ją i rzucił się na łożko (Prus, Lalka)* «Лампа *гасла*. Вокульский задул ее и бросился на постель». Постановка вместо несовершенного *gasła* совершенного *zgasła* повела бы к бессмыслице: «Лампа погасла (т. е. уже не горела). И вот Вокульский задул ее». Ситуация, которую хотел изобразить автор, требует именно несовершенного вида, создающего благодаря свойственной ему направительной отнесенности то, что В. Дорошевский удачно назвал *фоном*¹. На этом фоне может выступить (*наступить*) другое событие (задул и т. д.).

б) Сказуемые неравноправны (в сложноподчиненном предложении). Особенно ясна обязательность несовершенного вида в тех главных предложениях, которым подчинены придаточные времени, и в самих придаточных времени, в следующих ситуационных типах:

1) что-то произошло, когда происходило (или произошло) что-то другое;

2) что-то произошло или происходило, когда произошло что-то другое.

Например: *Gdy Pan do mnie zadzwonił, akurat się ubierałem* «Когда вы позвонили, я как раз *одевался*»; *Jakem wracał, spotkałem trzech na samej Marszałkowskiej (Przytycki, Cudowne dziecko)* «Когда я *возвращался*, я встретил троих как раз на Маршалковской». Совершенный вид означал бы здесь «по возвращении» и был бы невозможен. Незаменяемость вида основывается на направительной отнесенности, заключенной в самой ситуации.

При других типах придаточных предложений речь может идти о разных точках на линии времени: события,

выраженные сказуемым главного и придаточного предложения, могут быть одновременными. В этих случаях выбор вида определяется не самим фактом зависимости, а только временным соотношением. Если время главного и время придаточного предложения не покрывают друг друга, выбор вида будет обусловлен намерением говорящего, т. е. тем, стремится ли он представить событие в его «протекании» или в его «наступлении». Совершенный вид в придаточном предложении, несомненно, указывает на то, что данный факт либо уже наступил до того момента, в котором рассматривается действие главного предложения, либо только наступит после этого момента. Так, *Mówiliśmy z nim o tej książce, którą on napisał* «Мы говорили с ним о той книге, которую он *написал*» может означать, что речь у нас шла об уже написанной ранее книге или же о такой, которую он написал позже, после нашего разговора^{*}. Сложные предложения с неидентичным временем обоих действий не принадлежат к случаям, где вид определяется ситуацией. Они относятся к изолированным ситуациям и будут рассмотрены ниже.

у) Сюда входят, наконец, предложения с причастиями настоящего времени, выражающие временные соотношения двух фактов в рамках ситуации, которая содержит сравнение.

2. Направительная отнесенность из будущего в прошлое: совершенный вид.

Здесь мы имеем следующие типы:

а) Сравнение заключается в констатации того, что данный факт наступил либо наступит в определенный момент, обозначенный (а) по отношению к местоположению другого факта или (б) определением времени.

а) «Наступление» факта может быть противопоставлено как «фону» протеканию (длительности) другого факта, выраженного несовершенным видом, а именно в ситуационных типах «что-то происходило, а тем временем что-то произошло», «когда что-то происходило, что-то произошло» и «что-то происходило, когда что-то произошло». Если же этот «другой факт» дан в совершенном виде, то мы получим ситуационные типы «что-то произошло, затем произошло что-то другое»

^{*} В этом последнем случае по-русски обязательны лексические указания на более позднее время, например: «Мы говорили с ним о книге, которую он *затем* и написал». — Прим. перев.

и — в сложноподчиненном предложении — «когда что-то произошло, произошло что-то другое». Пример первого рода (фон — наступление): *Widziałem na Riva degli Schiavoni, jak gaz płynęło pół skorupki od jajka i pół cytryny: stykały się, potęcały, oddalały, zbliżały, wreszcie — pał! pół cytryny wpadło w pół jajka i popłynęły razem* (Sienkiewicz, Rodzina Połanieckich) «Я видел на Рива дельи Скьявони, как однажды плыли половинка яичной скорлупы и половинка лимона: они сталкивались, задевали друг друга, отдалялись, сближались, наконец — хлоп! — половинка лимона попала в половинку скорлупы, и они поплыли вместе». При замене вида несовершенное *wpadało* «попадала» продолжало бы описание фона, так что было бы естественно спросить: «Ну и что же, собственно, произошло дальше?» (ср. и примеры *zadzwoził, spotkałem*, приведенные выше, под 16β). Ряд последовательных «наступлений» можно проиллюстрировать следующим отрывком: *Na jej widok wyszedł więc z framugi okna i, zbliżywszy się... do stołu, skłonił się, powiedział swoje nazwisko. Panna wyciągnęła do niego rękę i rzekła...* (там же) «При виде ее он вышел из ниши окна и, приблизившись... к столу, поклонился, назвал свою фамилию. Девушка протянула ему руку и сказала...» Замена совершенного вида несовершенным была бы здесь просто смешной.

β) «Наступление» часто характеризуется такими определениями времени, как *wtedy, wtem nagle, w tej chwili, gdy nagle* «тогда, внезапно, в этот момент, как вдруг» и т. п. Впрочем, сами по себе эти обстоятельственные слова не требуют совершенного вида, и только при *nagle*, *gątem* «внезапно, вдруг» он особенно типичен. Ср. *Jakiś błyszczący przedmiot zaświecił mi nagle pod nogami* (Perguski, Cudowne dziecko) «Какой-то блестящий предмет внезапно сверкнул у меня под ногами» [34].

б) Сравнение заключается в подчеркивании предшества одного факта другому в сложноподчиненных предложениях с временными союзами *gdy, kiedy* «когда»: *Późnym zaś wieczorem, gdy Połaniecki odszedł, Marynia, rozmyślając o nim, nie nazywała go w myśli inaczej, tylko «pan Stach»* (Sienkiewicz, Rodzina Połanieckich) «А поздно вечером, когда Поланецкий ушел, Марыня, думая о нем, не называла его в мыслях иначе, как «пан Стах». Если бы мы заменили здесь совершенное *odszedł*

несовершенным *odchodził* «уходил», то это значило бы «в момент ухода», а не «после ухода», т. е. была бы описана вовсе не та ситуация, которую хотел изобразить автор. Для сложноподчиненных предложений других типов изложенное правило не является обязательным, так как в них оба сказуемых могут быть несоотнесенными по времени.

В некоторых языках предшествование одного прошлого факта другому передается формой так называемого плюсквамперфекта. Но эта форма вовсе не параллельна польскому совершенному виду, так как она специально выражает именно соотношение двух временных местоположений.

В польском же языке в других случаях предшествующий факт может быть обозначен формой несовершенного вида, например: *Patrzył przez szyby na oświecone księżycem podwórze, po którym te same dwa białe psy, które witały go z takim wylaniem, goniły się teraz z sobą* (там же) «Он смотрел сквозь стекло на освещенный месяцем двор, где те самые две белые собаки, которые с такой радостью встречали его, гонялись теперь друг за другом». В латыни мы сказали бы здесь *salutaverant*, в немецком — *begrüsst hatten*.

Подчеркивание предшества ведет к исключительному употреблению совершенного вида в деепричастиях прошедшего времени на *-szy* (*napisawszy* «написав» и т. п.). Соответствующие несовершенные формы, хотя теоретически и могут быть образованы (**pisawszy*), в современном языке практически не встречаются.

III. В изолированном типе ситуация не требует одного определенного вида

1. За отсутствием момента сравнения ситуация не требует какой-либо определенной направительной отнесенности. Если нет стремления специально подчеркнуть направительную отнесенность, выбор вида основывается на вторичных (отчасти невидовых) факторах.

а) Специальное подчеркивание имеет место: а) в настоящем, отвечающем на вопрос «что это ты делаешь?» (данный тип был рассмотрен выше, среди «ситуаций, содержащих сравнение», и здесь я упоминаю о нем только потому, что момент речи является сравнительной величи-

ной для любого времени, так что в этих случаях трудно отличить сравнение временных величин от самой темпоральной системы); β) в прошлом и в будущем при особом подчеркивании «наступления», либо определенной точки действия (начальной или конечной), либо его целости, либо, наконец, его результата. Ср. *Dlaczego teraz nie palisz?* — *Miałem cygaro i papierosa. Cygar zasadniczo nie palę, a papierosa wywaliłem* «Почему сейчас не куришь? — У меня была сигара и папироса. Сигар я вообще не курю, а папиросу я выкурил». Напротив, в таком предложении, как *Boli mię głowa, bo wywaliłem papierosa* «У меня болит голова, так как я выкурил папиросу», речь идет вовсе не о том, чтобы особо подчеркнуть достижение действием его конечного момента; здесь важно лишь констатировать, что данное действие вообще имело место. Поэтому в данном случае вполне свободно можно употребить и несовершенный вид: ...*bo paliłem papierosa* «так как я курил папиросу».

б) Выбор вида на основе вторичных факторов (главные случаи):

а) Совершенный вид выполняет функцию отсутствующей в польском языке особой категории перфекта. Это наблюдается там, где состояние, вызванное непосредственно выраженным действием, еще продолжается в момент речи и образует центр тяжести данного высказывания. Если, например, какие-то двери должны быть постоянно закрыты, а я вижу их открытыми, я спрошу себя: *A któż otworzył te drzwi?* «Кто же открыл эти двери?» В том же предложении *otwierał* «открывал» будет обозначать, что двери закрыты, но я по каким-либо признакам устанавливаю, что их отворяли раньше. Так же говорится *kto tam wszedł?* «кто там вошел?», если вошедший еще не ушел, но *kto tam wchodził?* «кто там входил?», если вошедшее лицо снова вышло.

Совершенный вид в этих случаях легко объяснить тем, что действие, вызвавшее длящееся состояние, должно было быть завершено. Несовершенный же вид, как мне кажется, установился здесь в порядке своего рода поляризации, так как трудно было бы вывести данную его функцию из самой его сущности (= «быть в процессе выполнения действия»), как, впрочем, и из того понимания несовершенности, которое господствует в традиционных определениях.

β) Несовершенный вид выражает, что соответствующее действие вообще когда-то происходило (безотносительно к его результату и другим сопровождающим обстоятельствам); совершенный же вид обозначает конкретный, индивидуальный случай без оттенка обобщения. Ср.: *Cobytn ja dał za to, żebytn tak potrafił, jak wy, bez ceremonii zbliżyć się do panny.* — *Boś pan może nie próbował?* — *Owszem próbowałem* (*Batucki, Klub Kawalerów*) «Что бы я только не дал, чтобы уметь, как вы, без церемоний приблизиться к девушке. — А может быть вы не пробовали? — Конечно, пробовал» и *Więc cóż ostatecznie zrobicieś?* (там же) «И что же ты в конце концов сделаешь?»

γ) Несовершенный вид часто выражает или подчеркивает духовное авторство, например: *Kto budował ten pałac?* «Кто строил этот дворец?», если говорят об архитекторе (тогда как при *zbudował* «построил» речь идет о лице, финансировавшем строительство)⁹. Впрочем, здесь имеется немало непоследовательностей и отклонений.

δ) Несовершенный вид часто подчеркивает некоторые способы действия, особенно многократность. Это вполне понятно в тех случаях, где несовершенный глагол принадлежит к типу итеративных образований (наши типы 3а и 3б, см. выше, стр. 111); первоначальное многократное значение, исчезающее при создании видовых дублетов, снова оживает, когда несовершенство оказывается несущественной, поскольку ситуация не требует в обязательном порядке одного определенного вида. Но языковое сознание, по-видимому, связывает многократность с несовершенностью и переносит эту связь и на такие несовершенные глаголы, которые не имеют формальных признаков итеративного класса (т. е. на наши типы 1, 2 и 4), например: *Już pięć razy do niego pisałem, ale nie dostałem żadnej odpowiedzi* «Я уже 5 раз писал ему, но не получил никакого ответа».

ε) К изолированному типу принадлежит также употребление видов в формах повелительного наклонения и ζ) в формах причастия прошедшего времени страдательного залога [35].

2. В других случаях изолированного типа различия между совершенным и несовершенным видом слишком субъективны, чтобы можно было говорить о какой-либо устойчивости. Ряд тонких оттенков мастерски проанализировал на русском материале А. Мазон¹⁰.

В частности, произвольность вида отчетливо выступает в изолированных вопросах. Так, вместо *Dlaczego Gerwazy brał udział w polowaniu?* (С з а р с з у њ с к и, *Metodyczny rozbiór «Pana Tadeusza»*) «Почему Г. принимал участие в охоте?» можно было бы без сколько-нибудь заметной разницы сказать: *Dlaczego... wziął udział...?* «Почему... принял участие...?». Также абсолютно безразлично, будет ли сказано *Czy panowie już zamawiali?* «Господа уже заказывали?» или *zamówili* «заказали», когда официант в ресторане спрашивает посетителей, сделан ли уже заказ.

Несомненно, в вопросе заменимости вида известную роль играет т и п видовой пары. Наиболее легко осуществляется замена, например, в 3-м типе, где между дублетами нет никакой разницы в значении. Поэтому *Czy otworzyłeś mi drzwi, czy nie?* «Ты открыл ему дверь, или нет?» употребляется наряду с *czy otwierałeś* и т. д. «ты открывал» (в последнем случае — с оттенком обобщения). Напротив, *Czy czytałeś tę książkę?* «Ты читал эту книгу?» означает «был ли ты занят ее чтением?», тогда как *czy przeczytałeś...* «ты прочитал» — «прочитал ли ты ее всю, от доски до доски?» Здесь совершенная форма по сравнению с несовершенной обнаруживает некоторую надбавку значения вследствие детерминации, относящейся к выполнению всей целостности данного действия в размерах, определяемых величиной объекта. Аналогично: *Czy Janek jadł śniadanie?* *Czy pani piła herbatę?* «Завтракал ли Янек? Пили ли вы чай?», где параллельные совершенные формы *zjadł*, *wypiła* в силу присущей им детерминации находились бы в известном контрасте с несовершенными *jadł*, *piła*. Но без подобного различия: *Czy pakrecałeś* (или: *pakrećciłeś*) *zegarek?* *Jakie brałeś* (или: *wziąłeś*) *lekarstwo?* *Gdzie pan spędził* (или: *spędził*) *wakacje?* «Ты заводил (завел) часы? Какое ты принимал (принял) лекарство? Где вы провели (проводили) каникулы?» и т. д.

Нужно отметить, что к изолированному типу принадлежат и те придаточные предложения, которые обладают собственным временем. Речь идет о таких случаях, как *Czytałem dziś tę książkę, którą i ty wczoraj czytałeś* (рядом с *przeczytałeś*) «Я читал сегодня ту книгу, которую и ты вчера читал (прочитал)». И здесь выбор вида может быть произвольным, если ни один из названных выше факторов не подсказывает употребления какого-то определенного вида.

Б. ФАКТЫ БЕЗ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ НА ЛИНИИ ВРЕМЕНИ

Ввиду отсутствия в польском языке специальной категории вневременности факты без временного местоположения обозначаются теми же формами, что и факты, локализованные во времени, причем используются как несовершенные, так и совершенные глаголы. В этом нет ничего удивительного. Ведь и в других случаях при отсутствии специальных категорий мы прибегаем к каким-либо иным формам, наличным в языке. Так, у существительного нет особой формы, которая служила бы для выражения родового понятия о предмете в противоположность индивидуальной единице или какому-то количеству индивидуальных единиц. Но, когда нам нужно передать родовое понятие, мы употребляем форму, обозначающую единицу или единицы, т. е. форму единственного либо множественного числа, хотя ни та, ни другая, собственно, не выражает того, о чем идет речь. При этом, по существу, безразлично, скажем ли мы, например, говоря о свойствах известной породы птиц, *Szczygieł śpiewa* «Щегол поет» или *Szczygły śpiewają* «Щеглы поют». Точно так же рядом с совершенным видом в пословице *Wieda gozumi nauca* «Беда научит уму-разуму» может быть использован и несовершенный исчу «учит».

Есть, однако, случаи, когда и здесь имеет место то или иное вторичное урегулирование, и даже такие, в которых определенная направительная отнесенность составляет неотъемлемую часть смысла всего предложения, так что вид оказывается принципиально незаменимым. Продолжая нашу параллель, мы можем привести такой пример, как *Dwaj synowie jednego ojca nigdy nie są równi* «Два сына одного отца никогда не являются (во всем) одинаковыми», где множественное число нельзя заменить единственным, так как именно множественность входит неотъемлемой составной частью в рассматриваемое родовое понятие (понятие о п а р е сыновей). Так же и в вопросах вида. Есть предложения, в которых выражается общезначимость для любого времени именно данного временного соотношения между фактами. Ср. «протекание»: *Kiedy człowiek wodę pije, nie może równocześnie mówić, bo tchawica jest zamknięta* «Когда человек пьет воду, он не может одновременно говорить, так как дыхательное горло

закрото», где вместо *rije* нельзя было бы сказать *parije się* «напьется». Или «наступление»: *Gdy człowiek skończy jedną pracę, prędko o niej zapomina* «Когда человек кончит какую-нибудь работу, он быстро о ней забывает», где было бы невозможно несовершенное *kończy* «кончает» [36].

Приступаем к обзору основных случаев.

I. При отсутствии темпоральной или направительной отнесенности выбор вида произволен

Прежде всего сюда относится множество пословиц, например: *Cudza krzywda chleba nie da* «Чужая обида хлеба не даст» и, с несовершенным видом, *Cudza krzywda nie karmi* «Чужая обида не кормит». Или: *Kogo Bóg chce skazać, tedy mu gozup odejmie* «Кого бог хочет наказать, у того он отнимет разум». В вариантах этой пословицы находим *odejmuje* «отнимает», *odbierze* «отберет», *odbiera* «отбирает» и *bierze*, букв. «берет». Или: *Sam Bóg nie bierze, gdzie niemasz nic* «Сам бог не берет, где ничего нет» и *Gdzie niemasz, i król nie weźmie* «Где нет, и король не возьмет» и т. д.

Так же и в общих высказываниях, не носящих характера пословиц. Например: *Zaledwie kilka wierszy druku, rzuci się na nie okiem, przeczyta, potem przejdzie do innych wzmianek i artykułów, gazetę się schowa lub spali i na tem koniec!* (из газеты) «Всего несколько печатных строк, — на них бросят взгляд, прочтут, затем перейдут к другим заметкам и статьям, газету спрячут или сожгут — и на том конец!» Все совершенные глаголы без ущерба для смысла можно заменить здесь несовершенными — *złuca, czyła* (*przeczytuje*) и т. д.

Значение вневременности в подобных предложениях часто вытекает только из контекста. Нередко используются обстоятельства времени *zawsze, często, zwykle, zazwyczaj, gładko, nigdy* «всегда, часто, обычно, по обыкновению, редко, никогда» и др.; неопределенные местоимения, вроде *każdy, wszystkim, kłokolwiek* «каждый, весь, кто-нибудь»; неопределенные наречия места, например *wszędzie, nigdzie, gdzieś* «везде, нигде, кое-где» и т. п. Ср.: *Po polsku powie się zawsze...* (К р у џ с к і, *Jak nie należy mówić i pisać po polsku*) «По-польски всегда скажут...» Впрочем, обстоятельства и др. слова такого рода вовсе не всегда указывают на вневременность, так

как они встречаются и в предложениях, не имеющих этого значения.

Если в нашем распоряжении есть глагол отвлеченного значения типа *nosić, wozić* «носить, возить» и т. д., то в случаях вневременности мы чаще всего воспользуемся им: *Człowiek chodzi, a ryba pływa i ptak lata* «Человек ходит, а рыба плавает, и птица летает», где *idzie, płynie, leci* «идет, плывет, летит» было бы невозможно.

II. Несмотря на отсутствие сравнения во времени, вид является неизменным на основе других факторов

1. Примером вторичного урегулирования может служить стремление научного стиля передавать вневременность несовершенным видом, например: *Wociągnięta gniazda się na dachach i wysokich drzewach* «Аисты выют гнезда на крышах и высоких деревьях». Богатый материал дают здесь учебники, своды законов, правительственные распоряжения, воинские уставы, описания нравов и обычаев и т. п. Полной последовательности мы, конечно, не находим, но все же предложения вроде приведенного выше *Po polsku zawsze się powie* с совершенным видом встречаются в научной литературе и учебниках значительно реже, чем в обиходной речи или, например, в пословицах. Прежде всего это касается простых предложений, так как в некоторых типах сложных предложений даже в научном стиле применяется и совершенный вид наряду с несовершенным.

Следует отметить, что известное различие между *Po polsku zawsze się mówi...* «По-польски всегда говорят...» и *Po polsku zawsze się powie...* «...скажут...» все же ощущается (как и между *szczygły śpiewają i szczygieł śpiewa*). Различие это возникает в связи с основными функциями видов. Но из факта параллельного употребления обеих форм в абсолютно аналогичных контекстах явствует, что в условиях вневременности подобное различие может быть вполне irrelevantным.

2. Склонность к более широкому использованию глаголов несовершенного вида наблюдаем и в случаях многократного значения.

3. Наконец, несовершенный вид применяют там, где речь идет о выражении постоянного свойства какого-либо

лица, например: Nie palę cygar, nie piję wina, nie gram w karty «Я не курю сигар, не пью вина, не играю в карты»; wstaje o siódmej «встаю в 7 часов»¹¹. Хотя названные в таких предложениях действия обычно не происходят в самый момент речи и таким образом являются вневременными, констатируемое здесь свойство принадлежит какому-то вполне определенному лицу и, собственно говоря, существует в момент речи («я некурящий» и т. д.). Поэтому случаи такого рода стоят на границе вневременности и локализованности во времени. Если есть глагол отвлеченного значения, то употребляют его: Pani A. posi tylko zielone suknie «Г-жа А. носит только зеленые платья».

III. Вид оказывается незаменимым на основе элемента временного сравнения

Как уже отмечалось выше, та или иная направительная отнесенность может быть существенным составным элементом предложения, имеющего в целом вневременной смысл. Это наблюдается при наличии двух действий, взаимно сравниваемых во времени, причем и здесь «протекание» требует несовершенного, а «наступление» и «предшествующая законченность» — совершенного вида. Ср.: Gdy konia łowią, dają obroku, a kiedy złowią — kijem po boku «Когда ловят лошадь, дают корм, а когда словят — палкой по боку». Ясно, что и в łowią и в złowią вид незаменим, так как gdy łowią равнозначно такому обстоятельству, как «во время погони», а kiedy złowią — обстоятельству «после поимки», причем именно временное соотношение между всеми четырьмя названными в предложении фактами и составляет самый смысл пословицы. Здесь łowią аналогично примерам, рассмотренным выше, под рубриками А II 1 б β, złowią — примерам под А II 2 б, а в пословицах Kto czeka, doczeka się «Кто ждет, дождется» и Nie zobaczy, kto nie baczy «Не увидит, кто не видит» употребление вида аналогично случаям, приведенным под А III 1 а β.

В. СТОЛКНОВЕНИЯ

Синтаксис вида в польском языке дает немало примеров отступлений от основной закономерности; эти отступления базируются на том, что известные невидовые факторы обнаруживают ряд точек соприкосновения либо с самими

видовыми понятиями, либо, в иных случаях, с системой формальных показателей видов. Иногда невидовые факторы получают некоторое преобладание над системой видов и вызывают то или иное отклонение от принципиальной нормы их употребления, как она была описана выше. Мы рассмотрим здесь столкновения между видом и временем, которые выступают в формах *praesens**.

1. Несобственная несовершенство в так называемом *praesens historicum*¹²

Как мы уже видели, в ситуационном типе «протекание (фон) — наступление» для выражения внезапного наступления факта неизменно используется совершенный вид. В собственно настоящем этот ситуационный тип немыслим, так как здесь не может быть того, что я называю «наступлением». Зато в области *praesens historicum* названный ситуационный тип встречается очень часто. Ведь *praesens historicum* не есть настоящее, а есть лишь фиктивное перенесение каких-то событий из прошлого в настоящее. Говорящий ощущает такие события как прошедшие, вполне однозначно выражает это с помощью обстоятельств времени, вроде *wczoraj*, *parę dni temu*, *zszłego roku* «вчера, несколько дней назад, в прошлом году» и т. п., и так же понимает его и слушающий. Подобное перенесение прошлого в настоящее служит для оживления рассказа, так как создает у слушателя более непосредственное впечатление, как бы заставляя его лично переживать описываемые события. В высоком поэтическом стиле писателей XIX века (особенно у Красиньского) *praesens historicum* при обозначении «наступления» нередко, как и следует ожидать, бывает и в совершенном виде. Например: *Wraca Maryna pośród krzyków do zamku, huczy rycerstwo i wita ją swoją panią, potem rozbiegnie się po mieście* (К т а s i Ń s k i, *Agaj-Han*) «При (приветственных) кликах Марына возвращается в замок, шумят рыцари, приветствуя в ней свою госпожу, затем расходятся [в подлиннике совершенный вид] по городу».

Таких примеров употребления в *praesens historicum* форм совершенного вида — в противоположность принятому

* Подраздел II раздела В, рассматривающий столкновения вида и способа действия (в области многократного значения), мы опускаем. — Прим. перев.

в современном языке несовершенному — в художественной литературе прошлого века встречается довольно много¹⁵. В них ощущается известный оттенок будущего по отношению к предшествующим несовершенным формам, и этот оттенок вступает в контраст с фикцией настоящего, характерной для *praesens historicum*. Очевидно, неспособность презентных форм совершенных глаголов выражать актуальное настоящее сказывается даже в *praesens historicum*, где речь ведь идет не о подлинном, а только лишь о фиктивном настоящем. Так возникает коллизия настоящего времени, хотя бы и фиктивного, с совершенным видом, обусловленным ситуационным типом, т. е. коллизия временной системы и системы видовой. Коллизия эта устраняется двояким образом: либо ценой отказа в формах, обозначающих «наступление», от функции настоящего, т. е. путем возврата ради сохранения совершенного вида к претеритальным формам, либо, наоборот, ценой отказа от формального выражения «наступления», т. е. от совершенности, ради сохранения фикции настоящего, создаваемой презентными формами несовершенных глаголов. Первая возможность нередко используется в художественной литературе, вторая — очень часто в литературе и всегда в разговорном языке. Примеры: *Patrzy na mnie, patrzy, dziwi się i bardzo jest niespokojna. Aż jej wreszcie ulżyło: to pan ładnie książki pisze...* (М а к у с з у ї с к і, Perty i wieprze) «Смотрит на меня, смотрит, удивляется и проявляет большое беспокойство. И наконец у нее *вырвалось*: это вы пишете хорошие книги...» С другой стороны: *Ja pędzę, pędzę przez wieś, przez pole, ... pędzę dalej, aż nareszcie postrzegam oddział naszej jazdy, śpieszący nam z miasta na pomoc (F r e d r o, Trzy po trzy)* «Я бегу, бегу через село, по полю... бегу дальше и наконец *замечаю* отряд нашей конницы, спешащий из города к нам на помощь».

Интересно, что в этом ситуационном типе мы довольно часто встречаем даже такое употребление, при котором «фон» представлен претеритальными формами несовершенного глагола, а «наступление» — презентными формами несовершенного глагола. Для языкового чутья эти последние служат тогда весьма выразительным средством подчеркивания «наступления». Таким образом, *praesens historicum* несовершенного вида получает функции, нормально свойственные совершенному виду в формах претерита

И если повествование снова возвращается в обычный претеритальный план, то несовершенный вид — поскольку речь идет о «наступлении» — обязательно заменяется совершенным. Например: *Gdy się jeszcze ceremoniował zajął miejsce honorowe... wypadł z poza stodoły niby zadyuszany adjutant...* (F r e d r o, Trzy po trzy) «Пока он еще церемонился занять почетное место... *выскакивает* из-за овина как будто запыхавшийся адъютант...» Если мы здесь употребим претерит, то только в совершенном виде: *wypadł* «выскачил». Несовершенная же форма *wypadał* «выскакивал» в этом контексте абсолютно невозможна.

Как видим, в *praesens historicum* при выражении «наступления» очень ясно проявляется несобственная несовершенность, обусловленная столкновением видовой системы и системы темпоральной.

II. Несобственная несовершенность в *praesens propheticum*

Это явление вполне аналогично только что рассмотренному. И здесь речь идет о фикции настоящего, для сохранения которой и в случае «наступления» приходится прибегать к несовершенному виду вместо совершенного. Так, *Pociąg zagaz guszy* «Поезд сейчас тронется» есть *futurum* совершенного глагола, а *Pociąg zagaz gusza* «Поезд сейчас трогается» — *praesens propheticum* несовершенного глагола с явным значением будущего (несмотря на формальный *praesens*), и притом совершенного (несмотря на формальную несовершенность). Аналогично: *Ojciec w tych dniach przyjedzie* «Отец на днях приедет» (*futurum* сов.) — *przyjeżdża* «приезжает» (*praesens propheticum*) и т. д. В повседневном языке такое употребление широко распространено; например, в трамвае почти всегда говорят *Zagaz wysiadamy* «Мы сейчас выходим», а не *wysiądziemy* «выйдем». Следует особенно подчеркнуть, что подобные формы имеют отчетливое значение совершенности, так что, например, вместо *ojciec w tych dniach przyjeżdża* форма несовершенного *futurum* (*będzie przyjeżdżał* «будет приезжать») была бы здесь немыслима. Конечно, существуют и случаи подлинной несовершенности в *praesens propheticum*, например: *Czy Pan jutro wykłada?* «Вы завтра читаете (лекцию)?» = *będzie wykładał* «будете читать». Возможно, есть моменты, ограничивающие использование

несовершенного *praesens propheticum* вместо совершенного *futurum*, но вопрос этот требует специального исследования¹⁴.

Несколько иной характер, чем два рассмотренных типа столкновений вида и времени, носят следующие типы.

III. Несобственная несовершенство в *praesens scenicum*

Сценические ремарки драматических произведений можно трактовать двояким образом. С одной стороны, они представляют собой указания для актеров, т. е. относятся к вневременным фактам и стоят на одном уровне с другими общими предписаниями (в уставах, правилах употребления, поваренных книгах и т. д.). С другой стороны, для читателя они служат суррогатом действия пьесы, как бы происходящего у него перед глазами, и это сближает их до известной степени с *praesens historicum*. В польском языке сценические ремарки обычно оформляются в настоящем времени несовершенного вида, т. е. так же, как *praesens historicum* в современной обиходной речи. Например: *Zbliża się do drzwi, chcąc zajrzeć przez dziurkę, gdy nagle Grzmotnicki otwiera drzwi i ona prędko odskakuje* (Ва і у с к і, Niewolnice z Pipidówki) «Приближается к дверям, собираясь заглянуть в замочную скважину, как вдруг Гжмотницкий открывает дверь и она быстро отскакивает». Здесь действия, которые в повествовании рассматривались бы как «наступление» (*otworzył «открыл», odskoczyła «отскочила»*), оказываются изображенными как «протекание».

Такой же транспозиции — переводу из «наступления» в «протекание» — подвергаются в *praesens scenicum* и точечные факты, включая и факты, которые в реальной жизни заранее нельзя предусмотреть. Например: *Balladyna (po długim milczeniu): Winna śmierci! (pogun spada i zabija królową)* (S і o w а с к і, Balladyna) «Баллядыня (после долгого молчания): Заслуживает смерти! (ударяет молния и убивает королеву)».

Если автор стремится специально подчеркнуть точечность «наступления», в ремарке используется совершенный вид, но уже только в форме претерита: *Jadwiga (udając przestרח, krzyknęła): Ach! (po chwili) A, to rap! (Ва і у с к і, Klub Kawalerów)* «Ядвига (крикнула, притворяясь испуганной) Ах! (немного погодя)

А, это вы!» Вместо *krzyknęła* возможно было бы *wyduje okrzyk «испускает крик»*, но только не *krzyknie* (изредка возможное как архаизм высокого стиля в *praesens historicum*).

В других языках сценические ремарки не всегда выступают в несовершенном настоящем. Так, в сербском используется аорист, в английском — вневременная форма презенса, в турецком — также аорист и т. д.

IV. Несобственная несовершенство в случае коинциденции

Под коинциденцией я подразумеваю совпадение слова и действия, но отнюдь не в смысле простой одновременности, а в том смысле, что слово, которое произносится, как раз и есть само обозначаемое действие. Если, например, высказывание *piszę «я пишу»* ни при каких обстоятельствах не есть самый акт писания, являясь лишь сообщением об этом акте, то высказывание *proszę «я прошу»* может быть как раз той просьбой, о которой это высказывание говорит, и именно этот случай мы и называем коинциденцией. Очевидно, речь идет здесь только о глаголах говорения (в широком смысле) и только о первом лице, так как произнесение слов говорящего, естественно, не может быть действием кого-то другого. Вместе с тем и такая форма, как *proszę*, не всегда содержит просьбу, а может лишь сообщать о просьбе, адресованной, например, другому лицу (ср. *Co ty tam z nim omawiasz? — Proszę go o załatwienie pewnej sprawy «Что ты там с ним обсуждаешь? — Прошу его уладить одно дело»*).

Как в случае коинциденции решается вопрос о направительной отнесенности данной глагольной формы? Очевидно, что лицо, высказывающее ту или иную просьбу, вовсе не имеет в виду подчеркнуть, что оно еще до момента речи было занято действием «просить» и будет занято им и дальше, т. е. это лицо вовсе не стремится представить действие просьбы в процессе его «протекания». Напротив, лицу этому важно только выполнить самый акт просьбы и выполнить его одним произнесением слова, так что момент произнесения оказывается моментом «наступления» просьбы, моментом реализации действия, выраженного глаголом. Отсюда ясно, что настоящее время в случае

коинциденции характеризуется (или по крайней мере может характеризоваться) направительной отнесенностью из будущего в прошлое и что, следовательно, в этом типе надлежит ожидать форм совершенного вида. Так оно обычно и бывает. Ср. примеры: *Teraz pan zabierze głos? — Nie, pani. Zaproponuję, ażebyśmy wstali do domu* (P r u s, Lalka). «Сейчас вы что-нибудь скажете? — Нет, пани. Предложу возвратиться домой»; *Nawiasowo powiem, że serdecznie chcę, ażeby się Stach ożenił* (там же) «Кстати скажу, что я от души хочу, чтоб Стах женился»; *A teraz poproszę o odprowadzenie mnie do powozu* (S i e p k i e w i c z, Rodzina Połanieckich) «А сейчас попрошу проводить меня до экипажа»; *ośmielę się zwrócić uwagę...* «осмелюсь обратить внимание...»; *przyznam się że...* «признаюсь, что...» Подобные формы (как доказали для словенского языка Шкрабец и Менцей)¹⁴ нельзя рассматривать в качестве футуральных. Об этом свидетельствуют следующие моменты:

Во-первых, говорящий уже выражает то, что он хотел выразить, и во многих случаях он даже с н а ч а л а сделал свое утверждение, высказал просьбу и т. д., а з а т е м прибавляет *praesens* совершенного глагола. Например: *Jesteś głupi. Tyle ci powiem!* «Ты глуп. Вот что я тебе скажу!»

Во-вторых, различие между истинным будущим, обозначенным совершенной презентной формой, и совершенным настоящим коинцидентного типа ясно выступает при сравнении обоих употреблений. Так, с приведенным выше примером *A teraz poproszę o odprowadzenie mnie do powozu* ср. *A jakbym ja nic nie wskórała u ojca, to jeszcze Wandzi poproszę* (B a ł u c k i, Grube ryby) «А если я ничего не добьюсь у отца, я еще попрошу Ванду». Ясно, что в последнем примере форма *poproszę* еще не высказывает просьбы, как это мы видим в первом случае.

Вместе с тем на равных правах с совершенным видом при коинциденции используется и несовершенный: *A hipotocy, mówię ci, zabijają prawie tak jak kule* (P r u s, Lalka) «А настроения, говорю тебе, убивают точно так же, как пули»; *Uwieram cię, kochana kuzynko, że jest to ten sam ząb...* (там же) «Уверю тебя, дорогая кузина, что это тот же самый зуб»; также *powiadam, proszę, proponuję, przyznaję się* «говорю, прошу, предлагаю, признаюсь» и т. д.

Возникает вопрос, в чем же разница между одним и

другим способом выражения и почему, собственно, наряду с ожидаемым совершенным видом здесь выступает и несовершенный.

При поверхностном подходе может сложиться впечатление, будто в коинцидентном типе совершенные формы в силу каких-то причин вторглись в область несовершенных; но из наших теоретических соображений вытекает, что дело обстоит как раз наоборот. Иногда мы ощущаем здесь известное смысловое различие между видами, в частности оттенок учтивости в совершенном *poproszę* (= «позволю себе попросить»), оттенок модальности в совершенном *przysięgnę* «присягну» (= «мог бы присягнуть»), но другие примеры не содержат этих оттенков. Должно быть, их источником является значение будущего, типичное для презентных форм совершенных глаголов; обычное отношение *piszę* : *napiszę* влияет на отношение *proszę* : *poproszę*, окрашивая последнюю форму оттенками неактуальности или модальности («я хотел бы попросить»). Сходным образом и в *praesens historicum* развилась несобственная несовершенность, только там это повело к вытеснению теоретически ожидаемого совершенного вида, тогда как при коинциденции оба употребления сосуществуют на равных правах.

Интересно, что в словенском языке, где значение будущего у всех глаголов передается описательной формой, при коинциденции, как показал Шкрабец, используется исключительно совершенный вид. Так же и в латышском, имеющем сигматический футурум, в аналогичных случаях выступают презентные формы совершенных глаголов (принадлежащих по нашей классификации ко 2-му типу дублетов — *sacīt* : *pasacīt* «говорить : сказать»), например: *Bei tuo jums abiem pasaku* : *uz jums palaištis nevaigu* «Однако вот что я вам обоим скажу: я не могу на вас полагаться»¹⁵. Наконец, в древнееврейском языке, в котором вообще нет грамматических категорий, выражающих время действия, мы встречаем в аналогичных случаях только совершенный вид: *אני אברכך* «я благословляю (в подлиннике совершенность) его».

С коинцидентным типом, вероятно, связаны известные деепричастные обороты, вроде *prawdę powiedziaławszy* «говоря по правде» (букв. «сказав правду»); однако и здесь параллельно употребляются также несовершенные формы (*krótko mówiąc* «коротко говоря» и т. д.).

Вообще при столкновении вида и времени обычно побеждает время, хотя в ряде примеров наблюдается и обратное (в частности, когда ради сохранения совершенности мы обращаемся к претеритальным формам в контексте *praesens historicum* и *praesens scenicum*, а также в только что упомянутых деепричастных оборотах).

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ J. Ł o ś, *Gramatyka polska*, II, Lwów, 1925, § 374.

² Ср., например, А. М а з о н, *Emplois des aspects du verbe russe*, Paris, 1914, стр. 238; А. М е и л л е т, *Le slave commun*, Paris, 1924, стр. 240 [русск. перевод: А. М е й е, *Общеславянский язык*, стр. 226] и др.

³ Ср., например, выводы, к которым приходит А. Белич в статье «Аорист имперфективных глаголов», *ЛФ*, 5, 1925/26, стр. 181 [ср. также в настоящем сборнике стр. 214 и сл. и 51 прим. ред.].

⁴ Chr. S a g a u w, *Syntaktisches*, KZ, 38, 1905 [особенно стр. 171 и сл.].

⁵ Ср., например, G. W e i l, *Grammatik der Osmanisch-türkischen Sprache*, Berlin, 1917, § 152, 155 и 120, 121; J. D e n y, *Grammaire de la langue turque*, Paris, 1921, § 612, 614, 733, 734; В. А. Г о р д л е в с к и й, *Грамматика турецкого языка* (Труды Московского института востоковедения им. Н. Н. Нариманова при ЦИК СССР, т. X), 1928, стр. 98 и сл.

⁶ В дальнейшем в данной работе мы всегда будем различать *praeteritum*, *praesens*, *futurum* — формы глаголов и прошлое, настоящее, будущее — временные отношения.

⁷ См., например, А. К р а с н о в о л с к и, *Systematyczna składnia języka polskiego*, 2-е изд., Warszawa, 1909, § 101 и 284, 1.

⁸ W. D o g o s z e w s k i, *O znaczeniu dokonanych osnów czasownikowych (słownych) w języku polskim*, PF, 10, 1926 [стр. 273, 279, 284, 291 и др.]. Ср. также А. К р а с н о в о л с к и, *Указ. соч.*, изд. 1897 г., § 295.

⁹ Ср. А. М а з о н, *Указ. соч.*, стр. 220—221.

¹⁰ См. т а м ж е, стр. 10—11 [в настоящем сборнике стр. 96—97], 62, 65, 67 и др.

¹¹ F. T r á v n í č e k, *Studie o českém vidu slovesném*, Praha, 1923, см. § 277 и 257.

¹² См. E. K o s c h n i e d e r, *Durchkreuzungen von Aspekt- und Tempusystem im Praesens*, *ZfslPh*, 7, 1930, стр. 341 и сл. [Подробнее об употреблении совершенного и несовершенного видов в историческом настоящем в других славянских языках см.: А. М а п i n g, *The Historical Use of the Present Imperfective and the Present Perfective in Russian*, *Lg*, 15, 1939, стр. 229—234; E. K ř í ž k o v á, *K problematice praesentu historického v ruštině a v češtině*, «*Sovětská jazykověda*», 5, 1955, стр. 241—255; А. В. Б о н д а р к о, *Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в языке русских памятников XV—XVII вв.*, *УЗ ЛГПИ им. Герцена*, т. 173, 1958, стр. 55—71; е го ж е, *Настоящее историческое (praesens historicum) глаголов несовершенного и совершенного видов в чешском языке*, «*Slavia*», 27, 1958, 4, стр. 556—584; е го ж е,

Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в современном литературном сербохорватском языке, *УЗ ЛГУ*, № 250, 1958, серия филологических наук, вып. 44, стр. 141—157; е го ж е, *Настоящее историческое в славянских языках с точки зрения глагольного вида*, *Славянское языкознание*, сборник статей, М., 1959, стр. 48—58.]

¹³ См. А. К р а с н о в о л с к и, *Указ. соч.* (изд. 1897 г.), § 292, 1, и St. S z o b e r, *Użycie form czasu przyszłego w opowiadaniu historycznym na oznaczenie czynności minionych*, JP, 6, 1921, стр. 33—41.

¹⁴ Ср. А. М а з о н, *Emplois*, стр. 126—127.

¹⁵ St. Š k r a b e c, *Zum Gebrauche der Verba perfectiva und imperfectiva im Slovenischen*, *AfslPh*, 25, 1903, стр. 554—564; J. M e n c e j, *Zur Präsenfrage perfektiver Verba im Slovenischen (Praesens effectivum)*, *AfslPh*, 28, 1906, стр. 40—51.

¹⁶ См. J. E n d z e l i n, *Lettische Grammatik*, Heidelberg, 1923, § 744. [Вообще о виде в латышском языке см.: V. S t a l t m a n e, *Verbu veidi mūsdienu latviešu literarajā valodā*, *Latvijas PSR Zinātņu Akadēmija Valodas un literatūras institūta raksti*, VII, Rīgā, 1958, стр. 5—47 (Ср. «*Die Welt der Slaven*», 5, 1960, стр. 216 и сл.); е е ж е, *Priedēkļa verbu veidiskās nozīmes mūsdienu latviešu literarajā valodā*, *ИАН Латвийской ССР*, 1958, 7 (132), стр. 13—22.]

О ФУНКЦИЯХ ГЛАГОЛЬНЫХ ВИДОВ*

[Отрывок]

К сожалению, недостаток места не позволяет дать подробно, опирающееся на большой материал описание синтаксических функций, нормально присущих каждому виду.

Несовершенный вид обозначает а) «незавершенное» («unvollendete») действие. Понятие незаконченности, незавершенности нуждается в пояснении. Оно охватывает: 1) случаи, когда вид «маркированно» обозначает «занятость действием». Область, покрываемая этой формулировкой, шире, чем та, которую подразумевает вопрос Миклошича — Кошмидера «что это ты делаешь?» (was tust du da?). К понятию незавершенности ведут также 2) модальные оттенки действия, прежде всего выражение а) сомнения в успехе деятельности или б) попытки. Не всегда можно строго отделить один случай от другого. Подтвердим это примером: Je zřejmě, že by bylo možno (zemí) oddělovat (несов.) jen násilím ** «Ясно, что отделить (страну) можно было бы лишь силой». 3) Незаконченным является также действие, воспринимаемое как дуративное. В качестве примера дуративного вида (не способа действия, о котором здесь не должна идти речь) достаточно было бы привести следующий отрывок: Oči zatoulaly (сов.) se na... a domnívají (несов.) se spatřovat (несов.), že ... «Взгляд перешел на... и им *кажется*, что они *видят*...»

* Eugen Seidel, Zu den Funktionen des Verbalaspekts, TCLP, 6, 1936, стр. 111—129.

** Опуская здесь и ниже ссылку на источники, отметим только, что этот и следующие примеры взяты автором из чешских периодических изданий 1930-х годов. — Прим. перев.

Далее, несовершенный вид обозначает, конечно, б) действие, выделенное как итеративное, что следует отличать от лексически обусловленного итеративного способа действия.

С итеративной функцией несовершенного вида тесно связана в) функция выделения. Благодаря тому что несовершенный вид (большей частью итеративный и по форме) употребляется для выражения объективно однократного и завершенного действия, это действие становится «риторически преувеличенным», выделенным: Mírová smlouva předpisovala (несов.), že... plebiscit... má být proveden «Мирный договор *предписывал*, что... плебисцит... должен быть проведен». По-немецки функция этого несовершенного вида могла бы быть, вероятно, передана описательно: brachte immer wieder die Vorschrift in Erinnerung («вновь и вновь напоминал о предписании»). Эффекты, достигаемые таким выделяющим несовершенным видом, к сожалению, не могут быть рассмотрены во всем их многообразии. Приведем еще один лишь пример: Odtud přicházelí (несов.) vrahové... odtud pocházelí (несов.) (далее следуют имена в единственном числе) «Оттуда *приходили* убийцы... оттуда *происходили*...» По-немецки мы могли бы сказать pflegten zu kommen «имели обыкновение *приходить*»; эффекта, близкого к виду, мы скорее всего достигли бы, поставив имена перечисляемых лиц во множественном числе. Важность этой функции несовершенного вида нельзя недооценивать, так как здесь речь идет вовсе не о каких-то отдельных, редко используемых возможностях употребления.

Три указанные основные функции несовершенного вида являются, как мне кажется, вполне «маркированными», поэтому я не могу полностью согласиться с выдвинутым Р. Якобсоном¹ противопоставлением совершенного вида (как маркированного) несовершенному (как немаркированному). Мне кажется, что немаркированность является лишь одной из функций наряду с другими. Однако мне представляется, что в остальном выводы Якобсона весьма способствуют решению проблемы. Они объясняют вид в тех случаях, когда глагол употребляется в абстрактном значении: Císla slouží (несов.) jako... «Числа *служат*...»; Funkce, které s... nemají co dělat (несов.) «Функции, которые не имеют с... *ничего общего*»; Obchod činil (несов.) tehdy... «Торговля *составляла* тогда...» Более конкретный

признак действия должен добавить сам слушатель (читатель).

Основным значением совершенного вида является, несомненно, а) значение «завершенности» (*Vollendung*), что, впрочем, и не оспаривается. Это понятие следует отграничить от результативности как способа действия, однако оно все же остается широким и в каждом отдельном случае требует пояснений. Основными вариантами этого значения совершенного вида, служащими для выражения маркированной завершенности, являются, как мне кажется, следующие: 1) обозначение понятия результата в буквальном смысле или на базе модального оттенка, для передачи которого может быть использован немецкий модальный глагол *können* «мочь»: *Jednotka je součet, který unese* (сов.) *muž* «Единица — это столько, сколько унесет (= может унести) мужчина». Совершенный глагол обозначает, далее, 2) наступление (часто неожиданное) действия, которое может, но не должно обязательно прерывать другое действие. «Наступление» есть «завершенность», причем речь может идти как о конкретном событии, так и о чувстве. Далее, 3) представление действия как однократного. Эта группа также не составляет собой проблемы, так что примеры на случаи действия, данного лишь в его однократности (с различными модальными оттенками), могут быть опущены. Из значения однократности вытекает 4) употребление совершенного вида в историческом повествовании (сообщении). Здесь может дополнительно выступать значение комплексивности. Сообщение должно резюмировать. И такую же функцию выполняет совершенный вид как почти единственная употребительная форма в ситуационном типе живого повествования. Он ускоряет течение описываемых событий, так что особое выделение отдельного действия при этом невозможно. Для такого выделения в случае необходимости употребляется несовершенный вид. Но и здесь я должен отказаться от приведения примеров: лишь значительное их количество дало бы возможность показать проблематику этой функции.

Помимо употребления в функции маркированной завершенности, совершенный вид выступает — вопреки Якобсону — и как немаркированный. Правда, причины, обуславливающие это употребление, иные, чем те, которые вызывают немаркированность несовершенного вида.

Имеются случаи, в которых ни одно из противоположных видовых значений не соответствует тому, что должно быть выражено в предложении. В таких случаях выбирается тот вид, который менее всего противоречит тому, что хотят выразить. А этим видом может быть как несовершенный, так и совершенный. Можно сказать, что совершенный вид выбирается по «негативным» причинам. Хотя он и неточно передает мысль говорящего, но несовершенный вид соответствовал бы ей еще меньше: *Jednou budou se divit* (несов.) *ti, kdo přijdou* (сов.) *po nás, že...* «Когда-нибудь те, которые придут после нас, будут удивляться, что...» Здесь должно быть подчеркнуто удивление. По единственно авторитетному мнению автора, для этого больше подходит несовершенство, акцентирующая длительность, чем совершенный вид. Поэтому *přijdou* «придут» остается немаркированным, без позитивной функции совершенного вида, так как форма несовершенного вида вследствие ее итеративной функции отвлекла бы внимание от основной мысли — удивления. Приведем еще один пример: *Tito obchodníci pergodělávají* (несов.) *a sami doznají* (сов.), *že...* «Эти торговцы не несут убытка и сами признаются, что...» Формы совершенного вида образуют высказывание об объективно повторяющемся действии, однако вид не имеет здесь какой-либо выделяющей функции: он выполняет лишь «негативную» функцию, оставляя невыраженной итеративность, которая при несовершенном глаголе была бы поставлена в один ряд с прочими, маркированно итеративными глаголами. С этой функцией совершенного вида мы, пожалуй, имеем дело и во многих из тех случаев, в которых, по Герману, хотя и видят «комплексивное» значение, никак этих случаев не объясняющее. Наконец, следует учесть, что и в отрицательных предложениях, в которых отдается предпочтение несовершенному виду, многочисленные случаи совершенного вида при признании немаркированной функции получают единое объяснение. К сожалению, я не могу остановиться на этом подробнее.

Я попытался как можно менее абстрактно обрисовать функции обеих форм — совершенной и несовершенной, вместе составляющих категорию вида.

Однако обычно предложение получает свой окончательный облик только благодаря противопоставлению, которое образуют совершенный и несовершенный виды, так

как по большей части они выступают в одном контексте. Различные функции в предложении несовершенного вида, обозначающего незавершенное (1—3) и итеративное действие, в их противопоставлении друг другу и функциям (1—4) совершенного вида, обозначающего завершенное действие, — уже одно это создает большое разнообразие возможных вариаций. Это разнообразие еще больше увеличивается, если учесть немаркированное употребление и то, что в одном предложении могут противостоять друг другу три и более функций: Конечно, реализуются не все теоретически возможные противопоставления. Однако, с другой стороны, конкретные функции видов модифицируются в каждом конкретном случае их противопоставления. Функции видов также сгруппированы парами. За недостатком места здесь невозможно дать наглядное представление об «игре» видов. Для этого потребовалось бы много примеров, сопровождаемых подробным анализом, так как синтаксическая категория сама воздействует на «дух языка», порождением которого она является. Однако следует по крайней мере попытаться обосновать то вполне сознательное употребление вида пишущим, которым достигается прекрасный стилистический эффект.

Противопоставление незавершенности (в самом буквальном смысле, который большей частью и может проявиться только благодаря противопоставлению) результату (как достигнутой цели) приводит к выразительной краткости: *Jak může kapitalism odstraniti* (сов.), *anebo jen odstraňovati* (несов.)... *krisi?* «Как может капитализм устранить или лишь устранять... кризис?» Немецкий перевод (*Wie kann der Kapitalismus die Krise beseitigen oder nur beseitigen?*) будет бессмысленным, если не передать несовершенный вид описательно, добавив *teilweise* «отчасти».

Противопоставление сомнения в достижении результата достигнутому результату (завершенности в буквальном смысле) можно показать на примере следующих двух тесно примыкающих друг к другу предложений: *Nakonec je třeba tvářit se vlídně a bude snad i putno odvolávaní* (несов.)... *pašáže* «Наконец, нужно изображать любезность, а может быть, нужно будет и отречься от... пассажиров» противопоставлено *I kdyby třeba slovo za slovem odvolal* (сов.) *knihu, nebylo by nebezpečí menší* «И если бы он даже слово за словом отрелся от книги, опасность не стала бы меньшей». Сомнению в готовности к отречению (выра-

женному немаркированным несовершенным глаголом) противостоит выражение уверенности в такой готовности (посредством совершенного глагола), т. е. имеется в виду, что на отречение идут охотно. Ведь если бы это было не так, то не нужно было бы особо упоминать о продолжающей существовать опасности [37].

Наконец, противопоставление попытки действительному результату: *Přezel do tábora, který roztvácel* (несов.), *ale neroztvátil* (сов.) «Он перешел в лагерь, который он подрывал, но не подорвал».

Видовая система при всей противоположности между совершенным и несовершенным видом не исключает возможности возникновения коллизий. Это происходит прежде всего тогда, когда в каком-либо контексте имеется дуративность или итеративность и вместе с тем нечто такое, что должно быть выражено совершенным видом². В таких случаях остается невыраженной или дуративность (итеративность), или завершенность, причем нельзя установить, какой из этих двух возможностей чаще отдается предпочтение в чешском языке. Решение принимается по субъективному усмотрению пишущего. Приведу несколько примеров, придерживаясь следующей схемы: I. Дуративное и вместе с тем перфективное действие получает 1) перфективное, 2) имперфективное выражение. II. Итеративному и вместе с тем перфективному действию соответствует 1) перфективная глагольная форма, выступающая в функции а) результата, б) сообщения, в) модальной однократности; 2) итеративный способ выражения.

I. 1) *Má přátelství celého světa, když jen tu dá* (сов.) *rokoj* «Он приобретет (буквально: имеет) дружбу всего мира, если только оставит его в покое (буквально: даст ему покой)». Стремление к длительности покоя остается невыраженным. 2) Вполне может быть принято и противоположное решение: *To je učení... proti němuž se musíme důkladně stavět* (несов.) «Это учение, которому мы должны оказывать упорное сопротивление». Здесь момент результативности ясен сам по себе и потому он специально не подчеркивается, уступая место столь же важному значению дуративности.

II. Та же коллизия обнаруживается в случае фактической итеративности: 1а) так, ясно, что об итеративности действия говорится в рекламных объявлениях и плакатах. Например: *Na požádání dodá* (сов.) *se mléko i do domu*

ВИД И ВРЕМЯ ГЛАГОЛА В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ*

„Часто знак вида совмещается со знаком времени, например, в греческом языке в аористе изъявительного наклонения, но это не нарушает различия между видом и временем“.

Ш. Балли¹

Проблемы вида и времени и их взаимоотношений в структуре старославянского глагола принадлежат к числу самых интересных проблем, выдвигаемых славянским языковедением. Им посвящено много работ, но и до сих пор временная система старославянского языка не получила достаточного объяснения. Смещение значений, входящих в систему времени, и значений, входящих в систему вида, было, по моему мнению, той причиной, которая препятствовала правильному решению этого вопроса.

Названия старославянских аориста и имперфекта, принятые у русских, — «прошедшее совершенное» для аориста и «прошедшее несовершенное» для имперфекта (ср. почти идентичные наименования в болгарском языке) — являются простыми школьными терминами, но они сжато выражают мнение большинства лингвистов о системе времен старославянского языка и специально о месте аориста и имперфекта в этой системе: между двумя формами прошедшего времени — аористом и имперфектом старославянского и общеславянского языка — усматривают то же или приблизительно то же различие, что и между двумя видами славянского глагола — совершенным и несовершенным.

Так, например, В. Вондрак — и не он один — отмечает, что аорист в старославянском языке выражает «точечное (наступающее) действие в прошлом», а имперфект — «длящееся или повторяющееся в прошлом действие»².

* В. Наврәнек, Aspect et temps du verbe en vieux slave, Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally, Genève, 1939, стр. 223—230.

«По требованию молоко доставляют (букв.: *доставят*) также на дом». Или *Chléb se síce musí dát (сов.) lidu, ale to nestačí. Musí se mu dáti (сов.) i chléb duševní* «Хотя хлеб нужно *дать* народу, но этого недостаточно. Ему нужно *дать* и хлеб духовный». Во всех этих случаях итеративность отступает перед результативностью (завершенностью), которая передается совершенным видом. б) Совершенный вид имеет также комплексивное значение, прежде всего в сообщениях: *S tímto názorem jsem se shledal (сов.) i u lidí, kteří...* «С этим взглядом я *встретился* и у людей, которые...» Автор считает более правильным суммировать, чем указывать при помощи несовершенного вида («встречался») на многократность, которая здесь и так достаточно ясна. в) Может быть и так, что действие, фактически являющееся итеративным, мыслится как однократное. В этом случае у глагола по большей части можно наблюдать модальный оттенок, который при переводе на немецкий язык, вероятно, лучше передается путем прибавления *einmal* «однажды», например: *Když dostane (сов.) vědec návštěvu* «Когда к ученому придут гости» (заголовок корреспонденции о положении научных работников). Чувствуется, что в таких случаях совершенный вид представляет действие более убедительно, чем мог бы это сделать несовершенный. 2) Часто — но отнюдь не всегда — можно выяснить и причину того, почему результативность, содержащаяся в предложении, не выражается путем употребления совершенного вида: *Ostatně, takovou rodinu jako je naše, je třeba zamítat (несов.)* «Впрочем, такую семью, как наша, следует *отвергать*». Несовершенное «отвергать» («вновь и вновь») воздействует здесь сильнее, чем совершенное *zamítnouti* «отвергнуть». *Vláda tlačí na..., aby zaváděti (несов.) 40 hodinový týden* «Правительство оказывает давление на..., чтобы они *вводили* сорокачасовую неделю». То, что *zaváděti* «вводить» должно достигнуть своей цели, — это ясно. Поэтому предпочитают подчеркнуть, что эту неделю должен ввести «каждый в отдельности».

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ R. Jakobson, Zur Struktur des russischen Verbums, *Charakteria G. Mathesio, Praga, 1932, стр. 76.*

² Конечно, существуют также коллизии между другими функциями несовершенного и совершенного видов, но здесь о них не приходится говорить.

В наши дни мнения большинства лингвистов сходятся в том, что аорист в старославянском и общеславянском языке выражает факт прошлого и что значение этого аориста нельзя связывать ни с каким видовым оттенком². Однако в определениях старославянского и общеславянского имперфекта его значение почти всегда более или менее полно отождествляется с несовершенным видом. Так, в новом издании (1934) фундаментальной работы А. Мейе «Le slave commun» говорится, что старославянский имперфект «обозначает действие, развивающееся в прошлом; принадлежа почти всегда глаголу несовершенного вида, он соответствует по значению греческому имперфекту»³. И далее Мейе связывает возникновение имперфекта с «потребностью иметь форму прошедшего времени, соотносительную с длительным настоящим», т. е. стремится, по крайней мере для древнейшего периода славянского языка, найти такое различие между имперфектом и аористом, которое было бы параллельно различию между настоящим временем несовершенных и совершенных глаголов.

Это мнение, с одной стороны, вызвано фактами современного сербохорватского языка, являющегося для многих языковедов-славистов хорошо знакомым, а для некоторых — родным языком; с другой стороны, самый термин «аорист» заставляет отождествлять славянский аорист с древнегреческим и переносить на славянскую почву видовые отношения, существовавшие в греческом между основами презентя и аориста.

Однако данные старославянского языка определенно говорят о том, что такое мнение является ошибочным. В старославянском формы аориста употребляются как от совершенных, так и от несовершенных глаголов и формы имперфекта также употребляются от глаголов обоих видов. Эти факты старославянского совпадают с данными древнечешского языка вплоть до того момента, когда древняя система времен в чешском языке начала трансформироваться. Они совпадают и с фактами, обнаруживающимися в древнерусских и древних сербохорватских памятниках, но факты этих языков могут находиться под влиянием старославянского языка, и поэтому лучше отставить их в стороне.

Данные старославянского и древнечешского — двух независимых друг от друга языков, на основании которых

можно реконструировать первоначальную систему, ясно свидетельствуют о том, что различие между аористом и имперфектом не имеет ничего общего с значениями глагольных видов. А если мы сопоставим эти факты с теми отношениями, которые представлены системами вида и времени в современном болгарском языке, мы обнаружим почти полное совпадение в том, что касается аориста и имперфекта.

В современном болгарском языке независимость временной и видовой систем проявляется гораздо более последовательно, чем во всех других славянских языках, включая старославянский.

Молодой болгарский лингвист Л. Андрейчин вновь подчеркнул это в своей работе о болгарском глаголе⁴. В современном болгарском языке глагольный вид не является средством для различения в форме настоящего времени значения настоящего и значения будущего; то же самое можно сказать и о современном сербохорватском языке. В болгарском формы аориста, как и формы имперфекта, употребляются от глаголов обоих видов со строгим различием видов. В сербохорватском мы находим почти противоположную картину: хорошо известно, что формы имперфекта возможны здесь лишь от несовершенных глаголов, тогда как формы аориста употребительны прежде всего от глаголов совершенных. Встречается и аорист несовершенных глаголов, но по поводу его значения сами сербохорватские лингвисты ведут споры; например, по мнению Т. Маретича, аорист этих глаголов может быть заменен их имперфектом⁵; А. Мусич утверждает, что такие глаголы становятся в аористе совершенными⁶, а А. Белич в своей дискуссии с Мусичем отстаивает строгое различие между видом и временем, но приписывает аористу значение, являющееся лишь оттенком совершенного вида⁸.

Таким образом, независимость временной и видовой систем проявляется в современном болгарском языке более последовательно, чем в современном сербохорватском. Что касается различия между болгарским и сербохорватским в употреблении аориста и имперфекта, то совпадение данных современного болгарского, старославянского и древнечешского языков свидетельствует о том, что в сербохорватском в данном случае мы имеем дело с инновацией: временная и видовая системы перестали быть независимыми

друг от друга в средствах выражения прошедшего времени, и началось их смешение. Однако различие между старославянским языком и современным болгарским в том, что касается значения форм настоящего времени совершенных глаголов, не допускает столь простого решения; по крайней мере в данном пункте можно было бы принять смешение двух систем за первичный факт, а их независимость — за факт вторичный*. Во всяком случае, употребление форм настоящего времени в значении будущего, несомненно, должно рассматриваться как нечто древнее, как факт общеславянского языка. Это явствует из того, что данная особенность присуща не только старославянскому, но и большинству славянских языков. Значит, отсутствие этой черты в некоторых южнославянских языках есть их инновация [38].

Итак, проблема заключается в следующем: является ли независимость этих двух систем в славянской группе языков первичным или вторичным фактом?

Прежде чем пытаться решить эту проблему, следует обратить внимание на самый спорный момент во временной системе старославянского глагола — на значение имперфекта, особенно имперфекта несовершенных глаголов. Факты старославянского языка противоречат идее о смешении временного и видового значения в имперфекте. Определяя имперфект как форму, которая выражает действие, длящееся или повторяющееся в прошлом (таково, например, определение Вондрака) или, более осторожно, развивающееся в прошлом (таково определение Мейе), всегда переходят из области времени в область вида. Не следует забывать, что вид является свойством глагола как такового, а не свойством той или иной из его форм¹⁸. С другой стороны, здесь уже упоминалось о том, что аорист выражает просто прошедшее действие. Несомненно, имперфект также выражает прошедшее действие, но не просто, а с известным дополнительным признаком. Таким образом, используя терминологию структуральной лингвистики, можно сказать, что аорист является «немаркированной» формой прошедшего времени, а имперфект — его «маркированной» формой. Однако дополнительный признак, содержащийся в значении имперфекта, не может находиться в области несовершенного вида, так как в этом случае аорист несовершенных глаголов не отличался бы по своему значению от имперфекта, а между тем в старосла-

вянском различие между этими формами налично. Дополнительный признак имперфекта следует видеть в том, что данная форма выражает событие, действие, сопровождающее другое событие или действие [39]. Этим объясняется тот факт, что имперфект встречается прежде всего в придаточных предложениях, в описаниях и т. д.¹⁹

Как известно, несовершенные глаголы часто употребляются в аналогичных условиях; это явление лексико-семантического плана, которое иногда, но не всегда, сочетается в грамматическом плане с применением специальной формы. Последнее имеет место в том случае, когда употреблен имперфект от несовершенного глагола. Однако известно, что имперфект в старославянском языке образуется не только от глаголов несовершенных; имеются также примеры имперфекта глаголов совершенного вида. Такому имперфекту не только в старославянском, но и в древнечешском языке обычно приписывали значение повторяющегося действия (Гебауэр, Вондрак, Кульбакин, Ван-Вейк и др.). Но Травничек, внимательно изучив случаи этого рода в древнечешском, опроверг данное мнение²⁰ и показал, что имеется много примеров, в которых речь идет не о повторяющемся действии, или, по крайней мере, такое толкование не является обязательным [40]. Ср.: *Oheň s nebes přida mnoho lidí spálěše* (Passionál Klementinský, л. 70 об.) «Огонь, придя с небес, много людей спалил»; *Svatý Jan zpoležieše na prsiech Ježísových i vecě jemu* (Rukopis Drkolenský, л. 156 об.) «Святой Ян припал к груди Иисуса и сказал ему».

Соответствующие примеры имеются и в старославянском языке. Так, невозможно видеть повторяющееся действие в следующем отрывке старославянского евангелия: и съвързаша са къ н'еому фърсени и едни отъ кън'ижикии приидъше отъ Пероусланди и видъвше едни отъ оученикии его нестнстлм рѣкнмз (спрѣчь не оучьвннмз) вѣднштѣ хлѣбъ зѣзърѣхѣ (Марк, VII, 1—2) = ... καὶ ἰδόντες τινὰς τῶν μαθητῶν αὐτοῦ, ὅτι κοινὰς ἔσθον, τοῦτ' ἐστὶν ἀπίστοις, ἐσθίσαστε τοὺς ἄρτους, ἐπέμψατο. Форма *зѣзърѣхѣ* подвергалась сомнению (предполагалось, что она употреблена вместо стоявшей здесь ранее формы аориста *зѣзърѣша*)²¹, но для такого сомнения нет оснований. Ср. также имперфект *здѣхнѣлше са* в Супрасльском кодексе: и друугъ друугъ прѣтыкнѣ са и инѣ мномоу възати глзгѣла. Оустрашиша са. ... днѣнша са, но домыслиша са възкоупъ и възреспоташа. И окъ ихъ зѣмъ стоѣше, окъ же

козньми лице покрываше, а другии ниць задъхнѣаше са, и ниць иво мрътъ сѣвѣаше, а другии оуздешъ дръжнѣи къ . . .
 Тоу ко тѣгда съсѣво Христосъ къ оуздешъ главои сильныхъ,
 тоу сътраса са въ нѣмъ, тоу разсѣрѣшоша оуды скоу гла-
 гол'аште (Супр. 466) — καὶ ἀτρέμαζαν. Καὶ ὁ μὲν κακῶν
 ἴστατο, ὁ δὲ τοῖς γόνασι τὸ πρόσωπον συναχάλοπτε καὶ ἄλλοις
 πρὸς αὐεπήγνυτο, καὶ ἕτερος ὄλαϊ νεκρὸς ἀπετηλόδο...¹⁴

С другой стороны, следуя по пути, открытому Травничком, мы можем обратить внимание на тот факт, что повторяющееся действие иногда выражается формой настоящего времени совершенного глагола. Например, в одном месте в Евангелии (Матф., XII, 43) мы встречаем в старославянском тексте форму настоящего времени глагола совершенного вида, а в древнечешском — форму имперфекта глагола того же вида, причем речь идет о повторяющемся действии: ст.-сл. *егда же нечисти доухъ изидетъ отъ чловѣка, прѣходитъ скозь въздыла мѣста, ништа покои и не обрѣзаетъ* = др.-чеш. *když zlý duch vyniděše ot člověka, chodí po místě suchém hledaje pokoje a nenalezne* (Zlomek evangeliáře českého Musea; в других списках варианты: *vynjde, vyjde*) = *εσται δὲ τὸ ἀκάθαρτον πνεῦμα ἐξέλθη ἀπὸ τοῦ ἀνθρώπου διέρχεται δι' ἀνθρώπων τόπων ζητούν ἀνάπαυσι καὶ οὐχ εὐρίσκει; cum autem spiritus exierit ab homine, ambulat per loca ardua...* Сопоставим также имперфект совершенного глагола в тексте Александрии, написанной на церковнославянском языке сербохорватской редакции: «рика арсиноиска бише такова: всаку ноћ помрзнуше се а об дан размрзнувши се течаше» (Starine, III, стр. 270), с настоящим временем совершенного глагола в соответствующем отрывке древнечешского текста: *Jest ta toho obyčej, že když slunce z hory spěje, tak se jeje voda vzoaří, jakž horký úkrop tak raří; jakž slunce u polodne vzmní, tak se ta voda promění; tak l'ute bude studená, jakž ledu nakladená* (Alexandreida, zlomek Svatovítský, стих 2201 и сл.) «У той [реки] такой обычай, что, когда солнце всходит, так ее вода *вскипнит*, испускает пар, как горячая похлебка; как солнце *подойдет* к полудню, так та вода *переменится, станет* такой холодной, как наполненная льдом».

Таким образом, по моему мнению, следует отличать основное грамматическое значение имперфекта, которое всегда остается неизменным как при несовершенном, так и при совершенном виде глагола, от окказионального значения повторяемости, которое сообщается имперфекту

глаголов совершенного вида, так же как и их настоящему времени (ср. упомянутое выше *изидеть*). Новая форма прошедшего времени в чешском и других славянских языках тоже может получать при совершенном виде глагола значение повторяемости действия, например, чеш.: *Když (kdykoli) jsem ho uviděl, (po každé) vzpomněl jsem si...* «Когда (всякий раз, когда) я его видел (букв. *увидел*), я (всегда) вспоминал (букв. *вспомнил*)...» [41].

Между тем никто не мог бы сказать, что значение повторяющегося действия является основным грамматическим значением настоящего или прошедшего времени глаголов совершенного вида; нетрудно понять, что речь идет о таком семантическом использовании грамматической формы, которое относится к лексико-семантическому плану, а не к области грамматики.

Из того, что было здесь изложено, следует, что независимость временной и видовой систем является в славянских языках первичным фактом, а в случаях смешения этих двух систем мы имеем дело с фактом вторичным.

Что же касается значения будущего, которое в старославянском языке выражается настоящим временем совершенных глаголов, то здесь не следует видеть результат смешения двух систем, сменяющегося позднее в южнославянских языках отделением одной системы от другой. Следует помнить, что ни в старославянском, ни в общеславянском языке не было специальных средств для выражения будущего действия и настоящее время совершенных глаголов, которое все славянские языки в силу его видовой значения избегают употреблять для выражения подлинного настоящего, обозначает любое действие, презентный характер которого не является специально подчеркнутым, вследствие чего такое настоящее время может выражать также предстоящее действие. Только когда из различных окказиональных форм была образована специальная морфологическая форма будущего времени и когда, следовательно, стабилизировалась сама грамматическая категория будущего времени, только с этого момента возникла конкуренция временной и видовой систем. Это привело к двоякому результату: либо произошло смешение двух систем (западнославянские и восточнославянские языки), либо первоначальная независимость этих систем победила, а именно в формах настоящего времени

совершенных глаголов исчез оттенков значения будущего (сербохорватский и болгарский).

Итак, болгарский язык не только сохранил древнюю независимость систем времени и вида, но и развил ее в еще большей степени.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ С. h. Vallу, *Linguistique générale et linguistique française*, Paris, 1932, стр. 75. [Во втором издании Балли, помимо греческого аориста, указывает и на французскую форму *passé simple* (например, во французском языке в простом прошедшем). См. Ш. Балли, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, перевод с 3-го французского издания, М., 1955, стр. 105.]

² V. Vondrák, *Altkirchenslavische Grammatik*, изд. 2, Berlin, 1912, стр. 583 и сл.

³ Таково мнение Лескина, Мейе, Ван-Вейка (*RÉS*, 9, стр. 242 [в настоящем сборнике стр. 244]) и др. Недавняя попытка Кошмидера (*Наука о аспектах*, стр. 158 и сл. [в разделе, опущенном в настоящем сборнике]) доказать, будто аорист в старославянском языке может обозначать особый вид, является абсолютно неудачной.

⁴ А. Мейе, *Le slave commun*, изд. 2, Paris, 1934, стр. 273 [русск. перевод: А. Мейе, *Общеславянский язык*, М., 1951, стр. 219].

⁵ L. Andrejčin, *Kategorije značenjowe konjugacije bugarskije*, Prace Komisije jezykovej, № 26, Kraków, 1938. [Его же, *Основная болгарская грамматика*, София, 1944 (русский перевод: *Грамматика болгарского языка*, М., 1949).]

⁶ Т. Маретић, *Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika*, изд. 2, Zagreb, 1931, стр. 598.

⁷ А. Мусић, *Aorist imperfektivnih glagola u srpsko-hrvatskom jeziku*, *ЈФ*, 5, 1925—1926, стр. 27—41; его же, *Прилози науци о употреби времена у српскохрватском језику*, *Глас*, т. 121, 1926, стр. 124; т. 123, 1927, стр. 79; т. 126, 1927, стр. 10 и др.

⁸ Аорист, по мнению Белича, обозначает определенный момент прошлого, «момент, до которого продолжалось глагольное действие, когда оно было прекращено или завершено». См. А. Белич, *Аорист имперфективных глагола*, *ЈФ*, 5, 1925—1926, стр. 175; его же, *О употреби времена у српскохрватском језику*, *ЈФ*, 6, 1926—1927, стр. 114 и сл.

⁹ Именно это утверждает Белич. Ср., например, *ЈФ*, 5, стр. 181 и сл.

¹⁰ Ср. А. Белич, *Постанак прасловенске глаголске системе*, *Глас*, т. 164, 1935, стр. 4 и сл. [ср. вступительную статью настоящего сборника, стр. 28 и сноску там же].

¹¹ Белич приближается к такому пониманию, описывая употребление имперфекта в сербохорватском языке, но он не делает из этого выводов для своего определения, которое приписывает имперфекту значение, являющееся лишь оттенком значения несовершенного вида (*ЈФ*, 6, стр. 117): имперфект «обозначает усиленное подчеркивание протекания [собственно, пребывания, продолжения; сербохорв. трајање] глагольного действия». [Из более поздней ли-

тературы об имперфекте и аористе в сербохорватском языке: А. Стојичевић, *Значење аориста и имперфекта у српскохрватском језику*, *Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede*, Dela, 3, Ljubljana, 1951; П. Ивчић, *Систем значења основних претериталних времена у говору Галипољских Срба*, *ЈФ*, 20, 1953—1954, стр. 229—262; П. Сладојевић, *О имперфекту у српскохрватском језику*, там же, стр. 213—228; его же, *О значењу аориста у српскохрватском језику*, там же, 21, 1955—1956, стр. 131—136; Ј. Вуковић, *Sintaksička i stiliska vrednost imperfekta u savremenom srpskohrvatskom jeziku*, *Radovi Naučnog društva NR Bosne i Hercegovine*, knj. III, Sarajevo, 1955; М. Стевановић, *Око значења аориста*, *НЈ*, нова серија, књ. 8, 1957, стр. 128—144; его же, *Око значења имперфекта*, Универзитет у Београду, *Зборник филозофског факултета*, књ. IV—2, Београд, 1959, стр. 117—143; Д. Јовчић, *О имперфекту у говорима околине Врњачке Бање*, *Матица српска*, *Зборник за филологију и лингвистику*, II, Нови Сад, 1959, стр. 114—132; И. Е. Можжева, *Значење и употребе прошедших времен в языке Дубровника XVI века*, *УЗИС*, XIX, 1960, стр. 49—69].

¹² Fr. Trávníček, *Studie o českém vidu slovesném*, Praha, 1923, стр. 305. Ср. еще *Revue de travaux scientifiques tchécoslovaques*, sect. I-ге, IV, 1930, стр. 83.

¹³ Предполагалось также несовершенное значение *изираати*, но употребление этого глагола в совершенном значении хорошо засвидетельствовано в старославянском Евангелии (ср.: Лука, XX, 26 *изираати* ἐπιλαβίσθαι); кроме того, для выражения несовершенного значения мы встречаем *изираати* (Супр. 127, *изиравати*); ср. также: St. Słotański, *Funkcja prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgarskim)*, Warszawa, 1937, стр. 337.

¹⁴ Другие примеры см. в статье Н. Ван-Вейка «Die sogenannten Verba iterativa und die Bezeichnung der wiederholten Handlung im Altkirchenslavischen», *IF*, 45, 1927, стр. 103 [ср. и работы, названные в 40-м прим. ред.]

Ханс Кристьян Серенсен
 ВИД И ВРЕМЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ *
 [Отрывки]

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗОНА ВИДОВЫХ КАТЕГОРИЙ

Крайними областями семантической зоны видовых категорий является, с одной стороны, понятие границы (limite), или ограничения (limitation)**, и, с другой — абсолютная противоположность этого понятия.

Между этими крайними областями нам кажется естественным предположить нейтральную область. Как назвать эти области? Мы предпочитаем термины, еще не употреблявшиеся в этом смысле: лимитация, противоположная область будет обозначена как антилимитация, а область нейтральная — как алимитация; отсюда:

лимитация
алимитация
антилимитация

Теоретически любая из этих трех областей семантической зоны может быть интенсивной [42]. Количество систем, которые могут быть отсюда выведены, зависит от числа членов, входящих в состав категорий. По отношению к видовым категориям речь идет лишь о двух членах. Следовательно, теоретически возможны три си-

* H. Chr. Sørensen, Aspect et temps en slave, Aarhus, 1949.

** Далее используется термин «лимитация». — Прим. перев.

стемы, которые могут быть представлены следующими схемами:

I		II	
лимитация	1	лимитация	2
алимитация	2	алимитация	2
антилимитация	2	антилимитация	1
III			
лимитация	2		
алимитация	1		
антилимитация	2		

Какие из этих систем реализуются в установленных нами категориях? Иначе говоря, какие из этих систем могут служить для описания данных категорий, могут интерпретироваться как эти категории?

КАТЕГОРИЯ „СОВЕРШЕННЫЙ + НЕСОВЕРШЕННЫЙ ВИД“

Нашей задачей является точное определение этой категории при помощи одной из трех установленных нами систем. В соответствии с тем, что уже было сказано выше о совершенных и несовершенных глаголах, мы можем сразу же исключить систему III. Для принятия этой системы было бы необходимо, чтобы или совершенный, или несовершенный вид был сосредоточен в средней клетке зоны и никоим образом не мог бы покрывать другие клетки. Но это явно не так. Из сказанного вытекает также, каково должно быть распределение двух членов категории в семантической зоне. Совершенный вид, естественно, является лимитативным, а несовершенный — антилимитативным. Вопрос состоит лишь в том, какой из двух членов категории является интенсивным, а какой экстенсивным, т. е. какой из них должен быть обозначен цифрой 1 и какой — цифрой 2.

Общезвестен тот факт, что в славянских языках при отрицании вместо совершенного глагола часто употребляется несовершенный. Х. Педерсен¹ приводит следующий

русский пример: «На другое утро (я уже *проснулся*, но еще не *вставал*) стук палки раздался у меня под окном». Глагол несовершенного вида *вставал* употреблен здесь абсолютно параллельно глаголу совершенного вида *проснулся*. С точки зрения субстанции действие вставания не является менее ограниченным, менее целостным, чем действие пробуждения; очевидно, речь идет о случае типа импликации [43]. Несовершенный вид включает в себя совершенный. Форма *вставал* в сочетании с отрицанием выступает вместо соответствующей совершенной формы. Следовательно, если не засвидетельствованы случаи, когда, наоборот, совершенный вид включал бы в себя несовершенный, мы можем определить совершенный вид как интенсивный, а несовершенный вид — как экстенсивный член категории.

Приведенный сейчас пример расценивается Педерсеном как аномалия в употреблении видов — интерпретация, характерная для классической грамматики. А. Мазон² также говорит, что несовершенный вид вторгается в сферу совершенного, но он, конечно, думает при этом не об импликации или партиципации, а просто о расширенном употреблении, идущем вразрез с известными определениями, данными им ранее, т. е. об употреблении, представляющем собой отклонение от нормы. Но отклонение здесь кажущееся. Все дело в ошибочной гипотезе, согласно которой члены лингвистической оппозиции являются будто бы по своей природе взаимоисключающими. Напротив, если признать, что на оппозиции распространяется закон партиципации, то в подобных случаях не может быть речи об исключениях.

Импликация при отрицании особенно часто встречается в прошедшем времени и в императиве. Последнее положение хорошо иллюстрируется следующим примером: «*Не садитесь там, а сядьте здесь*»³. Имеется также тенденция допускать импликацию и в утвердительном императиве. Х. Педерсен отмечает, что в таких случаях, как «*Иди же домой*», собственно, следовало бы ожидать совершенного вида.

Аналогичная импликация наблюдается и при вопросе; несовершенный вид включает в себя совершенный. В этом случае также говорят об аномалии. Х. Педерсен⁴ относит сюда следующий пример: «*Умный мужик сбросил шерсть; глупый сказал: зачем бросать шерсть?*» С точки зрения

субстанции в обоих случаях речь идет об одном и том же действии, но в первом предложении глагол совершенный, во втором же — несовершенный. Э. Кошмидер полагает, что в известных случаях возможна замена вида без изменения смысла. Он также рассматривает обсуждаемый здесь случай и отмечает, что безразлично, скажет ли официант в ресторане *Czy paowie już zamawiali?* «Вы уже заказывали?» или *Czy paowie już zamówili?* «Вы уже заказали?» Однако, как нам кажется, было бы ошибочно думать, что здесь речь идет о каком-то смешении видов. Следует подчеркнуть лишь одно: несовершенный вид может занимать место совершенного, включать его в себя. Это явствует уже из ответа, в котором всегда будет совершенный вид, т. е. *Zamówiliśmy* «Мы заказали», независимо от того, совершенный или несовершенный вид был употреблен в вопросе.

Кошмидер устанавливает специальный случай, охватывающий действия «нелокализованные» во времени, в частности действия, фигурирующие в пословицах, поговорках и изречениях общего характера. Вид глагола в этом случае не является постоянным. Согласно Кошмидеру, здесь допускается смешение видов. Он приводит следующий пример: *Kogo bóg chce skarać, tedy mu rozum odejmie* «Кого бог хочет наказать, у того отнимет разум»; затем следуют варианты: *odejmuje, odbierze, odbiera, bierze* «отнимает, отберет, отбирает, берет»⁵.

Ясно, что если определять вид, исходя из понятия времени, как это делает Кошмидер, то такое употребление видов в предложениях «вне времени» явится чисто произвольным. Но если использовать ту систему описания, которую мы дали выше, то это употребление легко займет свое место в общей картине. Правда, импликация не поддается установлению там, где отсутствует база для сравнения, которая позволила бы решить, какой именно вид ожидался бы в случаях данного типа. В ранее рассмотренных случаях такой базой для сравнения являлось наличие утвердительных предложений наряду с отрицательными и повествовательных наряду с вопросительными. Но возможность обнаружения импликации и не требуется во всех случаях. Уже установленная импликация позволяет определить, какой из членов категории способен к партиципации. Определив это в случаях очевидной импликации, приступают к обобщению партиципации во всех тех

случаях, когда импликация не поддается анализу. Если несовершенные и совершенные глаголы употребляются произвольно, как в исследуемом случае, то это не обязывает нас делать вывод о смещении видов и потому отказываться от описания; совершенные глаголы обозначают здесь, как и всегда, действие, ограниченное пределом (limitative), действие, рассматриваемое как целое, а тот факт, что они могут быть заменены без изменения смысла высказывания несовершенными глаголами, является следствием экстенсивности этих последних.

В этой связи рассмотрим еще раз случаи так называемой «коинциденции» [44]. Как и Э. Кошмидер, мы придерживаемся того мнения, что в случаях «коинциденции» следовало бы ожидать употребления совершенных глаголов, так как действие рассматривается здесь как целое. Если же в большинстве славянских языков мы обнаруживаем в этих случаях несовершенные глаголы, то это является, по мнению Кошмидера, результатом преобладания несовершенных глаголов при обозначении событий, относящихся к настоящему времени. Следовательно, и здесь не может быть речи о смещении видов. Мы не отказываемся заранее от попыток найти здесь какую-то закономерность. Но всякое описание усложняется введением нового закона. Кошмидер делит всю область категории вида на три секции, каждую из которых он описывает особо: секция употребления видов согласно основному правилу, секция произвольного и анархического употребления и, наконец, секция, в которой отклонение от основного правила объясняется специальным правилом. Таким образом, описание, основанное на этой теории, является крайне сложным. А исчерпывающее описание должно быть возможно более простым. Согласно теории, принятой в этой работе, оказывается возможным объяснить употребление видов в случаях так называемой коинциденции, опираясь на установленные нами общие правила, следовательно более простым путем. Наличие несовершенного вида в тех случаях, когда мы ожидали бы видеть совершенный вид, лишний раз подтверждает тот факт, что несовершенный член категории является экстенсивным. Таким образом, мы снова встречаемся с явлением, возможность которого мы могли предвидеть в нашей общей системе.

Если наблюдения, сделанные в этой главе, правильны, то категорию «совершенный + несовершенный вид» можно

будет определить при помощи первой из тех абстрактных систем, которые были даны выше, т. е. следующим образом:

лимитация	1
алимитация	2
антилимитация	2

Следовательно, определение членов категории будет таким:

$$\begin{aligned} \text{совершенный вид} &= 1 \\ \text{несовершенный вид} &= 2. \end{aligned}$$

а определение категории будет выглядеть так:

$$\text{сов.} + \text{несов.} = 1 + 2.$$

Цифры в этих формулах соответствуют клеткам предшествующей схемы.

КАТЕГОРИЯ „АОРИСТ + ИМПЕРФЕКТ“

Когда мы устанавливали семантическую зону видовых категорий, мы уже дали понять*, что, учитывая семантическое содержание имперфекта, мы намерены определить категорию «аорист + имперфект» на основе этой семантической зоны, т. е. квалифицировать ее как категорию видовую. В этом нет ничего нового и удивительного, тем более что Й. Хольт* описал эту категорию в славянском, опираясь на результаты, полученные им при изучении видов в древнегреческом и новогреческом языках, в которых аорист и имперфект являются важными элементами.

Старые грамматисты также отмечали большое сходство в значении между совершенным и несовершенным видом, с одной стороны, и аористом и имперфектом — с другой. В некоторых описаниях это сходство приближается к тождеству. Мы отсылаем читателя к замечаниям, сделанным по поводу этих форм Миклошичем. Та же тенденция к отождествлению обеих категорий с точки зрения субстанции еще ярче проявляется у Т. Маретича. Естественно, что такое отождествление членов двух категорий с точки

* В опущенной при переводе части книги. — Прим. перев.

зрения субстанции должно было приводить к их полному отождествлению, так как субстанция принималась за исходный пункт, а вместо отношений партиципации предполагалась оппозиция, состоящая из исключających друг друга членов.

Мы согласны признать обе категории тождественными в том смысле, что они покрывают одну и ту же семантическую зону. Но мы все же полагаем, что они различаются в другом отношении. В этой главе мы постараемся точно определить, в чем заключается это различие.

Конечно, можно было бы допустить предположение, что речь идет о двух совершенно сходных категориях, сформировавшихся в разное время и впоследствии конкурировавших, до тех пор пока не определилось, какая из них должна была одержать верх. Это мнение могло бы быть подтверждено тем фактом, что обе эти категории существуют в древнеболгарском языке, тогда как в русском, польском и чешском аорист и имперфект с течением времени утратились, а в сербохорватском находятся теперь в процессе отмирания. Тогда нужно было бы рассматривать как не имеющую значения случайность то, что аорист и имперфект продолжают существовать в сербохорватском и болгарском языках. Однако нам представляется абсолютно неправдоподобным, чтобы дело действительно обстояло таким образом. Мы вполне согласны с Хольтом, который пишет: «Кажется совершенно невозможным, чтобы конкуренция между двумя системами длилась тысячу лет»⁷. Да и сама классическая грамматика не закрывала глаза на различие, существующее между этими категориями. Миклошич, стремившийся рассматривать обе категории как идентичные, все же полностью отдавал себе отчет в том, что нельзя не признавать за аористом независимой роли в системе.

.....
 Единственным лингвистом, который действительно попытался глубоко изучить вопрос о соотношении этих двух видовых категорий с функциональной точки зрения и с точки зрения субстанции, является Хольт. В качестве исходного пункта своего исследования он взял тот факт, что оппозиция аориста и имперфекта существует лишь в прошедшем времени, тогда как совершенный и несовершенный виды различаются в двух временах. Отсюда он сделал вывод о том, что флексивный вид (аорист — импер-

фект) обозначает наличие или отсутствие реального предела (limite; у Хольта — terme), тогда как синтагматический вид (совершенный — несовершенный) обозначает наличие или отсутствие виртуального предела. Хольт вводит в описание новую семантическую зону, иначе говоря, добавляет новое измерение к уже данному. Ситуация может быть представлена в виде следующей схемы:

	лимитативный	нелимитативный
реальный	аорист	имперфект
виртуальный	совершенный	несовершенный

Теория Хольта, по-видимому, объясняет синкретизм аориста и имперфекта в сфере настоящего времени, рассматривая этот синкретизм как естественное следствие того, что категория аориста — имперфекта обозначает наличие или отсутствие реального предела. Для того чтобы глубже вникнуть в существо этой проблемы, мы формулируем ее так: следует ли из факта синкретизма непременно делать вывод о том, что аорист обозначает реальный предел, а имперфект — отсутствие реального предела?

Для того чтобы дать удовлетворительный ответ на этот вопрос, нам кажется естественным сравнить рассматриваемое здесь явление с отношениями в рамках других категорий, где также обнаруживается синкретизм. Например, в русском языке в прошедшем времени наблюдается синкретизм членов категории лица, различающихся в настоящем времени, и, наоборот, в настоящем времени обнаруживается синкретизм членов категории рода, различающихся в прошедшем времени. Но никому не придет в голову при определении содержания категории лица учитывать, что ее члены различаются лишь в настоящем времени, при определении содержания категории рода — что члены этой категории различаются лишь в прошедшем времени. Можно было бы привести еще много примеров, но и этих достаточно, чтобы показать, что синкретизм, зависящий от некоторых членов категории времени, не имеет какого-либо существенного влияния на определение членов, подвергающихся синкретизации. Значит, синкретизм членов категории «аорист + имперфект», наблюдаемый в сфере настоящего времени, не влечет за собой обязательных последствий для определения этой категории.

С лингвистической точки зрения допустимо определять ее, не учитывая этого синкретизма.

Наиболее интересно для нашего описания установить, какова ориентация категории «аорист+имперфект» [45]. Важно выяснить, имеются ли в этой категории случаи импликации, которые позволили бы применить критерий Трубецкого [46]. Насколько нам известно, таких случаев нет. Но это не должно нас удивлять. Импликация встречается часто, но не является общим правилом. Поскольку же наш единственный функциональный критерий недостаточен, нам при решении вопроса приходится опираться на субстанцию, отчего решение становится гораздо более трудным и менее надежным. Во всяком случае, проблема имеет своеобразный характер: представлены две категории, определение которых базируется на одной и той же семантической зоне, вместе с тем у этих категорий есть функция — комбинироваться друг с другом, т. е. они могут быть перемножены. Из всего изложенного выше можно сделать некоторые выводы в отношении ориентации этих категорий.

Мы определили выше категорию «совершенный+несовершенный вид» при помощи схемы I. Если, в противоположность Хольту, мы не хотим вводить в семантическую зону новое измерение, мы не можем воспользоваться этой же схемой или этой системой и для определения категорий «аорист+имперфект». Итак, мы должны сделать выбор между системами II и III. Допустим, что мы выберем последнюю систему. Согласно этой системе надлежит определить аорист или имперфект как алимитативный и в то же время интенсивный член. Если мы определим таким образом аорист — определение, которое, может быть, является оправданным с точки зрения субстанции, — то имперфект нужно будет определить как член то лимитативный, то антилимитативный, то, наконец, алимитативный (вследствие партиципации), что представляется нам неоправданным с точки зрения субстанции; имперфект, во всяком случае, обозначает антилимитацию, каково бы ни было его отношение к оппозиции интенсивности-экстенсивности.

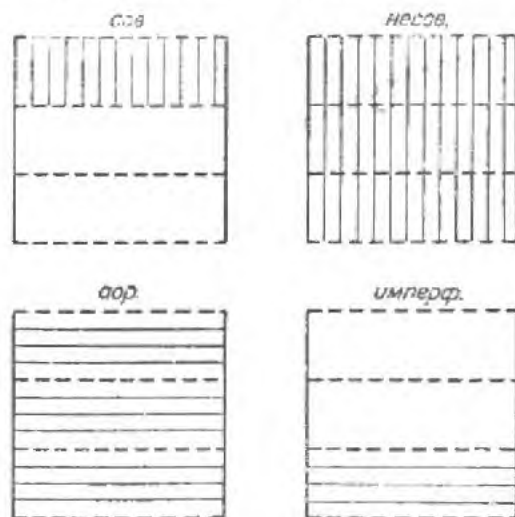
Эти соображения заставляют нас отказаться от мысли определить категорию «аорист+имперфект» при помощи системы III. Следовательно, ее надлежит определить посредством системы II. Такова последняя возможность, которая у нас остается, если при описании двух видовых

категорий, базирующихся на одной и той же семантической зоне, мы хотим избежать усложнения нашей теории.

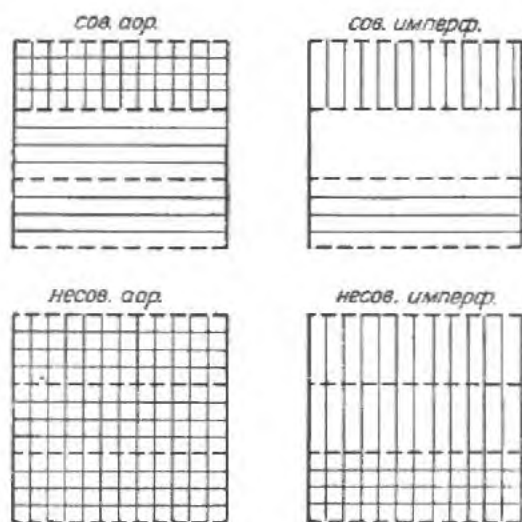
Это значит, что имперфект следует определить как интенсивный член категории, а аорист — как экстенсивный член. Таким образом, диаметрально противоположная ориентация внутри семантической зоны становится единственным различием между двумя видовыми категориями. Постараемся для большей ясности дать схематическое изображение отношений, исходя из наших схем I и II.

I		II	
лимитация	1	лимитация	2
алимитация	2	алимитация	2
антилимитация	2	антилимитация	1

Если заштриховать вертикальными линиями клетки, занятые членами категории «совершенный+несовершенный вид», а горизонтальными линиями — клетки, которые занимают члены второй видовой категории, то, учитывая партиципацию, можно представить распределение членов обеих категорий следующим образом:

Комбинируя каждый член категории «совершенный + несовершенный вид» с каждым членом категории «аорист + имперфект», мы получим следующие конфигурации субстанций:

Как мы видим, получаются два типа комбинаций. С одной стороны, мы имеем комбинации «совершенный вид + аорист», «несовершенный вид + аорист» и «несовершенный вид + имперфект», а с другой — «совершенный вид + имперфект». Если в первых трех случаях комбинирующиеся члены имеют одну или несколько общих клеток в семантической зоне, то в последнем случае комбинирующиеся члены не имеют ни одной общей клетки. Речь идет о комбинации интенсивных членов, каждый из которых концентрируется в своей крайней клетке семантической зоны. Содержание одного из этих членов с трудом комбинируется с содержанием другого, ибо трудно себе представить действие, которое в одно и то же время было бы лимитативным и антилимитативным. Это обстоятельство войдет в нашу теорию как ее существенный элемент.

Данная теория является самой простой из всех, как мне только можно себе представить, так как при описании содержания двух категорий она предполагает лишь одну

семантическую зону, благодаря чему обе категории различаются только своей ориентацией. Рассмотрим теперь, возможно ли, основываясь на этой системе, осуществить исчерпывающее описание лингвистических отношений, т. е. можно ли сказать, что лингвистические члены — аорист, имперфект, совершенный и несовершенный вид, — так же как и комбинационные отношения, существующие между ними, соответствуют членам категории и типам их комбинации, которые мы теоретически определили в приведенной выше схеме. Если это может быть доказано, то данная теория имеет преимущество, состоящее не только в ее крайней простоте. В ходе анализа будет необходимо заняться прежде всего комбинационными отношениями, так как трудно оперировать самими величинами субстанции, рассматриваемыми изолированно. Отношение между совершенным видом и имперфектом представляет особый интерес. Это отношение мы и исследуем в первую очередь.

В сербохорватском языке аорист образуется как от совершенных, так и от несовершенных глаголов, тогда как имперфект может быть образован лишь от глаголов несовершенного вида. Следовательно, в этом языке различаются два рода комбинаций, выделенных нами выше: с одной стороны, комбинации, члены которых занимают общие клетки в семантической зоне, а с другой — комбинация, члены которой не имеют общей клетки. Здесь перед нами одна из возможных ситуаций — ситуация, вполне предусмотримая теоретически: несоответствие между субстанцией содержания совершенного вида и субстанцией содержания имперфекта ведет к тому, что их комбинация не может осуществиться.

В древнеболгарском языке практически существует та же ситуация, так как сомнительно, чтобы имперфект глаголов совершенного вида играл в этом языке какую-либо роль. Все же здесь встречается несколько примеров такого имперфекта, но, как отмечает Мейе, эти формы имеют специальное значение, которое он описывает следующим образом: «Такие имперфекты выражают прошедшее действие мгновенного характера, повторяющееся одновременно с другим действием...». В данном случае перед нами, очевидно, вторая возможность, теоретически также вполне предусмотримая. В этих действиях можно выделить два элемента субстанции: элемент лимитации и элемент антилимитации; последний выражается в том, что действие

повторяется. Если Мейе прав, то эти элементы отличаются друг от друга столь же четко, как элемент падежа в какой-либо именной форме отличается от элемента числа.

В других славянских языках, где осуществляется данная комбинация, также обнаруживается значение, которое усматривает в этих формах Мейе, или, во всяком случае, очень близкие значения. Мы имеем здесь в виду древнерусский, древнечешский языки и современный болгарский. Единообразие, наблюдаемое в этих различных языках в употреблении совершенного имперфекта, не кажется нам неожиданным. Речь идет о постоянной величине, в которой ясно проявляются оба элемента ее субстанции. Поэтому установленная нами абстрактная система может быть очень полезна для ее описания.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ Н. Pedersen, *Russisk grammatik*, стр. 204.

² А. Мазон, *Emplois des aspects du verbe russe*, Paris, 1914, стр. 204.

³ Там же, стр. 82.

⁴ Н. Pedersen, *Указ соч.*, стр. 205.

⁵ См. Е. Косчмиедер, *Nauka o aspektach czasownika polskiego*, стр. 90 [в настоящем сборнике стр. 156].

⁶ J. Holt, *Études d'aspect* (=«Acta Jutlandica», *Aarsskrift for Aarhus Universitet*, XV, 2), Aarhus-København, 1943.

⁷ Там же, стр. 66—67.

⁸ А. Мейе, *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, I, Paris, 1902, стр. 81. [Ср. также литературу об имперфекте совершенного вида, названную в 40-м прим. ред.]

Франтишек Копечный

[Из книги „Основы чешского синтаксиса“]*

§ 26. В чешском, как и в других славянских языках, временные отношения перекрещиваются с видовыми.

В области вида выделяются два смысловых (семантических) момента, имеющих грамматическую значимость: 1) так называемая комплексность (целостность) или «фактовость» действия; оба слова можно заменить чешским термином *výsledkovost*¹ «результативность»; следовательно, речь идет о том, что мы обозначаем вполне удовлетворительным обычным термином «совершенство» (*dokonalost*); 2) так называемая многократность (иностранные термины — итеративность или фреквентативность), грамматическая значимость которой ограничивается лишь областью несовершенных глаголов.

1. Выше уже было отмечено, что маркированной (*příznakovou*) категорией является совершенный вид. Несовершенный вид выражает просто качество глагольного действия. И именно потому, что он не выражает никакого отношения к факту завершения действия, мы можем употребить его в том случае, когда это завершение вытекает из ситуации. Так, например, мы употребляем несовершенный вид при вопросе, касающемся производителя действия (он имеет непосредственное отношение к качеству действия), когда результат действия дан самой ситуацией и, следовательно, нет необходимости обозначать его, кроме того, особой маркированной формой: *Kdo vám to maloval?* «Кто писал вам это (картину и т. п.)?» *Kdo ti to dával?* «У кого ты это брал?» (букв. «Кто тебе это давал?») — спрашиваем мы того, кто вернулся с (ожидаемой) покупкой.

* Fr. Kopečný, *Základy české skladby*, Praha, 1958.

Форму совершенного вида мы употребим только в том случае, когда внимание специально обращается на результат действия (Hezky vám to vumaloval «Хорошо же он вам это написал!») или когда результат оказывается неожиданным и потому обращает на себя внимание (Kdo rak ti to dal? «Кто же это тебе дал?»)².

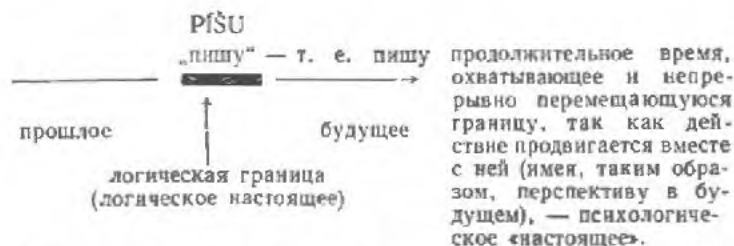
И в школьной практике целесообразно не уклоняться от истины и определять совершенные глаголы как выражающие действие в его результате («совершенности»), а несовершенные — как такие, которые ничего не говорят о результате действия (но не исключают его, так что и действие, выраженное несовершенным видом, часто следует рассматривать как завершенное, результативное). Разумеется, лишь несовершенные глаголы предназначены для выражения так называемой процессности действия, лишь они могут выразить действие в его течении, так что этот их признак можно было бы включить в определение. С другой стороны, сказанное не следует понимать в том смысле, что совершенные глаголы не могут обозначать (точнее, охватывать) временную протяженность. Было бы неправильно говорить, что мы не можем применить к ним вопрос jak dlouho? «как долго?». Естественно, в подавляющем большинстве случаев это утверждение оказывается правильным (так же как и другой признак — то, что форма настоящего времени от таких глаголов означает будущее; однако к совершенным глаголам неправоммерно относят и будущее типа ropesu³). Но существует группа совершенных глаголов, обозначающих временную протяженность, — это глаголы типа posedět (si), к которым можно отнести вопрос Jak dlouho tu byl, poseděl? «Как долго он тут побыл, посидел?»

Тем самым мы подходим к тому факту, что совершенные глаголы в силу комплексности действия не имеют так на-

* Перевод «понесу» не передал бы видового значения данной формы, так как «определенные» глаголы движения в чешском языке (jíti «идти», běžeti «бежать», jeti «ехать», letěti «лететь», néstí «нести» и т. д.) и некоторые другие глаголы, сочетаясь с приставкой ro-, образуют простое будущее время несовершенного вида. Примечательно, что, помимо таких форм (přijdu, roběžím, pojedu, poletím, ropesu и т. д.), при помощи приставки ro- от указанных глаголов образуется лишь повелительное наклонение (rojď!, ropes и т. д.), являющееся совершенным, другие же формы в современном языке отсутствуют. — *Прим. перев.*

зываемой perspective temporelle (временной перспективы)⁴. Это значит, что на линии временной оси, которая, разумеется, действительна для несовершенных глаголов, совершенные глаголы выступают как точки. Их протяженность, поскольку они ею обладают, относится к иной плоскости. Эта протяженность может быть даже очень значительной (Prospal celý život «Он проспал всю жизнь»), но нас в ней интересует лишь та конечная точка, через которую мы включаем ее в линию «бегущего» времени (процессность же могут выражать лишь несовершенные глаголы).

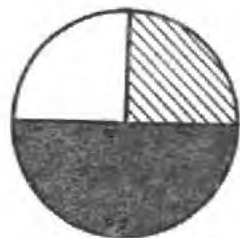
Из непроцессности совершенных глаголов вытекает невозможность выразить ими актуальное настоящее, т. е. результат, наступивший действительно в момент речи. Правда, если стать на логическую объективную точку зрения убегающего времени, то теоретически можно себе представить, что этот конечный пункт совместится с воображаемой точечной границей между прошлым и будущим, какой является логическое настоящее. Но выразить это невозможно. Ведь уже с момента наступления данного состояния до того, как мы установим этот факт, пройдет известное время, и еще какое-то время пройдет от момента его установления до его выражения. Лишь процессные глаголы могут охватить эту непрерывно движущуюся точку, так как процессность всегда гарантирует протяженность, достаточную для того, чтобы в ее пределах оказались и действие и момент речи; несовершенные глаголы связаны с психологическим, а не с логическим настоящим. Ср. схему:

Иначе, но очень удачно, об этом говорит Достал: «Поскольку субъект не может стать на какую-то точку зрения вне настоящего, он не может также понять настоящее как единое целое»⁴.

И именно тот факт, что презентная форма совершенных глаголов имеет с точки зрения времени иную значимость, чем презентная форма глаголов несовершенного вида, и, следовательно, категория вида перекрещивается с категорией времени, — именно это и делает вид в нашем языке грамматической категорией.

2. То же относится и к другой семантической черте, упомянутой ранее, — к многократности. Уже было отмечено, что речь идет, разумеется, лишь о маркированной многократности, причем только в области несовершенных глаголов. Область глаголов совершенного вида, уже обремененная одним признаком, как бы не реагирует грамматически на другой. Схематически это выглядит так:

нижняя половина круга — это глаголы, обремененные признаком совершенности. В этой области другой признак уже не находит себе применения. Другой признак, многократность (заштриховано), имеет более ограниченные возможности. Остальная (незаштрихованная) площадь — несовершенные глаголы, немаркированные как с точки зрения совершенности, так и с точки зрения многократности.

Многократность также является маркированной чертой в противоположность некратности остальных несовершенных глаголов. И как немаркированность имперфективных глаголов в отношении совершенности не исключает возможности их употребления для обозначения совершенного действия, так и здесь немаркированность простых несовершенных глаголов (*pišu* «пишу», *dělám* «делаю», *házíím* «бросаю», *zapisují* «записываю», *beru* «беру») не означает, что их нельзя употребить для обозначения повторяющегося или обычного действия. Как раз наоборот, они употребляются для обозначения таких действий очень часто, чаще, чем маркированные многократные формы *psávám*, *dělávám*, *házíívám*, *zapisovávám* «писывать», «делывать» и т. д.; особенно редкими являются формы типа *zapisovávám*.

Грамматичность категории маркированных многократных глаголов вытекает в свою очередь из своеобразного охвата категорией времени презентной формы таких глаголов. Эти формы также никогда не могут обозначать

актуальное настоящее действие, протекающее в момент речи, они не могут быть ответом на вопрос «что это ты делаешь?» См. об этом в § 27.

В области совершенных глаголов многократность остается лишь моментом в значении слова, чертой семантической, не отражающейся на грамматической значимости: *pootevřívá všechna okna* «пооткрывает все окна» грамматически занимает то же положение, что и *otevře všechna okna* «откроет все окна»; *vyhází* «выбросит (многократно), выбрасывает» грамматически совпадает с *vyhodí* «выбросит» (т. е. обе формы имеют одинаковую значимость с точки зрения охвата категорией времени), но *hází* «бросает» охватывается категорией времени иначе, чем *házíívá* «бросает (многократно)».

Замечание по поводу терминологии. В славянских грамматиках термин «итератив» употребляется в морфологическом смысле. Им обозначаются все deverбативные несовершенные глаголы, т. е. несовершенные глаголы, образованные от совершенных (обычно приставочных): *házet* «бросать», *vracet* «возвращать», *sbírat* «собирать», *zapisovat* «записывать», *vyplácet* «выплачивать», *přelínat* «перерубать», «перерезать», *promíjet* «извивать» и т. д. Вопросы терминологии всегда имеют второстепенное значение, но из-за них может возникнуть большая путаница, особенно тогда, когда термин, указывающий на известное содержание (как в нашем случае), это содержание не обозначает. Больше всего вреда такое положение вещей приносит именно грамматике нашего языка, потому что сравнительно молодая категория маркированно многократных глаголов типа *dělávát* «делать (многократно)», *psávát* «писывать», *brávát* «(многократно) брать» и т. д. окончательно оформилась, собственно, только в чешском и словацком языках. Известную склонность к ней обнаруживает польский язык, в других же языках (в словенском, русском) можно отметить лишь зачатки такого развития; в южнославянских языках нет даже подходящих условий для возникновения этой категории. Таким образом, если термин «итеративный глагол» употребляется по отношению к материалу языков, которые *de facto* не имеют маркированных итеративов, то это не мешает в той мере, как у нас, где такая категория имеется, но подходящий для нее термин используется для обозначения совсем других глаголов, для определенной морфологиче-

ской разновидности несовершенных глаголов или же этим термином охватываются даже оба типа. Положение ухудшается еще больше, когда, будучи введены в заблуждение термином, мы стараемся найти у этих морфологических «итеративов» некую действительную итеративность: самое красноречивое указание на то, что речь идет о явно повторяющемся действии, что предмет окрашивается несколькими мазками кисти, не сделает из *malíkat* «красить» никакого действительного итератива. Повторяемость здесь, безусловно, налицо, но это факт словарного значения данного глагола, никак не вытекающий из формы; он остается в силе и для глагола совершенного вида *malít* «покрасить», который не считается итеративным. Естественно, что многие такие итеративы часто обозначают действительно многократные действия; иногда нам кажется, что это как будто даже единственное их значение (ср. *sbírat* «собирать»). Но такая возможность является свойством каждого несовершенного глагола; *dělat* «делать», *brát* «брать», *psát* «писать» и другие «неитеративные» несовершенные глаголы также могут выражать такие повторяющиеся действия. Разумеется, оба типа, и *dělat* и *sbírat*, выражают это значение немаркированно. Здесь же необходимо терминологически выделить категорию *markovaných* многократных глаголов, которые не только могут, но и должны выражать эту повторяемость действия (или его обычность). Мы будем обозначать такие глаголы недавно введенным у нас термином «*slovesa násobená*» («многократные глаголы»)...

Известно, что претерит маркированных многократных глаголов выражает вместе с тем оттенок давнопрошедшего времени. Эта давность субъективно подчеркивается повторением форманта многократности: *Když jsem já k vám chodíval, rejsek na mne šlékával* «Когда я к вам *хаживал*, на меня *собачка*, бывало, *лаяла*».

§ 27. Само собой разумеется, различия в охвате видовых оттенков чешского глагола категорией времени мы можем определять лишь по презентной форме, как форме немаркированной в отношении времени, а следовательно, способной быть носителем еще одной, более специфической функции.

1. Следовательно, с точки зрения видовых различий глаголов мы имеем в чешском языке следующие категории настоящего времени:

а) *dělám* «делаю» (настоящее время несовершенного глагола)

= 1) действие, понимаемое абстрактно (вневременное, неактуальное)

2) актуальное настоящее (что должно означать: нет иной формы для его выражения)

б) *udělám* «делаю» (настоящее время совершенного глагола)

= 1) действие, понимаемое абстрактно (вневременное, неактуальное)

2) будущее, разумеется, немаркированное (что должно означать: совершенные глаголы не имеют особой формы для выражения будущего времени)

в) *dělávám* «делаю (многократно)» (настоящее время многократного несовершенного глагола)

= 1) действие, понимаемое абстрактно (вневременное, неактуальное)

2) 0

По-особому охватывается категорией времени группа аффективных глаголов типа *padělat se* «наработаться, натрудиться», которые я называю «неактуальными совершенными глаголами» (это не очень удачный термин, так как неактуальными являются все совершенные глаголы: они не могут выражать актуальное настоящее, но здесь эта черта выступает особенно ярко и своеобразно):

г) *padělám se* «наработаюсь»

= 1) действие, понимаемое абстрактно (неактуально)

2) то же будущее, что и *udělám*

3) почти то же актуальное настоящее, что и *dělám*

Эта последняя категория, конечно, отличается от предшествующих и лексически. Следовательно, ее нельзя ставить с ними в один ряд. Рассматриваемые совершенные глаголы интересны тем, что они могут (хотя лишь изредка) выражать и актуальное настоящее, следовательно, могут быть также ответом на вопрос «что это ты делаешь?» (*Alé nadřu se tady s tou zahrádkou už od rána, a pořád s tím nepohu být hotov* «Ну и наработался (букв. наработаюсь) я здесь с самого утра с этим садиком, а все никак не могу закончить») *. Поэтому такие глаголы иногда на первый взгляд кажутся несовершенными; они, конечно, ближе к двувидовым глаголам.

2. Прежде всего следует обратить внимание на тот факт, что презентные формы всех видовых типов нашего глагола имеют то общее, что они являются немаркированными в отношении времени и могут выражать действия, не отнесенные к какому-либо времени, общезначимые. При такой общезначимости видовые типы можно заменять: *To je dobrý písař, ten píše* (или *psává*, или *paríše*) *až 100 slov za minutu* «Это хороший писарь, он пишет (или соответствующая многократная форма, или *пишет*) до 100 слов в минуту»; *To je silný kuřák, ten kouří* (или *vykouří*, или *kouřívá*) *až 40 cigaret denně* «Это настоящий курильщик, он курит (или *выкурит*, или многократная форма от «курит») до 40 сигарет в день».

О заменимости мы говорим здесь с точки зрения этой общезначимости, с точки зрения этой неотнесенности к определенному времени. В других отношениях как раз обнаруживаются различия — различия видовые. Они проявляются здесь в том, что формы типа *paríše* и *vykouří* выражают скорее способность совершить действие, формы же типа *psává*, *kouřívá* — скорее обычность. Но на заднем плане все же скрываются и другие различия, в том числе временные, т. е. при употреблении форм настоящего времени совершенных глаголов на заднем плане здесь выступает возможность футурального значения. Даже теперь мы понимаем некоторые пословицы типа *jak si usteleš, tak si lehneš* «что посеешь, то и пожнешь» (букв. «как постелешь, так и ляжешь») как предостережение, относящееся к будущему, как ожидание каких-то последствий.

Это вытекает из довольно тесной связи значения будущего с презентной формой совершенного глагола. Но футуральное значение представляет собой результат длитель-

ного развития, далеко не одинакового для всех славянских языков. Первой чертой, различающей презентные формы обоих видов типа *řízu* и *parízu* (категория *psávám* — молодая и в своей парадигматичности, собственно, лишь специфически чешская и словацкая), явилось то, что презентные формы совершенных глаголов не могли выражать актуальное настоящее, могли обозначать лишь действия, не локализованные во времени. Так обстояло дело в балтославянском языке (это ясно по крайней мере в отношении глаголов с приставкой *ra-*). Весьма сходно с этим и положение в южнославянских языках, где настоящее время совершенных глаголов само по себе не может иметь в главном предложении значения будущего. Оно имеет лишь вневременное значение (как и наш тип *psávám*, выражающий, конечно, кроме того, маркированную многократность). Поскольку настоящее время совершенных глаголов в южнославянских языках не имеет значения будущего (выражая его лишь в некоторых типах придаточных предложений, особенно условных и временных), совершенные глаголы в этих языках образуют ту же форму будущего времени, что и несовершенные глаголы (так, как если бы мы говорили *budu psal* «буду написать» наподобие *budu psát* «буду писать») [47]. Следующую стадию развития представляет чешский язык: у нас презентная форма совершенных глаголов имеет футуральное значение, но, как уже было отмечено в схеме, лишь немаркированное. Обратите внимание на различие между предложениями: *Maminka bude vařit oběd* «Мама будет варить обед» и *Maminka to uvaří a budem jíst* «Мама сварит это, и мы будем есть». В первом предложении действие варки целиком относится к будущему, во втором же мы не знаем, не началось ли уже действие, не протекает ли уже оно (давно); о «будущем» *uvaří* «сварит» мы не можем просто сказать, что оно целиком относится к будущему. Помимо этой (у нас уже вполне обычной) футуральной функции, наше совершенное настоящее до сих пор сохранило свою былую функцию вневременности: оно до сих пор может выражать так называемое настоящее историческое: *Před týdnem jsem tu šel kolem půlnoci; a jak ti tak, člověče, jdu, najednou uslyším, jak kdosi přede mnou křičí, zastavím se a poslouchám* «Неделю тому назад я шел здесь примерно в полночь, и так вот, дружище, иду и вдруг слышу (букв. услышу), как кто-то впереди меня кричит, останавливаюсь (букв. останавлиюсь)

и слушаю» и т. д. Это развитие продвинулось еще дальше в направлении футурального значения совершенного настоящего в польском и русском языках. Совершенное настоящее там теперь настолько тесно связано со значением будущего (в отличие от более ранней эпохи развития этих языков), что его, например, нельзя употребить в функции настоящего исторического (о чем недавно писала Елена Кшижкова⁶); в пословицах же оно может быть употреблено лишь постольку, поскольку их можно понимать (см. приведенную выше чешскую пословицу) как относящиеся к будущему [48]. Осознав этот факт, эту тесную связь значения будущего с совершенным настоящим, мы поймем, что нашему несовершенному будущему типа *ropesu*, *rovedu*⁷ и т. д. в русском и польском языках соответствуют формы (например, русские *понесу*, *поведу* и т. д.), которые следует расценивать иначе. Там они являются совершенными, там имеются и соответствующие формы прошедшего времени типа *повел его за руку* и т. п., тогда как у нас нельзя сказать *rovedl ho za ruku*. В нашем языке *ropesu* есть форма слова *pésti* «нести»; наряду с будущим *ropesu* в единичных случаях может встретиться лишь императив *ropes* «понеси»⁸.

Необходимо рассмотреть первоначальное временное значение несовершенной теперь презентной формы в ту эпоху, когда видовое противопоставление еще не было столь резким, как сейчас. Возможно, нас до некоторой степени вводит в заблуждение положение в старославянском языке, где настоящее время совершенных глаголов часто (но не всегда) выступает в значении будущего. Но старославянский язык — язык переводов. Он **д о л ж е н** был как-то справиться с греческим будущим временем. Переводчики старославянских текстов находились, по крайней мере отчасти, в том же положении, что и переводчик готской библии. Готский язык также не имел формы будущего времени. Следовательно, он должен был в подавляющем большинстве случаев использовать презентную форму (описательная форма употреблялась очень редко, в случаях с более отчетливой фазовостью или модальностью). Старославянский язык имел то преимущество, что он располагал видовыми парами. Хотя никакая форма настоящего времени не обозначала сама по себе будущего, все же чаще использовалась презентная форма «совершенных» (или, может быть, еще лишь «детерминативных») глаголов,

потому что, будучи формой, не обремененной никакой специфической функцией, она была более подходящей для этого, чем настоящее время несовершенных глаголов, выражавшее, помимо вневременности, и подлинное, актуальное настоящее. Все же можно найти и несовершенные презентные формы в футуральном употреблении (причем не такие подготовленные контекстом и поддерживаемые лексикой, как в нашем *Zítta jedu do Prahy* «Завтра еду в Прагу») [49]. В высшей степени рискованно рассматривать старославянское употребление презентных форм в значении будущего как видовой критерий. Достал также говорит об этом, но он не всегда удерживается от такого искушения. В данном случае критерием древних видовых отношений мы делаем признак чрезвычайно **н о в ы й** и к тому же свойственный не всем славянским языкам. Не имеет большой силы возражение, что, скажем, в сербохорватском языке в более древнюю эпоху совершенное настоящее имело значение будущего, а теперь его не имеет (это был бы серьезный факт, свидетельствующий против намеченного выше направления развития): ведь такое футуральное значение было обнаружено по большей части лишь в текстах религиозных, библейских, следовательно, речь идет о церковнославянском наследии⁹.

3. Категория типа *psávat* является молодой, она становится обычной в чешском языке с XVI века. Эти глаголы, маркированно неактуальные в презентной форме, не могут обозначать действие, протекающее в актуальном настоящем. Если они и употребляются при наличии актуального действия, то обозначают не само это действие, а указывают на то, что оно совершается обычно, многократно. Нужно хорошо осознать следующее различие: простые (некратные) несовершенные глаголы являются «немаркированными в отношении актуальности», т. е. они не должны обозначать актуальное действие, но могут иметь это значение, тогда как маркированно многократные глаголы являются и «маркированно неактуальными», т. е. вообще не могут обозначать актуальное действие. Эту свою «неактуальность» они переносят и на остальные две временные формы (*budu psávat*, букв. «буду писывать», *psával jsem* «я писывал»), хотя с логической точки зрения об актуальности в этих временах нельзя говорить и в отношении других глаголов, если понимать под актуальностью то, что протекает в момент речи. Однако самый момент речи

можно переместить в будущее или в прошлое, и тогда обнаружится, что у упомянутых форм *budu psávat*, *psával jsem* сохраняется неактуальность по отношению к этому моменту¹⁰.

4. В прошедшем времени видовые различия иногда стираются, так как значение соответствующего глагола таково, что мы не можем себе даже представить, чтобы не наступил результат действия. Так, например, *kázal* «он приказывал» выражает то же, что и *přikázal*, *rozkázal* «он приказал»; *pravil* «он говорил» — то же, что и *řekl* «он сказал».

5. Из того факта, что вид в нашем языке в результате его скрещения со временем является грамматической категорией, вытекает одно важное обстоятельство, а именно: при наличии подлинных видовых пар (как, скажем, *psát* — *papsat* «писать — написать» или *dělat* — *udělat* «делать — сделать») следует говорить о противопоставлении не двух глаголов, а двух форм одного и того же глагола. Все формы: настоящего времени — *píšu* «пишу», *psávu* «напишу», *psáváme* «пишу (множественно)»; прошедшего — *psal jsem* «я писал», *papsal jsem* «написал», *psával jsem* «писывал» и будущего — *budu psát* «буду писать», *budu psávat* «буду (множественно) писать» — это формы одного и того же слова, как говорят, одной и той же лексемы, а именно глагола *psát* «писать». Мы должны выбрать именно эту форму, поскольку она является немаркированной (как в отношении совершенности, так и множественности). Именно так понимали это наши старые грамматисты (например, замечательный грамматик Нудожерский)*, которые приводили глагольные парадигмы в обоих видах (тип *psáváme* в парадигму еще не включался).

Это положение несколько не отменяется тем, что не всегда данный глагол имеет все три ряда форм. Непарность в противопоставлении «совершенный — несовершенный вид», т. е. тот факт, что какой-либо из членов этого противопоставления отсутствует (чаще всего — совершенная параллель, как маркированный член; изредка — немаркированная исходная, основная категория), обуславливается самой семантической базой видов. Не каждый глагол обо-

* Лаврентий Бенедикт Нудожерский (Laurentius Benedictus Nudozierinus), автор вышедшей в 1603 году в Праге грамматики чешского языка — «Grammaticae Bohemicae... libri duo». — *Прим. перев.*

значает деятельность, да еще такую, которая бы стремилась к какому-то результату, поэтому такой глагол и не может иметь совершенную форму (например, вспомогательные глаголы, глаголы, обозначающие пребывание в каком-то состоянии, глаголы типа *vzpáset se ve snách* «парить в мечтах» и т. п.; есть еще и иные причины, но мы здесь не можем заниматься морфологией видов) [50]. У более позднего по происхождению противопоставления типа *psát* — *psával* «писать — писывать» непарность — явление гораздо более редкое, обусловленное здесь, наоборот, лишь морфологическими причинами: не все глаголы способны принять формант *-vá-*; например, его не принимают глаголы типа *tonout* «тонуть», *vadnouti* «вянуть». Семантическими причинами как будто можно было бы объяснить отсутствие многократной параллели у *mohtu* «могу». Ведь этот глагол обозначает способность, которая сама по себе должна иметь характер обычности. Но здесь имеются и формальные причины: глаголы такого типа с трудом сочетаются с формантом *-vá-*.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ Термины «výsledkovost» («результативность») и «комплексность» вполне можно понимать как синонимы. Иного мнения придерживается А. Достал (Studie o vidovém systému v staroslověnině, Praha, 1954, стр. 14—15), между прочим, также и потому, что здесь возникли бы трудности с определением несовершенных глаголов. Но каждая немаркированная категория получает достаточное определение путем простого указания ее немаркированности по отношению к маркированному корреляту.

² См. об этом V. Mathesius, O konkurenci vidů v českém vyjadřování slovesném, Čeština a obecný jazykozpyt (soubor statí), Praha, 1947, стр. 195—202, особенно 197.

³ S. Karcevskij, Systèmes du verbe russe, Prague, 1927, стр. 149.

⁴ A. Dostál, Указ. соч., стр. 591.

⁵ См. подробнее Fr. Kopečný, K neaktuálnímu významu dokonavých sloves v češtině, SaS, 11, 1949, стр. 64—68.

⁶ H. Křížková, K problematice praesentis historického v ruštině a v češtině, «Sovětská jazykověda», 5, 1955, стр. 241—255. [См. и другую литературу, указанную в примечании 12 на стр. 166—167.]

⁷ Речь идет о всех «определенных» глаголах и некоторых других: *rokvetu* «буду цвести», *porostu* «буду расти»...; обычно это глаголы движения; почти полный перечень дан В. Шмиллауэром: V. Šmilauer, Slovesný čas, Druhé hovory o českém jazyce, Praha, 1947, стр. 152. [См. также К. Ногалека, Slovesné tvary typu *ponesu, pojetím*, NR, 38, 1955, стр. 21—24; F. Kopečný, Ještě o nedokonavosti futuru typu *ponesu, povezu*... a o časovém významu typu *dovede to, ujde to*..., SaS, 21, 3, 1960, стр. 187—192; А. В. Бондарко,

К вопросу о глаголах движения в чешском языке (формы типа *ro-pesu, poletím*), «Slavia», XXX, 1961, 4, стр. 527—547. Об аналогичном типе в словацком языке: J. R u ž i ě k a, Ako sa vyjadrujú budúce deje, «Slovenská reč», 24, 1959, 5, стр. 278—284.]

⁸ Этот тип глаголов нуждается в дальнейшем исследовании. Интересен уже тот факт, что здесь опять-таки вступает в игру приставка *po-* (раньше всех других ставшая пустой, раньше всего подвергшаяся лексическому переосмыслению). Ср. I. N ě m e c, O slovanské předponě *po-* slovesné, «Slavia», 23, 1954, seš. 1, стр. 1—22.

⁹ Выражаю здесь благодарность за ряд замечаний Е. Книжковой, которая более подробно разрабатывает эту проблематику [см. Н. K ř í ž k o v á, Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině, Praha, 1960].

¹⁰ Некоторые языки (английский, испанский) для выражения актуального настоящего обладают особой формой типа английского *I am writing* «Я (как раз) пишу» («В настоящее время я занят писанием»). В чешском же языке, напротив, имеется особая форма для выражения неактуального настоящего (*psávátn*).

III

ВОПРОСЫ МОРФОЛОГИИ, ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВЕРШЕННОГО И НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Александр Белич

О СЛАВЯНСКОМ ГЛАГОЛЬНОМ ВИДЕ*

[Отрывок]

Мои наблюдения касаются глагольного вида лишь в одном сербском языке; однако я полагаю, что система, устанавливаемая для сербского, может иметь значение и для других славянских языков.

Как известно, приставочные глаголы, вероятно в зависимости от их первоначального конкретного значения, могут быть как несовершенными (*плѣсти*), так и совершенными (*пѣсти*). Но развитие славянского глагола на этом не остановилось, оно дошло до логического завершения. От несовершенного глагола путем присоединения приставки можно получить совершенный, а от совершенного путем расширения основы или каким-либо иным способом — несовершенный глагол. Помоему, славянские языки, как правило, создают совершенные глаголы, образуя из простого несовершенного глагола при помощи приставки сложный, и несовершенные глаголы, образуя от основы совершенного глагола при помощи особых суффиксов деривации новую основу. Ср.: 1) *плѣсти* (несов.) : *заплѣсти* (сов.), *исплѣсти* (сов.) и т. д.; 2) *срѣсти* «встретить» (сов.) : *срѣтати* (несов.), *пѣсти* (сов.) : *падати* (несов.) и т. д.

Чтобы показать, что это правило имеет в сербохорватском языке всеобщий характер, необходимо сделать некоторые предварительные замечания, поскольку речь идет о явлениях, которые часто истолковываются иначе.

Я имею в виду прежде всего вторую половину правила, где говорится о том, что несовершенные глаголы

* Aleksandar Belić, Zur slavischen Aktionsart, Streitberg Festgabe, Leipzig, 1924, стр. 1—11.

образуются от совершенных путем деривации глагольной основы. Глаголы эти, как известно, по своему значению называются итеративными, и такое их наименование, по-моему, вполне уместно [51]. Однако вид этих глаголов тот же, что и у всех прочих несовершенных глаголов, только выражают они не непрерывное протекание глагольного действия, а его непрерывное и неограниченное повторение. При рассмотрении глаголов *сести*, *сѣдети* и *сѣдати* становится очевидным, что здесь выступают три различных значения: *сести* «принять сидячее положение, сесть»; *сѣдети* «неограниченное время находиться в сидячем положении, сидеть»; *сѣдати* «неограниченное число раз принимать сидячее положение, садиться». Ясно также, что в целом мы имеем здесь дело лишь с двумя видами: а) совершенным (*сести*) и б) несовершенным (*сѣдети* и *сѣдати*).

Итак, нельзя смешивать вид этих глаголов и их значение; поэтому для итеративных глаголов остается в силе все то, что правильно для несовершенных глаголов вообще: из итеративного глагола путем присоединения приставки мы получаем совершенный глагол, как и из любого другого глагола несовершенного вида.

Известно, что как раз по этому вопросу мнения ученых существенно расходятся, однако, как мне кажется, причина расхождений лежит в известных недоразумениях или не совсем правильной аргументации. Я приведу прежде всего несколько примеров, которые ни с какой стороны не могут быть подвергнуты сомнению:

Сов.	Несов. (итерат.)	Сов.
<i>предлѣмити</i>	<i>прелѣмати</i>	<i>испрелѣмати</i>
„переломить“	„переламывать“	„попереломать (все)“
<i>разбѣити</i>	<i>разбѣјати</i>	<i>наразбѣјати</i>
„разбить“	„разбивать“	„поразбивать“
<i>издѣставити</i>	<i>издѣстављати</i>	<i>поиздѣстављати</i>
„выпустить“	„выпускать“	„повыпускать“

В качестве примеров противоположного характера указывают на такие глаголы, как *доводити* «приводить, доводить», *извозити* «вывозить» и др., которые являются

несовершенными, хотя по сравнению с *вдѣтити*, *вдѣзити* и т. д. они выступают как сложные. Однако эти глаголы занимают в сербохорватском языке двойственное положение: с простыми глаголами *вдѣтити*, *вдѣзити* они связаны лишь формально, по существу же они представляют собой производные образования от совершенных *довѣсти* (*довѣдѣти*) «привести, довести», *извѣсти* (*извѣдѣти*) «вывести». На то, что это действительно так, указывают глаголы данного типа, которые уже в своем вещественном значении содержат оба эти отношения. Например, глагол *навѣзити* может иметь двойное значение: с одной стороны, он может быть итеративом от *навѣсти* («везя, наехать на что-либо» и т. д.) — тогда он несовершенного вида. С другой стороны, глагол *навѣзити* может быть связан с несовершенным *вдѣзити*, и в этом случае он является совершенным. Так, например, *навѣзити се* «накататься (на лодке) вдоволь, нагрестись (до усталости)». То же самое в русском языке: *выводить** — совершенный глагол от несовершенного *водить*, но *выводить* — несовершенный (итеративный) глагол от совершенного *вывести* и т. д.

Следовательно, такие глаголы не представляют собой никакого отклонения от основной схемы. Если от них как от несовершенных глаголов образовать путем присоединения приставки новые глаголы, то эти последние будут совершенными, например: *надовѣдити се*, *наизвѣзити се* и т. д. (со значением «довести соответствующее действие до того момента, когда наскучит им заниматься»).

Выше уже говорилось о том, что от основы совершенного глагола посредством присоединения к ней (или к производной от нее основе) суффикса образуется несовершенный (итеративный) вид. На первый взгляд из этого правила имеется одно исключение: в современном сербохорватском языке от несовершенного глагола путем прибавления *-нути* образуется совершенный, например: *лупати* «ударять»: *лупнути* «ударить», *куцати* «стучать»: *куцнути* «стукнуть» и т. д. Но, как мне представляется, здесь дело не в изменении вида, а в изменении собственного значения глагола. Производные глаголы обозначают здесь: «выполнить действие один раз». При этом они имеют также диминутивный (уменьшительный) оттенок и, следовательно,

* Например, *выводить лошадь* — «водя разгоряченную ездой лошадь, дать ей постепенно остыть». — Прим. перев.

в известной степени приближаются по своему значению к несовершенным демунивативным глаголам (*лупкати* «погромыхивать», *куцкати* «постукивать» и т. д.). Именно потому, что некоторые бесприставочные глаголы на *-нути* характеризуются реальным значением действия, выполненного в один момент, «специфическая совершенность», присущая этому суффиксу, должна рассматриваться как следствие характера действия, ассоциировавшегося у ряда таких глаголов с данным суффиксом. Словом, суффикс *-нути* вовсе не является показателем совершенности вообще, а лишь придает глаголу специфический смысловой оттенок. Таким образом, в нашем рассуждении все глаголы на *-нути* могут не приниматься во внимание.

Само собой разумеется, что значение неограниченной повторяемости действия может перейти в значение его неограниченного протекания, если действие, выраженное итеративным глаголом, рассматривается как длительное и вместе с тем как такое, которое в процессе своего повторения видоизменяется в том или ином направлении. Ср., например, *смїрити се* (сов.) «успокоиться, затихнуть»: *ветар се смїрује* (несов.) «ветер постепенно затихает»; *свднути* (сов.) «рассвети»: *свањївати* (несов.) «постепенно рассветать». Итак, при известных условиях итеративный глагол может утратить свое итеративное значение, приобретая лишь значение неограниченности протекания действия.

Отсюда следует, что точно так же, как совершенность глагольного действия благодаря специфическому значению приставки может свестись к чистой совершенности, так и неограниченность повторяемости глагольного действия может перейти в значение простой неограниченности действия.

Я не хочу тем самым братья за обсуждение вопроса о происхождении самих итеративов [52]. Скажу только, что я разделяю мнение тех ученых, которые считают, что образование этих глаголов и их суффиксы тождественны образованию и суффиксам несовершенных глаголов, с той лишь разницей, что в последнем случае мы имеем иной исходный пункт, чем в первом (т. е. исходим из совершенных глагольных основ).

После того как от совершенных основ путем суффиксальной деривации были образованы производные несо-

вершенные, обозначающие неограниченное повторение действия совершенного глагола, от несовершенных основ (как итеративных, так и неитеративных) также стали образовываться новые глаголы, выражающие неограниченное повторение действия несовершенного глагола. Например, от *ходити* — *ходати*, от *вдзити* — *вдзати* и т. д. Разумеется, эти глаголы отличаются от других итеративных лишь своим значением, соответствующим собственному значению основного глагола, вид же их — несовершенный, как и у всех других итеративных глаголов. Следовательно, на них в той же мере, как и на все прочие несовершенные глаголы, распространяется правило, согласно которому они становятся совершенными, как только к ним присоединяется приставка, например: *проходати се* «прогуляться», *наносати се* «наноситься вдоволь», *провдзати се* «совершить прогулку верхом», *навдзати се* «наездиться» и т. д.

IV. ВИД

ВВЕДЕНИЕ

Современные воззрения на виды можно резюмировать следующим образом.

Носителями совершенного значения являются приставки. Русские глаголы подразделяются на приставочные, следовательно совершенные, и бесприставочные. Последние принадлежат к несовершенному виду, исключая, однако, несколько десятков глаголов, совершенных самих по себе, таких, как *решить*, *сесть* и т. д., и около трехсот глаголов типа *толкнуть*, которые также являются совершенными¹. Кроме того, необходимо различать две разновидности бесприставочных глаголов, а именно: дуративные глаголы, которые становятся совершенными в результате присоединения приставки, например, *играть* (несов.), но *выиграть* (сов.), и итеративные глаголы, которые остаются несовершенными, несмотря на префиксацию, например, *касаться* (несов.) и *прикасаться* (несов.). Поскольку различие между дуративными и итеративными глаголами является по своей природе семантическим и уже не соответствует современной языковой действительности, А. Мазон заменяет его различием глаголов, способных перфективироваться (*perfectibles*) и неспособных перфективироваться (*imperfectibles*)².

Однако мы не считаем такое понимание видовой системы русского глагола правильным. Утверждению, что приставочные глаголы являются совершенными, можно было бы противопоставить громадное количество таких глаголов, как *выигрывать*, которые мы называем вторичными несовершенными и которые составляют самую про-

дуктивную глагольную категорию. По поводу различения глаголов, способных и неспособных перфективироваться, в силу которого глаголы типа *выигрывать* должны были бы рассматриваться как приставочные производные от основ, неспособных к перфективации, следует возразить, что в русском языке в его современном состоянии совсем не существует таких глаголов, как «игрывать, гравать, рубать» и т. д., и что, более того, за некоторыми строго определенными исключениями, нет такого русского глагола, который при соединении с приставкой не становился бы совершенным, ср. *выигрывать* (несов.), но *навыигрывать* (сов.)³.

Мы уже отмечали, что образование видов полностью основывается на отглагольной деривации, представляя собой не что иное, как частный случай глагольного словообразования в целом. Видовое значение глагола зависит от того места, которое он занимает в цепи отглагольной деривации. Разумеется, глаголы надо изучать не изолированно один от другого, как карточки в каталоге, а в их взаимосвязях в рамках грамматической системы. Сведение глаголов в пары также является довольно тонкой операцией, и, не учитывая цепи деривации, мы рискуем объединить глаголы, которые в языковом сознании русских совсем не образуют видовой пары. Эта цепь деривации выглядит следующим образом: *играть* (несов.) > *вы-играть* (сов.) > *выигр-ывать* (несов.) > *на-выигрывать* (сов.). Такая схема позволяет говорящему или сопоставлять друг с другом глаголы, стоящие на одной и той же ступени деривации, как, например, *вы-играть*, *про-играть*, *раз-играть* и т. д., или сравнивать различные деривационные и, следовательно, видовые фазы в развитии одного и того же глагола, например: *играть* и *выиграть*, *выиграть* и *выигрывать*, *выигрывать* и *навыигрывать*. Но было бы невозможно связать в рамках этой оппозиции *касаюсь* и *прикасаюсь*, так как эти глаголы не принадлежат к двум соседним ступеням; ср.: *касаться* (несов.) > *коснуться* (сов.) > *прикоснуться* (сов.) > *прикасаться* (несов.). Точно так же нельзя связывать *играть* с *выигрывать* или с *навыигрывать*, так как и здесь речь идет о ступенях, слишком удаленных друг от друга.

С нашей точки зрения, вид — это до некоторой степени вторичное явление, которое дополнительно присоединилось

* S. Karcevskii, *Système du verbe russe, Essai de linguistique synchronique*, Prague, 1927.

к явлению деривации. Одни глаголы образуются от других и в ходе деривации выстраиваются как ступени лестницы или как этажи здания. Каждый глагольный этаж обладает своими характерными чертами и отличается от других глагольных этажей. На эти семантические и морфологические различия наслаивается, с одной стороны, различие в переходности глаголов, а с другой — что особенно важно — регулярная смена видов.

ОТГЛАГОЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ

Рассматривая функционирование глагольных видов, мы приходим к констатации следующих трех фактов.

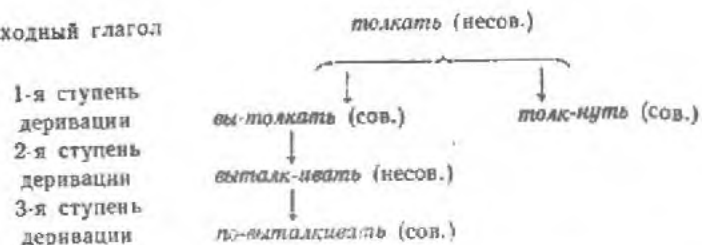
1. Морфологическая система видов основана на отглагольной деривации. Игра видовых форм представляет собой лишь своего рода частный случай более широкой и более сложной игры форм, какой является глагольное словообразование в целом.

2. Семантика видов находит себе точку опоры в понятии результата. Это понятие является одной из главных движущих сил русской глагольной системы, и его воздействие обнаруживается вплоть до области переходности, залога и наклонения. Именно поэтому категория вида скрещивается не только с категорией времени, но и со всеми названными сейчас категориями.

3. Функционирование механизма видов определяется двумя противоположными принципами, соответствующими двум различным мыслительным операциям. Это, с одной стороны, сведение всего процесса к его результативной точке, абстрагирующееся от понятия длительности (данная операция носит семантический характер, но ее грамматическим следствием является существование перфективного спряжения). С другой стороны, это развертывание результативного процесса во времени — операция грамматического характера. Однако было бы неточным сводить всю игру видовых оппозиций к одной-единственной грамматической оппозиции двух типов спряжения. Вид является чем-то внешним по отношению к спряжению, он принадлежит к области деривации.

Отглагольная деривация осуществляется посредством наслаения приставок и суффиксов. Ее механизм можно свести к следующей схеме:

Исходный глагол

Эта небольшая схема позволяет понять, какими способами образуются девербативные глаголы, позволяет увидеть смену видов и смысловые отношения между соседними звеньями.

То, что мы называем «исходными глаголами», — это глаголы не девербативные, все равно первичные или производные; они являются простыми, т. е. бесприставочными и несовершенными⁴.

Далее следуют девербативные глаголы, которые образуются или посредством присоединения приставок, или при помощи суффикса *-нуть*, или, наконец, путем комбинации этих двух способов. Объединить их под одним названием глаголов 1-й ступени деривации позволяет то, что все они являются совершенными, но образуются не от вторичных глаголов несовершенного вида, как совершенные глаголы 3-й ступени деривации. Приставочные глаголы по сравнению с бесприставочными нередко обнаруживают весьма существенное различие в значении, ср., например, *играть* и *обыграть*, *разыграть* или же *учить* и *проучить*, *отучить* и т. д. Приставочные глаголы, образованные непосредственно от имен, как, например, *благодарить*, *уместить*, уподобились с точки зрения вида приставочным девербативным глаголам, как будто бы они были произведены от глаголов **благодарить*, **местить* и т. д.

Вторичные несовершенные глаголы образуются от приставочных глаголов 1-й ступени посредством суффиксации. Теоретически каждому приставочному глаголу соответствует глагол 2-й ступени, идентичный с ним в отношении приставки и значения, но противопоставленный ему как глагол несовершенного вида. Именно так формируются видовые пары типа *выиграть/выигрывать*. Иногда язык прибегает к сочетанию вторичной суффиксации с префиксацией, чтобы получить производные несовершенные

глаголы непосредственно от исходных. Так образуются, например, два ряда несовершенных глаголов, указанных Шахматовым⁴: *к о м и т а т и в н ы е*, например, *приплясывать, поддакивать, припевать, припотпывать* (не смешивать с *припотпать* > *припотпывать* «fouler») и *д и с т р и б у т и в н ы е*, например, *перекоряться, перезванивать* и т. д. И те и другие не имеют параллелей совершенного вида.

Наконец, глаголы 3-й степени деривации образуются от вторичных несовершенных глаголов посредством префиксации. Они отличаются от последних значением и являются совершенными.

На этом видовой деривация останавливается. Если бы мы хотели образовать 4-ю ступень, в нашем распоряжении оказался бы лишь один способ деривации, а именно приставки, так как запас суффиксов уже исчерпан. Однако, если мы даже нагромодим друг на друга до трех приставок (*по-на-вы-думывать*), глагол, образованный таким путем, обнаруживая новый оттенок значения, останется совершенным, уподобляясь в отношении вида приставочным глаголам 1-й или 3-й степени.

ПЕРФЕКТИВАЦИЯ

Из двух способов деривации особого внимания заслуживает префиксация.

Присоединяясь к простому глаголу, приставка изменяет как его лексическое значение, так и его переходность и вид.

Более чем вероятно, что видовое значение приставочных глаголов всецело зависит от этого вдвойне конкретного характера их лексического значения и значения переходности. Ибо перфективация процесса — это не что иное, как концентрация нашего внимания на одном из конкретных моментов процесса при исключении всех остальных моментов, вследствие чего возникает иллюзия, будто перфективный процесс совсем не имеет длительности; мы говорим — иллюзия, так как каждому процессу необходимо свойственна известная длительность⁵. Каким бы ни был этот момент, конечным (*спать*), начальным (*запеть*) или каким-либо иным, субъективно он мыслится как момент результативный⁶. Тот факт, что перфективация осуществляется в зависимости от понятия результата, со всей оче-

видностью следует из наличия видовых пар, называемых лексическими, как, например, *искать/найти* (как синоним к *сыскать* или *отыскать*); *ловить/поймать* (синоним к *словить*); *брать/взять*; *говорить/сказать*. Результативный момент заставляет думать именно о конкретном и, так сказать, осязаемом результате, к которому стремится и которым заканчивается процесс; естественно, что при этом в сознании возникает прежде всего представление прямого объекта. Понятие, которому соответствует совершенный глагол, чаще всего может быть выражено другими словами, выделяющими конкретный результат процесса. Так, *выиграть* означает «приобрести нечто»; *проиграть* — «потерять нечто»; *выходить больно* — «сделать его здоровым»; *не укараулить* — «не уберечь, упустить нечто» и т. д.

Нам кажется, что здесь было бы уместно привести несколько конкретных, хотя и изолированных примеров, показывающих важность понятия результата для системы русского глагола.

Форма прошедшего времени в парадигме совершенного вида имеет значение перфекта и выражает результат уже осуществленного действия, сохраняющийся, однако, при отсутствии противоположных указаний и в настоящем. Прошедшее время в парадигме несовершенного вида, напротив, выражает процесс, развивающийся в плане прошлого, полностью отрешенном от настоящего момента. Так, вопрос *взял ты книгу?* до некоторой степени равнозначен вопросу *у тебя книга?* Отрицательный ответ, направленный на отрицание самого факта, был бы *я не брал книги*, тогда как ответ *я не взял книгу* (лучше, чем *книги*) означал бы, что действие имело место, но не привело к желаемому результату. В русском языке роль отрицания очень велика и заслуживала бы специального углубленного исследования. Повелительное наклонение совершенного вида, обозначая действие, мотивированное результатом, является в общем менее произвольным, следовательно, менее властным и более вежливым, чем повелительное наклонение несовершенного вида. При употреблении последнего внимание переносится на самый процесс, без указания на результат как мотивировку действия. Ср., например, *реши мне эту задачу* и *реши мне эту задачу*. Обороты с *было* представляют особую разновидность действия, аннулированного в отношении его результата. Говоря *я зашел*,

было, к нему, но его не было дома, я хочу сказать, что я был у него, но, поскольку мое желание найти его дома не осуществилось, я и самое действие рассматриваю как несостоявшееся и недействительное. Отметим также, что страдательное причастие прошедшего времени, выражающее результат действия — результат как качественную характеристику действия, — свойственно лишь глаголам совершенного вида.

Мы считаем необходимым подчеркнуть здесь некоторые лексические значения, обобщенные до такой степени, что их можно рассматривать как разновидности совершенного вида (*modalités perfectives*). Это прежде всего **финальная** (или **терминативная**)⁸, **ингрессивная** и **аттенуативная** разновидности.

Финальная разновидность фиксирует наше внимание на конечном пределе процесса. Эта разновидность совершенного вида имеет очень обобщенный характер, однако полной ее грамматизации препятствует то, что она не связана с какой-либо одной приставкой. Действительно, представление о конечном пределе процесса видоизменяется в зависимости от приставки; ср. *сделать, написать, вспотеть, окаменеть, прочитать, поцеловать, укусить* или же *сорвать цветок, вырвать зуб, порвать бумагу* и т. д.

Ингрессивная разновидность сводит процесс к его начальному моменту. Чаще всего она выражается приставкой *за-*, например: *заиграть, забегать, засуетиться, запеть, засесть, заговорить* и т. д. Однако эта разновидность может быть также выражена и другими приставками; например, так называемые определенные глаголы движения используют для этой цели приставку *по-*: *побежать, полететь, поехать*, а также *поскакать, помчаться, дождь полил* (напротив, *дождь полил землю* представляет собой финальную разновидность) и т. д. С другой стороны, приставка *за-*, даже у приведенных выше глаголов, может иметь совсем иное значение, ср. *записать на память, зачитать книгу, заигранная пьеса, он совсем забегался* и т. д. Уже отмечалось, что приставка *за-*, употребленная в ингрессивном значении, не оказывает никакого влияния на переходность.

Аттенуативная разновидность (*la modalité atténuative*) сводит, так сказать, размеры процесса к минимуму. Она способна перфективировать процесс лишь

неполностью⁹, так как аттенуативные глаголы чаще, чем все прочие глаголы совершенного вида, допускают обстоятельства длительности, например: *поработать час-другой, пожить с неделю, недолго* и т. д. [53]. Однако они не допускают обстоятельств, обозначающих значительную длительность, так что следующее предложение является не совсем правильным: «Петушков долго молча поглядел на Онисима» (Тургенев, «Петушков»), если только не рассматривать *поглядел* как неаттенуативный совершенный глагол, что вполне возможно. Эта разновидность обычно выражается приставкой *по-*, например: *поиграть, почитать, побегать* и т. д. Однако так называемые определенные глаголы движения, вторичные (3-й ступени) глаголы совершенного вида, совершенные моментальные глаголы на *-нуть* и многие другие совсем не имеют аттенуативной разновидности. У ряда глаголов значение *по-* не является аттенуативным, например у определенных глаголов движения или у таких, как *погубить, поставить, почесть* и т. д. Наконец, у других глаголов значение, которое можно определить как аттенуативное, передается приставкой *при-*, например: *призадуматься, прикрыть*, ср. также: «...пройдет молодец — *приосанится*, пройдет девица — *пригорюнится*» (Лермонтов). Приставка *по-* в аттенуативном значении не оказывает никакого влияния на переходность глагола.

Глаголы совершенного вида на *-нуть* составляют новую разновидность — **моментальную**. Почти каждый исходный глагол с более или менее конкретным значением, выражающий процесс, который воображение говорящего может разложить на ряд последовательных актов, лишенных длительности, способен образовать моментальный совершенный глагол: *ахать > ахнуть, шагать > шагнуть, стучать > стукнуть, спекулировать > спекулировать*. Наряду с такими глаголами существуют совершенные глаголы на *-нуть*, также моментальные, но, кроме того, содержащие известный оттенок изоляции отдельного акта действия: *резнуть > резануть, щелкнуть > щелкануть* и т. д. Рядом с некоторыми моментальными глаголами, например *грянуть, звездануть* и т. д.¹⁰, совсем нет соответствующих исходных несовершенного вида.

Не все глаголы в одинаковой мере поддаются префиксации. По-видимому, максимум приставочных образований дают те из них, которые выступают в современном

языке как непреходящие. Из числа производных непреходящие соединяются лишь с очень немногими приставками¹¹: они допускают приставки только с обобщенными значениями — аттенуативным, ингрессивным и в особенности финальным, — не оказывающими никакого влияния на непреходящесть этих глаголов. Моментальные глаголы на *-нуть*, уже и без приставки представляющие собой весьма конкретную разновидность совершенного вида, также дают очень мало приставочных образований.

Наконец, вторичные совершенные глаголы образуются исключительно при помощи приставок *на-*, *по-* и *пере-*. Здесь идет речь о новой перфективации процесса, который подвергся имперфективации после того, как он уже прошел первую перфективацию (например, *толкать* > *вытолкать* > *вытолкивать*). Поэтому вторая перфективация, по-видимому, осуществляется с гораздо большим трудом, чем первая, и только в случае кумуляции результата, т. е. в случае результата, полученного после ряда усилий. Каждая приставка, используемая для вторичной перфективации, имеет постоянное значение; так, *по-* обозначает результат, накопленный в итоге ряда последовательных актов, например *повытолкивать*; *пере-* — результат, накопленный в итоге чередующихся актов, например *перевытолкивать*; *на-* обозначает общий накопленный результат, например *навыигрывать*.

ИМПЕРФЕКТИВАЦИЯ

Все суффиксы, за исключением суффикса *-нуть*, (*-ануть*), связаны с несовершенным видом. Здесь различаются два ряда: первичные суффиксы, которые служат для образования исходных глаголов, и вторичные суффиксы, посредством которых образуются вторичные несовершенные глаголы (2-я ступень деривации).

Понимание любого процесса как развертывающегося во времени, т. е. имеющего длительность, настолько естественно, что несовершенное значение исходных глаголов представляется первичным фактом, чем-то непосредственно данным и не подлежащим объяснению с точки зрения современного языка. Но, будучи «естественным», несовершенное значение исходных глаголов не является подчеркнутым. К тому же известны исходные глаголы, относящиеся к совершенному виду, например *бросить*, *решить*, или

характеризуемые двойственным видовым значением, например, с одной стороны, *казнить*, *ранить* и т. д., а с другой — заимствованные, вроде *атаковать*, *телеграфировать* и т. д. Следует также признать, что двойственное видовое значение исходных глаголов, особенно в форме прошедшего времени, встречается гораздо чаще, чем обычно предполагают, например: «Учитель чистописания воспользовался смятием и *бежал*» (сов.) (Чехов, «Неудача»); «... и удивлял, смущал и почти пугал пришедшего знанием тайны его, прежде чем тот *молвил* (несов.) слово» («Братья Карамазовы», I, V). Пример «Все *рушилось*» также допускает, в зависимости от контекста, двойную видовую интерпретацию.

Совсем иначе обстоит дело с вторичными глаголами несовершенного вида, которые отражают процесс развертывания во времени уже перфективированного действия. Их видовое значение до такой степени связано с суффиксом, что иногда за отсутствием других показателей наличие или отсутствие вторичного суффикса обуславливает вид глагола. Ср., например, *обнародовать* (сов.) и *обнародывать* (несов.) [54].

Вторичные несовершенные глаголы во всех отношениях тождественны совершенным глаголам, от которых они образованы. Они сохраняют как лексическое значение, так и значение переходности, свойственное их производящим. Мы знаем, что в современном языке страдательные причастия прошедшего времени могут быть образованы лишь от совершенных глаголов. Однако можно также утверждать, что если письменный язык еще сохраняет форму страдательного причастия настоящего времени, то этим он обязан главным образом тому, что эта форма образуется от вторичных несовершенных глаголов; ср. *выработанный* || *вырабатываемый*, *признанный* || *признаваемый* и т. д. Из всего сказанного следует, что такой глагол, как *выигрывать*, отличается от *выиграть* лишь своим видом и что оба составляют пару, члены которой находятся в отношении видовой оппозиции. Эта оппозиция носит исключительно грамматический характер без какой-либо примеси семантического различия. Так образуются грамматические видовые пары, отражающие операцию развертывания во времени предварительно перфективированного процесса.

Операция развертывания во времени является операцией грамматической. Были бы напрасными поиски в явлении имперфективации какого-то семантического понятия, играющего роль, подобную той, которую при перфективации играет понятие результата.

Отсюда следует, что полученные несовершенные глаголы не могут быть определены как глаголы итеративного значения. Если мы сравним, с одной стороны, «Вчера, когда я *возвращался* домой...» и, с другой — «Он отправлялся на несколько мгновений в сад, стоял там как истукан... и снова *возвращался* к сыну» (Тургенев, «Отцы и дети», XXVII), то мы увидим, что вторичный несовершенный глагол может обозначать как повторяющееся действие, так и действие единичное, но развивающееся¹³. Поэтому нет никаких оснований, говоря о современном русском языке, различать дуративные и итеративные глаголы.

Однако значение многократности хорошо известно говорящим по-русски, оно только не имеет единого средства выражения. Так, существует несколько единичных несовершенных глаголов, которые играют роль многократных по отношению к своим дублетам, также несовершенным, например: *бывать* и *видать* наряду с *быть* и *видеть*. Этот исключительный факт, разумеется, не играет никакой роли для системы. Кроме того, существует вторичная разновидность с более или менее многократным значением, а именно обороты с *бывало*. Наконец, в области спряжения имеется отчасти модальная, отчасти временная и видовая форма — многократное прошедшее. Что касается инфинитива, соответствующего такому прошедшему, то этот инфинитив вовсе не употребляется в литературном языке, за исключением нескольких застывших оборотов, всегда отрицательных, типа *Не живать уж нам так боле*.

Теоретически от каждого приставочного совершенного глагола 1-й ступени деривации может быть образована посредством вторичной суффиксации несовершенная параллель. Однако существуют совершенные глаголы, у которых нет соответствующей вторичной несовершенной формы, например: *сделать*, *сыграть*, *суметь*, *написать*, *посесть*, *поцеловать* и т. д. Чаще всего они принадлежат к финальной разновидности и значение приставок этих глаголов обычно обобщено до такой степени, что глагол оказывается на пути к тому, чтобы стать простой грамматической параллелью совершенного вида к соответствующему

тому исходному глаголу. Моментальные глаголы совершенного вида совсем не имеют несовершенных соответствий¹⁴, по крайней мере если они не соединены с приставкой. С другой стороны, существуют несовершенные глаголы 2-й ступени, у которых нет совершенного соответствия 1-й ступени, а именно комитативные и дистрибутивные глаголы (о них уже шла речь выше). К этому типу относятся также некоторые изолированные глаголы, например: *заигрывать*, *отнекиваться*, *ухаживать*, *охорашиваться* и т. д.

Единственными видовыми парами, реально существующими в языке, являются грамматические пары (*выиграть/выигрывать*), соответствующие операции развертывания перфективированного процесса во времени, — операции, как мы уже знаем, чисто грамматического характера. Лексические пары (*говорить/сказать*, *взять/брать*) крайне редки и не представляют интереса для грамматики. Что касается исходных глаголов, то они не вступают ни в какие видовые пары. Действительно, рядом с таким исходным глаголом, как *играть*, стоят следующие совершенные приставочные образования: *выиграть*, *выиграть*, *доиграть*, *заиграть* (начать играть), *заиграть* (испортить играя), *наиграть*, *обыграть*, *отыграть*, *переиграть*, *подыграть*, *разыграть*, *поиграть*, *проиграть*, *сыграть* и т. д. По отношению к *играть* это новые глаголы, ни один из которых не мог бы быть с ним объединен как совершенный грамматический член видовой пары¹⁴. Самое большее, можно было бы сблизить *играть* с соответствующим финальным глаголом *сыграть*. Но составленная таким образом пара, которую можно было бы назвать семантической, была бы довольно искусственной, так как она не соответствует никакой лингвистической реальности. Один и тот же исходный глагол может иметь несколько финальных разновидностей (*сорвать*, *порвать* или *вырвать* наряду с *рвать*), смотря по тому, что обозначает этот глагол: «cueillir», «déchirer» или «attacher»). Моментальная разновидность также не составляет грамматического значения совершенного вида, и *толкнуть* по отношению к *толкать* должно рассматриваться в той же плоскости, что и *вытолкать*, *протолкать* и другие приставочные совершенные глаголы.

Итак, мы видим, что анализ фактов не подтверждает широко распространенного представления, будто любой

русский глагол образует видовые пары. Существует только один тип пар — грамматические пары, и, как бы многочисленны они ни были, они связывают только совершенные глаголы 1-й ступени с несовершенными глаголами 2-й ступени.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ Мы знаем, что тип *толкнуть* является продуктивным, следовательно, число «триста» не может представлять собой *numerus clausus*.

² А. Мазон, *Morphologie des aspects du verbe russe*, Paris, 1908, стр. 5—6.

³ Несколько изолированных глаголов, например *предзнаменовать*, *предвещивать*, *предстоять*, *отстоять*, *присутствовать*, не образуют морфологической категории.

⁴ Существует около пятидесяти простых, но совершенных глаголов типа *решишь*, *сесть* и т. д. (ср. ниже). Что касается глаголов, образованных от имен с приставками, как, например, *сотрудничать* < *сотрудник*, то они, естественно, являются несовершенными.

⁵ А. А. Шахматов, *Очерк современного русского литературного языка*, Л., 1925, стр. 167.

⁶ Писатели прекрасно это сознают и, подчеркивая длительность или иных грамматически перфективированных процессов, достигают интересных эффектов; ср., например, следующее предложение: «Смердяков медленно и невозмутимо вскинул на него глазами» («Братья Карамазовы», V, II).

⁷ Ср. Шахматов, *Указ. соч.*, стр. 174.

⁸ В. А. Богородицкий называет это «окончательным видом» (см. его «Общий курс русской грамматики», изд. 4, Казань, 1914, стр. 246).

⁹ Ульянов говорит, что относящиеся сюда глаголы обозначают «ограничение длительного времени признака». (См. Г. К. Ульянов, *Значения глагольных основ в литовско-славянском языке*, т. II, Варшава, 1895, стр. 154.) Ср. А. Мазон, *Emplois des aspects du verbe russe*, Paris, 1914, стр. 112.

¹⁰ Правильным этимологическим написанием было бы *звиздануть* (< *свицтануть*), ср. чешск. *hvízdnouti* «свистнуть».

¹¹ Соответствующие фактитивы (*белить*, *чернить* и т. д.), наоборот, очень продуктивны в образовании приставочных глаголов.

¹² Ср. Н. Некрасов, *О значении форм русского глагола*, Спб., 1865, стр. 152; Л. Размусен, *О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках*, ЖМНП, 1891, июнь, июль, сентябрь, см. июнь, стр. 384—385; А. Мазон, *Morphologie des aspects*, стр. 68.

¹³ Нам известна лишь одна пара такого типа, а именно *воскреснуть* (сов.) / *воскресать* (несов.).

¹⁴ По тем же причинам нельзя образовывать видовые пары, связывая вторичный глагол несовершенного вида с вторичным совершенным глаголом (3-й ступени деривации).

Любомир Андрейчин

К МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВИДОВОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА*

Видовая система славянских языков является продуктом сложных многовековых процессов. На это указывает как сложность ее формальных средств, так и тот факт, что эти средства в ряде случаев являются носителями и других значений и оттенков (моментальности, начинательности, итеративности и т. д.). Хотя в своей основе видовая система сформировалась уже в общеславянскую эпоху, она продолжала развиваться и на почве отдельных славянских языков, вследствие чего в каждом из них возникли черты известного своеобразия. Характерные особенности видовой системы современного болгарского языка в своем большинстве уже были отмечены в литературе¹. Моя задача здесь состоит в том, чтобы дополнить известную уже картину некоторыми новыми соображениями и наблюдениями, которые относятся к области имперфективации совершенных глаголов, но имеют также значение и для общей характеристики видовой системы современного болгарского языка.

В области перфективации современный болгарский язык не обнаруживает особенностей, существенно отличающих его от других славянских языков. Здесь наблюдаются общеизвестные процессы образования совершенных глаголов от несовершенных при помощи приставок (например, *пиша* «писать»** — *запиша* «записать», *допиша*

* Л. Андрейчин, *Към морфологичната характеристика на видовата система в съвременния български език*, «Славистичен сборник. По случай IV международен конгрес на славистите в Москва», т. I, Езикознание, София, 1958, стр. 257—262.

** Как известно, в связи с неупотребительностью или очень малой употребительностью в болгарском языке формы инфинитива в качестве «представительной» формы болгарского глагола принято использовать 1 л. ед. ч. наст. вр. (*пиша* «пишу» и т. п.). Мы перево-

«дописать», *препиши* «переписать», *напиши* «написать» и т. д.) и суффикса *-н-а* (например, *седя* — *седна* «сидеть — сесть», *чукам* — *чукна* «стучать — стукнуть», *бликам* — *бликна* «бить ключом — забить ключом, хлынуть» и т. д.). Появление у приставок некоторых своеобразных смысловых оттенков и расширение или сужение употребления той или иной перфективирующей морфемы (например, расширение употребления суффикса *-н-а*), как и некоторые другие особенности (например, более свободная, чем в других славянских языках, сочетаемость приставок друг с другом), существенно не меняют общей картины.

Иначе обстоит дело в области имперфективации. Как самый «верхний» слой в структуре славянской видовой системы, возвышающийся над пластом совершенных глаголов, опирающимся в свою очередь главным образом на пласт глаголов, не снабженных видовыми показателями (хотя и не лишенных видového значения), производные несовершенные глаголы отличаются большей свободой в отношении своего дальнейшего развития. Следует отметить, что этому способствует разнородность морфологических средств у данной группы глаголов — разнородность не только формальная, но и семантическая.

Наряду с основным способом образования несовершенных глаголов при помощи определенных имперфективирующих суффиксов (*-а-*, *-ја-*, *-ва-*, ср. болг. *разплета* — *разплитам* «расплести — расплетать», *повторя* — *повтарям* «повторить — повторять», *изпия* — *изпивам* «выпить — выпивать») в других славянских языках отмечаются следующие особые случаи:

а) отсутствие производных несовершенных глаголов при таких совершенных, которые на практике существенно не отличаются от исходного несовершенного глагола, например русск. *стучать* — *стукнуть*. Несмотря на то, что различие между этими двумя глаголами относится не только к виду, но и к способу действия (характерът на действието), от *стукнуть* не образуется новый несовершенный глагол, который составил бы с ним чисто видовую пару. Вместо этого для выражения действия в несовершенном виде используется исходный глагол

дан эту «представительную» форму здесь и ниже русским инфинитивом. — *Прим. перев.*

стучать. Точно так же от совершенных глаголов с чисто видовыми приставками не образуются новые несовершенные глаголы. Например, мы имеем русск. *неметь* — *онеметь*, *темнеть* — *потемнеть*, но не имеем новых несовершенных глаголов, образованных от *онеметь* и *потемнеть*²;

б) использование суффиксов имперфективации, хотя и редкое, диалектное или разговорное, для образования от глаголов несовершенного вида основ с повторительным, многократным значением, например: русск. многократное *хаживать* от несовершенного *ходить*, *сизживать* от *сидеть*, польск. *pisywać* «писывать» от *писаć* «писать», *czytywać* «читать» от *czytać* «читать» и т. д.;

в) использование супплетивных видовых пар, в которых каждый из глаголов имеет свое особое происхождение, например: др.-болг. *взървати* — *взѣти*, русск. *положить* — *класть*, польск. *wziąć* — *brać* «взять — брать» и др.;

г) образование некоторых несовершенных глаголов без имперфективирующих суффиксов на базе существующих невидовых пар, состоящих из определенно-моторного (однонаправленного) и неопределенно-моторного (разнонаправленного или итеративного) глагола, как, например, *нести* и *несити*, *вести* и *водити*. Древнеболгарские глаголы *нести* и *несити*, оба несовершенного вида, различались известными оттенками в протекании действия, но на их базе сформировались чисто видовые пары *внести* (сов.) — *изнести* (несов.), *принести* (сов.) — *принести* (несов.) и т. д. В этом случае приставки не могут перфективировать основу неопределенно-моторных глаголов.

Для современного болгарского языка характерно то, что он устранил все эти отклонения и создал в отличие от других славянских языков единую и полную систему имперфективации, максимально обобщив одно средство, унаследованное им в качестве основного, а именно суффиксы имперфективации. С другой стороны, болгарский язык придал этому средству исключительно видообразующий характер.

1. Уже довольно давно отмечено, что в принципе при каждом болгарском глаголе совершенного вида существует производный глагол несовершенного вида (*запиша* —

записвам «записать — записывать», *препиша* — *преписвам* «переписать — переписывать», *напиша* «написать» — *написвам*, *чукна* «стукнуть» — *чуквам*, *бликна* «хлынуть, брызнуть» — *бликвам*, *потъмнея* «потемнеть» — *потъмнявам*, *заридая* «зарыдать» — *заридavam* и т. п.). Однако на подлинный характер и роль этого явления в видовой системе современного болгарского языка указал Ю. С. Маслов, который, сравнивая положение в болгарском и русском языках, отмечает, что «в современном болгарском языке система видовых пар является в общем наиболее «регулярной» в сравнении с системой видовых пар других славянских языков». В русском, как и в других славянских языках, довольно широко используются «приблизительные» видовые пары типа *стучать* — *стукнуть*, *писать* — *написать*, *темнеть* — *потемнеть* или описательная имперфективация: *зарыдать* — *начинать рыдать* и т. п. В болгарском же глаголе наблюдается почти безраздельное господство видовых пар одного морфологического типа, а именно типа «совершенный глагол : производный от него несовершенный».

2. Уже отмечалось, что в современном болгарском языке фактически исчезло такое явление (редкое и в других славянских языках) [55], как образование от бесприставочных несовершенных глаголов при помощи суффиксов имперфективации специальных основ с многократным значением. Таким образом, функция имперфективирующих суффиксов *-а-*, *-ја-*, *-ва-* становится здесь вполне однородной, чисто видовой. Они освобождаются от хотя и слабо выраженной невидовой функции, а категория кратности утрачивает свое самостоятельное оформление, сохраняясь лишь в качестве оттенка, возможного при употреблении производных несовершенных глаголов, образованных от исходных совершенных.

3. С исчезновением супплетивных видовых пар болгарский язык достигает большего единства не только в видовой системе в целом, но также и в области имперфективации, так как производный несовершенный глагол (замещающий супплетивное образование) образуется от соответствующего совершенного также при помощи имперфективирующего суффикса. Так, вместо древнеболгарской супплетивной видовой пары *вугърати* (сов.) — *видати* (несов.) мы имеем теперь *видя* (сов.) — *виждам* (**vid-ja-*, несов.).

4. Что касается семантических пар несовершенных глаголов движения типа *нести* — *несити*, *вести* — *водити* и построенных на их базе видовых пар *принести* (сов.) — *принесити* (несов.), *привести* (сов.) — *приведити* (несов.) и т. д., то прежде всего отмечается, что в современном болгарском языке исчезло различие между определенно-моторным и неопределенно-моторным оттенками в значении бесприставочных глаголов движения. В результате этого в современном языке от каждой бесприставочной пары осталось лишь по одному глаголу, выражающему теперь оба оттенка (причем обычно сохранился старый неопределенно-моторный глагол: *нося* «носить, нести» на месте *нести* — *несити*, *водя* «водить, вести» на месте *вести* — *водити*, *возя* «возить, везти» на месте *везти* — *везити*, *лазя* «лазить, лезть» на месте *лзти* — *лзити*). Говоря об этой утрате противопоставления «моторно-кратных» и «моторно-некратных» глаголов, правильно указывали, что таким образом в болгарском языке устраняется еще одна специфическая разновидность многократности⁴. Однако до сих пор в литературе остается незатронутым другой вопрос, связанный с глаголами движения, — вопрос об изменениях в структуре видовых пар, построенных на их базе. Между тем в этом случае мы имеем еще одно яркое (и, может быть, самое яркое) проявление действия упомянутой тенденции к установлению единой системы имперфективации в современном болгарском языке.

У видовых пар типа *принести* — *принесити* мы находим в славянских языках самое значительное отклонение от той системы имперфективации, которая установилась в них в качестве основной. Тут намечаются значительные различия по сравнению с нормальной однородной группой приставочных и бесприставочных пар типа *дати* — *дати* и *прэдати* — *прэдати* или *ити* — *имати* и *принати* — *принати*. В противоположность такого рода парам различие между *нести* и *несити*, с одной стороны, и *принести* и *принесити* — с другой, является неоднородным (в первой паре оно касается способа действия двух одинаковых по виду глаголов, а во второй глаголы сходны по способу действия, что является общим свойством всех видовых пар, но различаются по виду). Кроме того, несовершенные глаголы типа *принесити* образуются без участия имперфективирующего суффикса, и приставка у них не играет перфективирующей роли.

В болгарском языке видовые пары типа *принести* — *принести* развиваются следующим образом (независимо от бесприставочных пар *нести* — *нести*, что обусловлено разнородностью отношений в этих двух случаях).

Старые приставочные глаголы совершенного вида сохраняются без изменения: *донеса* «принести», *изнеса* «вынести», *пренеса* «перенести», *доведа* «привести», *изведа* «вывести», *отведа* «отвести», *изляза* «выйти, выступить», *вляза* «войти, вступить», *заяза* «зайти» (о солнце и т. п.) и др.

Старые приставочные несовершенные глаголы исчезают, а на их месте появляются новые, образованные непосредственно от соответствующих совершенных при помощи суффикса имперфективации (в сочетании с возможным чередованием корневого гласного *e*, *ъ* : *i*). Так, мы имеем *доведа* — *довеждам*, *изведа* — *извеждам*, *отведа* — *отвеждам*; *изляза* — *излизам*, *вляза* — *влизам*, *заяза* — *заязям* (диал. *зализам*) и т. п., а в диалектах еще и *донеса* — *донисам*, *изнеса* — *изнисам*, *пренеса* — *пренисам* и т. п.

В некоторых случаях старые приставочные несовершенные глаголы сохраняют основу неопределенно-моторного глагола, но для выражения несовершенного вида присоединяют к ней на общих основаниях имперфективирующий суффикс (заменяя соответственно корневой гласный *o* на *a*): *донеса* — *донасям* (от старого несовершенного глагола *донося*, *доносиш*, встречающегося изредка в некоторых диалектах), *изнеса* — *изнасям*, *пренеса* — *пренасям*, диал. *отведа* — *отвадям* (от старого несовершенного глагола *отводя*, *отводиш*), диал. *заяза* — *заязям* «зайти — заходить», *изляза* — *излязям*, *вляза* — *влязям* и др.

Таким образом, одновременно устраняются случаи, в которых приставка не имеет перфективирующей функции, и случаи, в которых несовершенные глаголы образуются без участия суффикса имперфективации.

В своем историческом развитии болгарский язык пережил ряд процессов коренной перестройки и морфологической унификации как в области имен существительных и прилагательных, так и в области глагола. Можно предположить, что и рассматриваемый здесь процесс унификации в области использования и самой семантики суффиксов имперфективации осуществился под влиянием тех же самых тенденций.

¹ Ср., например, в моих книгах: «Kategorie znaczeniowe kopijugacji bułgarskiej», Kraków, 1938, и «Основна българска граматика», София, 1944 [русский перевод: Л. Андрейчин, Грамматика болгарского языка, М., 1949]. Этому вопросу посвящена также обобщающая статья Ю. С. Маслова «О своеобразии морфологической системы глагольного вида в современном болгарском языке», КСИС, 15, 1955, стр. 27—47.

² Ср. Ю. С. Маслов, Указ. соч., стр. 30.

³ Там же, стр. 40.

⁴ Там же, стр. 45. [Подробнее о развитии «моторно-кратных» и «моторно-некратных» глаголов в болгарском языке и их приставочных и суффиксальных производных см. Г. К. Венедиктов, О бесприставочных глаголах движения в болгарском языке XVII—XVIII вв., КСИС, 28, 1960, стр. 24—39; е го ж е, Морфологические типы видовых корреляций глаголов движения в болгарском языке, КСИС, 30, 1961, стр. 84—99.]

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВИДОВ СЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛА*

1. Восходит ли славянская система глагольных видов к эпохе индоевропейского праязыка? Вот вопрос, который ставили перед собой многие лингвисты, но на который до сих пор нет общепринятого ответа. По существу, мы имеем здесь дело с двумя вопросами: 1) Обладал ли индоевропейский праязык двумя грамматическими категориями, употреблявшимися приблизительно так же, как и славянские виды, и занимавшими такое же центральное положение в системе глагола? 2) Если в праиндоевропейском действительно строго различались перфективный и имперфективный виды, то протекало ли развитие славянской видовой системы из системы общиндоевропейской так, что сознание различения видов никогда не прерывалось?

2. О праиндоевропейском глаголе мы знаем очень мало. Чем больше его изучают, тем более убеждаются в том, что глагольная система была намного сложнее, чем представляли себе Бругман и большая часть ученых его времени. Однако имеются все же морфологические категории, семантика которых может быть определена довольно четко. Когда речь идет о трех лицах и трех числах, то их синтаксическое употребление представляется даже более ясным, чем их окончания. Напротив, что касается категорий, которые грамматисты называют временами глагола, то не известно даже, были ли они в действительности временами или, скорее, в языке господствовал принцип вида. Это относится в первую очередь к системам презентя и аориста. Многие ученые высказывали мнение, что индоевропейский аорист отличался от презентя видом и что этот аористический вид имел приблизительно то же

синтаксическое употребление, что и совершенный вид славянских языков. Таково было мнение Ульянова, который посвятил целый том своей работы «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке» морфологическим категориям, выражающим виды. Этот ученый предполагал, что индоевропейскому аористу были свойственны два значения, которые он находил и в славянском совершенном глаголе: значение ингрессивное и значение недлительное¹. И в наши дни Мейе определяет индоевропейский презент как форму, выражавшую «действие длящееся и развивающееся», а аорист — как форму, выражавшую «действие как таковое», применяя те же формулы, которыми он пользуется при определении синтаксического значения двух славянских видов². Покойный Бругман также выбрал слово «перфективный» для обозначения вида индоевропейского аориста; для обозначения противоположного вида он употребляет слово «имперфективный»³. Однако Бругман не считал, что в системе праиндоевропейского глагола различие двух видов занимало такое же важное место, как в славянской глагольной системе. Как мне представляется, не исключено, что индоевропейский аорист имел перфективное значение, весьма сходное со значением славянского глагола совершенного вида; однако следует признать, что доказать это невозможно. Правда, греческий аорист выражал именно такое значение, однако, поскольку ни в одном из других языков употребление аориста не является тождественным с греческим, мы не знаем, восходит ли это употребление к общиндоевропейской эпохе. Это можно предположить, но такое предположение — лишь более или менее вероятная гипотеза⁴. С другой стороны, ясно, что система глагола в праиндоевропейском языке во многих отношениях была глубоко отличной от системы славянского глагола. Довольно важным является, в частности, следующее различие между ними: в праиндоевропейском языке существовал перфект, который обозначал состояние как результат ранее совершенного действия; перфект находился вне системы презентя и аориста, тогда как в славянских языках категория, семантически более всего соответствующая индоевропейскому перфекту, является таким же глагольным классом, как и все другие; этот класс включает в себя, помимо глаголов состояния, и глаголы с другим значением. Речь идет о IV Б классе, по Лескину. Вот некоторые

* N. van Wijk, Sur l'origine des aspects du verbe slave, RÉS, IX, fasc. 3—4, 1929, стр. 237—252.

глаголы этого класса, соответствующие по своему синтаксическому значению перфекту в других языках: *стоять*, *стояти* — *ἵστημι*; *быть са* — *δεξιναί*, др.-инд. *bibhāya*; *судж*, *судати* — *ἔρχομαι*, гомер. *ἔρχομαι*; *по-мьнѣ*, *по-мьнѣти* — др. *μῆναι*, лат. *menī*, гот. *man*. Поскольку среди славянских глаголов этого типа есть ряд старых атематических, мы приведем здесь, кроме того, *вѣдѣ*, *вѣшь*, *вѣдати*, гр. *οἶδα*, скр. *véda*, гот. *wait*. Ввиду того что замена древнего перфекта атематическим настоящим временем, которую мы констатируем в случае *вѣдѣ* — *вѣшь*, могла иметь место и у других глаголов, нам представляется весьма вероятным, что известная часть глаголов типа *быть са*, *быати са* и *судж*, *судати* восходит к индоевропейскому перфекту. Вероятно, на славянской почве формы индоевропейского перфекта стали формами настоящего времени несовершенного вида: лишь этот вид мог служить для обозначения состояния. Весьма примечательно, что именно категория глаголов на *-i-*, *-ēti* (включая также *védēti*) дает нам примеры глаголов, которые остаются несовершенными даже в соединении с приставками⁵; это потому, что понятие состояния с трудом поддается перфективации. Итак, специфически славянское развитие индоевропейского перфекта представляется мне довольно ясным: перфект, являвшийся в праиндоевропейском языке отдельной категорией, вошел в нормальную систему славянского глагола, развившаяся на базе общеиндоевропейского презентя и аориста⁶. Противоречие, которое существует между славянским глаголом и глаголом праиндоевропейским ввиду отсутствия в славянском категории, соответствующей индоевропейскому перфекту, исчезает, если рассматривать вопрос в исторической перспективе. Это противоречие, таким образом, не идет вразрез с гипотезой, согласно которой славянские виды восходят к видовым различиям индоевропейского презентя и аориста. Однако возникают другие трудности. Уже отмечалось, что в ряде индоевропейских языков различались две категории форм, которые соответственно можно назвать «детерминированными» и «индетерминированными» [56]. Вандриес констатировал значение первой категорий у презентов, характеризующихся редупликацией, типа *ἔρχομαι*, *μῆναι*⁷, и у греческих презентов на *-ίνω*, *-αίνω*⁸. Шантрен прибавил к этим двум группам форм третью — греческие глаголы

на *-θω*⁹. Он обнаружил следы этой категории, включающей в себя также и формы аориста, в других индоевропейских языках. Наконец, Мейе предположил детерминированное значение у целой группы презентов на *-τω*, *-δω*, *-θω*, *-χω*, *-υω*, *-ϋω*, которым он противопоставил индоевропейский суффикс *-jeo-* как характерную примету «индетерминированного» вида¹⁰. Вандриес совершил ошибку, когда, говоря о таких образованиях, как *ἔρχομαι*, *ἀνδίνω*, он для обозначения присущей им детерминированности воспользовался словами «перфективность» и «точность»: эти слова наводят на мысль, будто употребление детерминированных глаголов в индоевропейском языке было почти тождественным употреблению славянских глаголов совершенного вида, тогда как в действительности (что справедливо отмечает и сам Вандриес) синтаксические различия между этими двумя категориями очень велики. Индоевропейский детерминированный презент, «подчеркивая исходный пункт или режу, результат обозначаемого им действия», остается вместе с тем настоящим временем, способным выражать процесс, развивающийся в момент речи, что было бы невозможно, если бы его вид был совершенным в том смысле, который придается этому понятию в славянской грамматике. Аналогично индоевропейским отношениям представляет скорее небольшая группа «детерминированных» глаголов славянских языков¹¹, на что указывал Шантрен¹².

Если категории детерминированности и индетерминированности являются столь существенными для эпохи индоевропейского языка, то кажется сомнительным, чтобы в ту же эпоху и виды, перфективный и имперфективный, могли играть сколько-нибудь значительную роль в глагольной системе. Оба противопоставления имеют общий элемент: глагол совершенного вида, так же как и детерминированный глагол, выражает завершение действия или вообще определенный момент в развитии процесса¹³; различие заключается в том, что в случае детерминированного глагола этот способ представления действий обуславливается для говорящего прежде всего той объективной действительностью, о которой идет речь,

⁵ Здесь (как и в ряде случаев ниже) автор имеет в виду так называемые «определенные» глаголы вроде русск. *идти*, *нести*, *бежать* и т. д. — *Прим. перев.*

тогда как употребление совершенного и несовершенного видов зависит в принципе от воображения говорящего [57]. Детерминированность и индетерминированность — это то, что Герман¹⁴ называет объективными категориями («objektive Aktionsarten»), в то время как перфективный и имперфективный виды являются категориями субъективными. Это же различие Г. Якобзон обозначил терминами «способ действия» (Aktionsart) и «вид» (Aspekt)¹⁴. Мы имеем здесь дело с двумя типами грамматических категорий, которые слишком часто смешивали; тем не менее следует признать, что было бы невозможно полностью отделить их друг от друга, потому что между субъектом и внешним миром существует постоянная связь, и то, каким образом субъект представляет себе факты, в известной мере зависит от самих фактов. Детерминированный характер действия побуждает говорящего использовать совершенный вид во всех тех случаях, когда этому не препятствуют какие-либо обстоятельства объективного или субъективного порядка. Напротив, индетерминированный характер действия способствует употреблению несовершенного вида. В языках, строго различающих оба вида, имеются даже перфективные глаголы, которые не имеют соответствующих имперфективных, например в русском языке тип *наседеться, разгоориться* и т. д.¹⁵, и, наоборот, имперфективные глаголы без соответствующих им перфективных образований. Последняя группа состоит по большей части из глаголов с приставками, например русск. *обожать, содержать, принадлежать* и т. д. Шахматов¹⁶ приводит среди них лишь четыре простых глагола, а именно: *удить, силиться, значить, долженствовать*. Сюда можно было бы добавить *стоять, сидеть, лежать, висеть* и т. д., ибо глаголы типа *постоять*, нередко рассматриваемые как перфективные корреляты к *стоять* и т. д., прибавляют к вещественному значению простого глагола, кроме перфективности, известный элемент семантического характера: *постоять* по отношению к *стоять* — это не то же, что *похвалить* по отношению к *хвалить* или *написать* — к *писать*. Во всех случаях, когда у какого-либо славянского глагола мы обнаруживаем формы лишь одного из двух видов, речь идет о глаголе, который является исключительно детерминированным или исключительно индетерминированным, так что отсутствие одного из видов объясняется его объективным

значением [58]. Взаимоотношения между субъективной категорией вида и объективной категорией детерминированности и индетерминированности действия оказываются настолько тесными, что нельзя представить себе язык, в котором эти два типа категорий, получив систематическое развитие, не сливались бы до известной степени в одной общей системе. Именно это и следовало бы предположить для индоевропейского праязыка, если бы мы допустили, что, помимо категорий детерминированности и индетерминированности, здесь существовали два вида, четко связанные с грамматическими классами презента и аориста. Правда, мы не знаем точно, действительно ли детерминированность и индетерминированность играли в системе индоевропейского глагола более важную роль, чем в греческом языке. Это лишь гипотеза; следовательно, выводы, которые делаются из нее относительно значения индоевропейского презента и аориста, также не являются надежными.

3. Итак, рассмотрение индоевропейских фактов приводит нас к негативному результату. Мы не знаем, было ли употребление индоевропейского презента и аориста приблизительно тождественным употреблению двух славянских видов. Но если даже допустить полное согласие между обоими языками, остается сомнительным, чтобы славянская видовая система развилась непосредственно из общиндоевропейской, как думал Ульянов¹⁷ и ряд других ученых. Ибо грамматические показатели славянских видов носят совершенно иной характер, чем те, которые предполагаются для видов индоевропейского праязыка. Для образования перфективных глаголов славянский язык использовал сложение с приставками, развившееся лишь после распада индоевропейской общности: в индоевропейском праязыке наречия и предлоги, ставшие позднее приставками, являлись еще самостоятельными элементами предложения. Правда, можно было бы предположить, что некоторые из этих самостоятельных слов начинали играть в предложении перфективирующую роль, но это была бы совершенно произвольная гипотеза¹⁸. Единственной праиндоевропейской категорией, перфективное значение которой относительно правдоподобно, является аорист. Для образования несовершенных глаголов, производных от совершенных, в славянских языках имеются два типа основ: 1) тип *létati, padati, sьbirati* и т. д. и 2) тип

privoditi и т. д. Однако несомненно, что в других индоевропейских языках употребление этих типов было иным. С другой стороны, индоевропейский аорист, изъявительное наклонение которого сохранилось на славянской почве вплоть до эпохи письменных памятников, не выражает здесь никакого специального вида: его вид тот же, что и у других форм соответствующего глагола. Следовательно, если бы славянская видовая система явилась результатом непрерывного развития системы индоевропейской, то перфективное значение славянских приставочных глаголов и имперфективное значение глаголов типа *padati*, *romagati*, *prinosití* должно было бы корениться в отношениях той эпохи, когда аорист еще не утратил своей перфективности. В таком случае новые морфологические категории, созданные для выражения видов, сделали бы излишним аорист как перфективный класс форм и с этих пор изъявительное наклонение аориста могло бы стать просто прошедшим временем без какого-либо специального видового оттенка. Если не принимать намеченной здесь хронологии, то славянскую видовую систему следует рассматривать как инновацию общеславянского языка, что представляется мне гораздо более вероятным. Гипотеза непрерывного развития в том виде, в каком мы ее обрисовали, кажется слишком сложной, чтобы быть убедительной.

Но, кроме того, имеются факты совсем иного порядка, которые как будто показывают, что славянская видовая система восходит не к очень отдаленной эпохе. Дело в том, что эта система, если судить на основании данных древних текстов, к началу исторического периода еще не достигла конечного этапа своего развития [59]. Мною уже было отмечено¹⁹, что Кирилл и Мефодий в своем переводе евангелия использовали простой глагол *iti* во всех тех случаях, где в более позднюю эпоху было отдано предпочтение приставочному *po-iti*. Точно так же и перфективные образования *u-bežati*, *po-vesti*, *u-viděti*, по-видимому, появились довольно поздно рядом с глаголами *bežati*²⁰, *vesti*, *viděti*, которые в древнеболгарских текстах еще употребляются как двувидовые²¹. И то, что характерно для этих четырех глаголов, вероятно, действительно и для других. Поскольку в старославянском глаголы, у которых мы констатировали двойкий вид или, скорее, отсутствие вида, относятся к немногочисленной группе «детер-

минированных» глаголов, то можно предположить, что именно эта группа дольше, чем другие, сохраняла употребление одной и той же основы для выражения обоих видов. Это тем более вероятно, что, судя по некоторым данным, славянская корреляция двух видов развилась на базе более древней корреляции действия детерминированного и действия индетерминированного. Если это верно, то в противопоставлении *iti*, *bežati*, *nesti*, *viděti* и т. д. (детерминированные глаголы без видовых различий): *xodili*, *běgati*, *positi*, *vidati* и т. д. (индетерминированные глаголы) сохранилась очень древняя черта, которая в более раннюю эпоху могла быть характерной для славянской глагольной системы в целом. Прежде чем перейти к исследованию этого вопроса, рассмотрим употребление некоторых форм в других славянских языках, подтверждающее данные старославянского.

В древнечешском языке, как отмечает Травничек²², причастия прошедшего времени ряда глаголов, обычно считающихся несовершенными, могли обозначать действие, которое предшествует другому, выраженному основным глаголом предложения, что, по мнению Травничка, свидетельствует о значении перфективности. Мне представляется, что в основном Травничек прав. Однако я не считаю возможным с уверенностью говорить о совершенном виде в отношении глаголов, выражающих состояние или длительное действие. Это относится к следующим формам, приведенным Травничком: *hodowawšse*, *giedšse*, *trpew*, *hrawšse*, *plakawšsy**. Также и в предложении «(Kristus) jest vstúpil na nebo živ a *neumyřawš*» (*Musejní rukopis Mandevilla*, л. 223) при наличии отрицания, как мне представляется, значение несовершенности не может быть исключено: по-русски также можно было бы сказать: «Христос вступил на небо жив и *не умиравши*», если пожелать употребить в этом предложении деепричастие прошедшего времени. Среди других глаголов имеется один, который в старославянских текстах является совершенным, — *znamenati*²³: я полагаю, что и для древнечешского языка следует принять тот же вид**, тем более что в этом

* Краткие причастия прошедшего времени от *hodovati* «пировать», *jesti* «есть», *trpěti* «терпеть, страдать», *hrátí* «играть», *plakati* «плакать». — Прим. перев.

** У Ф. Травничка дан пример с причастием прошедшего времени: *potom znamenavše se svatým křížem...* (*Spisové Karla IV*,

языке в значении современного чешского *znamenáti* «значить, обозначать» (несов.) употреблялась производная форма *znamenávatí*²⁴. Я не думаю, далее, что *mluwiwſſe* является перфективным в предложении *Lékaři dosti mluwiwſſe proti tomu, všakž nezbyvše musichu jmu nápoj dáti* (Legenda o apoštolích, zlomek Dobrovského, л. 1 об.) «Врачи, говорившие достаточно против этого, были, однако, вынуждены дать ему напиток». Правда, в современном русском языке глагол *молвить* стал перфективным²⁵ и имеются древнепольские примеры, в которых совершенный вид как будто не может быть исключен²⁶, но в рассматриваемом предложении по-русски можно было бы сказать: «врачи, говорившие достаточно» и т. д.²⁷ Из других приведенных Травничком форм две представляют глаголы, являющиеся в древнеболгарском языке двувидовыми *wudyew*, *widiewſſe* и *byežaw*²⁸. Остальные формы я лишь перечислю: *zdgawiw*, *diekowaw*, *zwawſi*, *řitiwše sě*, *biwſſe*, *trhawſſe*²⁹. По-видимому, не исключено, что в том или ином из этих примеров дуративное понимание действия является настолько доминирующим, что данный глагол следовало бы рассматривать как имперфективный. Примечателен следующий пример: *To ten otec swatý wudyew i uslyšaw mnohým powědel* (Passionál, zlomek Nitranský, л. 2 об.) «Тот святой отец, то видел и услышав, многим поведал». Такое же чередование приставочной и бесприставочной формы выступает в старославянском: *ни видѣлъ жеи ни оуслышѣлъ бышелаго* (Супр., 475, 8—9).

И в древнепольском языке некоторые глаголы, являющиеся вообще в славянских языках несовершенными, были двувидовыми. В. Дорошевский²⁸ привел очень много примеров, где совершенное видовое значение ряда бесприставочных глаголов представляется ему либо несомненным, либо, по крайней мере, возможным. Некоторые из этих глаголов с точки зрения сравнительной грамматики

л. 380 об., Указ. соч., стр. 319) «потом, сотворив знамение святым крестом...». — Прим. перев.

²⁴ Краткие причастия прошедшего времени от *viděti* «видеть» и *běžěti* «бежать». — Прим. перев.

²⁵ Краткие причастия прошедшего времени от *zdgawiti* в значении «исцелять», *děkowati* «благодарить», *zwaći* «звать», *řiti* «собирающийся, мчаться», *biti* «бить», *trhati* «разрывать, дергать». — Прим. перев.

славянских языков принадлежат к совершенному виду, например: *rodzić* «родить», *stąpić* «ступить». В ряде случаев примеры, приведенные Дорошевским, не являются вполне убедительными. В частности, необходимо было бы основательно изучить вопрос о том, в какой мере употребление форм настоящего времени для выражения будущего служит доказательством совершенного вида данного глагола. В старославянском языке будущее время могло быть выражено настоящим временем как совершенного, так и несовершенного вида²⁹; восходя к общеславянскому языку, такое употребление несовершенных глаголов могло быть не чуждо и древнепольскому. Я не стану останавливаться на деталях в работе Дорошевского, но отмечу лишь безусловно совершенное видовое значение глаголов *iść*, *wieść*, *nieść* в предложениях вроде следующих³⁰:

Posadził dzeczyo pod drzewem... y gydze precz y szyedze od nyego na dostrzelenyu (Biblia królowej Zofii, Gen., XXI, 5) «Она посадила ребенка под деревом... и пошла прочь и села от него на расстоянии, на которое летит стрела», в латинском тексте: *abiecit... abiit seditque...*

A gdisz wyedze gy na wirzch gori Fegor... powye gemu Balaam (там же, Num., XXIII, 28) «А когда привел его на вершину горы Фегор... сказал ему Балаам», лат.: *cumque duxisset... dixit...*

A oni powiedzieli: iż go Panu potrzeba. I wiedli je do Jezusa. I... wsadzili... (Biblia Wujka, Luc., XIX, 34—35) «Но они сказали: «он [ослепок] нужен господу». И отвели его к Иисусу. И... посадили», лат.: *dixerunt... duxerunt... imposuerunt;*

... przygedze Ezau, nawarzyw karmyey s swego lowu, a nyesse oczczu. Y rzecze (Biblia królowej Zofii, Gen., XXVII, 30) «явился Эзау, наварив еды из своей добычи, и принес отцу. И сказал», лат.: *venit... intulit patri dicens;*

Zawstydził się Faeton i sromem gniew zraził, / Nióst potym matce, czym go Epafus paraził (Żebrowskiego przeobrażenia Owidyuszowe, 25) «Устыдился Фаэтон и стыдом подавил гнев, и отвес (или — принес) лотом матери то, чем его поразила Эпаф». Линде переводит приставочным *do-pióść* «принес».

Итак, мы констатируем, что в древнеболгарском, древнечешском и древнепольском языках некоторые

глаголы, допускающие в более позднюю эпоху лишь имперфективное употребление, могли иметь значение обоих видов. Я убежден, что мы действительно имеем здесь дело с пережитком старины и что в историческую эпоху вытеснение *iti* посредством *po-iti*, *bežati* посредством *u-bežati* и т. д. во всех случаях, когда было необходимо выразить значение совершенного вида, явилось последним актом языкового процесса, ведущего к замене категории детерминированности и индетерминированности действия системой совершенного и несовершенного видов. Именно морфологические типы, служащие для выражения этих двух видов, заставляют нас предположить такое развитие.

4. Корреляция перфективных и имперфективных глаголов, имеющих одно и то же лексическое значение, оформляется в славянском языке двумя различными способами:

а) *pasti* : *padati*, *stopiti* : *stopati*, *svēliti* : *svēštati*, *byti* : *byvati*, *dati* : *dajati* (*davati*), *prīpasti* : *prīpadati*, *zabyti* : *zabyvati*, *zagoreti* : *zagarati*, *rastvoriti* : *rastvar'ati*, *proiti* : *proxoditi*, *prinesti* : *prinositi*, *jeŭti*—*imp* : *imati*—*jeml'o* и т. д.;

б) *iti* : *po-iti*, *nesti* : *po-nesti*, *rysati* : *na-rysati*, *čistiti* : *o-čistiti*, *delati* : *sz-delati* и т. д.

Следовательно, для образования имперфективного глагола от перфективного используется глагольная основа на *-a* или *-i*, для образования же перфективного глагола от имперфективного используется сложение с приставками. Рассмотрим отдельно каждый из этих двух приемов.

5. Морфологические типы, выражающие несовершенный вид, в грамматиках часто называют «итеративными». Этот термин был выбран неудачно, ибо он не соответствует синтаксическому значению данных типов, являющихся просто типами несовершенных глаголов. С другой стороны, он используется и в другом смысле для обозначения группы бесприставочных глаголов, вроде *hoditi*, *positi*, *bēgati*, *plavati* и т. д. Верно, что такие глаголы могут выражать многократность, но верно и то, что подобное их употребление есть лишь частный случай заключенного в них значения «индетерминированности». Как в противопоставлении *pro-iti* : *pro-hoditi* существенно различие между совершенным и несовершенным видом, так и типы *iti* и *hoditi* обозначают прежде всего действия детерминированное и индетерминированное. В обоих случаях итеративное использование несовершенного и соответственно

индетерминированного глагола является возможным, но и в том и в другом случае оно лишь окказионально. И очень сомнительно, чтобы в более раннюю эпоху, когда только начинала развиваться система двух видов, значение многократности глаголов *hoditi*, *bēgati* и т. д. было бы основным для всех подобных образований. Один из двух представленных здесь типов, а именно *hoditi*, *positi*, *la-ziti* и т. д., восходит к индоевропейскому классу, который называют итеративным¹¹: др.-инд. *patāyati*, гр. φορέω. Но, как отметил Бругман, эти так называемые итеративы могут обозначать также действия интенсивные и действия индетерминированные¹². Возможно, наше выражение «индетерминированный», имеющее более общее значение, чем «итеративный», в большей степени соответствовало бы синтаксическому употреблению этого индоевропейского глагольного класса. Однако, используя столь расплывчатый термин, мы оказываемся не в состоянии дифференцировать некоторые семантические оттенки, существовавшие в индоевропейском языке. Так, к «индетерминированности» и «детерминированности» прибегают, чтобы обозначить различия между основами *tepe-* и *ti-mpe-* или *ĝene-* и *gi-ĝne-* (ср. выше стр. 240); между тем несомненно, что с точки зрения синтаксиса *tepe-* не было по отношению к *ti-mpe-* тем, чем являлось *bhoreje-* по отношению к *bhere-*, так что если мы называем тип *bhoreje-* «индетерминированным», мы не должны забывать, что это название имеет весьма неясное значение. Но не будем углубляться здесь в терминологические вопросы; достаточно отметить, что в отношении употребления глагольных основ корреляция *nesti* (детерм.) : *positi* (индетерм.) обнаруживает гораздо большее сходство с общиндоевропейским состоянием, чем корреляция *prinesti* (сов.) : *prīpositi* (несов.). Хотя детали развития от нас ускользают, представляется очевидным, что несовершенное видовое значение формы *prinositi* является производным от индетерминированного, подобного тому, какое имеют бесприставочные основы *positi*, *hoditi* и т. д.

То, что сказано о несовершенных глаголах на *-iti*, равным образом относится и к гораздо более многочисленной группе несовершенных («итеративных») глаголов на *-ati*. Эта группа, характеризующаяся не только формантом *-ā*, но и степенью удлинения корневого гласного («*Dehnstufe*», и. е. *ē*, *ō*, *a* в балтийских и в славянских

языках также \bar{i} , \bar{u} > слав. у — ступени вокализма, проникшие в данную группу по аналогии), существует не только в славянском. В греческом мы находим тип $\varphi\alpha\iota\zeta\omega$, $\lambda\eta\delta\iota\omega$ ²², представленный в большинстве других индоевропейских языков лишь отдельными изолированными глаголами: лат. *cēlāge*, др.-в.-нем. *fřagōn*, арм. *մթալ*. Возможно, что по происхождению этот класс был отыменным и в каждом языке, обладавшем отглагольными существительными с долгим вокализмом корня, в любой момент могли вновь возникать отыменные глаголы такого типа; например, др.-в.-нем. *fřagōn* «спрашивать», вероятно, является довольно поздним отыменным образованием. Но каково бы ни было подлинное происхождение этой категории, в славянском и в балтийском она существует как живой класс основ, воспринимаемых как отглагольные. В литовском языке имеются «интенсивные» глаголы состоящим временем на -au (I л. ед. ч.) и инфинитивом на -oti, обозначающие неподвижное состояние: *klūpau*, -oti «стоять на коленях», *gūpau*, -oti «оставаться неподвижным, опираясь на что-либо» и т. д.²⁴, а в латышском мы обнаруживаем класс итеративов на -aju, -at: *mētāju*, *mētāt* «бросать туда и сюда» и т. д.²⁵ (в литовском языке эти глаголы перешли в класс на -au, -yti: *mētau*, *mētyti*). Что касается употребления таких латышских итеративов, то обычно они выражают действия, слагающиеся из ряда одинаковых или различных моментов; отмечается специальный оттенок движения без определенной цели; «фреквентативное» же («учащающее») значение оказывается лишь окказиональным²⁶. В литовском языке класс итеративных глаголов на -au, -yti также не характеризуется одним только фреквентативным употреблением: мы встречаем здесь также действия длительные или более или менее усложненные²⁷. Итак, я полагаю, что основным значением балтийских глагольных основ *mēta-*, *gīpā-* и т. д. является скорее значение индетерминированное, чем итеративное. Это индетерминированное значение было древнейшим, и именно из него развились как специальное употребление *gūpoti* и т. д., так и различные более или менее специальные оттенки итеративных категорий литовского и латышского языков.

Индетерминированное значение, предполагаемое нами для типа *mēta-*, *gīpā-* в общепольско-литовский период, вероятно, было весьма сходным с тем, которое имели в общеславян-

ском языке глаголы типа *positi*. Поскольку в славянском также имеется несколько основ типа *mēta-* с индетерминированным значением: *bēgati* (при детерм. *bēžati*), *plavati* (при детерм. *pluti*) — и поскольку другие глаголы того же типа, т. е. отглагольные имперфективные образования (*padati*, *pomagati* и т. д.), также составляют в синтаксическом отношении единый класс с *prinositi*, *zahoditi* и т. д., мне кажется очень вероятным, что в общеславянском языке глаголы типа *bēgati*, *padati* и т. д. имели индетерминированное значение, приблизительно тождественное значению типа *positi*.

Помимо регулярных для славянских языков корреляций *pasti*, *padō* : *padati*, *padajo*; *pomošti*, *pomogo* : *pomagati*, *pomagajo* и т. д. и *prinesti*, *prinesp* : *prinositi*, *prinosō* и т. д., здесь встречаются изолированные случаи вроде *jeŭti*, *imp* : *imatī* (*i-ymati*), *jeml'ō*. Речь идет об очень незначительном количестве неправильных образований, которые для нас не столь важны как регулярные типы. Поэтому мне не кажется необходимым подробно останавливаться на таких глаголах, тем более что есть сомнительные случаи, как, например, *melp*, *mesti* : *mēstō*, *mefati*²⁸, когда вид глагольных основ не вполне ясен. Поскольку эти нерегулярные образования несовершенного вида имеют настоящее время на -je-, вполне можно предположить, что и у них имперфективное значение восходит к значению индетерминированности, как у *prinositi* или *pomagati*, ибо, как отметил Мейе²⁹, индоевропейские основы на -je-/-jo- представляют собой категорию индетерминированных основ презента. Индетерминированность преобладает также и там, где формант -je-/-jo- развился лишь в более позднюю эпоху. В славянском языке основы настоящего времени на -je- являются имперфективным классом³⁰; вероятно, такое их значение восходит к значению индетерминированности, так что несовершенное *jeml'ō* есть только частный случай на фоне общей тенденции развития видов. Единственное различие между *kažō*, *mažō* и т. д. и *jeml'ō* заключается в том, что группа *kažō* и т. д. прибегает для образования совершенного вида к сложению с приставками, тогда как перфективным глаголом, соответствующим *jeml'ō*, является *imp*.

6. Переходим ко второму типу видовых глагольных пар, т. е. к парам, совершенный член которых образован от несовершенного путем присоединения приставки. Здесь

перфективное и имперфективное значения также являются вторичными, а в более древнюю эпоху приставочные глаголы имели значение детерминированности. Во всех языках, где есть глаголы с приставками, приставки, изменяя лексическое значение глагола, часто приводят к тому, что на передний план выдвигается лишь один момент в развитии действия⁴¹. Мейе ясно говорит об этом: «Присоединение к глаголу приставки придает ему «детерминированный» вид: лат. ad-venire «прибывать, настать» имеет совершенно иное значение, чем venire «приходить»: в первом случае предусматривается тот или иной предел процесса»⁴². Это детерминированное значение часто смешивают с совершенным видом; примечательно, что даже Лескин не избежал подобной ошибки: глагол в немецком предложении Da blitzt ein Licht auf «Вот вспыхивает свет» он рассматривает как перфективный⁴³. Однако при переводе этого предложения на русский язык мы получаем форму *вспыхивает*; если бы было сказано *вспыхнет*, то это соответствовало бы немецкому будущему времени: wird aufblitzen. Увидев внезапную вспышку огня, мы можем выразить то, что мы увидели, лишь спустя какой-то момент времени. Если бы мы говорили, целиком следуя логике, то мы употребили бы прошедшее время совершенного вида: *вспыхнул*. Однако полученное впечатление настолько живо, что мы представляем себе происшедшее как полностью совпадающее с моментом нашей речи, а в этом случае вспышка огня рисуется нам как развивающийся во времени процесс и мы должны прибегнуть к настоящему времени несовершенного вида, хотя и ясно сознаем, что процесс этот ограничен пределом. Глагол является здесь детерминированным, но не является совершенным [60]. Однако, когда в каком-либо языке корреляция двух видов одерживает верх над корреляцией действий детерминированных и индетерминированных, детерминированные основы получают известное предрасположение к перфективному употреблению. Что касается приставочных глаголов, то в них значение совершенного вида развивается прежде всего там, где приставка, утратив свое собственное значение, указывает лишь на законченность действия; таким образом, мы обнаруживаем в славянских языках пары *ръsati — парьsati, čistiti — očistiti* и т. д. Но уже общеславянский язык пошел дальше этого, распространив видовые различия и на другие приставочные глаголы,

т. е. и на те, у которых приставка сохраняет свое собственное значение. И в тот момент, когда детерминированные глаголы *ro-mošti, ras-tyvoriti* и т. д. перешли в разряд перфективных, стала ощущаться необходимость обозначить и здесь видовые различия, для чего по образцу *pasti—padati, pripasti — pripadati, svetiti — svěštati* и т. д. была создана категория несовершенных глаголов типа *romagati, rastvar'ati* и т. д. [61]. С точки зрения славянской грамматики эти последние являются производными, тогда как *pa-рьsati, ro-mošti* и т. д. представляют собой сложные глаголы.

Аналогичное мнение о происхождении совершенного вида глаголов с приставками высказал А. Мейе⁴⁴, который, однако, предполагает, что это развитие было обусловлено фактом устранения оппозиции основ презентя и аориста, тогда как, по нашему мнению, система двух видов является инновацией общеславянского языка. В качестве первой фазы развития этой системы я рассматриваю широкую экспансию основ на -а- с долгим вокализмом корня, служивших для обозначения индетерминированного действия. По мере того как пары типа *běg-* (*běžati*): *běgati* становились все более многочисленными, возникала возможность употребления индетерминированных основ даже в тех случаях, когда лексическое значение действия оказывалось малоприспособленным для разграничения действия простого и действия длительного, повторяющегося или состоящего из нескольких актов. Тогда наличие двух глагольных основ, произведенных от одного и того же корня, могло быть использовано для выражения того, каким образом сам говорящий рассматривает данное действие; иначе говоря, объективная категория действий детерминированных и индетерминированных могла быть заменена субъективной категорией вида.

7. Было бы трудно восстановить последовательность различных инноваций в области видов и времен славянского глагола. Что касается системы времен, то общеславянский язык утратил будущее на -sje'o-, индоевропейский перфект был поглощен категорией настоящего времени, аорист хотя и сохранился, но вообрал в себя несколько форм индоевропейского имперфекта. В течение известного периода аорист был единственной формой прошедшего времени, ибо славянский имперфект является довольно поздней инновацией, так же как и славянский

перфект. В свою очередь и система видов возникла относительно поздно; остается узнать, какая же из двух систем развилась раньше. Должны ли мы предположить, что совершенный и несовершенный виды восходят к той эпохе, когда славянский язык обладал лишь двумя временами — настоящим и прошедшим, или же систему трех прошедших времен следует рассматривать как исторически предшествующую системе видов? Мы не знаем этого, но склонны думать, что система видов моложе. Мы показали в данной статье, что формирование этой системы завершилось только в эпоху письменных памятников: лишь в древнеболгарском, древнечешском и древнепольском языках известные глаголы, которые до тех пор имели только одну основу для выражения обоих видов, стали обозначать совершенный и несовершенный виды отдельными основами. Напротив, развитие системы трех прошедших времен достигло своего завершения еще в общеславянскую эпоху. Итак, я полагаю, что к тому моменту, когда начали оформляться новые прошедшие времена, категория детерминированности и индетерминированности действия еще занимала господствующее положение в глагольной системе; лишь позднее она уступила это место виду.

8. В данной статье мы признали за категорией детерминированных и индетерминированных глаголов очень важную роль в общеславянском языке. Мы не можем отрицать, что значение этих двух терминов гораздо менее отчетливо, чем значение терминов «перфективный» («совершенный») и «имперфективный» («несовершенный») вид, глагол и т. д. Это связано с тем, что, когда речь идет о видах, мы имеем дело с двумя различными способами рассмотрения действия, в то время как у «объективных» категорий детерминированности и индетерминированности точный смысл одной и другой глагольной основы зависит от объективного значения самих действий, выраженных данными глаголами. Правда, во многих специальных случаях выбор вида зависит от различных обстоятельств, которые часто ускользают от лингвиста. Но в основе всех этих обстоятельств лежит один общий принцип: совершенный вид как бы резюмирует действие в момент его наивысшего развития, в точке его завершения, тогда как несовершенный вид показывает развертывание этого действия во времени. Дефиниция понятий детерминированности и индетерминированности не может быть столь же простой. В общем можно сказать, что

детерминированные глаголы обозначают действия менее сложные, ведущие прямо к цели, тогда как индетерминированные глаголы употребляются при выражении действий, слагающихся из нескольких актов, либо действий, растянутых во времени или повторяющихся. Очевидно, что в зависимости от значения глагольного корня оттенки этих двух способов действия («actions») могут быть совершенно различными. Трудности анализа тем более велики, что речь идет об очень древних эпохах, факты которых не столько видны исследователям, сколько лишь смутно угадываются ими. Весьма возможно, что в индоевропейском языке тип *pokeje-*, *-i-* выражал иной оттенок «индетерминированного» действия, чем тип *leta-*, *roda-* или основы на *-je/jo-*, но реконструировать эту систему невозможно. В общеславянском языке основы *leta-*, *roda-* (> *pada-*) и т. д. стали преобладающим типом индетерминированных, а позднее несовершенных основ; тип *posi-* гораздо более редок, но используется в той же функции; наконец, в некоторых изолированных случаях тождественное значение имеют и основы настоящего времени на *-je-* вроде *jeml'or*, несовершенного вида, при совершенном *impr*.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ Г. К. Ульянов, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, т. II, Варшава, 1895, стр. 284 и сл.

² A. Meillet, *Le slave commun*, Paris, 1924, стр. 240 и сл. [русс. перевод: А. Мейе, *Общеславянский язык*, М., 1951, стр. 226. Формулу Мейе для совершенного вида русский переводчик передал здесь словами «простой процесс»].

³ K. Brugmann, *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, 2-е изд., II. Bd., III. Teil, 1. Lieferung, Strassburg, 1913, стр. 79.

⁴ См. G. Herbig, *Aktionsart und Zeitstufe*, IF, 6, 1896, стр. 262 и сл. [См. также А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 262; Chr. S. S t a n g, *Das slavische und baltische Verbum*, Oslo, 1942, стр. 15.]

⁵ См. A. Meillet, *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux-slave*, I, Paris, 1902, стр. 35 и сл. [A. D o s t á l, *Studie o vidovém systému v staroslověnině*, Praha, 1954, стр. 456 и сл.; Др. Х. М а т е в, Семантиката на глаголите представки и нейното отношение към видовото значение на глаголите, Известия на Института за български език, кн. I, 1952, стр. 65 и сл.]

⁶ Ср. эволюцию греческого перфекта в ряде диалектов, где перфект получил окончания настоящего времени. См. P. C h a n l i g a i n e, *Histoire du parfait grec*, Paris, 1927, стр. 191 и сл.

⁷ J. V e n d r y e s, *Le type thématique à redoublement en indo-européen*, MSL, 20, 1916, стр. 117—123.

⁸ J. Vendryes, Sur la valeur des présents grecs en -ávω, ANTIQWON, Festschrift Jacob Wackernagel, Göttingen, 1923, стр. 265—273. Ср. также У д љ я н о в, Указ. соч., I, 1891, стр. 253 и сл.; F. Hartmann, Aorist und Imperfektum, KZ, 48, 1917, стр. 29 и сл.

⁹ P. Chantraine, Les verbes grecs en *-θω, Mélanges Vendryes, Paris, 1925, стр. 93—108.

¹⁰ A. Meillet, Remarques sur l'étymologie de quelques mots grecs, BSL, 26, 1925, стр. 1 и сл.

¹¹ P. Chantraine, Les verbes grecs en *-ω, стр. 94.

¹² Вандриес переводит μίρω как je me mets à rester, je m'arrête («я начинаю оставаться, я останавливаюсь»). Можно сказать, что здесь глагольная основа с редупликацией «подчеркивает исходную точку» процесса. Это является правилом и по отношению к перфективному глаголу типа русск. *увидеть, обработать*. И все же на деле во всех этих случаях, так же как и при «результативном» употреблении, говорящий рассматривает действие как доходящее до кульминационной точки в его окончательном моменте, как достигающее предела.

¹³ E. Негманн, Objektive und subjektive Aktionsart [см. в настоящем сборнике стр. 44 и сл.].

¹⁴ H. Jacobson, Рецензия на книгу Вакернагеля [в настоящем сборнике стр. 39—40]. См. также S. Agrell, Aspektänderung... [в настоящем сборнике стр. 35 и сл.]; E. Koschmieder, Studien zum slavischen Verbalaspekt, KZ, 55, 1928, стр. 282 и сл. [ср. его же, Очерк науки..., в настоящем сборнике стр. 107—110]; F. Stiebitz, Vid a způsob slovesného děje, LF, 55, 1928, стр. 1—14; B. Т р н к а, О podstatě vidů, ČMF, 14, 1928, стр. 193 и сл. [а также и другие работы, собранные в I разделе настоящего сборника, и примечания к ним].

¹⁵ А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, Л., 1925, стр. 167.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Г. К. У д љ я н о в, Указ. соч., II, стр. 285.

¹⁸ Я не могу согласиться с мнением Гартмана, что «в древнейшую эпоху для выражения перфективного вида могли употребляться также глагольные приставки или предлоги, отделяемые или не отделяемые от глагола» (см. F. Hartmann, Указ. соч., стр. 14).

¹⁹ N. van Wijk, Die sogenannten Verba iterativa und die Bezeichnung der wiederholten Handlung im Altkirchenslavischen, IF, 45, 1927, стр. 95 и сл.

²⁰ Что касается глагола *bězati*, то его перфективное употребление еще встречается в современном русском языке, ср. пример, приведенный С. Карцевским [в настоящем сборнике стр. 227]: «Учитель чистюливания воспользовался смятением и бежал».

²¹ Наряду с *видати* в старославянском языке имелся глагол совершенного вида *вудати*, но и глагол *видати* употреблялся не только в несовершенном, но также и в совершенном видовом значении [см. A. Dostál, Указ. соч., стр. 138—141].

²² Fr. Trávníček, Studie o českém vidu slovesném, Praha, 1923, стр. 319 и сл.

²³ N. van Wijk, Die sogenannten Verba iterativa..., стр. 97, примечание I. [А. Достал, Указ. соч., стр. 111—112, считает ст.-сл. *визивати* двувидовым глаголом.]

²⁴ Fr. Trávníček, Указ. соч., стр. 65.

²⁵ A. Mazon, Morphologie des aspects du verbe russe, Paris, 1908, стр. 25. [С. Карцевский считает русск. *молвить* двувидовым, см. настоящий сборник, стр. 227; см. также академический «Словарь современного русского литературного языка», т. 6, 1957.]

²⁶ W. Doroszewski, O znaczeniu dokonanych osnow czasownikowych (słownych) w języku polskim, PF, 10, 1926, стр. 247.

²⁷ Если употребить дееспричастие, то нужно, вероятно, сказать: «врачи, поговорив достаточно» и т. д.

²⁸ W. Doroszewski, Указ. соч.

²⁹ Chr. Sargauw, Syntaktisches, KZ, 38, 1905, стр. 165 и сл. [см. и литературу, указанную в 38-м прим. ред.].

³⁰ W. Doroszewski, Указ. соч., стр. 223—231.

³¹ См. K. Brugmann, Указ. соч., стр. 76 и сл., 244 и сл.; A. Meillet, Le slave commun, стр. 245 и сл. [русск. перевод: А. Мейе, Общеславянский язык, стр. 231 и сл.].

³² K. Brugmann, Указ. соч., стр. 76 и сл. [Не употребляя чуждого ему выражения «индетерминированные действия», Бругман говорит в указанном месте о том, что итеративы часто получают значение «интенсива», а также сохотно используются там, где речь идет не об определенном процессе, а о процессе in abstracto, совершающемся или могущем совершиться в неопределенно большом количестве случаев.]

³³ C. D. Buck, Brugmann's Law and the Sanskrit Vçddhi, American Journal of Philology, 17, 1896, стр. 462 и сл. Вообще о данном индоевропейском классе см.: J. Rozwadowski, Zu den slavischen Iterativa, IF, 4, 1894, стр. 406—412; Г. К. У д љ я н о в, Указ. соч., II, стр. 231 и сл. [См. также K. Brugmann, Указ. соч., стр. 162 и сл.; J. Kuryłowicz, L'apophonie en indo-européen, Wrocław, 1956, стр. 301—305.]

³⁴ См. A. Leskien, Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen, Leipzig, 1884, стр. 447 и сл. [и Chr. S. Stang, Указ. соч., стр. 143 и сл.].

³⁵ См. J. Endzeliņ, Lettische Grammatik, Riga, 1922, стр. 632 и сл. [и Chr. S. Stang, Указ. соч., стр. 147 и сл. и 156].

³⁶ См. J. Endzeliņ, Указ. соч., стр. 737.

³⁷ См. J. Rygiskić, Lietuvių kalbos gramatika, 2-е изд., Kaunas, 1922, стр. 116.

³⁸ См. A. Meillet, Études sur l'étymologie..., стр. 15 и сл.; E. Boehme, Die Actiones der Verba Simplicia in den altbulgarischen Sprachdenkmälern, Leipzig, 1904, стр. 17 и сл. [и A. Dostál, Указ. соч., стр. 157 и 489].

³⁹ A. Meillet, Remarques sur l'étymologie..., стр. 5 и сл.

⁴⁰ См. A. Meillet, Études sur l'étymologie..., стр. 19 и сл.

⁴¹ См. J. Vendryes, Sur la valeur des présents grecs..., стр. 270.

⁴² A. Meillet, Le slave commun, стр. 248 [русск. перевод: А. Мейе, Общеславянский язык, стр. 233. Русский переводчик передал здесь (как и всюду) «детерминированный» как «определенный»].

⁴³ См. A. Leskien, Grammatik der altbulgarischen Sprache, Heidelberg, 1908, стр. 216 и сл.

⁴⁴ A. Meillet, Le slave commun, стр. 248 [русск. перевод, стр. 233].

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ВИДОВ*

Славянский глагол имеет следующие формальные показатели категории несовершенного — совершенного видов:

1. Для несовершенного вида:

а) суффикс *-i-* (инф. *-iti*) с вокализмом корня *-o-* (*-a-*), например *zanositi* от *zanesti*. Этот способ не является живым;

б) суффикс *-aje-/-o-* (инф. *-ati*) с возможным удлинением корневого гласного, например *umirati* от *umьro*, *umrěti*. Это живой способ. Вопреки прежним воззрениям в таких случаях, как *umirati*, следует усматривать деривацию (<*umьro*), а не сложение с приставкой (<*u+*mirajp*)'. То же самое относится к случаям типа *donositi* < *donesti*.

2. Для совершенного вида:

а) суффикс *-ne-/-no-* (инф. *-noti*), например *dvignoti* при *dvigati* (*dvizati*). Это живой способ;

б) префиксация, например в современном польском языке *писаć* «написать» от *писаć* «писать», *przeczytać* «прочитать» от *czytać* «читать». Следует, однако, отметить, что в большинстве случаев эта оппозиция не является чисто грамматической, так как наряду с различием вида мы наблюдаем здесь также различие в лексическом значении (ср., например, *ubiti* = франц. *tuer*, но *biti* = франц. *battre*). В отдельных случаях приставки стали играть роль перфективирующих элементов, но, поскольку речь идет лишь о некоторых случаях и, кроме того, о разных приставках, ясно, что приставки вообще не могут быть признаны формальным показателем грамматической категории совершенного вида. (Иначе дело обстоит, например,

в готском языке, где приставка *ga-* не изменяет основного значения глагола и только одна эта приставка служит для перфективации [62].) Поэтому вместо образования совершенных глаголов от бесприставочных несовершенных при помощи сложения с приставками обычно имеет место образование приставочных несовершенных глаголов от приставочных же совершенных при помощи деривации (например, в современном польском языке *rokrywać* «покрывать» при *rokryć* «покрыть», а не *rokryć* «покрыть» при *kryć* «крыть»)?

Среди перечисленных формальных показателей вида показатель *-i-* (инф. *-iti*) с корневым вокализмом *-o-*, как сказано, не является живым и фигурирует лишь там, где и при бесприставочном глаголе уже имеется так называемая итеративная форма на *-i-* (инф. *-iti*), например *positi*, *vedp* — *voditi* и т. д., вследствие чего от *donesti*, *privesti* мы имеем несовершенные глаголы *donositi*, *privoditi* (а не **doněsati*, **privědati*) и т. п.

Для вопроса о происхождении славянских видов тот факт, что глагол при сложении с приставкой становится совершенным, играет сравнительно второстепенную роль. В определенный период развития праславянского языка приставочные глаголы выражали тот же вид или тот же способ действия, что и известные глаголы на *-p-*. Но категория форм на *-p-* была унаследована от эпохи индоевропейской общности. Приставочные же глаголы образовались на почве отдельных индоевропейских языков. Ср. относительную автономию приставок в ведийском, в древнейших частях Авесты и у Гомера. Сращение приставки с глаголом не завершилось даже на почве балтославянской общности, о чем свидетельствует постановка возвратного местоимения в балтийских языках между приставкой и глаголом. Следовательно, совершенные глаголы на *-p-* существовали как совершенные (или обладали значением, из которого развилось совершенное значение) уже в ту эпоху, когда приставочных глаголов еще не было. При исследовании индоевропейского происхождения праславянских глагольных видов мы можем, таким образом, полностью исключить приставочные совершенные глаголы и ограничиться совершенными глаголами на *-p-*. Точно так же категория глаголов на *-aj-*, имеющих на славянской почве несовершенное значение, очевидно, унаследована из индоевропейского языка. И здесь можно ограничиться бесприста-

* Jerzy Kuryłowicz, Pochodzenie słowiańskich aspektów czasownikowych, Sborník prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze, 1929, svazek II: Přednášky, Praha, 1932, стр. 572—576.

вочными глаголами, так как несовершенный характер приставочных глаголов на -ајр вытекает из того, что по отношению к соответствующим приставочным совершенным глаголам они были производными (см. выше). Если при нашей реконструкции мы не принимаем во внимание приставочных совершенных глаголов, то тем менее нас должны интересовать производные от них несовершенные приставочные глаголы.

Прежде чем на праславянской почве сформировались приставочные глаголы, среди глаголов уже различались — по способу действия или, быть может, уже и по виду — категория на -пр и категория на -ајр. Если бы это было не так, т. е. если предположить, что до образования приставочных глаголов все презентные формы имели лишь чисто дуративное значение, то было бы непонятно, почему в эпоху возникновения видов одна часть беспривставочных глаголов получила совершенное значение, а другая — несовершенное [63].

Еще до возникновения приставочных глаголов суффиксы -пр и -ајр должны были быть взаимно связаны по значению и противопоставлены друг другу. Только при такой предпосылке можно объяснить, почему совершенными являются лишь такие беспривставочные глаголы на -пр, которые имеют корреляты на -ајр, а несовершенными — такие глаголы на -пр, которые не имеют корреляты на -ајр. О силе взаимосвязи между совершенным -пр и -ајр еще хорошо свидетельствуют современные славянские языки. Ср., например, положение в современном польском: согласно перечню Агрелля⁴, 63 совершенных глагола на -пѣ имеют несовершенные корреляты на -аѣ (например, *cisnę* «кину» — *ciskać*, *dźwignę* «подниму» — *dźwigać*, *gruchnę* «грохну» — *gruchać* и т. д.), 53 несовершенных глагола на -пѣ не имеют коррелятов на -аѣ (например, *ściernę* «сцепеню», *gasnę* «гасну», *ginę* «гибну» и т. д.). Кроме того, мы находим еще совершенные глаголы *błysnę* «сверкну», *brzęknę* «звякну», *drgnę* «вздвогну», *syknę* «шикну», несовершенный коррелят которых оканчивается на -еѣ (*błyszczeć*, *brzęczeć*, *drzeć*, *syczeć*), но которые имеют и корреляты на -аѣ (*błyskać*, *brząkać*, *drgać*, *sykać*); таким образом, эти случаи не противоречат правилу. Далее, есть глаголы *biegnę* «бегу», *pełnę* «ползу», *plunę* «плыву», *sunę* «иду», которые являются несовершенными, несмотря на то что имеют корреляты на -аѣ (*biegać*, *pełzać*, *pluć*,

suwać); но у всех этих глаголов назальный суффикс является польским новообразованием, различие же между *biegnę* и *biegam* («бегаю») и т. д. то же, что и между *leżę* «лезу» и *leżę* «лажу», а не то, которое существует между *dźwignę* и *dźwigać*⁴. Единственное исключение составляет группа звукоподражательных глаголов, а именно: *burknę* «буркну», *jęknę* «охну», *krzyknę* «крикну», *mgknę* «пробормочу», *pisnę* «пискну», *guknę* «зарычу», *skrzypnę* «скрипну»; они являются совершенными несмотря на то, что несовершенный коррелят оканчивается на -еѣ (не -аѣ). Наконец, три глагола на -пѣ не имеют несовершенного коррелята: *chłystnę* «хлебну», *drasnę* «царапну», *gupę* «рухну».

Беспривставочные глаголы на -пр и -ајр в эпоху развития праславянского языка, предшествующую появлению приставочных глаголов, должны были объединяться в пары, члены которых были тесно связаны друг с другом. Исходя из соображений метода, следует а priori предположить, что при возникновении видов суффикс -пр получил значение совершенности в силу оппозиции к тому суффиксу, который приобрел значение несовершенности, т. е. к суффиксу -ајр (с удлинением корневого гласного). Если бы суффикс -пр получил значение совершенности также и вследствие оппозиции к другим суффиксам, то мы имели бы ряд продуктивных суффиксов несовершенного вида [64]. Такое же рассуждение можно отнести и к суффиксу -ајр.

Таким образом, мы приходим к заключению, что в эпоху праславянского языка, предшествующую появлению приставочных глаголов, существовали пары, состоящие из глагола на -пр и глагола на -ајр, тесно связанных между собой и противопоставленных друг другу по способу действия или уже также и по виду. Эти пары представляют собой зародыш будущей системы славянских видов и вместе с тем ее древнейший слой. Поэтому мне непонятно утверждение Белича⁵, будто совершенный характер суффикса -прти был ему навязан в силу своеобразного значения корня у ряда оформленных им глаголов, вследствие чего при рассмотрении проблемы глагольного вида этот суффикс может быть оставлен в стороне.

Что касается индоевропейского происхождения связанных между собой суффиксов -пр и -ајр, то следует прежде всего отметить, что первый из них (-пр) этимологически (хотя и не фонетически) соответствует главному образом индоевропейскому суффиксу -пā-/пā⁶. Об этом свидетель-

ствуют 1) готские глаголы на -пап, которые, правда, в настоящем времени обнаруживают суффикс -пе-/по-, но в претерите еще имеют древнее -пā- (> -pō-). Древнескандинавские же глаголы имеют -пā- (> pō > па) и в настоящем времени; 2) литовские глаголы с носовым инфиксом, соответствующие славянским глаголам с носовым суффиксом; суффикс -пā-/пэ- является лишь особым случаем носового инфикса, а именно носовым инфиксом у так называемых «корней Set», т. е. корней на -ā-/э-; 3) согласно Педерсену [65], окончание инфинитива -pōti, акцентуация которого указывает на древнюю долготу, восходит к -пā-п-ti (речь идет о распространении посредством -ti первоначального инфинитива на -п-). Последний аргумент гипотетичен, но достаточно и двух первых.

В индоевропейском языке основным значением суффикса -пā-/пэ-, как и вообще носового инфикса¹, было значение инхоативное или терминативное. Следовательно, этот суффикс подчеркивал определенный момент действия (начальный или конечный). В частности, в северной группе индоевропейских языков выступает инхоативное значение (часто сочетающееся с непереходностью); ср. гот. brukpan, лит. bundū, слав. gasp и т. д. [66].

Что же касается суффикса -ajp, то он имеет итеративное значение, точно так же как и суффикс -i- (инфинитив -iti). Первоначальное итеративное значение этих двух суффиксов ясно обнаруживается на славянской почве в том специфическом значении, которое они приобрели у глаголов движения: letēti — lētati, brestī — broditi и т. п. Суффикс -ujp (киријр) относится к -ajp и -jp (-iti) так же, как и *пеи к *пā и к носовому инфиксу.

Продуктивность суффикса -ajp и непродуктивность суффикса -i- (-iti) — как итеративного суффикса, а не как деноминативного — имеет на славянской почве точное соответствие в продуктивности суффикса -пp и непродуктивности носового инфикса. Суффикс -ajp (< -āje-/о-), так же как и суффикс -пp (< -пā-/э-), первоначально был связан лишь с основами на -ā-. Поэтому распространение одного из этих суффиксов должно было идти рука об руку с распространением другого. Первый вытеснял суффикс -i- (-iti), который удержался лишь в нескольких случаях (broditi, goniti, laziti, nositi, vlačiti, voditi, voziti), второй же вытеснял носовой инфикс (сохранившийся лишь в legp, sęp, может быть, в brp).

Если суффикс -пp первоначально обозначал инхоативное действие, а суффикс -ajp — действие итеративное, то это имело место, очевидно, по отношению и в порядке оппозиции к той форме, которая выражала чисто дуративное значение, т. е. по отношению к корневой тематической или атематической основе презентя (или к ее замене, например III славянскому классу на -je-/jo-). Во многих случаях эта основа презентя исчезла, и формы на -пp и -ajp начали противопоставляться друг другу непосредственно. Лишь при наличии такого непосредственного противопоставления -пp и -ajp стали эволюционировать к значению совершенности : несовершенности. Эта эволюция относится уже к внутренней истории праславянского языка. При ее исследовании нужно учесть также роль аориста, проблему происхождения имперфекта, а также проблему возникновения тождества с точки зрения вида приставочных глаголов и типа на -pōti.

Здесь, однако, нас интересуют неславянские соответствия славянской корреляции -pōti : -ati. Ту же самую связь двух суффиксов мы обнаруживаем в индийском, а именно в его древнейшей фазе — ведийском. Славянскому -пp здесь регулярно соответствует -pāmi, славянскому -ajp — -āyāmi. Корень в обоих образованиях выступает в нулевой ступени². Ср. gṛbhāyā — gṛbhñā, mathāyā — mathñā, muṣāyā — muṣñā, puṣāyā — puṣñā, śamāyā — śamñā, śrathāyā — śrathñā, stabhāyā — stabhñā, skabhāyā — skabhñā.

Различие в значении между формами на -pāmi и формами на -āyāmi для ведийского еще не установлено. Во всяком случае, поскольку оно и существовало, это было различие не в виде, а лишь в способе действия³.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ Ср. уже C. W. Smith, De verbis imperfectivis et perfectivis in linguis Slavonicis, Kjøbenhavn, 1875, стр. 18 и сл.; E. Boehme, Die Actiones der Verba Simplicia in den albulgarischen Sprachdenkmälern, Leipzig, 1904, стр. 6. Из новых работ, например, A. Belič, Zur slavischen Aktionsart, стр. 4—6 [в настоящем сборнике стр. 213 и сл.]; S. Karcevski, Système du verbe russe, стр. 96 [в настоящем сборнике стр. 221 и сл.].

² Ср. W. Porzeziński, Z metodologii badań semantycznych, PF, 12, 1927, стр. 328.

³ См. S. Agrell, Przedrostki postaciowe czasowników polskich, Kraków, 1918, стр. 142—167. [Из позднейшей литературы о глаголах с носовым суффиксом в различных славянских языках:

H. Grappin, Le suffixe nasal dans la morphologie du verbe polonais, RES, 23, 1947, стр. 120—129; В. Крежа, Czasowniki z sufiksem *-ną-* we współczesnym języku polskim, JP, 36, 1956, стр. 285—289; I. Немец, Polskie czasowniki na *-nąć*, PJ, 1957, стр. 255—263; е го же, Česká slovesa změny vlastnosti typu *blednouti/zblednouti*, LF, 90, 1957, стр. 258—263; В. Махлинг-Рихтер, Studien zum russischen Verbum, I, ZfsPh, 24, Heidelberg, 1955, стр. 47—67; М. И. Морозова, Словообразовательные модели глаголов V продуктивного класса в современном русском языке, УЗ Вологодского пединститута, т. XXII, филологический, 1958, стр. 478—520; Т. М. Возний, Історія дієслівних утворень з суфіксом *-ну-* (<*-на-*) в староруській і українській мовах, Питання українського мовознавства, кн. III, Львів, 1958, стр. 142—163; Р. Бернар, Глаголи на *-на* от несвършен вид в съвременния български език, БЕ, 8, 1958, кн. 3, стр. 204—208. Ср. и литературу, указанную ниже в примечании 6, а также в 65-м и 66-м примечаниях редактора.]⁴ Ср. S. Karsęvski, Указ. соч., стр. 108: verbes de locomotion.

⁵ А. Веліс, Указ. соч., стр. 6 [в настоящем сборнике стр. 216] и 9.

⁶ Возможно, что в категорию глаголов на *-пр* вошло также несколько глаголов с первоначальным суффиксом *-пу-*/*-пу-*. Ср., например, причастия *дрзновель*, *взновель*. См. еще A. Meillet, Le slave commun, стр. 191 [русск. перевод: А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 185. Вообще о происхождении «назального класса» в славянских языках см.: V. Machek, Die Herkunft des *pr*-Stammes in der slavischen II. Verbalklasse, ZfsPh, 15, 1938, стр. 85—92; Ch r. S. S t a n g, Das slavische und baltische Verbum, Oslo, 1942, стр. 54 и сл.; P. T e d e s c o, Slavic *ne*-Presents from Older *je*-Presents, Lg. 24, 1948, стр. 346—387; G. J a c o b s s o n, Le suffixe verbal *-pr-* en slave, Göteborg, 1951. Из литературы о «назальном классе» в неславянских индоевропейских языках отметим следующее: J. R a i t h, Die englischen Nasalverba, Leipzig, 1931; M.-L. S j o e s t e d t, L'aspect verbal et les formations à affixe nasal en celtique, Paris, 1936; F. B. J. K u i p e r, Die indogermanischen Nasalpräsentia, Amsterdam, 1937; J. W. P o u l t n e y, The Distribution of the Nasal-Infixing Presents, Lg., 13, 1937, стр. 169—176; H. J. A n p e r h o l m, Studier över de inkoaktiva verben på *na(n)* i gotiskan och de nordiska fornspråken, Lund, 1956; см. также Ch r. S. S t a n g, Указ. соч., стр. 131 и сл., 138 и сл., 270 и сл. — о соответствующих образованиях балтийских языков].

⁷ Ср. совершенное значение глаголов *legg*, *sedp*.

⁸ То же самое следует предположить как первоначальное состояние и для славянского. Ср. такие формы на *-пр*, как *съхпрѣ* рядом с *сухѣти* и *сухъ*. Нулевую ступень имеют и формы на *-апр* глаголов с внутренним сонантом, только в них мы обнаруживаем вторичное удлинение (*-birati*, *-dumat* и т. д.).

⁹ Более полное развитие изложенного здесь взгляда читатель найдет в моей статье «La genèse d'aspects verbaux slaves», PF, 14, 1929, стр. 644—657.

Игорь Немец

ГЕНЕЗИС СЛАВЯНСКОЙ ВИДОВОЙ СИСТЕМЫ*

V. РЕЗЮМЕ

1. Задачи славянского сравнительного языкознания и цель моей работы.

Специфической задачей славянского сравнительного языкознания является определение закономерностей доисторического развития славянских языков и тем самым обнаружение тенденций их исторического развития. Успешное решение этой задачи возможно лишь в том случае, если языковые факты сравниваемых синхронных плоскостей изучаются, во-первых, не статически, а динамически (т. е. с учетом постоянной борьбы, существующей между отмирающими и нарождающимися элементами), а во-вторых, не изолированно, а комплексно (т. е. с учетом постоянного взаимодействия отдельных элементов — составных частей в системе — целом). Однако возможности такой динамической и комплексной концепции пока довольно ограничены. Развитие нашей науки еще не продвинулось настолько, чтобы можно было, «охватив единым взглядом языковую систему в целом, проследить в ней взаимодействие сил, определивших ее историю и содержащих в себе зародыши ее будущего развития»¹. Поэтому работа одного исследователя пока не может вскрыть закономерности развития данной языковой структуры в целом. Это будет невозможно до тех пор, пока эта структура («система систем») не будет подвергнута комплексному изучению в ее отдельных областях, т. е. пока не будут определены закономерности развития ее частных систем (фонологической системы, системы склонения, системы глагола и т. п.). Значит, именно эти частные системы должны

* I g o r N e m e c, Genese slovanského systému vidového, Rozpravy Československé Akademie věd, R. 68, seš. 7, 1958.

сейчас стать объектом комплексного изучения. С подобной задачей уже в силах справиться в своей работе отдельный исследователь: изучить данную частную систему языковой структуры и вскрыть такие закономерности развития этой системы, которые «свяжут воедино и органически объяснят всю цепь изменений, хотя и хорошо известных, но не приведенных до сих пор к общему знаменателю или, по крайней мере, в надлежащую взаимозависимость»². При этом можно обнаружить и некую настолько широкую закономерность, что она охватит и объяснит все существенные изменения и процессы, относящиеся к данной области языка. Назовем такую широкую закономерность главной закономерностью развития языка в данной его области (в данной частной системе языка) в данный период. Теперь мы сможем сформулировать цель и задачу нашей работы: эта работа стремится выяснить, не являлось ли развитие специфически славянской грамматической категории вида, — развитие, с которым связаны судьбы славянских глагольных форм³ и основ⁴, как раз такой главной закономерностью доисторического развития славянских языков в самой своеобразной их области — области глагола. Не является ли генезис вида общим знаменателем тех важнейших процессов, которые в основном определили историческое своеобразие славянской системы глагольных форм и основ?

2. Учение о сущности и происхождении славянского глагольного вида. Под глагольным видом мы подразумеваем способность глагола выражать одно и то же действие или как совершенное (целостное, комплексное — *svь(t)ŋŋti, umrěti, sьdělati*), или как несовершенное (нецелостное, некомплексное — *svitati, umirati, dělati*).

В славянских языках категория действий совершенных и несовершенных, т. е. категория вида, является грамматической категорией, о чем свидетельствует а) характер свойственной ей абстракции и б) способ ее выражения.

а) Категория совершенности, основанная на подчиненной ей категории реально точечных действий (*bьsŋŋti, rad(ŋŋ)ti, sěsti*), включает в себя и реально неточечные действия, понимаемые, однако, как точка, т. е. комплексно (*poiti, posědēti*); категория несовершенности, основанная в свою очередь на подчиненной ей категории реально неточечных

действий (*iti, sēdēti*), включает в себя и реально точечные действия, понимаемые, однако, как неточечные, т. е. некомплексно (*padati, sēdati*, употребленные не в значении многократности).

б) Эта семантическая категория совершенности — несовершенности выражается, по существу, формальными, не-семантическими средствами: видовым суффиксом (*pasti : rad-a-ti, mi-ŋŋ-ti : mi-ja-ti*), чисто видовой лексически пустой приставкой (*iti : po-iti, sьchnŋti : u- sьchnŋti, dēlati : sь-dēlati*), чисто видовой плеонастической, классифицирующей (*radici*) приставкой (*graditi : o-graditi, чеш. psāti : na-psati*) [67]. Естественно, что и в учении о происхождении славянской видовой системы развитие вида связывают с экспансией указанных видовых формантов.

Более ранняя теория, главным представителем которой мы считаем Г. К. Ульянова, по существу, трактует происхождение вида следующим образом: праславянский язык унаследовал от общиндоевропейского категорию основ, маркированных с точки зрения вида («аористных» и «неаористных»), на фоне которых основы, недифференцированные с точки зрения вида, являлись двувидами; впоследствии эта их двувидовость устранялась путем образования новых (славянских) основ при помощи известных суффиксов и лексически опустошенных приставок; так возникали славянские видовые пары. Более новая теория, представленная Н. Ван-Вейком⁵, К. Г. Ренгеллем⁶, В. В. Бородич⁷ и другими, признает такое формирование видовых пар, но истоки славянской системы она видит не в древних индоевропейских видовых основах, специализированных для выражения комплексных и некомплексных действий, а в древних индоевропейских основах, специализированных для выражения действий детерминированных и индетерминированных. Эта теория, уделяя особое внимание семантике глагольных основ, устанавливает, что совершенными стали глаголы, выражавшие детерминированное (конкретно-единичное) действие, а несовершенными — глаголы, выражавшие действие индетерминированное (состояние; действие, понимаемое как состояние или свойство; повторяющееся и обычное действие; сложное действие) [68].

Как нам представляется, обе теории не исключают, а, напротив, дополняют друг друга. Об этом свидетельствуют прежде всего следующие факты:

а) Основную корреляцию детерминированности — индетерминированности (Д—ИД) создавали пары типа *sta-ti : stojati*, *svēt-(n)ti : svētē-ti*, выражающие противопоставление конкретно-единичного действия (перехода к состоянию) и вытекающего из него состояния; при этом первичная основа (*sta-*, *svēt-*), на которой базировалась данная корреляция, действительно представляла собой древнюю индоевропейскую основу аориста (ср. др.-инд. *āsthāt*, гр. *ἔστη*, ст.-сл. *sta*, лит. *stó-jo*; др.-инд. *ásvitan*, ст.-сл. *světe*, лит. *švit-o*). Это значит, что с развитием рассматриваемой корреляции Д—ИД основы индоевропейского аористного типа с комплексным детерминированным ингрессивным значением (**stā-t* «стал», **sūt-et* «рассвело»), становясь все более многочисленными, создали базис, на котором выстроилась славянская надстройка совершенных глаголов II класса (*stanp*, *svē(t)nр*), образующая вместе с производными некомплексными коррелятами (*stavajр*, *svitajр*) важнейший тип пар славянской видовой системы, а именно тип на *-nр* : *-ajр*.

б) Совершенно закономерно, что именно те древние глагольные основы, которые не имели формального признака детерминированности или индетерминированности (т. е. не имели ни основы аориста корневого типа, ни назального форманта, ни лексически опустошенной приставки, ни суффиксов *-i/-ē-*, *-jo-*, *-ā-* и др.), обнаруживаются среди приведенных Ульяновым примеров видовой недифференцированности, двувидовости⁸; это прежде всего корневые основы I класса, как бесприставочные (*rešti*, *iti*), так и сложенные с лексически полнзначными приставками, ср. ст.-сл. совершенное *нарещи са* и несовершенное *смынь*, или *нарещь са* *пещь* (Мар. ев., Матф. X, 2; Зогр. ев.: *нарещь са*) = *ὁ λεγόμενος* (действие индетерминированное, повторяющееся, понимаемое как свойство), др.-русск. совершенное *вънннн* и несовершенное *того озера виднннн устье въ море* («Повесть временных лет») «входит» (индетерминированное действие, понимаемое как состояние) [69] и т. п. Именно такие немаркированные основы могли выражать детерминированное и индетерминированное действие, и потому с возникновением вида они оказываются и совершенными и несовершенными, как это мы наблюдаем в начале исторического периода. Устранение такой двувидовости отчасти приходится уже на историческую фазу развития славянской видовой системы.

3. Анализ древних славянских глагольных основ с точки зрения категории детерминированности — индетерминированности раскрывает перед нами предысторию славянской видовой системы. Основная корреляция Д—ИД типа **sūt- : *sūtē-*, **bud- : *budē-* ср. лит. *švisti : švitēti* и ст.-сл. *съ(т)нати : сътъти*, лит. *(būsti : budēti* и ст.-сл. *въз-бъ(д)-нати : въздъти* и т. п.) получила на балтославянской почве широкое развитие, так как индетерминированные основы на *-i/ē-* выполняли здесь функцию индоевропейских перфекта и плюсквамперфекта. Если детерминированная корневая основа выражала конкретно-единичное действие, завершённое в прошлом (**bud-et* «он проснулся», ср. ст.-сл. *въз-бъде*, лит. *pa-būd-o*), то производные от нее индетерминированные основы на *-ī-* и на *-ē-* выражали длительное состояние как результат этого прошедшего завершённого действия: **budī-ti* «он пробужден = бодрствует» (> ст.-сл. *въднн*, лит. *budi*) и **budēt* «он был пробужден = бодрствовал» (> ст.-сл. *въдъ-аше*, лит. *budē-jo*). Следовательно, детерминированные (претеритальные!) основы являлись вместе с тем основами комплексными, а индетерминированные основы — некомплексными. Эта продуктивная балтославянская претерито-презентная корреляция суффиксального типа **bud-et : *bud-ī-ti/*bud-ē-t*, возникшая на базе индоевропейской корневой основы аориста (**bhudh*) при помощи суффикса состояния *-ī/-ē-*, заменила собой более древнюю, менее продуктивную индоевропейскую корреляцию, построенную на аблауте, **bhudh-ēt : *bhēudh-(e)ti/*bhēudh-et* «проснулся : бодрствует/бодрствовал». Это значит, что индоевропейский корневой аорист с ингрессивным и вообще комплексным значением (**bhudh-et* «проснулся») остался на балтославянской почве продуктивным как асимметрический аорист (> *въз-бъде*, *svēte*, *vgъte*, *тъсе...*; *sta*, *by*, *je*), тогда как индоевропейские формы корневого типа от основы презентанта со значением состояния и вообще некомплексным, т. е. индоевропейский презент (**bhēudh-(e)ti* «бодрствует») и индоевропейский имперфект (**bhēudh-et* «бодрствовал»), утрачивали свою продуктивность и вытеснялись упомянутыми выше новыми формами *i/ē-*основ, балтославянским презентом типа **budī-ti* и балтославянским имперфектом типа *budē-t*. Таким образом, в связи с развитием категории

Д—ИД получают объяснение а) непродуктивность славянских корневых основ I класса типа *bljud-* (**bheudh-*); б) развитие славянских комплексных корневых основ II класса типа *bъd-* (**bhudh-*) и происхождение славянского асимметричного аориста типа *-bъde* (**bhudhet*); в) развитие славянских некомплексных *i/ē*-основ IV класса типа *bъdi/-bъde-* и происхождение асимметричной базы славянского имперфекта (**budē-t > bъdē-ase*). Однако, следуя по этому пути, можно объяснить и другие проблемы.

Развитие балтославянской претеритальной корреляции детерминированных комплексных основ и индетерминированных некомплексных (**bud-* : **budē-*), поддержанное специфически балтославянским выражением перфекта и плюсквамперфекта, продвинулось на славянской почве настолько далеко вперед, что противопоставление комплексности — некомплексности в рамках претерита здесь грамматизовалось: корреляция комплексного и некомплексного претерита не ограничилась лишь лексической категорией ингрессивных глаголов и глаголов состояния (**bъdet* : **bъdēt* «проснулся : бодрствовал»), но стала охватывать и древние глаголы действия (**kriket* : **krikēt* «крикнул : кричал», **neset* : **nesēt*, **prosit* : **prosiēt* «попросил : просил»), пока не сформировались (при помощи признака *-s-* и суффикса неопределенности *-ā-*) славянские новообразования — с и г м а т и ч е с к и й а о р и с т и и м п е р ф е к т. Эти образования уже в период, предшествующий возникновению видовых пар, давали возможность выражать каждое прошедшее действие как комплексное или как некомплексное (*dělaachъ* : *dělaachъ*, *glagolachъ* : *glagolaachъ*, *viděchъ* : *videachъ*, *bъdēchъ* : *bъdēachъ*, *prīblizichъ* : *prīblīzeachъ*). Разумеется, это произошло в тот период, когда категория Д—ИД еще не стала категорией комплексности — некомплексности в плане презентя. В этот период в корреляции с презентными индетерминированными основами на *-i-* типа **bъditъ* «бодрствует», **svѣtitъ* «светит» стояли презентные детерминированные основы на *-n-* типа **bъdnetъ* «просыпается», **svѣtnetъ* «светает» с инхоативным значением. Однако праславянские инхоативы в отличие от родственных балтийских (ср. лит. *buŋda*, *sviŋta*) семасиологически были предрасположены к тому, чтобы получать значение будущего времени (**svѣtnetъ* «светает» > «будет

светить»), а их первоначальное детерминированное презентное значение стало выражаться основами на *-ā-* типа *svitajetъ* «светает», образованными при помощи суффикса, который и в форме имперфекта (*-achъ*, *-ase*) также выражал детерминированное действие, понимаемое некомплексно. Разумеется, благодаря этому обострилось противоречие внутри категории Д—ИД: индетерминированные *ā*-основы (древние итеративные и интензивно-длительные образования) получают детерминированное значение, что явилось началом упадка древней категории Д—ИД и развития новой категории вида. Древняя корреляция Д—ИД в плане презентя была ликвидирована (**svѣtnetъ* «будет светить» : **svѣtitъ* «светит»), так что высвободившаяся презентная основа на *-n-* (**svѣtnetъ* «будет светить») под влиянием комплексной претеритальной основы (**svѣte* «рассвело») стала противопоставляться некомплексной презентной основе на *-ā-* (**svitajetъ* «рассветает, светает») и под давлением системы приобрела комплексное значение (**svѣtnetъ* «будет светить» > «рассветет»). Таким образом возникает — уже в праславянском языке! — основной тип видовых пар: *svѣ(t)netъ* : *svitajetъ* «рассветет : рассветает». Специфически славянской особенностью этой видовой пары является то, что составляющие ее основы *svѣ(t)ne- / svѣt-* : *svita-* выражают противопоставление комплексности/некомплексности как противопоставление двух отдельных глаголов, а не как противопоставление только между некоторыми формами или лишь в каком-то одном плане. Именно в таком противопоставлении, которое грамматизируется, заключается сущность славянской категории совершенности — несовершенности, категории вида.

4. Итак, генезис славянской видовой системы начинается с того момента, когда презентные детерминированные основы начинают выражать комплексное будущее время (**svѣtnetъ* «светает» > «будет светить» > «рассветет»; **vъz-bъdnetъ* «просыпается» > «будет бодрствовать» > «проснется»). Этот переход детерминированности в совершенность явился именно тем узловым пунктом, из которого исходят все главные линии специфически славянского развития в области словообразования и морфологии славянского глагола.

а) В результате превращения детерминированных презентных основ на *-n-* в совершенные (комплексные) основы

их суффикс -п- и содержащие -п- суффиксы причастий прошедшего времени (на -pŕt- и -повеп-) слились в единый признак совершенности, который в дальнейшем а) распространялся и на другие формы и б) переносился на другие совершенные глаголы. Так формировались исторические типы совершенных глаголов II класса: а) мапŕ/*ma-ti (ср. лит. mŕti «махать, кивать») > мапŕ/мапŕti, тѣкпŕ/*tĕk-ti (ср. сербохорв. tĕći) > тѣкпŕ/тѣкпŕti, стапŕ/stati > стапŕ/стапŕti, тѣкпŕ/аорист тѣсе > тѣкпŕ/аорист тѣкпŕ; б) усѣкŕ/usĕšti > усѣкпŕ/usĕkŕti, рекŕ/resti > рекпŕ/rekŕti.

б) В результате превращения презентных детерминированных основ в совершенные (комплексные) основы видовыми парами становятся такие древние корреляции детерминированных и индетерминированных основ, которые еще до возникновения древнейшего типа видовых пар выражали противопоставление комплексности/некомплексности в претеритальном плане: на базе более древнего суффиксального типа krik- : krikĕ- развиваются видовые пары типа krik(pŕ)ti : kricati, а на базе более позднего префиксального типа po-velĕ- : velĕ- — видовые пары типа rovelĕti : velĕti. Именно этот последний тип сыграл чрезвычайно важную роль на более поздней стадии развития славянской видовой системы: по образцу rovelĕti : velĕti в начале исторического периода возникают новые видовые пары, причем главным образом в результате в и д о в о й д е к о м п о з и ц и и (депрефиксации) древних определенных приставочных глаголов, приставка которых теряет свою лексическую функцию, становясь пустой либо плеонастической. Основной тип видовых пар usĕchnŕti : usychati, pogybŕti : pogybati, pogubiti : pogublĭati, umoriti : umar(j)ali начинает вытесняться префиксальным типом usĕchnŕti : sĕchnŕti, pogybŕti : gymbŕti, pogubiti : gubiti, umoriti : moriti [70]. Так возникают новые бесприставочные несовершенные глаголы со значением детерминированности, прежде всего типы sĕchnŕti, gymbŕti и sušiti, gubiti; напротив, древние бесприставочные несовершенные глаголы являются продолжением древних индетерминированных основ, как маркированных (bĕdĕti, sĕpati, positi, mazati), так и немаркированных (iti, vesti, pŕositi), но эти последние могут быть и совершенными, так как они могли выражать и детерминированное действие.

в) Переход от детерминированности к совершенности является, таким образом, началом грамматизации противопоставления комплексности/некомплексности в рамках всего глагольного слова. Растет число видовых пар, а это значит, что все новые и новые глаголы охватываются категорией вида. Вследствие этого, разумеется, обостряются противоречия между новой комплексностью (некомплексностью) всего глагола и старой некомплексностью (комплексностью) отдельных форм. Эта коллизия видов, т. е. столкновение между новым видом всего глагола и старым «видовым» значением отдельных форм, начинает устраняться уже в доисторический период. Уже тогда побеждает славянская инновация, вид всего глагола, однако еще не по всей линии. В начале исторического периода старая комплексная форма — аорист — уже полностью подчинена виду глагола, так как аорист несовершенных глаголов уже выражает законченное некомплексное действие (bĕde, leža). Однако древние некомплексные формы — настоящее время изъявительного наклонения, причастия настоящего времени и имперфект — еще не подчинены полностью виду глагола. Хотя эти формы от совершенных глаголов не могут, как прежде, выражать некомплексное детерминированное конкретно-единичное действие (*svĕtĕtĕ «светает», *vĕteĕetĕ «втекает», *usĕchnĕaše «засыхал», *dĕgzŕu «осмеливающийся»), они еще могут выражать некомплексное индетерминированное действие, т. е. действие повторяющееся, обычное, понимаемое как состояние и т. п. (snĕgĕ padĕtĕ «падает», rĕka vĕteĕetĕ «втекает», pŕoidĕaše = pŕochŕždaaše, vĕmetŕsta = vĕmĕtajŕsta, tekŕtĕ = paricajemĕ)². На более позднем этапе исторического развития славянских языков исчезают и эти пережитки довидового употребления упомянутых выше древних некомплексных форм. И здесь завершается подчинение древних форм новой категории вида. Но в этом процессе — особенно в области прошедшего времени — отдельные славянские языки идут уже своими собственными путями. По существу, здесь действует следующая закономерность: новая категория вида или разлагает старую корреляцию Д—ИД, или переосмысляет ее, превращая в свою собственную корреляцию, корреляцию видовую. Это касается как а) древних основ, так и б) древних форм: а) распадается древняя корреляция Д—ИД типа svĕt(pŕ)ti : svĕtĕti «рассветать : светить»,

выражающая противопоставление ингрессивного действия и состояния, но развивается древняя корреляция Д — ИД типа *křik(př)ti* : *křičati* «крикнуть : кричать», которая выражает противопоставление простого комплексного действия (главным образом звука) некомплексному, а это, собственно, уже видовая пара; б) оппозиция древнего детерминированного и индетерминированного претерита — аориста и имперфекта — во многих языках исчезает, но она сохраняется там, где аорист образуется лишь от совершенных, а имперфект — лишь от несовершенных глаголов, т. е. там, где оппозиция этих форм связана с видовым противопоставлением [71].

5. **З а к л ю ч е н и е.** Таким образом, мы видим, что развитие и упадок специфически славянских глагольных основ и форм связаны с развитием специфически славянской категории вида. Мы по праву можем сказать, что общим знаменателем тех наиболее существенных процессов, которые формировали славянскую систему глагольных основ и форм, является именно генезис грамматической категории вида из лексической категории детерминированности и индетерминированности. Генезис вида был главной закономерностью доисторического развития славянского глагола, определившей и тенденции его исторического развития¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ N. v a n W i j k, *Les langues slaves, De l'unité à la pluralité*, 's Gravenhage, 1956, стр. 16.

² F. V. M a r e š, *Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty*, «Slavia», 25, 1956, стр. 443.

³ B. H a v r á n e k, *Srovnávací studium gramatické stavby slovanských jazyků*, «Slavia», 22, 1953, стр. 247.

⁴ A. D o s l á l, *Některé otázky vývoje slovanské konjugace a jejich řešení s hlediska vývoje gramatické stavby slovanských jazyků*, «Slavia», 22, 1953, стр. 274.

⁵ N. v a n W i j k, *Sur l'origine des aspects du verbe slave* [в настоящем сборнике стр. 238—257].

⁶ C. G. R e g n é l l, *Über den Ursprung des slavischen Verbalaspektes*, Lund, 1944.

⁷ В. В. Б о р о д н и ч, *К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках*, ВЯ, 1953, № 6, стр. 68—86.

⁸ Г. К. У л ь я н о в, *Значение глагольных основ в литовско-славянском языке*, II, Варшава, 1895, § 21 и 24.

⁹ См. I. N e m e c, *K otázce staroslověnských participií praes. act. sloves dokonavých*, «Slavia», 26, 1957, стр. 1—12.

¹⁰ См. еще следующие работы автора: *Vznik a vývoj vidu v souvislosti s vývojem tvoření slovesných kmenů*, *Československé přednášky pro IV. mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě*, Praha, 1958, стр. 137—150; *Iterativnost a vid*, SaS, 19, 1958, стр. 189—199 [и русское резюме стр. 199—200]; *Vývojové problémy soudobé nauky o vidu*, «Slavia», 28, 1959, стр. 301—325; *Nadbytečnost jako činitel vývoje slovesné morfologie slovanské*, SaS, 21, 1960, стр. 16—23 (и русское резюме стр. 23—24)].

**КАКОВО БЫЛО ВИДОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ
В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ?***

... В настоящее время вновь защищается положение о том, что славянская видовая система возникла на базе соотношения глаголов, выражающих детерминированное действие, и глаголов, которые обозначают действие индетерминированное. Мне представляется, что эта теория неправильна [72] в силу следующих обстоятельств:

а) Типичные пары, представляющие корреляцию детерминированность /индетерминированность, например славянские *nesti/nositi, iti/choditi, vesti/voditi* и т. д., не слились с видовыми парами, но, наоборот, в тех случаях, когда они сохранились, выражают только несовершенный вид или засвидетельствованы, по крайней мере, преимущественно, как несовершенные глаголы при менее значительном количестве случаев употребления определенного члена такой пары в значении обоих видов. Если трактовать эту двувидовость определенного члена как свидетельство его первоначальной совершенности, нарушенной позднее по той причине, что речь всегда идет о парах бесприставочных глаголов, которые, как и прочие бесприставочные глаголы, становились несовершенными, то все же факты старославянского и других языков показывают, что это пары глаголов несовершенных по преимуществу. Кроме того, и в других языках имелись пары детерминированных и индетерминированных глаголов, и все-таки это не привело к образованию видовых пар; ср., например, положение в греческом языке.

б) В толкование соотношений между детерминированными и индетерминированными глаголами проникает

* Отрывок из ответа на вопрос № 14, опубликованного в «Сборнике ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов)», М., 1958, стр. 96—100, перевод с чешского.

многое из современных значений глаголов. Таким образом, в доисторическую эпоху переносится понятие уже развитой глагольной категории (детерминированного и индетерминированного действия), которая должна была переосмыслиться в категорию видовую. Кроме того, отсутствует точное определение понятия детерминированного и индетерминированного действия — определение, которое было бы основано на детальном анализе древнейшего языкового материала.

в) Важным доводом против этой теории является, по моему мнению, тот факт, что, подобно другим теориям, например теории основ [73], она возводит видовую систему лишь к одному источнику, тогда как ясно видно, что уже с древнейших времен вся видовая система является сложной, в частности в силу того, что она использует различные средства (префиксацию, деривацию, соотношение бесприставочных и приставочных глаголов, противопоставление других словообразовательных типов, соотношение между семантическими группами глаголов и т. д.). Сложный характер видовой системы проявляется и в сложном употреблении вида. Если бы даже было возможно втиснуть все эти различные элементы в рамки одного принципа, например, в данном случае принципа детерминированного и индетерминированного действия, я думаю, что это нельзя было бы сделать без серьезных затруднений. Возникновение видовой системы у славянского глагола, несомненно, носило сложный характер: эта система имела не один источник и развивалась постепенно в связи с перестройкой всего глагола, с развитием других глагольных категорий и их взаимодействием. Потому-то и было выдвинуто несколько теорий о возникновении рассматриваемой системы, но эти теории по большей части ориентировались на какой-то один принцип. Я не исключаю, следовательно, и такую возможность, что в некоторых видовых парах могут выступать пары глаголов детерминированного и индетерминированного действия, но я не считаю один лишь этот факт единственным исходным пунктом видовой системы, столь сложной и тонкой.

Анализ значения так называемых морфологических итеративов [74] в старославянском языке показывает, что эти глаголы не имеют единого значения. Они выражают: а) индетерминированное действие, б) действие, подобное детерминированному, в) дистрибутивное действие, г) дейст-

вие повторяющееся и прерываемое и т. д. Это можно наблюдать как у глаголов типа *нести*, *ходить* и т. д., так и у других итеративов с суффиксом *-а-* и его вариантами. Я полагаю поэтому, что индетерминированный глагол связан скорее с маркированным членом категории повторяющегося действия (действия прерываемого, обычного, поэтому сложного, нецельного), чем с немаркированным членом видовой пары. Однако здесь еще необходимо подробное исследование развития итеративов и в других славянских языках.

Поэтому я думаю, что славянская видовая система возникла: а) задолго до эпохи первых памятников письменности, б) этот процесс происходил постепенно и в течение длительного периода, в) при этом было использовано несколько возможностей, и трудно сказать, что, собственно, являлось стимулом к образованию такой принципиально важной глагольной категории, как видовая система. Я предполагаю, что определенную роль в возникновении видовой системы сыграли следующие факторы: 1) Были использованы некоторые семантически выкристаллизовавшиеся группы глаголов, удовлетворяющих возможности однозначного видового осмысления; достаточно отчетливо выделяется, например, группа глаголов движения, ей противостоит группа глаголов состояния (этому соответствует ситуация в старославянском и в других славянских языках). 2) Я предполагаю, что неизбежно должна была осуществиться стабилизация таких групп в одном виде, являвшаяся длительным и постепенным процессом (пережитки предшествующего состояния можно видеть в группе глаголов, не являющихся однозначными в отношении вида, т. е. так называемых двувидовых глаголов). 3) Равным образом были использованы приставочные глаголы, которым противостояли глаголы бесприставочные, причем начало было положено некоторыми приставками, такими, как *po-*, далее *съ-*, *въз-*, *и-* и т. п., так как эти приставки уточняли значение глаголов, подводя их под семантические группы, соответствующие одному видовому понятию (ср. широкое использование префиксации в балтийских языках). 4) По-новому было использовано, с одной стороны, соотношение приставочных и бесприставочных глаголов, а с другой — стали использоваться и производные глаголы. Хронологически использование глагольной деривации относительно моложе, чем

использование префиксации, так как производные глаголы, имеющие приставку, лишь тогда могли стать несовершенными, когда уже сложилось соотношение, согласно которому бесприставочный глагол при префиксации становится совершенным, но не является совершенным такой глагол с приставкой, основа которого не существует в качестве бесприставочного глагола [75]. 5) Затем одни словообразовательные типы становятся более пригодными для выражения видовых различий, чем другие. Так, например, приставочные глаголы IV презентного класса являются регулярно совершенными, а бесприставочные — несовершенными. Следовательно, это тип, пригодный для различения видов при помощи префиксации. Иной характер носят глаголы 2-й группы IV класса типа *ležati*, *stojati* и т. д., являющиеся однозначно несовершенными глаголами, которые могут перфективироваться лишь при изменении лексического значения. III класс включает в себя, с одной стороны, древние бесприставочные несовершенные глаголы, а с другой — такие приставочные глаголы, основа которых не засвидетельствована без приставки, или глаголы, являющиеся производными от глаголов других классов. Поэтому III класс в значительной степени послужил для образования несовершенных глаголов, противостоящих совершенным глаголам IV класса. Глаголы II класса позднее были использованы по большей части как совершенные; глаголы I класса и атематические глаголы представляют невыкристаллизовавшиеся, а поэтому непродуктивные типы. 6) Употребление настоящего времени совершенного вида для выражения будущего является славянским новообразованием; причем ситуация осложняется еще описательными формами со смысловыми оттенками (ср., например, сербохорватский язык и др.). Объяснить эти различные принципы образования видовой системы лишь на основе одного принципа доисторической эпохи было бы весьма затруднительно.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА

(производные образования несовершенного вида от приставочных глаголов в их отношении к категории детерминированности и к системе глагольных форм)*

В дискуссии о происхождении славянского глагольного вида важную роль сыграла теория Ван-Вейка¹. Справедливость его основного положения о том, что вид должен быть генетически связан с категорией детерминированности, едва ли можно отрицать. Однако остается не совсем понятным, каким образом корреляции детерминированности и индетерминированности типа *nesti* : *positi*, *letěti* : *lětati* могли служить образцом для имперфективации приставочных глаголов, если сами эти корреляции не были вместе с тем видовыми и не развились в видовые корреляции [76]. Я предлагаю, как кажется, весьма простое решение: мы должны искать образец не в парах типа *nesti* : *positi*, *letěti* : *lětati*, а в парах типа *pasti* : *padati*, которые в противоположность первым 1) действительно выступают повсюду в славянских языках как видовые корреляции; 2) с точки зрения лексического значения содержат в обоих своих членах указание направления, эквивалентное глагольной приставке; 3) обнаруживают в производном члене *padati* один лишь суффикс *-a-*, являющийся единственно употребительным также и при имперфективации приставочных глаголов и имеющий по сравнению с суффиксом *-i-* то преимущество, что он не совпадает с каузативным суффиксом. При этом я вовсе не исключаю того, что корреляции типа *pasti* : *padati*, с одной стороны, и типа *nesti* : *positi*, *letěti* : *lětati* — с другой, первоначально могли быть идентичными. Но они превратились в видовые пары лишь там, где они обозначали, как это делают

* Herman Kelln, Die Entstehung des slavischen Verbalaspektes. Die imperfektiven Ableitungen zu präfigierten Verben in ihrem Verhältnis zur Determinationskategorie und zum System der Verbalformen, «Scando-Slavica», 4, 1958, стр. 308—313.

глагольные приставки, конкретное направление (например, *pasti* : *padati*, как приставка *съ-*, направление вниз) или, если говорить осторожнее, хотя бы указывали на то, что действие направлено к какому-то завершению. Во всяком случае, конечно, мы должны признать вместе с Ван-Вейком, что совершенными на славянской почве стали лишь такие глаголы, которые содержали в своем значении предрасположение к перфективному пониманию действия. Наличие такого предрасположения можно теперь доказать и не обращаясь к тонкостям семантики: из статистических данных Достала² явствует, что глаголы, ставшие в [видовой системе совершенными, употреблялись в старославянском языке чаще, чем производные от них несовершенные глаголы, совсем так, как, по нашему убеждению, и следовало ожидать.

Как и Ван-Вейк, я считаю категорию совершенных и несовершенных глаголов славянским новообразованием. Я не могу согласиться с попыткой Мейе вывести простые глаголы совершенного вида из старых корневых аористов, так как различие между корневыми и сигматическими аористами в славянском еще более явно, чем в других языках, было связано с вопросом переходности. Из приведенных Вайаном³ подробных данных об аористах в старославянском можно сделать вывод, что корневой аорист первоначально употреблялся от непереходных глаголов, а сигматический аорист — от переходных. Вообще было бы трудно представить себе генетическую связь славянского вида с индоевропейским видовым противопоставлением аорист : имперфект, как оно выступает в греческом языке. По моему мнению, нет никаких определенных данных, которые позволили бы усматривать в славянском какое-либо формальное продолжение индоевропейского имперфекта. Скорее всего, пожалуй, можно предположить, что славянский аорист долгое время был единственным, вполне нейтральным претеритом. Едва ли новый имперфект возник в порядке замены индоевропейского, скорее он развился вследствие семантической дифференциации аориста. При таком предположении становятся понятными и формальные показатели нового имперфекта: они ведь очень сходны с формантами аориста. Итак, славянская оппозиция аорист : имперфект вряд ли является продолжением индоевропейской оппозиции аорист : имперфект, а складывается, по всей вероятности, заново. Возникает вопрос:

была ли вновь сложившаяся славянская оппозиция видовым противопоставлением и нельзя ли исходя из этого объяснить происхождение категории совершенных и несовершенных глаголов?

Насколько можно судить по технике старославянских переводов, славянская оппозиция аорист : имперфект должна была в общем совпадать с греческим различием между формами аориста и презента. Применительно к славянским языкам мы, собственно, тоже могли бы говорить о системе противопоставленных друг другу глагольных форм, так как причастия настоящего времени относятся здесь к причастиям прошедшего времени так же, как имперфект к аористу (и к сложным прошедшим временам). Подобно настоящему времени изъявительного наклонения в греческом языке, в славянском формы настоящего времени, инфинитива и повелительного наклонения стоят «вне системы». Но важнее, чем совпадение с греческим, вопрос о том, в какой степени на славянской почве оппозиция глагольных форм выражала то же самое семантическое противопоставление, что и корреляция глаголов совершенного и несовершенного вида. В исследованиях последних десятилетий наличие какого-либо тождества значений двух оппозиций по большей части отвергалось. В качестве доказательства приводили тот факт, что, хотя причастия настоящего времени и имперфект образуются почти исключительно от несовершенных глаголов, причастия прошедшего времени и аорист образуются от глаголов не только совершенного, но довольно часто и несовершенного вида. Этот довод, однако, лишен удовлетворительного теоретического основания. Исследователям, находившим категорию вида в готском, литовском, греческом, латинском и других языках, справедливо указывали, что в этих языках нет производных образований несовершенного вида от приставочных глаголов и что, следовательно, там не может быть вполне развитой видовой системы, какая выступает в славянских языках [77]. Но слависты делали ту же ошибку в отношении славянского аориста: они не приводили примеров аористов от производных несовершенных образований приставочных глаголов. Между тем в старославянском переводе евангелия эти вторичные несовершенные глаголы действительно не засвидетельствованы в формах аориста и причастий (включая причастие на -лз), причем аналогичная картина на-

блюдается в древнейший период и в других славянских языках. Следовательно, применительно к аористу и причастиям прошедшего времени мы имеем столь же мало оснований говорить о видовом противопоставлении глаголов, как и в том случае, когда речь идет о формах греческого аориста и латинского перфекта. Нельзя безоговорочно утверждать, что несовершенные глаголы свободно, наряду с совершенными, употребляются в аористе и причастиях и что поэтому сами эти формы нейтральны в отношении вида. Напротив, я склоняюсь к тому мнению, что мы должны говорить не о видовых различиях между глаголами в указанных формах, а о том, что сами эти формы (по отношению к имперфекту и причастиям настоящего времени) обозначают совершенный вид. Если в старославянском переводе евангелия приставочные совершенные глаголы очень часто выступают в формах аориста и причастий прошедшего времени, тогда как мы не можем отметить ни одного случая употребления в этих формах их производных несовершенного вида, и если, далее, в формах имперфекта и причастий настоящего времени приставочные совершенные глаголы выступают лишь очень редко, тогда как их несовершенные производные — часто, то представляется, во всяком случае, оправданным следующим выводом: оппозиция «аорист, причастия прошедшего времени : имперфект, причастия настоящего времени» и оппозиция «приставочный глагол : производный от него глагол несовершенного вида» с точки зрения семантики первоначально были идентичны. Это будет для нас главным при объяснении несовершенных производных от приставочных глаголов.

Как же следует расценивать отнюдь не единичные случаи аориста и причастий прошедшего времени от бесприставочных несовершенных глаголов? Здесь одних теоретических соображений недостаточно. Может быть, более компетентным исследователям удастся установить в этих формах семантическое различие между совершенными глаголами с пустой приставкой и соответствующими бесприставочными несовершенного вида (причем, однако, это различие не может быть тождественным соотношению приставочных глаголов и их несовершенных производных). Лично я не смог найти здесь ничего такого, что говорило бы о семантическом различии. Поэтому я сомневаюсь, чтобы корреляция бесприставочных несовершенных

глаголов и глаголов совершенного вида с пустой приставкой проявлялась в указанных формах. Следует ясно осознать, что бесприставочные несовершенные глаголы в противоположность производным не имеют форманта, который характеризовал бы их в качестве несовершенных, так что их употребление в совершенной глагольной форме не является чем-то противоестественным. Весьма возможно, что форма аориста вполне достаточно передает значение совершенности и что поэтому прибавление к глаголу пустой приставки оказывается излишним. Не следует также забывать, что у многих бесприставочных глаголов, выступающих в аористе, совсем нет приставочных совершенных коррелятов и что у подобных глагольных понятий может иметь место нейтрализация видового противопоставления. Что касается примеров имперфекта и причастий настоящего времени от глаголов совершенного вида, то в старославянском языке и особенно в переводе евангелия они представлены очень скупо. Эти примеры мы можем объяснить (поскольку речь идет о несомненных случаях) лишь тем, что здесь выражается повторяемость действия, которая делает возможным двойное его понимание с точки зрения вида: совершенный глагол передает вид отдельного действия, тогда как имперфект (причастие настоящего времени) — вид всего ряда повторяющихся действий [78]. Здесь, правда, о тождестве обеих корреляций уже не может быть речи, но все же они настолько близки друг к другу, что мы вправе предположить семантическую дифференциацию первоначально равнозначных корреляций.

Таким образом, я не вижу в области прошедших времен и причастий никакой коллизии, никакого скрещения вида глаголов с видом глагольных форм, которое предсказывал Кошмидер⁴. Трудно было бы даже себе представить, как должны были употребляться совершенные и несовершенные глаголы в тех случаях, когда их вид приходил в столкновение с видом глагольных форм. Спонтанное появление характеризованных в видовом отношении глаголов во всех глагольных формах является невероятным. Напротив, как подчеркнул Милевский⁴, было бы хорошо, если бы нам удалось вывести систему совершенных и несовершенных глаголов из системы глагольных форм, т. е. если бы мы могли предположить, что при формировании видовой системы понятие вида уже нашло себе воплощение в какой-то другой категории, которая затем как бы

определила границы употребления новых средств выражения и могла разделить с новой категорией свою семантическую оппозицию. Мы видели, что употребление глаголов относительно категории вида действительно зависит от глагольных форм и, следовательно, не можем оставить без внимания указанную возможность объяснения. Это хорошо согласуется и с теорией Ван-Вейка, как я изложил ее в начале своей статьи.

Допуская наличие предрасположения к перфективному пониманию действия, мы ожидаем, что приставочные глаголы (возникшие раньше, чем их производные) сравнительно с бесприставочными чаще будут выступать в формах аориста и причастий прошедшего времени (в совершенных глагольных формах), чем в имперфекте и причастиях настоящего времени (несовершенных глагольных формах). В том, что так оно и было, можно убедиться на основании статистических данных Достала; это подтверждается также данными по неславянским языкам, имеющим сходный состав форм. Указанное обстоятельство само по себе может пролить свет на происхождение глаголов с пустой приставкой вне форм имперфекта и причастий настоящего времени. А глаголы с приставкой, обладающей полным лексическим значением, стали в славянском языке абсолютно совершенными лишь в ту эпоху, когда в тех довольно редких случаях, в которых они (за пределами аориста и причастий прошедшего времени) выступали как несовершенные, их сменили соответствующие производные глаголы. В связи с идеей Милевского мы можем теперь доказать, что эти образования, явившиеся в результате имперфективации, развились вне форм аориста и причастий прошедшего времени. А именно: в старославянском переводе евангелия производные образования от бесприставочных глаголов (как типа *нести*, *язати*, так и типа *взати*), собственно, не встречаются в формах аориста и причастий прошедшего времени. По образцу бесприставочных глаголов с суффиксом *-а-* были образованы глаголы, производные от приставочных; и эти столь характерные для славянского языка новообразования, так же как и глаголы, послужившие для них образцом, употреблялись лишь вне форм аориста и причастий прошедшего времени.

Новая видовая система имела большое преимущество: она сделала возможным выражение видовых различий и в тех формах, которые сами по себе были нейтральны в отно-

шении вида, — в настоящем времени, инфинитиве и повелительном наклонении. В этих-то глагольных формах новая система и сформировалась окончательно: в них уже не могло быть речи о какой-либо комбинации старых и новых средств выражения⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ N. van Wijk, Sur l'origine... [см. в настоящем сборнике стр. 238 и сл.].

² A. Dostál, Studie o vidovém systému v staroslověnině, Praha, 1954.

³ A. Vailant, Manuel du vieux slave, I, Paris, 1948, стр. 222 и сл. [Русск. перевод: А. Вайан, Руководство по старославянскому языку, М., 1952, стр. 259 и сл.]

⁴ E. Koschmieder, Nauka o aspektach czasownika polskiego, Wilno, 1934, стр. 136 и сл.

⁵ T. Milewski, O genezie aspektów słowiańskich, RS, 15, 1939, стр. 1 и сл.

⁶ Читателей, интересующихся затронутыми здесь вопросами, отсылаю к работе, в которой проблематика происхождения вида рассмотрена мною более подробно: Н. Kölln, Vidové problémy v staroslověnině, Universitas Carolina, Philologica, Vol. 3, No 1, 1957, стр. 67—100. [Ср. также, Н. Kölln, Zum Aorist im Altrussischen, «Scando-Slavica», 5, 1959, стр. 64—77.]

Антонии Достала

[Из книги „Исследование о видовой системе старославянского языка“]*

Глава VIII

УСТАНОВЛЕНИЕ ВИДОВОГО ЗНАЧЕНИЯ КОНКРЕТНОГО ГЛАГОЛА

§ 46. При изучении системы вида любого языка необходимо прежде всего знать, какие глаголы из всего запаса глаголов этого языка являются совершенными (С) и какие, напротив, несовершенными (НС). Необходимы, следовательно, надежные критерии, которые позволили бы разделить глаголы на группы С и НС. Поскольку эти критерии часто формулировались по-разному (главным образом в зависимости от различий в дефинициях видов), между отдельными исследователями при установлении вида одних и тех же глаголов обнаружались значительные разногласия.

Например, Мейе¹, так же как Беме² и Вейнгарт³, относит ст.-сл. *лншнѣти* к совершенному виду, тогда как Ягич⁴ — к несовершенному. Ульянов⁵ полагает, что глагол *рѣкѣтати* был двувидовым, а, по мнению Меме⁶, он был несовершенного вида. По Ульянову⁷, глагол *рѣзувати* являлся двувидовым, аналогично у Беме и Вейнгарта⁸, тогда как Слоньский⁹ считает его совершенным и т. д. Мы могли бы привести много подобных примеров даже из живых языков, а в мертвом языке установить, какого вида тот или иной глагол, еще гораздо труднее. На ошибки, допущенные в этом вопросе, обратили внимание, например, Фортунатов¹⁰, Бер¹¹, Гермелин¹² и другие авторы. Я вполне согласен с мнением Гермелин¹², что распределение глаголов по виду — это самый тяжелый труд во всем исследовании видовой системы. Поэтому необходимо посмотреть, какие критерии использовали ученые, устанавливая вид конкретного глагола.

* Antonín Dostál, Studie o vidovém systému v staroslověnině, Z prací Slovanského ústavu Československé akademie věd, Praha, 1954. Глава VIII публикуется с небольшими сокращениями.

§ 47. Чаще всего вид глагола определялся в зависимости от того, каким способом данный глагол выражает будущее время. Это значит, что о категории вида судили по категории времени. Во многих славянских языках форма настоящего времени совершенного вида имеет значение будущего. Это и было использовано рядом исследователей, а также в практических и школьных пособиях. Мазон¹⁴ использует тот же критерий несколько иначе. Он исходит из возможности или невозможности образовать от данного глагола сложное будущее время, хотя и признает, что этот признак недействителен для старославянского языка. С возражениями против выдвинутого Мазоном способа установления вида выступили Гавранек и Эртл¹⁵. Ван-Вейк справедливо отмечает, что было бы необходимо основательно исследовать вопрос о том, в какой мере употребление формы настоящего времени в значении будущего может служить доказательством совершенного вида данного глагола¹⁶. Тем не менее мы должны признать, что это один из важных критериев для определения вида, главным образом потому, что значение будущего времени в формах совершенного настоящего широко распространено повсюду (кроме сербохорватского языка) [79]. Но исключения составляют известные группы приставочных глаголов (глаголы состояния), а также употребление форм настоящего времени в некоторых синтаксических конструкциях и случаи типа чешского *říjdu** и т. п.¹⁷.

§ 48. Мейе¹⁸ исходил из того, что роль итеративных образований в видовой системе заключается в создании производных основ несовершенного вида при соответствующих совершенных. Отсюда он выводил свой критерий, согласно которому существование морфологического итератива является доказательством совершенного видового значения исходного глагола. Однако этот критерий нельзя применить к глаголам, от которых образуется второй несовершенный глагол (ср. ст.-сл. *понести* — *нести* — *несити*), что в полемике с Мейе справедливо отметил уже Беме¹⁹. Мейе признал исключение для типа *нести* — *несити*²⁰, но в целом продолжал настаивать на своей точке зрения, и это привело его кое-где к неправильным формулировкам. Критерий Мейе, как правило, помо-

гает в обычных случаях, но в трудных случаях часто оказывается непригодным. Он неточен уже потому, что при определении вида исходным пунктом здесь является не определяемый, а другой, противопоставленный ему глагол.

§ 49. Другой критерий касается несовершенного вида. Уже Копитар²¹ указывал, что на вопрос «что это ты делаешь?» нельзя ответить совершенным глаголом. Вслед за ним это повторили Миклошич²², Кошмидер²³ и др. Основной недостаток данного критерия заключается в том, что он применим не ко всем случаям употребления несовершенного глагола: он удобен при практическом изучении современных славянских языков, но даже здесь не всегда пригоден, в частности, например, если речь идет об использовании форм настоящего времени в гномических предложениях и пословицах: *Jak si usteleš, tak si lehneš* «Как *постелешь*, так и *ляжешь*»; *Kdo jiněmu jámu kopá, sám do ní padá* «Кто другому *роет* яму, сам в нее *падает*». Здесь мы не можем определить вид при помощи вопроса «что это ты делаешь?» (как, впрочем, и при помощи других упомянутых выше критериев).

Второй недостаток рассматриваемого критерия состоит в том, что он относится лишь к форме настоящего времени и лишь к актуальному действию. Но чем руководствоваться при употреблении глаголов в прошедшем времени (ср. предложения *Kdo to maloval? — Kdo to namaloval?* «Кто это [картину и т. п.] *писал*?» — «Кто это *написал*?»)? В специальной литературе уже отмечалось, что при установлении вида было бы неправильно опираться только на формы настоящего времени данного глагола²⁴. Шмилауэр²⁵, напротив, полагает, что видовые различия в чешском языке хорошо наблюдаются в прошедшем времени, потому что здесь отпадает та двойственность временного значения, которая характерна для форм настоящего времени. Однако употребление прошедшего времени также охватывает лишь часть возможных случаев употребления видов. То же самое относится и к повелительному наклонению.

§ 51. Славянские исследователи обычно опираются также на свое языковое чутье. Некоторые из них подчеркивали, что только славяне могут точно различать виды. Против этого справедливо протестовали исследователи-неславяне, которые, однако, часто впадали в проти-

* Относительно перевода форм типа *říjdu* см. сноску на стр. 198. — Прим. перев.

воположную крайность, желая видеть в славянских видах логически, психологически или морфологически однозначную систему. Для славянина установить вид конкретного глагола в живом славянском языке обычно не представляет трудностей, однако для неславянского лингвиста, даже опытного, это часто целая проблема. Иначе обстоит дело, когда речь идет о древних, мертвых языках. Определять видовое значение древних, уже неживых форм с помощью языкового чутья, которым мы обладаем по отношению к какому-либо современному славянскому языку, разумеется, было бы ошибочно. Это справедливо отметила Истрина²⁹.

§ 52. Для древнего, мертвого языка Беме³⁰ рекомендует контролировать себя анализом ситуации действия. Вероятно, он подразумевает интерпретацию действительного внеязыкового факта, позволяющую на основании обстоятельств, в которых этот факт осуществляется, делать вывод о виде, используемом при его языковом выражении. Однако сам Беме определял вид старославянских глаголов иначе, помещая рядом с отрывком старославянского текста без объяснения и перевода соответствующее место греческого подлинника.

Несколько иной и более правильной является мысль Бера³¹, который советует изучать формальное окружение определяемого глагола. Барблене³² также считает наиболее надежным изучение глагола в определенных контекстах, благодаря чему мы, по его мнению, избегаем субъективной оценки. Однако мне кажется, что и с этим методом следует быть осторожным. Формальное окружение иногда может ввести в заблуждение. Так, если нужно установить видовое значение инфинитива, стоящего в цепи совершенных инфинитивных форм, то было бы, безусловно, неосторожно делать вывод, что и в данном случае речь должна идти о совершенном виде, хотя контекст как будто и указывает на это.

§ 54. Мирович³³ проводил в готском языке различие между случаями, в которых говорящий волен высказаться и так и иначе, и теми, в которых он обязан употребить лишь один определенный вид. Аналогично поступает Кошмидер³⁴. Это значит, что интерпретация действительного факта приводит к такой его языковой обработке, которую

мы должны передать, скажем, совершенным глаголом и не можем передать иначе, глаголом несовершенным. В подобных контекстах говорящий субъект не может выражаться произвольно (ср. предложенное Германом понятие «объективного вида») [80]. Практически, если бы мы заменили в таком примере совершенный глагол несовершенным, то смысл изменился бы настолько, что данный контекст стал бы просто невозможен. Именно случаи этого типа, как полагают Мирович и Кошмидер, являются решающими. Рассмотренное замечание, конечно, очень важно, необходимо лишь, чтобы интерпретация контекста была осторожной и логически точной.

§ 55. Щепкин³⁵ в рецензии на «Граматику старославянского языка» Лескина выдвинул требование при изучении вида проводить сравнение с другими языками, например с балтийскими и германскими. Он выражает надежду, что таким путем можно было бы выявить положение в праславянском языке, узнать, какие из унаследованных видовых оттенков были усилены и т. д. Однако и в таком исследовании есть известные минусы. Сравнительный метод, сделавший эпоху в развитии языкознания, имеет свои слабые стороны, которые обнаруживаются главным образом в тех случаях, когда речь идет об изолированных явлениях. Особенно ярко это проявляется в этимологии, но сказывается также и в других областях. Происхождение видов принадлежит как раз к тем вопросам, на которые сравнительное языкознание до сих пор не смогло дать вполне определенного и удовлетворительного ответа. Об этом лучше всего свидетельствует обширная литература, которая постоянно возвращается к указанной теме. В общем, я думаю, что мы должны использовать в семетоды, а в частности, разумеется, и метод сравнительно-исторический.

§ 56. При рассмотрении вопроса о видах в старославянском языке, поскольку речь идет преимущественно о переводах с греческого, исследователи чаще всего прибегали к сравнению с греческим языком. При этом формы греческого аориста указывали на значение совершенности у соответствующего старославянского глагола, а формы греческой презентной основы рассматривались как доказательство несовершенного вида глагола в старославянском переводе. Иногда даже говорят об аористическом и презентном виде³⁶. Аргументы, основанные

на сравнении с греческим языком, использовали главным образом Миклошич, Ульянов, Мейе, Беме, в отношении готского языка — Бер. Конечно, Мейе, как уже было отмечено, опирался и на другие критерии (существование итератива). Некоторые формы, например аорист и причастие прошедшего времени, он считал исключительно совершенными, тогда как имперфект и причастие настоящего времени — несовершенными и т. д. Беме, а по большей части и Мейе даже не переводили объясняемых примеров, удовлетворяясь лишь цитированием греческой параллели. Мейе, кроме того, довольно часто вместо истолкования примера ограничивался указанием на разночтения, так как он занимался евангельским текстом. Нередко, применяя такой метод, доходили до крайностей. Подробнее о сравнении с греческим текстом см. ниже.

§ 57. Уже Броз³⁴ указал на некоторые недостатки такого способа определения видовой принадлежности глагола на основании греческого оригинала (он привел примеры с императивом, которые он трактовал иначе, чем Миклошич). Ягич³⁵ также правильно подчеркивал, что нельзя преувеличивать значение греческого текста. Вейнгарт³⁶ хотя и отмечал высокое мастерство старославянских переводов, в согласии с Ягичем справедливо указал, что греческий аорист, переданный славянским настоящим временем, не всегда свидетельствует о совершенном виде соответствующего глагола. Относительно выявления значения многократности Вейнгарт говорит, что в большинстве случаев здесь также нельзя опираться на греческий текст, хотя славянский читатель чувствует это значение вполне отчетливо. Трудности определения вида, в частности на базе сравнения с греческим текстом, хорошо осознала и Гермелин³⁷. Для нашего исследования затронутые здесь вопросы имеют принципиальное значение, от их решения зависит, удастся ли раскрыть старославянскую систему видов, какой она была на самом деле. Поэтому на этих вопросах необходимо остановиться несколько подробнее.

§ 58. Из данного выше обзора мы видим, что проблема определения вида конкретного старославянского глагола распадается на ряд отдельных вопросов. Прежде всего речь идет о доказательности греческого текста.

Доказательность греческого текста для старославянских переводов до сих пор значительно переоценивалась; переоценивается она и теперь. Поэтому необходимо принять во внимание некоторые факты. Старославянские тексты почти всегда являются переводами, по большей части с греческого. Это значит, что, как и во всяком переводе, с лингвистической точки зрения речь идет о наложении одной языковой системы на другую. Обе системы в чем-то сходятся, а в чем-то сильно расходятся. Мейе³⁸, касаясь этой проблемы, говорит, что почти невозможно точно перевести глагол с одного языка на другой. Например, если русский глагол переводится на французский язык, переводчик, как правило, не передает всех семантических оттенков русского глагола.

Язык оригинала отличается от языка, на который переводят, например, количеством глагольных форм, числом падежей, системой предлогов и т. д., короче говоря, грамматическим строем. Аналогичные трудности связаны, разумеется, с лексикой и стилем. Далее, важное значение имеет переводимый текст. Переводчик встречается с серьезными трудностями, если оригинал написан зрелым литературным языком с длительной традицией, а заключенное в нем содержание предстоит выразить средствами языка, литературная традиция которого незначительна (ср. переводы на чешский язык в эпоху Юнгмана и т. п.). Качество перевода мы можем определить по тому, как переводчик справился с этими трудностями. Как же обстоит дело с рассматриваемыми проблемами в старославянских переводах?

§ 59. Греческий язык, с которого были осуществлены переводы на старославянский, — это в одних случаях поздний греческий Нового завета, в других — еще более поздний язык, т. е. в обоих случаях отнюдь не классический греческий. Язык Нового завета отличается от классического греческого главным образом тем, что он в значительной степени приближается к разговорному койне. Это проявляется как в словаре, так и в относительном упрощении строя предложения. И сейчас мы считаем перевод текстов эпохи Нового завета делом более легким, чем перевод классических произведений. Текст Нового завета, несомненно, не представлял бы для переводчика особых трудностей, если бы он не носил религиозного характера. Но это был текст библейский, текст *sacrosanctus*, предназначенный для миссионерской деятельности; от качества его

перевода зависел и успех этой деятельности. Известно, что славянские первоучители, особенно Константин, получили прекрасное образование в духе византийской культуры, что, таким образом, первые переводчики евангелия и других текстов, как нам об этом рассказывают легенды, были переводчиками *par excellence*. О том же свидетельствует высокий уровень их переводов и художественные достоинства, которыми отмечен в особенности старославянский перевод евангелия.

Для более позднего греческого языка, который в старославянских переводах отразился главным образом в Супрасльской рукописи и в сборнике Клоца, характерны более распространенные и более сложные предложения, чем в Новом завете; мы имеем здесь дело, с одной стороны, с гомилетической диалектикой, а с другой — с богатыми образами мартирологической литературы. Переводчики этих текстов обладали не одинаковым мастерством, некоторые не знали достаточно хорошо греческого языка, и их отношение к оригиналу было различным (одни переводят более верно и точно, а другие скорее перефразируют). Здесь мы встречаемся и с недопониманием греческого текста, и даже с ошибками в результате невнимательного чтения подлинника.

Кроме того, мы имеем в старославянских переводах псалтырь и требник. Текст псалтыри, наполненный религиозными рассуждениями и образами, характеризуется значительной сложностью и искусственностью. В требнике же мы имеем дело с догматической точностью.

Одним словом, мы видим, что тексты, положенные в основу переводов, были не из легких, а, наоборот, требовали большой точности, глубоких знаний и сведений религиозного характера, не говоря уже о художественно-стилистической их стороне.

Перевод осуществлялся на язык, который до тех пор не функционировал в качестве литературного и не имел за собой той огромной традиции, какая была у литературного греческого языка. Даже поразительно, что переводы не оказались неуклюжими и тяжелыми, а преодолели все трудности и вышли такими совершенными. С точки зрения лексики, несомненно, наибольшую трудность представляли религиозные термины и абстрактные понятия, так что приходится удивляться, как сравнительно легко и искусно это затруднение было преодолено. Самыми тща-

тельными в этом отношении, безусловно, являются переводы евангелия. Интересно, что во всем составе старославянских глаголов (всего их засвидетельствовано около 3000) мы находим столь мало гречизмов (таковы *власвинисати*, *власвинимати*, *скандалисати*, *вѣтрѣрѣрати*, *вѣрѣмѣти* в смысле «управлять кормилом», кроме того, сюда относятся, конечно, кальки греческих глаголов типа *влагословити* и т. п.). В других случаях с глаголами греческого оригинала переводчики справились с помощью своих славянских. В более поздних списках первоначальные переводы, конечно, улучшались и совершенствовались, причем, как показывают дошедшие варианты, поправки касались и глаголов. Мотивы этих поправок были не обязательно языковыми, но главным образом религиозными (стремление к более точной передаче текста и т. п.). Здесь, безусловно, обнаруживается существенное различие по сравнению с категорией имен, где гречизмов больше. Это наблюдение имеет важное значение для оценки надежности старославянского материала при исследовании вопросов вида в этот древнейший период. Что касается видовой системы в греческом и старославянском языках, то переводчики, несомненно, руководствовались греческими видовыми различиями, но лишь постольку, поскольку это не шло в ущерб совершенству и красоте перевода. О внеязыковом факте переводчик узнает из текста, т. е. уже из языкового воплощения данного факта, как он отразился в восприятии составителя текста подлинника. Поэтому возможно, что переводчик составит себе лишь такое представление об этом факте, которое ему дает — уже в языковой обработке — оригинал. В процессе перевода он или абсолютно строго (и, может быть, даже рабски) будет придерживаться представлений первоначального составителя, или отклонится от них, если его собственное представление является несколько иным. Передача видов в старославянских переводах показывает, что переводчики иногда понимали реальное внеязыковое событие несколько иначе, чем оно отражено в языковой обработке в греческом тексте. Здесь нет рабской зависимости, наоборот, налицо уважение мастера к переводимому произведению. На это указывает именно употребление глагольных видов в старославянских переводах.

Так, при сравнении приставочных глаголов греческого подлинника со старославянскими глаголами обнаруживается, что переводчики довольно часто ведут себя независимо, они передают приставочные глаголы главным образом исходя из их лексического значения и отнюдь не всегда старославянским приставочным глаголом, так как префиксация в греческом языке Нового завета и более поздней поры не являлась средством выражения вида (в отношении языка Нового завета на это указали Рапапорт и Стибитц)⁵⁹. В общем, можно сказать, что перевод греческого текста характеризуется художественной свободой, хотя, разумеется, это относится не ко всем старославянским переводам. Вопрос о степени точности или, наоборот, вольности переводов не имеет прямого отношения к нашей теме, однако в том, что старославянские переводчики, скажем, выражают действие с точки зрения вида иначе, чем оно выражено в греческих оригиналах, я не был бы склонен видеть вольность переводчика, так как рабская зависимость от оригинала еще не есть точность.

§ 60. Если мы сравним старославянские переводы Нового завета с греческим оригиналом, обращая внимание на критический аппарат (например, в изданиях Зодена или Нестле)⁶⁰, то мы увидим, как трудно утверждать по поводу отдельных слов, что в той редакции греческого текста, которую имел перед глазами переводчик, выступало именно это слово, именно эта глагольная форма и т. д. И хотя после работ Вайса⁶¹ мы можем судить о характере текста, легшего в основу старославянских переводов евангелия, все же о деталях этого текста судить очень трудно: здесь еще не было сказано последнее слово. Ср. работу К. Горалка о значении Саввиной книги для реконструкции старославянского перевода евангелия⁶².

Эти соображения, несомненно, уменьшают доказательную силу греческого текста при толковании старославянских глагольных форм. Поэтому в настоящей работе я усматривал в греческом тексте лишь одно из хороших вспомогательных средств для определения вида данного глагола, а не единственный и непогрешимый критерий. Поэтому также мы не можем рабски и механически выводить употребление старославянских видов только лишь из показаний греческого оригинала. Это было бы некритично, ибо при такой практике на характер

текстов обращалось бы недостаточное внимание. Тем самым мы бы неоправданно смешали интересующий нас лингвистический вопрос с чисто филологическими вопросами критики старославянских, а также и оригинальных греческих текстов. Поэтому в отклонениях от греческого подлинника я не усматриваю ни признаков упадка старославянской видовой системы, ни признаков ее неразвитости; я вижу в этих отклонениях лишь особенности перевода. Если бы мы сравнили какой-нибудь современный перевод с хорошо известным нам оригиналом, то мы также могли бы наблюдать значительные отклонения именно в употреблении видов. Здесь все зависит от того, как видовая система данного, например современного чешского, языка справляется с передачей системы языка подлинника.

§ 61. До сих пор в качестве основы для изучения старославянских видов брались главным образом евангельские тексты. Однако и другие старославянские памятники являются очень важным источником при исследовании видовой системы литературного старославянского языка. Это объясняется несколькими причинами.

Во-первых, отметим их более пестрый словарь и более богатый состав глаголов. Без Супрасльского кодекса мы не знали бы многих глаголов, которые не засвидетельствованы в евангелии, и сравнительно мало знали бы о продуктивности глагольных типов в старославянском языке. Подобным образом дело обстоит также с Синайской псалтырью и Синайским требником. Иная тематика этих памятников обусловила использование в них отчасти иного круга глаголов, благодаря чему мы имеем важное свидетельство принадлежности данных глаголов к старославянскому словарю.

Для евангелия характерна, во-вторых, более простая структура предложения. Поэтому в остальных памятниках имеется больше возможностей употребления видов в разнообразных синтаксических конструкциях, чем в евангельском тексте.

Недостатком неевангельских памятников является то обстоятельство, что до сих пор еще не известны все оригиналы этих старославянских переводов. Некоторые оригиналы, может быть, вообще утрачены, а у других отдельные редакции изучены не в такой степени, как редакции еван-

гельского текста. По этим причинам исследователи и уделяли больше внимания евангелию (не говоря уже о том, что наличие хороших изданий и многочисленных позднейших переводов обеспечивало здесь более удобные возможности сравнения). Однако наши представления о старославянской видовой системе, несомненно, были бы неполными, если бы мы опирались лишь на часть памятников или только на один памятник.

§ 62. Значение разночтений. Евангельский текст дает благоприятную возможность для сравнения, ибо в нашем распоряжении имеется несколько версий этого текста. В них обнаруживаются многочисленные разночтения, в частности и в интересующем нас плане. В специальной литературе эти разночтения трактовались не всегда правильно. Обычно они рассматривались как доказательство одного определенного вида глагола в соответствующем месте текста на основе предположения, что в обоих сравниваемых отрывках (в данном отрывке и в его варианте в параллельном тексте) выступает *т о т ж е в и д*. Но представим себе, как возникали эти разночтения, и мы поймем, что и их не следует переоценивать. Чаще всего их появление (мы подразумеваем здесь лишь разночтения, касающиеся вида) было связано с желанием переписчика старославянского текста *и с п р а в и т ь, у л у ч ш и т ь* перевод либо по соображениям религиозного характера, вследствие того что он представлял себе описываемое событие иначе, либо потому, что в его восприятии глагол уже не был достаточно выразительным в видовом отношении и т. д.

Рассмотрим, например, варианты к глаголу *творити* в Зографском четвероевангелии, а именно разночтения в Мариинском, Ассеманиевом евангелии и Саввиной книге. Мы видим здесь: а) замену другим глаголом *т о г о ж е в и д а*, — вероятно, более обычным для переписчика или менее устарелым, чем глагол, использованный в Зогр. (кстати, как показал К. Горалек²², в некоторых местах Савв. кн. сохраняет более древнее чтение, чем Зогр., Мар. и Ассем.); б) или же мы видим замену глаголом *и н о г о в и д а*, чем в тексте, служившем прототипом. Так, вместо *творити* мы находим в разночтениях из указанных текстов *глаголати, дьлати, хранити*, например, Зогр.: *онъ жо рече слово, убо ма творити благо. Никто жо естъ благо тькымо единъ бъ* (Матф., XIX, 17) — Ассем. и Савв. кн. имеют гла-

голати; Зогр.: *глаз жо вать нже зно отъпоуститъ жини свои разъвъ словесе любадъшигго, творитъ жъ пръвими творити* (Матф., XIX, 9) — Никольск., как Зогр., Савв. кн. *двотъ*; Зогр.: *сини сьтъ смъшарен слово бже, и творити в*: (Лука, VIII, 21) — Ассем. *храниши е*. При определении вида эти варианты могут быть использованы лишь постольку, поскольку они указывают на аналогичное понимание, т. е. одинаковую языковую обработку действия, о котором идет речь в данном месте. Таким образом, переводчик и позднейший писец, которому принадлежит соответствующий вариант, одинаково представляли себе описываемое событие в отношении вида, расходясь между собой лишь в отношении лексики. Разумеется, доказывать, что в приведенных отрывках глагол *творити* является несовершенным только потому, что в разночтениях также выступают несовершенные глаголы, было бы опрометчиво и некритично, ибо по крайней мере в Матф., XIX, 9 было бы возможно употребление и совершенного вида.

Напротив, варианты совсем иного типа мы имеем, например, в Зогр. Иоанн, IX, 31: *нъ аште кто бгочутьтъ естъ, и вола его творитъ, того послушеть*; Мар. и Ассем. имеют *сътворитъ* (после *аште!*). Здесь редакция, представленная в Мар. и Ассем. евангелии, свидетельствует уже об ином с точки зрения вида понимании действия по сравнению с редакцией, отраженной в Зогр. и т. д. Перед нами пример, в котором по субъективному усмотрению действие может быть понято либо в совершенном, либо в несовершенном виде. И было бы весьма опрометчиво утверждать на этом основании, что глагол *творити* — совершенного вида или, шире, что вообще старославянские бесприставочные глаголы могли первоначально выражать совершенный вид в более широких масштабах, чем в позднейшую эпоху. Между тем именно из этого принципа исходил Ван-Вейк, доказывая, что в древнейший период, например, у глагола *ити* «видовые различия не проявлялись, причем остается нерешенным, ощущало ли языковое чутье эти различия»²³. Все это — далеко идущие теории, основанные на нескольких недостаточно осторожно интерпретируемых примерах. В общем, варианты текста могут нам помочь лишь постольку, поскольку они либо подтверждают восприятие действия в одном определенном виде, либо, наоборот, демонстрируют непоказательность данного при-

мера для определения вида глагола, о котором идет речь. Во всяком случае, мы должны избегать их переоценки. Более широкое использование разночтений в работах, не ставящих своей непосредственной целью текстологическое изучение старославянских памятников, не оправдано, так как ему препятствует (судя по тому, что было пока опубликовано) общее состояние вопроса о происхождении старославянского евангельского текста.

§ 63. Еще одним вспомогательным средством является и н т е р п р е т а ц и я данного примера, т. е. перевод соответствующего отрывка и объяснение внеязыковой ситуации, в которой совершается действие, а отсюда — суждение о виде языкового воплощения этого действия в предполагаемом восприятии переводчика. Интерпретацию я считаю необходимой, разумеется, если она точна, если не подгоняется лишь под один определенный вид и т. д. При этом мы не должны забывать, что мы интерпретируем внеязыковой факт и лишь затем обращаемся к восприятию переводчика и к языковой обработке этого факта. Что касается перевода отрывка на современный язык, то его нельзя выводить из греческого текста, так как старославянский переводчик мог понимать данное место иначе. В целом интерпретация опять-таки является лишь одним из вспомогательных средств при определении вида, однако средством очень важным.

§ 64. Когда мы рассматриваем отдельные глагольные формы, то очень важно учитывать структуру предложения. Так, например, в старославянском языке в придаточных предложениях с союзами *аще*, *дъньдеже* и т. п. может выступать настоящее несовершенное, которое мы перевели бы на чешский язык будущим временем. Но это не значит, что тем самым доказана принадлежность данного глагола к совершенному виду. Такая конструкция после союза является обычной именно для старославянского. С этим можно сопоставить временное значение глагольных форм в чешском языке после союзов *aby* «чтобы», *kdyby* «если бы» (ср. и соответствующие французские конструкции).

§ 65. Некоторым типам предложений свойственно особое использование видов. Например, в гн о м и ч е с к и х предложениях, столь частых в евангельском тексте, наряду с несовершенным настоящим временем возможно совершенное (так же как и в чешском языке). Но было бы неправильно выдвигать на основании подоб-

ного рода примеров далеко идущие догадки о том, что в древнейший период старославянского языка формы настоящего времени не только совершенных, но также и несовершенных глаголов могли иметь значение будущего. Другое дело предложения, в которых выступает подлинная футуральная функция настоящего совершенного [81].

§ 66. Известные формы глагола также трактовались как исключительно видовые. Речь идет главным образом об аористе, имперфекте и причастиях. Гавранек²⁴ правильно отметил, что следует говорить не о виде глагольных форм, а о виде глаголов. В отношении аориста и имперфекта я ссылаюсь на свою статью²⁵ и на § 182 данной книги. В старославянских памятниках мы не усматриваем таких форм глагола, которые были бы специально видовыми, в особенности это относится к аористу, который не был связан исключительно с совершенным видом.

§ 67. Мы видим, что пока нет какого-нибудь одного критерия, при помощи которого можно было бы надежно установить вид глаголов во всех случаях их употребления. Это обусловлено, с одной стороны, различными взглядами на вид, а с другой — многогранностью употребления видов. В соответствии с нашей дефиницией совершенности и несовершенности был бы необходим такой критерий, который бы устанавливал, рассматривает ли говорящий внеязыковой факт как целое или нет. Но найти какой-то единый и действительный для всех случаев критерий, непосредственно отражающий восприятие внеязыкового факта как целого или не как целого, оказывается невозможным. В чем же проявляется понятие целостности?

В н а с т о я щ е м в р е м е н и — в том, что действие, понимаемое как целое, перенесено в план будущего времени, как своего рода задача, которую предстоит решить. Поэтому там, где речь действительно идет о футуральном значении форм настоящего времени, мы неизбежно имеем дело с совершенным видом, если только это не случаи типа чешск. *pesu* — *ponesu**. Конечно, следует, кроме того, отличать мнимое футуральное значение, например в случаях, отмеченных в § 64—65.

По отношению к повелительному наклонению мы могли бы использовать вопрос «*jednou?* *pajednou?* «один раз? сразу?» Ср., например, чешск. *dej!*

* См. сноску на стр. 198.—Прим. перев.

dávej! «дай! давай!», skoč! skákej! «прыгни! прыгай!», nes! pos! přines! přinázej! «неси! носи! принеси! приноси!» Однако именно для итеративных глаголов характерно более широкое употребление в императиве, так что императив этих глаголов и в утвердительном и в отрицательном предложении может выразить побуждение к такому действию, к которому могли бы быть отнесены приведенные сейчас вопросы «один раз? сразу?» Для старославянского языка мы могли бы использовать греческую параллель (императив аориста, передаваемый совершенным глаголом и т. д.), разумеется, с оговорками, о которых шла речь в § 59. В общем в отличие от ряда других авторов, я думаю, что именно императив является при определении вида глагола самой ненадежной формой. Столь же невыгодные формы инфинитив и супин, хотя в случае инфинитива мы иногда оказываемся в несколько лучшем положении (ср., например, инфинитив после глаголов типа *nahati*).

Зато при рассмотрении прошедших времен (имперфекта, аориста и описательных форм) вполне применим метод видовых вопросов. Ср. чешск. *vzkřikl — volal* «вскричал — звал»; *šel — přišel* «шел — пришел» и т. д. Для таких лексических значений, которые представлены, например, в глаголах *čísti* «читать», *psáti* «писать» и т. д., мы должны были бы соответственно изменить вопрос, например: «úplně? zcela?» «полностью? целиком?».

Вопросы, выявляющие целостное или нецелостное понимание действия, могут быть с успехом использованы в отношении действительных причастий настоящего и прошедшего времени, включая причастия на -1. Ср. чешские предложения: *Vykonav práci, odešel domů* «Выполнив работу, он ушел домой»; *Konaje to, so zamýšlel, radoval se z úspěchu* «Выполняя то, что замыслил, он радовался успеху»; *Udělal pěkný kus práce* «Он сделал добрую часть работы». Характерным признаком действительного причастия настоящего времени является **одновременность** (с любым временем, что относится и к старославянскому языку), тогда как важнейшим оттенком значения действительного причастия прошедшего времени является **предшествование**, **законченность** по отношению к какому-либо времени. Этот оттенок не имеет, однако, ничего общего с понятием действия как целого или противоположным понятием. Одновременность могла бы приближаться к несовершенному виду

лишь постольку, поскольку она обозначала бы, что действие не понимается как целое. Поэтому я думаю, что и к этим формам, по крайней мере в большинстве случаев, применимы приведенные выше вопросы. То, что относится к прошедшему времени, по большей части оказывается действительным и для причастия на -1.

Больше всего трудностей представляют формы **страдательных причастий** настоящего и прошедшего времени. Эти формы, с одной стороны, имеют специальные невидовые оттенки (страдательное причастие настоящего времени, например, — семантический оттенок лат. *-bilis*, чешск. *-telný* и т. д.), а с другой — функционируют как прилагательные. Страдательное причастие прошедшего времени, кроме того, имеет результитивное значение, ср. подробный анализ у Гавранка⁴⁷.

По отношению к **отглагольному существительному** (глагольный характер которого не всегда отчетлив) видовые вопросы, вероятно, тоже могут быть применены.

Итак, в целом для старославянского языка мы используем следующие критерии: возможность ответа на наши вопросы: «*učinil něco pajeďnou, rychle, náhle (jako celek)?*» «сделал что-либо сразу, быстро, внезапно (как целое)?» или же, напротив, «*dlouho, trvale, pomalu*» «долго, постоянно, медленно» и т. д.; значение будущего у формы настоящего времени, а также интерпретацию примеров и сравнение с греческим текстом. С помощью этих нескольких критериев мы можем при наличии достаточного материала вполне надежно установить, какой вид имел тот или иной глагол в старославянском языке.

Для выяснения вида исследуемых глаголов я выбрал несколько критериев, а не один, который непосредственно вытекал бы из моей дефиниции видовых различий. Как мне кажется, это обстоятельство не говорит ни о недостатках данной дефиниции, ни о недостатках нашего метода установления вида. Для примеров из живого языка, безусловно, было бы достаточно одного критерия, вытекающего из приведенной дефиниции. Однако при выяснении вида глаголов в мертвом языке, каким является старославянский, возникает гораздо больше трудностей, так как здесь налицо известная замкнутость языка, а тем самым и изолированность отдельных примеров. Поэтому я считаю необходимым **комбинировать критерии**.

§ 68. Подчеркну, что при исследовании видов необходимо широкое привлечение материала — принцип, которому следовал Бер⁵⁵ в отношении готского языка и Яначек⁵⁶ в отношении латинского языка Плавта. Как я уже писал в другом месте⁵⁷, отдельные выбранные примеры могут быть обманчивы.

В старославянских памятниках представлен не весь запас глаголов, которые вообще имелись в литературном старославянском языке, а лишь то, что сохранилось. Кроме того, речь идет о религиозных текстах, т. е. о текстах со строго ограниченной тематикой и лексикой, к тому же связанных зависимостью от оригинала. Далее возникает вопрос, не относятся ли некоторые более поздние тексты, обычно не включаемые в число канонических старославянских памятников, по своему происхождению к досимеоновской эпохе, хотя списки, в которых до нас дошли такие тексты, принадлежат позднему времени. В особенности это касается апостола. Таким образом, даже абсолютно полный материал из канонических текстов еще не дает нам совершенно точной картины того, что действительно имело место в старославянском языке. Поэтому требование полноты материала не следует понимать в абсолютном смысле слова; мы не считаем ее необходимым условием всякого исследования видов, но при всех оговорках обильный и особенно полный материал из имеющихся текстов намного ценнее, чем материал случайный или отобранный. Широкий и полный охват материала имеет бесспорные преимущества. Он позволяет нам узнать, что является обычным и что — исключительным, дает достаточно возможностей для подробного анализа. В так называемых канонических старославянских текстах до нас дошло около 3000 глаголов, засвидетельствованных в нескольких тысячах примеров их употребления. Некоторые глаголы, особенно бесприставочные (например, *вити, ршти, глгошти* и т. п.), встречаются очень часто, что позволяет делать вполне надежные выводы; другие представлены лишь в единичных случаях. Все это дает нам возможность познать состояние видовой системы, ее структуру и функционирование в языке. Можно думать, что частота употребления глагольных форм и глаголов в этом материале в целом соответствует частоте их употребления в литературном старославянском языке, если отвлечься от возможных незначительных отклонений, кото-

рые могли бы быть вызваны иной темой текстов и другими подобными причинами.

Впрочем, еще более важным фактором, чем общая полнота материала, положенного в основу данного исследования, является необходимость того, чтобы у каждого глагола всегда учитывались все засвидетельствованные примеры, чтобы было выяснено, имеем ли мы здесь дело с явлением регулярным и широко распространенным или лишь исключительным и единичным. Исключительный факт может быть или пережитком более древнего состояния, или указанием на только еще возникающее изменение. А подлинные структурные элементы исследуемой системы мы раскроем лишь в том случае, если пристальнее присмотримся к фактам, имеющим в данном материале широкое распространение.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ A. Meillet, *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, I, Paris, 1902, стр. 29.

² E. Boehme, *Die Actiones der Verba Simplicia in den altbulgarischen Sprachdenkmälern*, Leipzig, 1904, стр. 47.

³ M. Weingart, *Rukovět' jazyka staroslověnského (Knihy didaktického kruhu Klubu moderních filologů, č. 2, 3)*, Praha, 1937, 1938, стр. 289.

⁴ V. Jagić, *Beiträge zur slavischen Syntax*, Denkschriften d. K. Akad. der Wissensch., Phil.-hist. Classe, Bd. 46, Abh. 5, Wien, 1899/1900, стр. 76.

⁵ Г. К. Ульянов, *Значения глагольных основ в литовско-славянском языке*, II, Варшава, 1895, стр. 173.

⁶ A. Meillet, *Указ. соч.*, стр. 20.

⁷ Г. К. Ульянов, *Указ. соч.*, стр. 173 и сл.

⁸ E. Boehme, *Указ. соч.*, стр. 36; M. Weingart, *Указ. соч.*, стр. 289.

⁹ S. Słowiński, *Funkcje prefiksu werbalnego raz- w języku starosłowiańskim*, PF, 15, 1930, стр. 255.

¹⁰ Ф. Ф. Фортунатов, *Разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ...»*, Сб. ОРЯС, т. 64, № 11, 1897, стр. 103 и сл.

¹¹ A. Beer, *Tři studie o videch slovesného děje v gotštině*, I (=VKČSN. tř. filosof.-hist.-jazykozpytná, 1914, 4), Praha, 1915, стр. 63, 65 и др.

¹² E. Hermelin, *Über den Gebrauch der Präsenspartizipien von perfektiven Verben im Altkirchenslavischen*, Uppsala, 1935, стр. 153 и сл.

¹³ E. Hermelin, *Указ. соч.*, стр. 12.

¹⁴ A. Mazon, *Grammaire de la langue tchèque*, 2-е изд., Paris, 1931, стр. 158.

¹⁵ В рецензиях на «Grammaire de la langue tchèque» А. Мазона, см. NR, 7, 1935, стр. 298 и сл. (рецензия Гавранка) и «Slavia», 4, 1925/26, стр. 772 и сл. (рецензия Эртла).

¹⁶ N. van Wijk, Sur l'origine..., стр. 245 [см. в настоящем сборнике стр. 247, а также 38-е прим. ред.].

¹⁷ По поводу использования этого критерия ср. также: А. Meillet & H. de Villhain-Grabowska, Grammaire de la langue polonaise, Paris, 1921, стр. 176; W. Doroszewski, O znaczeniu dokonaniem osnów czasownikowych (słownych) w języku polskim, PF, 10, 1926, стр. 208; E. Koschmieder, Studien zum slavischen Verbalaspekt, II, KZ, 56, 1929, стр. 86; S. Kul'bakin, Mluvnice jazyka staroslověnského, Praha, 1928, стр. 155; А. Достáл, Pfišpěvky ke zkoumání slovesných vidů, ČMF, 25, 1939, стр. 297 и сл.

¹⁸ А. Meillet, Указ. соч., стр. 8.

¹⁹ E. Boehme, Указ. соч., стр. 10.

²⁰ А. Meillet, Указ. соч., стр. 504 и сл.

²¹ В. Коритар, Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark, Laibach, 1808, стр. 310.

²² Fr. Miklosich, Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen, 2-е изд., Wien, 1883, стр. 274.

²³ E. Koschmieder, Nauka o aspektach... [в настоящем сборнике стр. 114, 127 и др.]. См. также Т. Маретиć, Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika, 2-е изд., Zagreb, 1931, стр. 442.

²⁴ Полемизирует с Мазоном, на это указывал Лось. См. J. Łoś, Nowe prace o postaciach czasowników, RS, 3, 1910, стр. 143.

²⁵ V. Šmilauer, Slovesný čas, NR, 27, 1943, стр. 175.

²⁶ Е. С. Истрина, Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи, ИОРЯС, 1919, 24, кн. 2 (1923), стр. 108. Ср. также E. Hermelin, Указ. соч., стр. 12; К. Јапáček, Kapitoly o slovesném vidu u Plauta, LF, 63, 1936, стр. 123.

²⁷ E. Boehme, Указ. соч., стр. 10.

²⁸ А. Веер, Указ. соч., I, стр. 74.

²⁹ D. Warbelenet, De l'aspect verbal en latin ancien et particulièrement dans Térence, Paris, 1913, стр. 25.

³⁰ А. Мигрович, Die Aspektfrage im Gotischen (Rozprawy i materiały wydziału I Tow. przyjaciół nauk w Wilnie, VI, 1), Wilno, 1935, стр. 11 и сл.

³¹ E. Koschmieder, Zeitbezug und Sprache, Leipzig—Berlin, 1929, стр. 33. [См. также настоящий сборник, стр. 139 и сл.] Напротив, Е. В. Чешко («К истории славянских глагольных видов», УЗИС, III, 1951, стр. 328—344) и В. В. Бородин («К истории форм настоящего времени глаголов совершенного вида в древнеболгарском языке», там же, стр. 345—393) недостаточно учитывали это обстоятельство.

³² В. Щепкин. [рецензия] А. Leskien, Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache, Heidelberg, 1909, RS, 3, 1910, стр. 217.

³³ Ср. H. Meitzner, Zur Lehre von den Aktionsarten besonders im Griechischen, IF, 17, 1905—1906, стр. 203.

³⁴ I. Broz, Prilozi za sintaksu jezika hrvatskoga, Rad, knj. 76 (Razredi filologičko-historički i filosičko-juridički, II), 1885, стр. 24 и сл.

³⁵ V. Jagić, Указ. соч., стр. 73 и сл.

³⁶ M. Weingart, Указ. соч., стр. 288.

³⁷ E. Hermelin, Указ. соч., стр. 12.

³⁸ А. Meillet, Linguistique historique et linguistique générale, Paris, 1921, стр. 180—181.

³⁹ А. Рапарорт, Novi Testamenti Graeci verba recipiantne praepositione praefixa vim perfectivae actionis necne, Studia Leopoldiana, 2, Lwów, 1924; F. Stiebitz, Studie o slovesném vidu v řečtině novozákonní, Praha, 1930 (VKČSN, tř. filol.-hist.-jazykozpyt., roč. 1929, 4).

⁴⁰ Die Schriften des Neuen Testaments in ihrer ältesten erreichbaren Textgestalt, herausgeg. v. H. v. Soden, Göttingen, 1902—1913.—Novum Testamentum Graece cum apparatu critico curavit D. Eberhard Nestle, novis curis elaboravit D. Erwin Nestle, Stuttgart, 1936.

⁴¹ J. Vajs, Kritické studie staroslověnského textu biblického, III—VI, Praha, 1935—1936.

⁴² К. Норáлек, Význam Savviny knihy pro rekonstrukci staroslověnského překladu evangelia, Praha, 1948 (=VKČSN, roč. 1946, č. III). [Его же, Evangeliaře a čtveroevangelia, Pfišpěvky k textové kritice a k dějinám staroslověnského překladu evangelia, Praha, 1954.]

⁴³ См. предыдущую сноску.

⁴⁴ N. van Wijk, Die sogenannten Verba iterativa und die Bezeichnung der wiederholten Handlung im Altkirchenslavischen, IF, 45, 1927, стр. 95. См. также В. В. Бородин, Указ. соч., passim.

⁴⁵ В. Наврáнек, Aspects et temps..., стр. 226 [в настоящем сборнике стр. 178].

⁴⁶ А. Достáл, Staroslověnská praeterita, jejich čas a vid, ČČF, 3, 1945, стр. 65 и сл.

⁴⁷ В. Наврáнек, Genera verbi v slovanských jazycích, II, Praha, 1937, стр. 102, 109.

⁴⁸ А. Веер, Указ. соч.

⁴⁹ К. Јапáček, Указ. соч., стр. 122.

⁵⁰ В статье «Staroslověnská praeterita», указанной выше, в примечании 46.

ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД В „ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ“*

Глава XI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Ценную помощь историческому исследованию вида оказывает следующий примечательный факт: писцы Радзивилловской летописи (Р) и Московского Академического списка (А) приблизительно 70 раз употребили в тексте «Повести временных лет» глагольные формы, отличающиеся своей основой от соответствующих форм Лаврентьевского списка (Л), причем глагольные основы, использованные в обоих более поздних памятниках, всегда соответствуют тому виду, который следовало бы употребить в данном контексте по правилам современного языка. Эти относительно частые замены, несомненно, выходят за рамки стилистических различий между переписчиками и, вероятно, указывают на то, что примерно в 70 местах двух более поздних списков вид, использованный в Лаврентьевской летописи, не мог быть употреблен или, во всяком случае, уже не соответствовал обычному употреблению. Из этого обстоятельства следовало бы сделать вывод о сдвигах в отношении вида, которые происходят (или по крайней мере выступают более отчетливо) в древнерусском языке в период между Лаврентьевским списком, с одной стороны, и Радзивилловским и Академическим — с другой. Однако более точные хронологические выводы могут быть сделаны лишь после того, как будут исследованы все древнерусские памятники. В некоторых случаях варианты Радзивилловского и Академического списков послужили поводом для предложенных в настоящей работе толкований семантического содержания видов в древнерусском языке либо явились подтверждением этих толкований.

2. Вид в древнерусском языке является «парадигматизированной» категорией в том смысле, что все формы одной

* R. Ruzicka, Der Verbalaspekt in der altrussischen Nestorchronik (=Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik, herausgeg. v. H. H. Bielfeldt, Nr. 14), Berlin, 1957.

и той же глагольной основы имеют одинаковый вид. Например, имперфект *умьряше* является таким же совершенным, как и будущее *умьру* или инфинитив *умерети*, а аорист *ходихъ* — таким же несовершенным, как *ходити* или *хожу*.

3. Многие глаголы, которые в современном русском, украинском и белорусском языках прочно закреплены за каким-либо одним видом, в языке «Повести временных лет» могли употребляться то в одном, то в другом виде. Правда, выделяя такое их употребление в контекстах с «незаменимым» видом, я вынужден был исходить из критериев, взятых из современного русского языка. Но если не признавать доказательной силы за приведенными в этой работе многочисленными и разнообразными примерами, останется только одно: начисто отрицать применимость подобных критериев к древнему языку. Однако это не оставило бы почти ничего от предполагаемой категории вида в древнерусском языке и было бы равносильно полному отрицанию наличия в нем этой категории.

Речь идет прежде всего о следующих группах глаголов:

а) вся группа определенных глаголов движения: *нести, идти, вести, везти, лъзти* и др.*;

б) многие бесприставочные глаголы на *-ити*, например *мьстити, судити, купити, гръшити***;

в) бесприставочные корневые глаголы и древние атематические, например *дати, ясти, състи, лечи, яти, речи****.

* Здесь и в следующих сносках приводятся отдельные примеры (в которых употребление вида отличается от современного), извлеченные нами из предшествующих глав книги Р. Ружички (цифры указывают страницы «Повести» по изданию Е. Ф. Карского, Л., 1926): «и разболъся в печерь и *несоша* и болна в монастырь» (198); «и поимъ у него дщерь. *идохом* Смоленську. и потом *идох* Ростову» (250); «они же поимше Иисуса. *ведоша* на мѣсто крашево... (и) *распяша*» (103); «посемъ же *вземше везоша* и. и положиша и у брата своего Бориса» (137); «и рече Святополкъ *посѣдита* вы сѣдъ. а язъ *лъзю* наряжу и *лъзе* вонь...» (259) — Прим. *перев.*

** «наступлю на зиму и на лѣто. и возму землю *Лядскую*. и *мыцю* Русьскую землю» (266); «и *взъмутъ* цѣну его *купяцишъ*» (36); «и приступи Торчинъ именемъ Беренди. овчюхъ Святополкъ держа ножъ. и хотя ударити в око. и *гръшиися* ока и *перерѣза* ему лице» (261).

*** «въздаста *въсть* сиче глаголюща. не достоитъ хрестьяномъ за поганяя *дати* (РА *дати*)» (110); «си суть свои языкъ. *имуще* от колена Афетова» (11); «Посла ны Дерьвѣска земля. *ръкуще* сиче мужа твоего убихомъ» (56).

К этим трем более четко выделяемым группам примыкают еще две:

г) *видѣти* и *слышати*, а кроме того, древнее приставочное образование от *видѣти* — *обидѣти* и, может быть, *зазырѣти* и *держати* *;

д) некоторые глаголы с презентной основой на *-j-*. Среди первичных глаголов с единой глагольной основой колеблющееся видовое употребление характерно в нашем тексте, кажется, лишь для *бити*. Вполне четко оно засвидетельствовано у церковнослав. *разумѣти*, у *послушати*, *ослушати(ся)*. Предположительно сюда относятся церковнослав. *отвѣщати*, а также *изымати*, *поимати*, *раздавати*, *предаяти(ся)*, *постригати* и др.**.

Двойственное употребление этих глаголов часто объясняют тем, что здесь, как в современном языке в случаях вроде *казнить*, *телеграфировать*, речь идет о двувидовых глаголах. Если бы это объяснение, полученное в результате простого заключения по аналогии, было правильным, то мы имели бы здесь дело с омонимией в языковом выражении видов, при которой одни и те же формы от *нести*, *ясти*, *мьстити* и т. д. связывались бы в грамматическом сознании с различными видовыми значениями.

Предположение о такой омонимии становится особенно сомнительным, если учесть, на какое большое число глагольных типов она должна была бы распространяться. Правда, и в современном русском языке имеется значительное количество глаголов с омонимическими видовыми формами, но они, за исключением весьма малочисленных глаголов (*женить*, *казнить*, *ранить*, *рушиться*, *велеть*, *венчать*, *обещать*), ограничиваются типом на *-овать* и по большей части представляют собой заимствования или новообразования. Таким образом, видовая омонимия в современном языке охватывает значительно более узкий (хотя и не в количественном отношении) круг глаголов,

* «и приде въ Словѣни. идеже нынѣ Новгородъ. и видѣ ту люди сушая» (8); «се слышавше Корсунци. послаша къ Раману глаголюще» (45); «взищите суда. избавите обидимаго» (169).

** «аше ли ударить мечемъ. или биеть (ЛРА *убьеть*) кацѣмъ любо сосудомъ. за то ударение или бьенье. да вдасть литръ. 5 сребра» (Ипатьевская летопись, 34); «и отверзостася очи има. и разумѣста яко нага еста» (89); «егоже невѣгласи *послушаху*. вѣрнии же насмѣхаются» (174); «и въ животь и по смерти. не *ослушася* его ни в чемъже» (264).

несмотря на то, что она опирается на вполне сформировавшуюся видовую систему. Предполагаемая гораздо более широкая омонимия древнерусских глагольных групп должна была бы существовать в менее развитой видовой системе, так как несомненно, что в раннем древнерусском языке категория вида была менее четкой, чем теперь.

Исследователи, которые все же предполагают такого рода омонимию, не называя ее, правда, этим термином, стремятся по возможности ограничить число омонимичных в отношении вида глаголов, приписывая, таким образом, возможно большему количеству глаголов один определенный вид. Так, Достал¹ относит *вести*, *ведѣ* к несовершенным глаголам, а *вести*, *ведѣ* — к глаголам «с обоими видами, чаще несовершенным»; *нести* — к несовершенным, а *ити* — к той же группе, что и *вести*, *ведѣ*. *Сѣсти*, *сѣдѣ* и *лѣшти*, *лагѣ* были в старославянском, по его мнению, совершенными², но в доисторический период лишь *sěsti* уже было совершенным, тогда как *lešti* вело себя в отношении вида «неоднозначно». Рядом с совершенными *мьстити*, *стѣвити*, *връгити сѧ*, *живити* и др. у Достала стоят *лштити* и *мьнити* как двувидовые глаголы, которые употребляются «чаще как совершенные»³.

Однако то, что *вести*, *ведѣ* и *вести*, *ведѣ*, *нести* и *ити* в старославянском языке, *lešti* и *sěsti* в общеславянском якобы имели неодинаковое отношение к виду, совершенно невероятно. Прежде всего, невероятно, что категория вида в старославянском языке, а также в раннем древнерусском была уже столь яркой и прихотливой, чтобы она могла, не считаясь с морфологической однородностью соответствующих глаголов, оторвать *vesti*, *vedo* от *vesti*, *vezo* и т. д. Вряд ли здесь могла бы помочь ссылка на видовую разнородность беспредставочных глаголов на *-ити* в современном русском языке, так как эта разнородность совсем иного типа, чем в старославянском или древнерусском (совершенные в современном языке глаголы, вроде *купить*, могли употребляться в старославянском и древнерусском как несовершенные, а несовершенные теперь глаголы, как, например, *мстити*, могли быть в древних языках также совершенными). Кроме того, IV глагольный класс является единственной областью, где в современном русском языке имеется более значительная видовая разнородность. Но если так трудно свести к минимуму число якобы омонимов в старославянском и древнерусском язы-

ках, то и само существование этой омонимии становится тем более сомнительным.

Двойственное употребление приведенных выше глаголов, как мне кажется, найдет более правильное объяснение, если предположить, что как в старославянском языке, так и в раннем древнерусском эти глаголы еще не были охвачены категорией вида, что они должны быть расценены для той эпохи как немаркированные в отношении вида. Это объяснение является также единственной альтернативой, которая может быть противопоставлена предположению об омонимии. *Нести, мстити, ясти* и другие глаголы не раздваивались бы тогда на омонимы, а обнаруживали бы единство в отношении вида в том смысле, что их употребление в большей мере зависело бы от семантической категории их способа действия (*Aktionsart*) в каждом данном случае. Конечно, с употреблением форм от глаголов *вести, култити, речи, разумьти* и т. д. не было связано сознание того, что используются два вида. Сфера употребления этих глаголов грамматически раздвоилась лишь с более четкой кристаллизацией видов. Это значит, что, например, *нести* уже не могло быть употреблено всюду, где это было возможно в более древнем языке, но должно было быть заменено такими приставочными образованиями, как *понести, унести, принести*.

Несомненно, имеется еще гораздо больше глаголов, которые в раннем древнерусском языке могут быть расценены как немаркированные в отношении вида. Во всяком случае, текст летописи позволяет приблизительно наметить круг таких глаголов. Если *творити, любити, служити, княжити, судьти, стояти, быти (есмь)*, несмотря на то, что они принадлежат к этому кругу, засвидетельствованы лишь в несовершенном употреблении, то это в большей степени связано с их лексическим значением, чем с видом. Например, *любить* и сейчас еще не имеет совершенной параллели. Материал летописи не позволяет наметить другие «немаркированные» глагольные группы или отдельные глаголы. Прочие бесприставочные основы с настоящим временем на *-j-* без суффикса *-а-* (тип *пишу, глаголю*), а неоглагольные и с этим суффиксом (тип *дѣлати*), далее, глаголы с инхоативным и моментальным суффиксом *-ну-* и глаголы с суффиксом *-ова-*, вероятно, могут быть частично включены сюда, однако это потребует дальнейших исследований.

В общем, здесь идет речь о бесприставочных глаголах. *Разумьти*, несомненно, входящее в эту группу, является церковнославянским отыменным образованием. Однако сюда же должны быть причислены и некоторые подлинно приставочные глаголы, как, например, *послушати (ся), ослушати (ся)*. Видовой характер *изымати, поимати, раздавати, предайтися, постригати* установить очень трудно. Попытки истолкования этих глаголов были сделаны выше.

4. Приставочные образования от большинства упомянутых в п. 3 глаголов — глаголов, немаркированных в видовом отношении, — могут быть определены в древнерусском языке как совершенные. Это относится и к глаголам с приставкой пространственного значения. Самая высокая и очевидная степень перфективности, достигнутая древнерусским языком, представлена приставочными образованиями определенных глаголов движения типа *-нести*. Но значение совершенности присуще и другим приставочным глаголам (типа *-мстити, -творити, -видѣти, -дати, -яти, -писати, -дѣлати, -цѣловати, -двигнути* и т. д.).

Категория совершенности в древнерусском языке, безусловно, была не совсем такой, как в современном языке. Ряд отличий от совершенности в современном смысле — отличий, связанных по большей части не с особенностями отдельных глаголов и их формами, а с другими грамматическими особенностями древнего языка, кратко изложен в следующих пунктах (6—10). Самое важное общее отличие заключается в том, что древнерусским совершенным приставочным глаголом многие бесприставочные противостоят не так, как в современном языке, т. е. не в качестве несовершенных глаголов (*понести : нести, увидѣти : видѣти, раздати : дати, осудити : судити*). *Понести : нести* и т. д. не разделены еще противоположностью совершенности : несовершенности (ср. п. 3). Эта форма оппозиции двух видов, столь важная для современного языка, кажется, еще не очень широко представлена в древнерусском. Вследствие этого подлинная видовая парность, вероятно, ограничивается здесь в основном совершенными приставочными глаголами и производными от них несовершенными. Отношение же совершенных приставочных глаголов к их бесприставочным параллелям еще не развилось в противопоставление о б о и х видов, хотя между теми и другими существовало в и д о в о е различие в том смысле, что одни образования были совершенными, а другие не были ни

совершенными, ни несовершенными. Тем самым совершенные глаголы в меньшей степени выделялись на фоне простых глаголов, были слабее охарактеризованы.

5. Линейные видовые пары^{*}, члены которых встречаются в тексте летописи в непосредственной близости друг с другом^{*}, дают понятие об уже высоко развитой парности в древнерусском языке. К этим парам можно было бы добавить еще многие другие, члены которых выступают, правда, не в таком тесном сопоставлении. Между совершенными приставочными глаголами и производными от них несовершенными существуют подлинно видовые корреляции. Они образуют ядро, основной морфологический тип коррелятивной парности обоих видов. Отношение же бесприставочных глаголов к приставочным развилось лишь позднее по образцу этого основного типа пар и составило вторую большую область видовых корреляций.

Линейные видовые пары часто имеют в летописном тексте тот же облик, что и в современном языке. Однако нельзя заранее быть уверенным, что они и семантически не отличались от видовых оппозиций современного языка, имеющих тождественное языковое выражение. Правда, уловить такие семантические различия очень трудно. Может быть, это удалось в примере с *воставляти* — несовершенным глаголом к *воставити*^{**}. *Изъимати*, стоящее рядом с *изяти*, и *постригати*, параллельное *постричи*, в силу этой парности должны быть как будто признаны несовершенными. Однако их употребление в некоторых местах противоречит такому предположению и требует особого объяснения.

Суффикс имперфективации *-ыва-* (*-ива-*), еще очень редкий в летописи, может разрушать более древние видовые пары. Благодаря *прочитывати* древнерусское *прочести*; *прочитати* превратилось из видовой пары в пару дублет-

ных форм одного совершенного вида. Аналогично и такие древнерусские глаголы, не являвшиеся совершенными, как *испытати*, *напитати*, *оправдати*, благодаря появлению производных на *-ыва-* (*испытывати*, *оправдывати*) превратились в наладившемся механизме вида в совершенные.

Напротив, пары типа *лечи*: *лѣгати*, *мьстити*: *мьщати*, *лишити*: *лишати*, *купити*: *куповати* отнюдь не являются видовыми. Они скорее сходны с семантической оппозицией, представленной древнерусской парой *нести*: *носити*.

Производные отглагольные образования с суффиксом *-а-* и его вариантами и итеративные глаголы типа *водити* уже в древнерусском языке «Повести временных лет» могут быть определены как несовершенные.

Префиксация неопределенных глаголов движения могла и в древнерусском языке иметь своим следствием совершенный вид, например *проводити*.

6. Морфологическое выражение будущего времени в отличие от современного языка не зависит от вида [82]. Неверно, что формы настоящего времени, которые обозначают будущее, должны быть совершенными. Несовершенные, а также совершенные глаголы могут образовывать описательное будущее время. Формы настоящего времени тех глаголов, видовое значение которых еще окончательно не сложилось (п. 3), могут выражать совершенное и несовершенное будущее в современном понимании. Это относится и к глаголам того же типа, которые в силу их способа действия употребляются в общем как несовершенные, например *творити*, *глаголати*. Сами по себе они не выражают видовых различий в будущем времени, что соответствует их поведению и в других случаях. Особенностью сравнительно с современным языком является лишь то, что синтетическое будущее не обязательно связано с совершенным видом и поэтому не может служить свидетельством возможности совершенного видового значения соответствующих древнерусских глаголов. Из материала «Повести временных лет» нельзя почерпнуть данных о том, подвергаются ли совершенные (*принести* и т. д.) и несовершенные глаголы (*приносити*, *мьщати*) в будущем времени известной видовой нейтрализации, связанной с отсутствием подлинного аналитического будущего.

7. Причастия настоящего времени встречаются и от глаголов совершенного вида, причем в древнерусском

* «рече бо пророкъ прославляющая мя прославаю» (68); «(и) нача уталати Ростиславъ, предъ очима Володимерима, и хотъ похватити брата своего и мало не утопе самъ» (220); «высѣкоша врата манастырю, и поидоша по кельямъ высѣкаяще двери» (232). — Прим. перев.

** «И повелъ Олегъ воемъ своимъ, колеса издвлати, и воставляти (Ипатьевская летопись *воставити*) на колеса корабля» (30). Комментируя этот пример, Ружичка считает, что в нем еще проявляются старые оттенки суффикса *-а-*, сохранившиеся от той поры, когда он еще не был суффиксом имперфективации (см. в подлиннике книги Ружички стр. 72—73). — Прим. перев.

языке это не должно рассматриваться как противоречие. Однако причастия *избавяща* и *взбраняюща**, выступающие с четким значением одновременности, могли бы быть объяснены скорее тем, что оба глагола, принадлежавшие к книжному языку, не были совершенными. *Поучащеся* можно понять как совершенное**. Но *не вдадуче**** лишь с трудом поддается истолкованию в смысле совершенного вида; *не вдати*, может быть, и не было совершенным.

8. Изменения в области синтаксиса от древнерусского периода до современного русского языка отчасти сопрягаются с формированием видов. «Цепь» однократных претеритальных действий типа *пришел — увидел — победил*, которая в современном языке может быть образована лишь совершенными глаголами, в древнерусском могла состоять и из глаголов, немаркированных в видовом отношении****. Поскольку такие глаголы потенциально могли быть совершенными (так же как и несовершенными), мы как будто не наблюдаем здесь никакого своеобразия. Однако своеобразие заключается прежде всего в том, что данная синтаксическая позиция еще не была связана с исключительно совершенным видом. Так как развившаяся обязательность совершенного вида в большинстве случаев означала здесь обязательность префиксации, то усиливались и лексическая дифференциация и нюансировка глагольных действий в их отношениях друг к другу. Уточнение видового употребления и связанная с ним большая лексическая отточенность, несомненно, еще более усилили существовавшую уже в древнерусском языке связь внутри «цепи» действий.

Вид и в других отношениях является в своем дальнейшем развитии грамматическим инструментом для взаимного связывания, разграничения и распределения нескольких глагольных действий в предложении. Ясное понятие об этом дает отношение причастий в тексте «Повести»

* «молящася къ Владыцѣ Богу нашему, мирно пребывати въ совокуплении и въ сдравни. *избавяща* (РА *избавляюще*) от усобныхъ рати» (139); «Полови же начаша воевати около Чернигова. Олгови *не взбраняюща* (РА *взбраняюще*), бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати» (226).

** «и списаша книги многи и списка имже *поучащеся* върнии людье наслаждаются, ученья божественнаго» (152).

*** «и бишася дружина моя съ нимъ. 8 днии о малу (греб)лю, и *не вдадуче* имъ въ острогъ...» (249).

**** Ср. 1-й, 3-й и 4-й примеры в первой сноске на стр. 309 настоящего издания.

к соответствующим им в современном русском языке деепричастиям. Поучительный пример Потеевни* показывает, что в древнерусском языке также и причастия с о в е р ш е н н ы х глаголов еще не имели (в отличие от современного языка) выкристаллизовавшейся синтаксической функции — обозначать действие, вплотную примыкающее к главному действию и вместе с тем отграниченное от него. Ср. также *видѣти*, *слышати*, *постригати***. Встречаются даже такие примеры, в которых имперфект глагола, не бывшего в древнерусском языке совершенным, должен быть передан согласно современным нормам синтаксического употребления видов совершенным претеритом***.

И наоборот, совершенный глагол может стоять в древнерусском языке там, где в современном языке более строгое временное соотношение действий двух придаточных предложений потребовало бы несовершенного вида****. Соответствующий глагол (в данном случае *сътвориши*) не перестает от этого быть совершенным. Вернее, здесь обнаруживаются общие различия в семантическом и синтаксическом содержании старой и новой совершенности. Следует ли объяснять синтаксическими причинами своеобразное употребление *поработиша******, остается нерешенным.

В синтаксических рамках «цепи» (или вообще взаимоотношения) действий, выраженных формами настоящего времени, в летописи вряд ли можно констатировать расхождения с современным языком. Я могу указать лишь на пример *хотѣти******, который, может быть, свидетель-

* «Приде же и Никодимъ, *пришѣдъ* и (ἰ ἐλθὼν) к нисови ноцимъ прѣжде» (Остр. Иоанн, XIX, 39); см. А. А. П о т е е в н я, Из записок по русской грамматике, т. IV, М.—Л., 1941, стр. 78.— *Прим. перев.*

** Примеры см. в подлиннике книги Ружички на стр. 42 и сл., 47, 74.— *Прим. перев.*

*** «се слышавше людье с радостью *идяху*» (117); «И хотяже поити в Русь, и (РА не) *идяше* с ними (никтоже) от дружины княжею» (154).

**** «о сем. аще украдетъ что Русинъ любу у хрестьянина, или пак хрестьянинъ у Русина, и ять будетъ в том час(ъ) тать, егда татбу *сътворитъ*, от погубившаго что» (Договор 912 г., 34—35).

***** «споживе же въ Еюпть, лѣтъ 17 и усне, и *поработиша* племя его за 400 лѣтъ» (93).

***** «егда же те (А требуетъ) на воину ити, и син *хотятъ* почти(ти) царя вашего, да аще въ кое время, елико ихъ приндеть, и *хотятъ* остати у царя вашего, своею волею да будутъ от Руси отполонени» (Договор 912 г., 36).

ствует о различии по сравнению с более поздним употреблением. В целом здесь наблюдается уже довольно последовательное совпадение с современным языком. Если своеобразное употребление форм *вътечеть, внидеть, потечеть* в древнерусских географических описаниях [83] действительно имеет предполагаемые мною синтаксические причины, то различие с современным языком следует искать не в синтаксической структуре, а в том, что для современного языка характерно более глубокое проникновение известных семантических признаков несовершенного вида*.

9. В летописи бросается в глаза употребление совершенных глаголов в предложениях, содержащих общие и принципиальные предписания, правила поведения и т. д. **

Объяснения к отдельным примерам я пытался дать выше. Мне кажется, что мы можем с полным правом говорить об особой семантической области употребления видов в летописи или соответственно в древнерусском языке. Вероятно, речь идет лишь о стилистическом использовании вида, однако и это характерно, так как в современном русском языке возможность стилистического употребления совершенного вида в подобных случаях отсутствует.

10. Некоторые церковнославянские или книжные глаголы, которые теперь являются совершенными, в древнерусском языке еще не имели этого значения. Речь идет о *преступити, избавити, взбранити, поклонити, похвалити* и, может быть, также о *насладити(ся)*. Вероятно, и в древнерусском языке церковнославянские и книжные глаголы занимали некое особое положение в видовой системе.

* Говоря о древнерусских примерах типа «Двина ис тогоже лѣса *потечеть*, а идеть на полунощье...», автор дает им следующее объяснение: «...Решающим является указание на точку предела, исхода или соприкосновения, что и может быть причиной употребления совершенных глагольных основ... С дальнейшим развитием одного и другого вида и ростом абстракции также и в данной синтаксической конструкции длительно-вневременной характер географической ситуации сильнее связывается с несовершенностью». (См. в подлиннике книги Ружички стр. 84.)—Прим. перев.

** «уклонися от зла створи добро, взици мира и поженя и живи в вѣкы вѣка» (Поучение Мономаха, 242); «избавите обидима, судите сиротъ» (Поучение Мономаха, 243); «въздаста вѣсть сице глаголюща, не достоитъ хрестьяномъ за поганяя *дати* (РА даяти)» (110); «и клятвы не *преступити* ни Грекомъ ни Русю» (Договор 912 г., 38); «законъ имуть от(ецъ) своихъ обычаи, не любодвяти и прелюбодвяти, ни красти ни *оклеветати* (РА клеветати) ни *убити*, ни злодвяти вѣсьма» (14) и т. д.

11. Формы совершенного имперфекта в раннем древнерусском языке не заключают в себе никакого противоречия. Напротив, их совершенный вид точно так же может быть объяснен, как и вид других личных форм. Однако, как кажется, в отличие от этих других форм совершенность имперфекта может обнаруживаться в основном лишь в его синтаксической функции. Таким образом, употребление совершенного имперфекта в общем основывается на известном типе синтаксической связи, а именно на таком, который и в других формах требует совершенного вида. Почти регулярная замена совершенного имперфекта соответствующими формами с несовершенной основой показывает, что совершенность не могла удержаться в имперфекте при его итеративности и типичном для него значении обычного действия.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ См. A. D o s t á l, Studie o vidovém systému v staroslověňštině, Praha, 1954, стр. 159 (вѣда), 123 (вѣда), 158 (несъ) и т. д. [Ср. также рецензию Р. Ружички на книгу А. Достала, ZfS, 2, 1957, Heft 4, стр. 606—621.]

² A. D o s t á l, Указ. соч., стр. 64.

³ Там же, стр. 113—114.

⁴ Так я называю, вслед за Дж. Феррелом (J. F e r r e l l, The Meaning of the Perfective Aspect in Russian, Word, 7, 1951, No 2, стр. 104—135), глагольные пары, члены которых различаются лишь видом. В этом смысле *нести* и *понести* в современном русском языке не составляют видовой пары.

IV

ПРОБЛЕМЫ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА В НЕКОТОРЫХ НЕСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

(латынь, современные романские
и германские языки, литовский,
турецкий)

Ян Сафаревич

О ВЫРАЖЕНИИ СОВЕРШЕННОСТИ И НЕСОВЕРШЕННОСТИ
В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ*

Для лиц, говорящих по-польски, определение совершенности и несовершенности излишне. Каждый, кто пользуется этим языком, прекрасно чувствует, что речь идет о различии, существующем между глаголами *robić* «делать» и *zrobić* «сделать», *dźwigać* «поднимать» и *dźwignąć* «поднять» и т. д. Мы должны выяснить, в какой мере проявлялись различия такого рода в латинском языке.

Поскольку латинская грамматическая система есть продолжение системы, унаследованной из индоевропейского праязыка, прежде всего следует рассмотреть вопрос, как обстояло дело в этом отношении в праязыке. Наши сведения являются неполными, так как до сих пор с этой точки зрения не исследованы в достаточной мере индоиранские языки; таким образом, мы опираемся здесь главным образом на данные древнегреческого. Однако уже на основе этих данных можно со значительной вероятностью реконструировать праязыковое состояние.

В индоевропейском праязыке различие совершенности и несовершенности, т. е. так называемого вида, было связано, вероятно, со значением отдельных глаголов. А именно: одни глагольные корни выражали действие или состояние, представленное как совершенное, другие же обозначали то же самое действие или состояние как несовершенное. В греческом языке одни глаголы в простейшей форме, т. е. как корневые или простые тематические, выступают в презенте, а другие, с тем же самым значением, образуют корневой аорист. Например, от корня **es-* «быть» мы имеем корневой презент (3 л. ед. ч. *est*), а от

* Jan Sałarewicz, O wyrażaniu dokonaności i niedokonaności w języku łacińskim, «Eos», 41, 1940—1946, zes. 1, 2 (1947), стр. 197—206.

корня *bhu- «быть» — корневой аорист (3 л. ед. ч. ἔφθ). Подобно этому выражали несовершенство корень *bha- «говорить» (1 л. ед. ч. през. φημί), корень *bheg- «нести» (например, у Гомера 2 л. мн. ч. императ. φέρετε) и т. д. Напротив, представляли действие как совершенное корень *dhe- «класть» (1 л. мн. ч. аор. ἔθεμεν «мы положили»), корень *g'po- «знать» (1 л. ед. ч. аор. ἔγνων «я узнал»), *st(h)a- «стоять» (1 л. ед. ч. аор. ἔστην, более древнее и диалектное ἔστην «я стал, встал») и т. д. [84]. Это древнейшее праязыковое состояние претерпело в отдельных индоевропейских языках различные преобразования. Поскольку имелась потребность в выражении совершенности и несовершенности для одного и того же лексического значения, рядом с существующими корневыми образованиями возникли другие образования, отличающиеся от первых видом. Так, в греческом языке от корневого презента вторично был образован аорист (сигматический, например, рядом с φημί «говорю» возникло ἔφρασα, или редуцированный, например, рядом с простым тематическим ἄγω «веду» — аорист ἔγαγον и т. д.); и наоборот, от корневого аориста был образован новый презент (например, презент γινώσκω «познаю — знаю» рядом с аористом ἔγνων, презент τίθημι «кладу» рядом с аористом ἔθεμεν, 1 л. мн. ч. и т. д.). Так образовалась греческая система спряжения, в которой одни формы от каждого глагола были несовершенными (система презента), другие же — совершенными (система аориста).

Эта система видовых противопоставлений в индоевропейском праязыке усложнилась еще тем, что, помимо (несовершенного) презента и (совершенного) аориста, существовал также перфект, который выражал состояние, являющееся результатом ранее совершенного действия, но не различал категории совершенности или несовершенности. Так, например, греческий корневой перфект οἶδα (корень *oid-) «знаю» представляет собой праязыковое образование перфекта.

В латыни праязыковое состояние прослеживается не с такой очевидностью, как в греческом языке, в результате многих изменений, которые претерпела латинская морфологическая система. Здесь можно наблюдать противопоставление системы инфекта (настоящее время и т. д. — несовершенство) системе перфекта (перфект и т. д. — совершенство). Однако латинский перфект объединил в себе

древний аорист и древний перфект, вследствие чего он выражает не только совершенство, но и другие категории.

Латинский глагол выражает категорию вида в принципе таким же образом, как и греческий: здесь уже нет особых глагольных корней, связанных с совершенностью или несовершенностью, но одни формы от каждого глагола являются совершенными, другие же несовершенными. Следовательно, различие видов связано здесь со словоизменением глагола. Это нужно подчеркнуть, так как в этом отношении существует различие между латинским или греческим языком и славянскими языками, где противопоставление совершенности и несовершенности связано не с отдельными глагольными формами, а со словообразовательной структурой глагола. В славянских языках, как известно, имеются пары соответствующих друг другу глаголов, из которых один является несовершенным, а другой — совершенным, например ісѣ «сидти» — рѣйсѣ «пойти» и т. д., в рамках же каждого отдельного глагола все формы имеют в принципе один и тот же вид. Следовательно, вид здесь связан со словообразовательными особенностями глагола, а не с его спряжением, как в латинском языке [85].

В латыни видовые различия выступают не во всех формах: есть формы, которые вообще не различают вида. Прежде всего нам следует остановиться на видовой функции отдельных форм латинского глагола, а затем показать связь значения глаголов с их видом в тех формах, которые обнаруживают колебания. При этом мы не будем касаться вопроса о методе установления вида, так как это особый вопрос, который потребовал бы детального обсуждения¹.

1. Indicativus praesentis. Поскольку эта форма выражает настоящее, действия или состояния могут быть здесь представлены только как несовершенные. Лишь в том случае, когда форма настоящего времени служит для передачи не настоящего, а другого времени, а именно будущего или прошедшего, а также вневременности, она может выражать совершенство; например, у Плавта: ego sycophantam iam *conduco* de foro epistulasque iam *consignabo* duas (Trinummus, 815 и сл.) «я *приведу* сикофанта с форума и приложу печать к двум письмам». Или: *ibidem ilico manete dum ego huc redeo* (Rudens, 878 и сл.) «оставайтесь на том же месте, пока я сюда *вернусь*».

2. Indicativus imperfecti выражает несовершенство в прошлом, например: quem quidem hercle ego, in exilium quom iret, redduxi domum; nam *ibat* exsulatum.— An abiit? (Mercator, 980 и сл.) «которого, когда он отправлялся в изгнание, я возвратил домой; ибо он уже *отправлялся* в изгнание.— Или уже отправился?» Вопрос an abiit? показывает, что из *ibat* еще не ясно, дошло ли действие до конца или нет; следовательно, здесь выражена несовершенство. Подобно этому у Теренция: nam non est aequum me propter vos decipi, quom ego vestri honoris causa repudium alterae remisim, quae dotis tantundem *dabat* (Phormio, 927 и сл.) «ибо несправедливо, чтобы из-за вас я сам себя обманул; ведь ради вас я отказал другой невесте, а она *давала* такое же приданое». Действие не дошло до конца, так как хотя вторая кандидатка была готова дать приданое, однако не дала его, поскольку получила отказ.

Все остальные функции имперфекта вытекают из этой основной функции — выражения несовершенности. Следует, однако, отметить, что в очень многих случаях употребление совершенного или несовершенного вида теоретически является одинаково возможным. Тогда может случиться, что имперфект и перфект будут употреблены параллельно, без видимой разницы в значении; так, например, у Плавта: quod *habebat* nos habemus, iste id habet quod nos *habuimus* (Truculentus, 217 и сл.) «что он *имел*, то [теперь] мы имеем, а он имеет то, что мы *имели*».

3. Indicativus perfecti, в той мере, в какой он выражает прошлое, представляет его как совершенное, так как он восходит к праязыковому аористу. Так, например, у Плавта: nunc ne hunc ornatum vos meum admiremini, quod ego hic *processi* sic cum servili schema (Amphitruo, 116 и сл.) «а теперь не удивляйтесь моему наряду, тому, что я *вышел* здесь в рабской одежде». То, что действие глагола *processi* представлено как совершенное, видно из первых слов предложения: зрители теперь (*nunc*) могли бы удивляться наряду говорящего, который *вышел* (*processit*) на сцену, — а не *выходил*, так как он появляется здесь впервые: это начальный монолог пьесы. Ср. также: ea dona quae illic Amphitruoni sunt data, *apstulimus*: facile meus pater quod vult facit (Amphitruo, 138 и сл.) «мы *похитили* те подарки, которые были сделаны Амфитриону; ведь отец мой беспрепятственно делает все, что хочет» [слова Меркурия о Юпитере]. Из этого примера, как и из дальнейшего хода действия

(строки 760—797), явствует, что *apstulimus* выражает совершенство.

В этих случаях, как и в случаях употребления имперфекта, выбор вида в некоторых ситуациях может быть произвольным. Тогда употребление формы имперфекта или перфекта обуславливается различными побочными, не видовыми факторами. Однако существуют случаи, когда форма перфекта выражает несовершенство. Это прежде всего такие конструкции, в которых перфект имеет значение настоящего времени (функция праязыкового перфекта, а не аориста), например *novi* «знаю» в известном выражении Плавта: scio, ne doce, *novi* (Aulularia 434) «я знаю, не учи, я *знаю*» и т. д. Некоторые глаголы могут выражать в перфекте несовершенство, несмотря на то что действие переносится в прошлое. В этих немногочисленных конструкциях латинский перфект частично сохраняет свою первоначальную, унаследованную из праязыка перфектную функцию, выражая законченное состояние, т. е. негативно обозначая, что какое-то действие уже не совершается. Так объясняются примеры вроде *pol minime miror navis si fractast tibi, scelus te et scelestae parta quae vexit bona* (Rudens, 505 и сл.) «клянусь, я несколько не удивляюсь тому, что твой корабль разбился; ведь он вез тебя, преступника, и преступно нажитое добро». Правда, корабль не *привез* свой груз, однако он уже и *не везет* его, так как разбился, т. е. закончил свое действие. Существует, кроме того, несколько глаголов, безразличных по отношению к видовому противопоставлению. Таким глаголом является *fui*: этот перфект нередко выражает несовершенство; например, в стихе Плавта: ne minus imperes mihi quam quom tuos servos *fui* (Menaechmi, 1033) «распоряжайся мною не меньше, чем тогда, когда я *был* твоим рабом». Здесь перфект употреблен для выражения одновременности, а следовательно, несовершенного вида. Другим таким перфектом, безразличным к виду, является *potui* (эта особенность, несомненно, связана с тем, что *possum* включает в себя *sum*); например, у Теренция: quod tamen nunc faciam, tum quom gratum mi esse *potuit*, nolui (Heauton-timorumenos, 262) «теперь, однако, я сделаю то, чего я не захотел [сделать], когда оно *могло* быть для меня приятным». Безразличны по отношению к виду также *volui* «я хотел» и *habui* «я имел». Изредка можно встретиться с подобным употреблением и у других глаголов, но лишь в пассиве;

вероятно, это объясняется тем, что пассивный перфект является сложным образованием, в котором глагольную функцию выполняет личная форма глагола *sum*. Пример из Плавта: *namque ego fui illi in re praesenti et meus quom pugnatum est pater* (*Amphitruo*, 249) «ибо и я был при этом и мой отец, когда шло сражение». В такой же синтаксической связи Плавт употребляет активный имперфект, ср.: *nam quom pugnabant* тахите, *ego tum fugiebam* тахите (*Amphitruo*, 199) «ибо, когда они особенно жестоечно сражались, тогда и я бежал особенно прытко».

4. *Indicativus plusquamperfecti* выражает прошлое как совершенное, например: *nam ego talentum mutuom quoi dederam, talento inimicum mi emi, amicium vendidi* (*Trinummus*, 1055 и сл.) «ибо когда я дал ему в долг талант, то я за талант купил себе врага и продал друга». Несовершенство здесь возможна лишь у таких глаголов, которые могут ее выражать и в перфекте: *fueram, volueram* и т. д.

5. *Indicativus futuri* в латинском языке не различает категории вида, как и форма будущего времени в греческом. Таким образом, одни и те же глаголы, употребленные в будущем, иногда выражают совершенность, а иногда — несовершенство. Так, несовершенство: *memora, quid est factum? — Flagitium est. — Cavebunt qui audierint faciant* (*Casina*, 901 и сл.) «вспомни, что случилось? — Позор — Другие, когда услышат, будут остерегаться это делать». Вместе с тем мы имеем совершенность: *scio quam rem agat: ut me deponat vino, eam adlectat viam, post hoc quod habeo ut commutet coloniam, ego id cavebo, nam alicubi apstrudam foris* (*Aulularia*, 574 и сл.) «я знаю, какое он творит дело: свалить меня вином, к этому он прокладывает дорожку, чтобы потом все, что у меня есть, изменило свое местопребывание; а я от этого уклонюсь, ибо вынесу мое добро куда-нибудь из дому». В связи с безразличием будущего времени к виду совершенность или несовершенство отдельных форм можно определить лишь по контексту. У Плавта, вообще говоря, случан, когда будущее выражает совершенность, встречаются гораздо чаще, чем случаи выражения несовершенности. То или иное употребление частично зависит также от значения глагола; так, например, *ego, potero, habebo* являются, как правило, несовершенными («буду», «буду в состоянии», «буду иметь»); *dabo, faciam, ibo* обычно выражают совершенность («дам», «сделаю», «пойду»).

6. *Indicativus futuri exacti* выражает совершенность в будущем, например: *id quidem tibi hercle fiet ut vapules, Demaenetum simul ac conspexero hodie* (*Asinaria*, 478) «клянусь, с тобою случится, что и тебе перепадут побои, как только сегодня увижу Деманета». Однако поскольку будущее I также часто выражает совершенность (см. п. 5), подлинная функция рассматриваемого будущего II заключается не в выражении категории вида, а в передаче известных временных отношений. Только *meminero* «буду помнить» и подобные формы могут выражать несовершенство.

Мы не будем здесь анализировать видовое значение форм конъюнктива, так как это потребовало бы слишком обширного изложения, тем более что в конъюнктиве категория вида проявляется значительно менее отчетливо. Из более интересных деталей рассмотрим еще *participium praesentis*.

С точки зрения временных отношений это причастие выражает одновременность и, следовательно, как правило, несовершенство, ср., например: *vigilans vidi, vigilans nunc <ut> video, vigilans fabulor, vigilantem ille me iam dudum vigilans pugnis contudit* (*Amphitruo*, 623 и сл.). «я [тебя] видел бодрствующий, и теперь вижу [тебя] бодрствующий, и, бодрствующий, с тобою беседую, и меня, бодрствующего, он уже давно, также бодрствующий, огрел кулаками». В частности, причастие настоящего времени обозначает одновременность в конструкции *ablativus absolutus*. Поскольку функцию праязыкового перфекта, выражающего состояние в настоящем, в латинском языке обычно выполняет настоящее (например, *scio* «знаю», *sto* «стою» и т. д.), соответствующее причастие также может обозначать состояние, явившееся результатом ранее совершенного действия. Если логическое ударение падает именно на это предшествующее действие, то причастие может быть понято как показатель предшествования, т. е. совершенности. Такие примеры мы обнаруживаем уже у Плавта, так: *atque istunc e navi exeuntem oneraria videmus. Adiit ad nos extemplo exiens* (*Poenulus*, 651 и сл.) «мы видим его сходящим с грузового корабля. И он, сойдя (букв. — сходящий), немедленно к нам подошел». Подобные случаи встречаются и в польском языке, например у Мицкевича: *styszac to dziatki biega wszystkie razem za miasto* (*Powtót Taty*, 8 и сл.) «слыша это, детишки бегут

все вместе за город». Деепричастие *slysząc* выражает результат ранее совершенного действия слушания, следовательно, имеет значение «услышав» (*usłyszawszy*). В латыни такие конструкции были свойственны разговорному языку, особенно народному; в конце концов это приводит к тому, что в послеклассическую эпоху причастие настоящего времени очень часто выражает предшествование, а следовательно, совершенность. В особенности это заметно в текстах, переведенных с греческого. Так, в Вульгате греческое активное причастие аориста обычно передается посредством причастия настоящего времени, например Матф. II, 3: *audiens autem Herodes rex turbatus est* «слыша (букв.— слышащий) это, царь Ирод встревожился», — по-гречески *ἀκούσας* «услышавший». Подобные отношения господствуют также в «*Mulomedicina*» Хирона. Но даже у Цицерона в переводе известного предсказания, сделанного Крезу (*de divin.* 2, 115), мы обнаруживаем причастие настоящего времени как перевод греческого причастия аориста: *Croesus Halyn penetans magnam perverlet opum vim* «Крез, перейдя (переходящий) Галис, потеряет много богатств». В греческом тексте *διὰ τὴν* «перешедший». Фактором, способствующим распространению этой конструкции, несомненно, являлось отсутствие активного причастия перфекта в латинском языке.

Как видно из этого обзора, категория вида свойственна вовсе не всем латинским глагольным образованиям. В области индикатива будущее всегда обнаруживает видовую двойственность и даже перфект нередко передает несовершенность. Это безразличие к виду еще ярче выступает в других наклонениях. В конъюнктиве лишь собственно перфект почти всегда выражает совершенность, в прочих же образованиях формальных различий, связанных с видом, нет. Возникает вопрос, не выработались ли в связи с этим в латыни другие способы передачи совершенности или несовершенности. Поиски таких видовых категорий предпринимались неоднократно, и мнения ученых разделились. Часть исследователей считает, что в латыни нет никаких иных морфологических показателей вида, кроме противопоставления несовершенного имперфекта и совершенного перфекта, о котором уже говорилось; эту точку зрения отстаивал, например, Кролль². Другие же, особенно Мейе, старались разыскать здесь видовые различия, подобные тем, которые нам хорошо известны по данным славянских

языков. Поэтому необходимо исследовать, существуют ли в латыни, помимо флективных показателей вида, также и лексические особенности, связанные с видом, т. е. существуют ли глаголы совершенного и глаголы несовершенного вида.

Дать краткий и простой ответ на этот вопрос невозможно. Несомненно, что в латыни нет таких постоянно противопоставляющихся по виду глагольных пар, какие существуют в славянских языках, например в польском. Следовательно, тот, кто ищет в латинском языке точную параллель славянским отношениям, получит, вне всякого сомнения, отрицательный ответ. Это можно не только показать на примерах, но и обосновать теоретически.

В основе славянской системы глагольных пар, члены которых различаются по виду, лежит возможность образования несовершенного глагола в принципе от каждого совершенного глагола. Рядом с совершенным *zrobię* «сделаю, выработаю» возникает несовершенное *zrobiam* и т. д. В латыни же нет такой возможности: ведь образование несовершенной формы в славянских языках основано на образовании итеративов, а в латинском языке итеративы представлены лишь при тех глаголах, которые сами по себе не являются совершенными. Правда, например, *capere* отличается от *capere* или *itare* — от *itare* тем, что глагол на *-itare* является итеративным («петь часто», «хаживать»), а глагол без *-itare* — нет («петь», «идти»). Но в этом невозможно усмотреть какие бы то ни было видовые различия. Глаголы *capere* или *itare* вовсе не являются исключительно совершенными.

Однако, если латинская система как таковая не соответствует славянской системе, возникает вопрос, не характеризуются ли по крайней мере не к о т о р ы е глаголы принадлежностью к тому или иному виду. Поскольку одним из способов образования совершенных глаголов в славянских языках является сложение с приставкой (*nieść* «нести» — *zanieść* «отнести», *robić* «делать» — *zrobić* «сделать» и т. д.), предпринимались попытки выяснить, не образует ли сложение с приставкой и в латинском языке совершенный вид, не отражает ли, например, такое противопоставление, как *fero* : *confero* (подобно *nieść* : *zanieść*), видовое различие.

Этому вопросу посвящено много работ, которые, однако, не привели к положительным результатам. Важнейшие исследования в этой области дали Д. Барблене и К. Мейер³.

Хотя оба автора старались доказать, что латинские приставочные глаголы выражают совершенство, противопоставляясь бесприставочным несовершенным, однако их работы обосновали, в сущности, противоположный тезис, так как они показали, как много случаев не согласуется с этой гипотезой. Позднее было обращено внимание на еще одну действительно важную деталь, а именно что приставочные глаголы по большей части не употребляются в имперфекте. Если просмотреть словарь к текстам Плавта или Теренция, то сразу бросится в глаза, что имперфект глаголов, сложенных с приставкой, обычно не встречается *. Например, у Плавта широко представлены такие глаголы с приставкой *con-*, как *cognosco, cogo, colligo, comedo, committo, compro, congregior* и т. д., но почти никогда мы не встретим имперфекта от этих глаголов. Это явление обращает на себя внимание и, несомненно, находится в связи с вопросом выражения вида. Вместе с тем оно показывает нам и природу этой связи.

Как же объяснить, что некоторые глаголы не употреблялись в известных морфологических образованиях? Проще всего предположить, что эти глаголы по каким-то причинам не были пригодны для выражения того, что именно выражалось данной формой. В имперфекте выражалась несовершенство; поскольку приставочные глаголы в имперфекте не употреблялись, очевидно, они не подходили для выражения несовершенности, иначе говоря, были совершенными. На основе такого рассуждения был сделан вывод, что приставочные глаголы являлись в латинском языке, вообще говоря, совершенными.

Этот вывод неправилен. Во-первых, тот факт, что глагол непригоден для выражения несовершенности, еще не доказывает, что он является совершенным: этому может препятствовать какая-нибудь иная особенность. Во-вторых, хотя приставочные глаголы редко употреблялись в имперфекте, они довольно часто употреблялись в настоящем времени. А от совершенного глагола образовать настоящее время невозможно. Поскольку глагол употреблен в настоящем, очевидно, он, несмотря ни на что, пригоден для выражения несовершенности. С этим согласуется и то, что в имперфекте эти глаголы хотя и редко, но все же встречаются.

Как же все-таки объяснить, что приставочные глаголы избегаются в имперфекте?

Чтобы это понять, нужно учесть, каким образом изменяется значение глагола при его употреблении с приставкой. Приставка дополняет значение глагола прежде всего тем, что указывает на начало или конец действия. Польское *od-biegam* «отбегаю» указывает на исходный пункт действия, *do-biegam* «добегаю» — на его конечный пункт; точно так же *wy-biegam* «выбегаю» или *przy-biegam* «прибегаю». Подобно этому и в латинском языке: *disco* означает «веду», но *conduco* — «собираю, свожу в одно место», т. е. указывает на конечный пункт действия. Иными словами, присоединение приставки превращает дуративный глагол, выражающий длительность действия, в терминативный, выражающий конечный пункт действия, или в инхоативный, обозначающий начальный пункт действия [86]. Противопоставление дуративности, с одной стороны, и терминативности или инхоативности — с другой, и противопоставление несовершенности и совершенности — это не одно и то же, так как, например, в польском языке терминативные глаголы *kończy* «кончаю» или *dobiegam* «добегаю» являются несовершенными; ср. также *zaczynam* «начинаю» или *wybiegam* «выбегаю». Но дуративные глаголы употребляются для выражения несовершенности чаще, чем терминативные или инхоативные, которые частично (хотя и не всегда) сближаются с совершенными.

Несомненно, в этом следует искать объяснение рассматриваемых фактов: приставочные глаголы не были в латыни совершенными, но, как терминативные или инхоативные, они больше подходили для выражения совершенности, чем несовершенности, и поэтому по мере возможности их избегали употреблять там, где речь шла о проявлении несовершенности, т. е. в имперфекте.

Переходим к выводам. В латинском языке четкое различие несовершенности и совершенности выступает в спряжении, а именно в противопоставлении имперфекта, с одной стороны, и перфекта и плюсквамперфекта — с другой. Это противопоставление отчетливо проявляется главным образом в индикативе, но и здесь оно полностью отсутствует в будущем времени, способном выражать оба вида. Следовательно, видовые различия выражаются в словоизменении глагола, но нет таких глаголов, которые сами по себе были бы совершенными или несовершенными во всех формах. Мнимая перфективация, т. е. переход в совершен-

ный вид путем сложения с приставкой, в сущности, не есть превращение несовершенного глагола в совершенный, а лишь превращение дуративного глагола в терминативный или инхотативный. Это последнее различие уже не относится к категории вида, а является особенностью лексического значения; в принципе терминативный глагол в равной мере может быть употреблен и как совершенный, и как несовершенный; однако чаще он употребляется как совершенный, и это вызывает некоторую неясность в данном разделе латинской грамматической системы.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ См. об этом: Е. Косчмидер, *Nauka...* [в настоящем сборнике см. стр. 114; особенно же А. Достал, настоящий сборник, стр. 287 и сл.]. Латинский материал шире всего представлен в работе: К. Жапáček, *Kapitoly o slovesném vidu u Plauta*, LF, 63—67, 1936—1940. [Из новейшей литературы: И. М. Тронский, *Заметки о видо-временной системе латинского глагола*, «Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова», М.—Л., 1960, стр. 434—445.]

² W. Kroll, *Die wissenschaftliche Syntax im lateinischen Unterricht*, 1917.

³ См. D. Vablenet, *De l'aspect verbal en latin ancien et particulièrement dans Térence*, Paris, 1913. [См. его же, *L'aspect verbal dans les propositions temporelles*, RÈL, 13, 1935, стр. 48—65; 15, 1937, стр. 69—71.] К. Н. Мейер, *Perfektive, imperfektive und perfektische Aktionsart im Lateinischen*, *Berichte über die Verh. der sächs. Gesellsch. d. Wissensch. zu Leipzig*, Phil.-hist. Kl., Bd. 69, 1917.

⁴ P. Meile, *Interférence du temps et de l'aspect chez Plaute et chez Térence*, RÈL, 13, 1935, стр. 66—73.

Адольф Нурён

[Из V тома книги „Наш язык“]*

ВИД

До настоящего времени категорию вида (*aspekt*) почти всегда смешивали с другой категорией — способом действия (*aktionsart*). И в этом нет ничего удивительного. Ведь вполне ясно, сжато и точно определить, что, собственно, выражает категория «вид» (особенно применительно к германским языкам), — дело совсем не легкое, по крайней мере для тех, кто не особенно хорошо знаком с природой славянских языков. Предварительно я мог бы отметить следующее: различные способы действия отражают то, как протекает действие, а виды говорят об эффекте и вности действия, т. е. о том, ведет ли это действие к чему-либо, или, говоря иначе, имеет ли оно перспективу, которая выходила бы за пределы самого действия. Однако примеры гораздо лучше, чем определения и самые длинные описания (к которым, впрочем, я ниже вернусь), пояснят в данном случае, о чем идет речь.

Свой первый пример я заимствую из того германского языка, в котором виды в качестве грамматической категории, несомненно, представлены лучше всего, а именно из готского [87]. Если по-готски, например, сказано *Saei habai ausona hausjandona, gahausjai* или *Saihwandans ni gasaihwand*, то по-шведски мы, конечно, должны передать это так: *Den som har öron som höra, han må höra* и *De som se, se icke***. Легко заметить, однако, что следующие в приведенных примерах первыми глаголы *höra* и соответственно *se* имеют значение, существенно отличающееся от значения этих же глаголов, употребленных во второй раз. В первом случае

* Adolff Noreen, *Vårt språk. Nysvensk grammatik i utförlig framställning*, bd. V, Lund, 1904—1912, стр. 645 и сл.

** Буквально: «Тот, кто имеет уши, которые слышат, тот пусть слышит» и «Те, которые видят, не видят». — *Прим. перев.*

они означают «иметь слух или зрение», во втором — «воспринимать посредством слуха или зрения». Второе значение в готском языке выражается с помощью приставки *ga-*. Различие, подобное отмеченному выше, наблюдается и в следующих шведских примерах: *Han är ute och går* (= *promenerar*) «Его нет дома, он гуляет (букв. ходит)» и *Han går* (= *avlägsnar sig*) *snart* «Он скоро уйдет (удалится)»; *Han reser* (= *färdas*) *på kontinenten* «Он ездит (путешествует) по континенту» и *Han reser* (= *avreser*) *till Tyskland* «Он едет (езжает) в Германию»; *Jag fryser* (= *är frusen*) «Я мерзну (замерз)» и *Vattnet fryser* (= *övergår till is*) «Вода замерзает (превращается в лед)»; *Han (höll på och) läste Homerus, när jag sist besökte honom* «Он (сидел и) читал Гомера, когда я последний раз был у него» и *Han (tog och) läste Homerus, när han tröttnade på Cicero* «Он (взял и) стал читать Гомера, когда ему надоел Цицерон».

Я уже ранее² вкратце указывал на существование отмечаемого различия в значении шведских глаголов и на ту роль, которую это различие играет в грамматике современного шведского языка. Более детально эти вопросы были освещены Н. Бекманом³. В датской грамматике на аналогичное различие в значении глаголов указывали Х. Г. Вивель и М. Кристенсен⁴. Однако Н. Бекман (как, впрочем, и названные датские авторы) считает, что в подобных случаях мы имеем дело со «способами действия», и поэтому пользуется иногда такой терминологией, с которой я не могу согласиться. То же самое можно сказать о статье Я. Линдрута⁵, содержащей ряд интересных положений. Мне кажется, что, говоря о семантической противоположности, которая выше была проиллюстрирована примерами, лучше всего употреблять термины «курсив» и «терминатив»⁶, впервые введенные Дельбрюком⁷ и принятые позднее многими другими исследователями, тем более что уже Х. Педерсен⁸ предложил использовать эти термины в значении, несколько отличающемся от того, которое они имеют у Дельбрюка, но чрезвычайно близком к тому, какое я им придаю. Менее пригодны для указанной цели, хотя в крайнем случае и допустимы, термины «несовершенный вид» (*imperfektiv*) и «совершенный вид» (*perfek-*

* В современной русской терминологии курсивные глаголы обычно называются «непредельными», а терминативные — «предельными» (см. вступительную статью). — *Прим. перев.*

tiv), имевшие до настоящего времени наибольшее распространение при описании рассматриваемых явлений. Дело в том, что, во-первых, в грамматике славянских языков, откуда эти термины заимствованы, они имеют содержание, не вполне применимое к фактам германских языков⁹; во-вторых, и в грамматике германских языков термин «имперфектив» до сих пор служил обычно для обозначения не только того, что я называю курсивным видом, но и значительной части того, что я называю видом терминативным, тогда как под понятие «перфектив» подводилась лишь остаточная часть терминативного вида.

Курсивным или, если угодно, несовершенным (имперфективным) видом в узком (и до сих пор не принятом) смысле я называю тот вид, который имеют первые глаголы в приведенных выше примерах (см. стр. 335—336), а также все другие глаголы, сходные с ними; терминативным или, если угодно, совершенным (перфективным) видом в широком (и до сих пор не принятом) смысле — тот вид, который имеют вторые глаголы в тех же примерах, а также все другие глаголы, подобные им. Если мы внимательнее рассмотрим обе приведенные группы примеров, то без труда заметим, что только глаголы второй группы выражают по явлению и е какого-то (нового) факта либо совершение (лат. *perfectio*, откуда термин «перфектив») чего-то, что предусматривалось или ожидалось, будь то прекращение или возникновение (становление) чего-либо. Иначе говоря, терминативные глаголы выражают тот факт, что нечто происходит и, так сказать, является событием, т. е. вносит какой-то вклад, который в той или иной мере меняет характер сущего введением в него нового момента, так что, употребив выражение Гейера¹⁰, можно сказать (*att något*) *sker i det som sker*, что, «происходя, что-то происходит», т. е. становится действительностью (осуществляется, реализуется) в процессе своего протекания. Поэтому можно также сказать, что терминативный вид указывает на наличие какого-то решающего поворотного пункта (лат. *terminus*, откуда и происходит «терминатив»), начального или конечного (лат. *terminus a quo, resp. ad quem*), какого-то *перехода*¹¹ от чего-то или к чему-то. Все это является

* Erik Gustav Gejer (1783—1847) — известный шведский поэт. — *Прим. перев.*

противоположностью курсивному виду (от лат. *cursus* «ход, течение, продолжение»)».

Выше мы видели, что один и тот же глагол может представлять то один, то другой из двух названных главных видов. Но хотя такое положение встречается весьма часто, оно не является общей нормой. Гораздо чаще оба главных вида бывают выражены посредством различных глаголов.

Последнее имеет место как в тех случаях, когда значения обонх глаголов в остальном весьма близки друг другу, так и тогда, когда они совершенно различны. В качестве примеров можно привести следующие глаголы (в первом члене приводятся глаголы курсивные, во втором — терминативные): *belägrar* : *erövrar* (*intar*) «держать в осаде : завоевывать (занимать)»*; *färdas* и *palkas* : *ankommer* (*anländer*), *avgeser* и *försvinner* «ездить (ехать), приближаться : приезжать (прибывать), уезжать, исчезать»; *härskar* : *segrar* (*vinner*) «господствовать : побеждать»; *lever* : *dör* (*avlider*) и *dödar* «жить : умирать, убивать»; *minns* (*vet*) : *erinnrar sig* и *glömmer* «помнить (знать) : вспоминать, забывать»; *söker* : *finnar* (*hittar*) «искать : находить (обнаруживать)»; *tiger* : *tystnar* (*förstummas*) «молчать : замолкать»; *vördar* (*högaktar*, *skattar*, *beundrar*, *avgudar*) : *hyllar* и *välsignar* (последний глагол иногда является курсивным)» «почитать (уважать, ценить, восхищаться, обожать) : выражать свое восхищение, благословлять»; *äger* (*har*) : *får* (*erhåller*), *tar* (*tillgriper*, *stjäl*, *gövar*), *ger* (*skänker*, *överbämnar*), *köper* и *säljer* «иметь : получать, брать (похищать, красть, захватывать силой), давать (дарить, передавать), покупать, продавать». Только как исключение члены подобных пар бывают этимологически связаны друг с другом таким образом, что различие между ними состоит в чередовании или в присутствии суффикса в одном из членов, например: *ligger* : *lägger* «лежать : класть»; *sitter* : *sätter* «сидеть : сажать»; *sover* : *sovnar* и *söver* «спать : засыпать, усыплять»; *vakar* : *vaknar* и *väcker* «бодрствовать : пробуждаться, будить». Чаще бывает так, что терминативный глагол образован от курсив-

* Здесь, как и почти везде в своей книге, А. Нурен использует в качестве «представительной формы» шведского глагола не инфинитив, а форму настоящего времени, которую мы, однако, будем переводить русским инфинитивом. — *Прим. перев.*

ного с помощью приставки, например: *jagar* : *förjagar* «гнать : изгонять»; *älskar* : *förälskar sig i* «любить : влюбляться в ...» и т. п. Наиболее же обычным является образование терминативного глагола от курсивного посредством словосложения [88], например: *slumrar* : *inslumrar* «дремать : задремать»; *går* : *går ut* «идти (ходить) : выходить» (например, в предложении *Han går ut och går* «Он выходит и идет») и т. д.

Поскольку в шведском языке не существует, как мы сейчас видели, какого-либо специфического способа образования терминативных глаголов от курсивных (или наоборот), на первый взгляд может показаться, что обе названные смысловые категории не являются в этом языке категориями грамматическими, т. е. что они не имеют четко ощутимых морфологических различий. На самом деле это не так.

Различия, определяющие существование двух отдельных грамматических категорий, вполне реальны, но они легко ускользают от внимания поверхностного наблюдателя. Объясняется это тем, что наиболее важные из этих различий лежат отчасти в области образования описательных форм, отчасти же в области синтаксического употребления. Существеннейшими из них являются следующие.

1. Курсивные переходные глаголы образуют описательные формы страдательного залога в настоящем и в прошедшем времени с помощью вспомогательного глагола *vara* «быть» (в будущем времени, напротив, — с помощью *bliva* «стать, становиться»). В противоположность этому, терминативные переходные глаголы для этих же целей используют глагол *bliva* в презенсе и в имперфекте [89] исключительно, в перфекте и плюсквамперфекте — наряду с *vara*». Поэтому конструкция *staden är belägrad* «город осажден (букв. осаждаем)» равнозначна конструкции *staden belägras* «город осаждается». Так же и в формах прошедшего времени: *var belägrad* = *belägrades*, *har varit belägrad* = *har belägrats*, *hade varit belägrad* = *hade belägrats*. Но в будущем времени *blir belägrad* = *kommer att belägras*.

В противоположность приведенным примерам, конструкция *en stad som blir erövrad* «город, который (букв.) становится завоеванным» равнозначна конструкции *en stad som erövrats* «город, который завоевывается». Так же и *blev*

erövrad=erövrades, har blivit erövrad (или är erövrad)=
 har erövrats, hade blivit erövrad (или var erövrad)=hade
 erövrats. Другими примерами первого типа являются
 также (han) är fruktad, hotad, jagad, väntad, åtföljd «(его)
 боятся, (ему) грозят, (он) гоним, ожидаем, (его) сопровож-
 дают», совпадающие по значению с формами fruktas, ho-
 tas, jagas и т. д.; примерами же второго типа являются
 (han) blir agad (gisslad), besjungen, biten, dömd, förrådd,
 förjagad «(его) подвергают наказанию (бьют), воспевают,
 (его) кусает (кто-то), (его) осуждают, предают, прогоняют»,
 совпадающие по значению с agas, gisslas и т. д. Указанная
 особенность тесно связана с той, к которой мы сейчас пере-
 ходим.

2. Так называемые страдательные причастия курсивных
 переходных глаголов имеют значение настоящего време-
 ни, а соответствующие причастия терминативных пере-
 ходных глаголов — значение прошедшего времени. По-
 этому en belägrad stad — это «осаждаемый город», «город,
 который осаждают», тогда как en erövrad stad — «завоеван-
 ный город», «город, который завоевали». Аналогичными по
 значению с первым примером являются причастия в вы-
 ражениях en avgudad, omtyckt, vördad, älskad furste
 «обожаемый, почитаемый, уважаемый, любимый князь»;
 en hotad existens «существование, которому угрожают»;
 en jagad hind «преследуемая лань» и т. д. Сходными по зна-
 чению со вторым примером являются причастия в выра-
 жениях en förjagad inkträktare «изгнанный захватчик»,
 huggen ved «нарубленные дрова», en kastad boll «брошенный
 мяч», en lånad summa «взятая взаймы сумма», en mutad
 ämbetsman «подкупленный чиновник», en plockad blomma
 «сорванный цветок» и т. п.

3. Формы рассмотренного сейчас причастия отсутству-
 ют у курсивных непереходных глаголов, тогда как терми-
 нативные непереходные глаголы часто образуют такие
 формы, но в значении действительного залога прошедшего
 времени (впрочем, у пассивно-депонентных [90] и возврат-
 ных терминативных глаголов эти причастия образуются
 значительно реже). В сочетании со вспомогательным гла-
 голom vara¹¹ они могут употребляться приблизительно в
 том же значении, которое имеет супин [91] в сочетании со
 вспомогательным глаголом ha¹², т. е. в качестве перфекта
 и плюсквамперфекта действительного залога. По этой при-
 чине рассматриваемое причастие отсутствует у глагола stå

«стоять», но встречается, конечно, у его переходных произ-
 водных (например, påstådd «утверждаемый» при påstå
 «утверждать»), также и у терминативных глаголов, обра-
 зованных от stå (например, uppstånden «возникший» при
 prppstå «возникать»), а равным образом и у глагола gå, если
 он употреблен в терминативных значениях «пройти, прийти
 к концу» и «уйти, пойти прочь» (например, en gången tid
 «прошедшее время», что равнозначно выражению en tid
 som gått «время, которое прошло», han är redan gången
 [букв. «он есть уже ушедший»], что равнозначно перфекту
 han har redan gått «он уже ушел», или han var gången, что
 равнозначно плюсквамперфекту han hade gått). По этой
 же причине причастие интересующего нас типа отсутствует
 у глаголов fortfara «продолжаться» (но ср. переходный
 lagfara «подтвердить в законном порядке» с причастием
 lagfaren), leva «жить» (но ср. genomlevad «пережитый»),
 ligga «лежать», gasta «отдыхать», sitta «сидеть» (но ср.
 försuttan «упущенный»; например, о сроке), sova «спать»,
 syssla «заниматься чем-либо», tiga «молчать» (но ср. förte-
 gad «скрытый, утаенный») и т. д. С другой стороны, к при-
 введенному выше причастию gången имеются такие параллели,
 как: (han är) avliden (=перфекту han har avlidit) «(он)
 умер», död «мертв» (фактически причастие от dö «умирать»),
 (ån är) (till)frusen «(река) замерзла», (han är) försvunnen
 «(он) исчез», förläskad (причастие от возвратного глагола)
 «влюблен», (an)kommen «прибыл», (av- или bort)rest
 «уехал», (klockan är) stannad «(часы) остановились», (han är)
 uppstigen «(он) встал», åldrad (причастие от пассивно-де-
 понентного глагола) «состарился» и т. п. Особенно много
 таких причастий образовано от инхоативных и ингрессив-
 ных глаголов с суффиксом -na: bleknad «побледневший»,
 grånad «поседевший», gulnad «пожелтевший», mogna «со-
 зревший», mörknad «потемневший», guttnad «прогнивший»,
 (in)sjuknad «заболевший», lysnad «умолкнувший», vissnad
 «увядший» и т. п.

4. Форма настоящего времени курсивных глаголов ред-
 ко имеет значение будущего, тогда как у терминативных
 глаголов эта форма обычно выступает именно с таким зна-
 чением. Ср., например, значение настоящего времени гла-
 голow älskar «любить» и hatar «ненавидеть» в предложении:
 Om du verkligen älskar honom, så hatar han dig nog icke,
 utan kommer att älska dig tillbaka «Если ты и любишь его
 в действительности, то ведь и он тебя тоже не ненавидит и

(со временем) полюбит тебя» (где будущее время выражается описательно с помощью *kommer att*) со значением будущего времени у глаголов *ger* «давать» и *tackar* «благодарить» в предложении *Om du ger mig ditt löfte, så ger jag* (или *kommer jag att ge*) *dig mitt och tackar* (или *kommer att tacka*) *dig dessutom* «Если ты дашь (или даешь) мне обещание, то и я дам тебе свое, да еще сверх того и поблагодарю тебя». Отмеченное противопоставление не препятствует, однако, тому, что и два первых глагола могут, в порядке исключения, иметь значение будущего времени, например: *Tro mig: han antingen älskar* (или *kommer att älska*) *dig eller hatar* (или *kommer att hata*) *dig innan årets slut* «Поверь мне: до конца года он или полюбит тебя или возненавидит». И наоборот, два вторых глагола могут иметь значение настоящего времени, например: *När ger jag dig min hand och tackar dig för allt* «Вот я даю тебе руку и благодарю тебя за все». Ср. также значение настоящего времени у глагола *önskar* «хотеть» в предложении *Tro mig: han önskar detta* «Поверь мне: он хочет этого» и значение будущего времени у глагола *förlåter* «прощать» в предложении *Tro mig: han förlåter* (или *kommer att förlåta*) *dig* «Поверь мне: он простит тебя». Как исключение, однако, и здесь можно наблюдать обратную картину, например, *Om du gör detta, så önskar jag* (или *kommer jag att önska*) *olucka över dig* «Если ты сделаешь это, я пожелаю тебе несчастья» и *Jag förlåter dig* «Я прощаю тебя». Дальнейшие примеры излишни, поскольку они могут быть легко образованы в соответствии с приведенными в п. 1—3 образцами курсивных и терминативных глаголов.

5. Так называемое причастие настоящего времени курсивных глаголов не может никогда иметь значения будущего времени, тогда как у причастия терминативных глаголов это значение иногда встречается, например: *min blivande* (= *framtida*) *мака* «моя будущая (букв. становящаяся) супруга», *en som jag hoppas enande* (= *som kommer att ena*) *tanke* «мысль, которая, как я надеюсь, сблизит (нас)», *vid* (*framdeles*) *inträffande ledighet* «при имеющей открыться (при открывающейся в будущем) вакансии», *i kommande dagar* «в будущем (букв. в приходящие дни)», *vid möjligen uppstående* (*uppkommande*) *förvecklingar* «при возможно предстоящих (имеющих возникнуть) осложнениях» и т. п.

¹ Роль, выполняемую в готском языке приставкой *ga-*, в раннем древнеславянском играет так называемая «исплетивная» частица *of*, например *sér* «видеть»: *of sér* и т. д. См. H. Gerding, *Vollständiges Wörterbuch zu den Liedern der Edda*, Halle, 1903, столб. 753. [Из более новой литературы: Ingerid Dal, *Ursprung und Verwendung der altnordischen «Expletivpartikel» of, um*, Oslo, 1930; e e же, *Zur Geschichte der schwachtonigen Präfixe im Nordischen*, «Nordisk Tidskrift för Sprogvidenskap», 4, 1930; С. Д. К а ц н е л ь с о н, *Древнеславянские суффиксные частицы of и um*, «Вопросы грамматики», сборник статей к 75-летию акад. И. И. Мецлинникова, М.-Л., 1960, стр. 231—344.]

² См. Pedagogisk tidskrift, 1898, стр. 399.

³ См. N. Beckman, *Språkpsykologi och modernsömsundervisning*, 1899, стр. 88 и в особенности его же, *Svensk språklära*, 1904, стр. 92 и сл. [в 9-м изд., Stockholm, 1952, стр. 101 и сл.]

⁴ H. G. Wiwel, *Synpunkter för dansk sproglära*, 1901, стр. 139 и 171; M. Kristensen, *Dansk sproglära för voksne*, 1903, стр. 82 и сл.

⁵ H. Lindroth, *Zur Lehre von den Aktionsarten*, PBB, 31, 1906, стр. 239—260.

⁶ V. Delbrück, *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*, Bd. II, Strassburg, 1897, стр. 14 и сл.

⁷ H. Pedersen, *Zur Lehre von den Aktionsarten*, KZ, 37, 1904, стр. 221.

⁸ См. Л и н д р у т, Указ. соч., стр. 243 и сл. [а в особенности Кошмидер, в настоящем сборнике стр. 120—126 и вступительную статью, стр. 15 и 26—27].

⁹ Отсюда термин *övergångsverb* «глаголы перехода», используемый Бекманом (наравне с синонимом *perfektiviska verb*) для обозначения терминативных глаголов.

¹⁰ Ср. термин *fortgångsverb* «глаголы продолжения», используемый Бекманом для обозначения курсивных глаголов, наряду с синонимом *durativa verb*. Этот последний термин весьма неудачен, так как дуративный (длительный) глагол вместе с тем может быть и терминативным, например *Han genomgick skolan på tio år* «Он прошел школу за 10 лет», *genomläste boken utan avbrott* «прочитал книгу без перерыва» и т. п.

¹¹ В порядке исключения и многие другие перечисленные здесь глаголы могут выступать не с тем видовым значением, которое я указываю для них в качестве нормального.

¹² Об аналогичных явлениях в датском и норвежском см.: H. Falk, A. Torg, *Dansk-norskens syntax*, 1900. В немецком — H. Paul, *Die Umschreibung des Perfektums im Deutschen mit haben und sein*, Abhandl. der I. Klasse der bayerischen Akademie der Wissenschaften, 22, Bd., I. Abt., München, 1905, стр. 159 и сл. [е го же, *Die Umschreibung des Perfektums...*, Nachtrag, Sitzungsberichte der Bayer. Akademie der Wiss., I. Kl., 1918, 11. Abh. О разграничении форм страдательного залога со вспомогательными глаголами «быть» и «становиться» в истории германских языков см. еще: A. V. Öberg, *Über die hochdeutsche Passivumschreibung mit sein*

und *werden*, Lund, 1907; Louise Grace Frary, *Studies in the Syntax of the Old English Passive with Special Reference to the Use of *wesan* and *weordan**, Language-Dissertations, 5, Baltimore, 1929; A. J. Fr. Zieglschmid, *Die Entwicklung der Perfektschreibung im Deutschen*, Language-Dissertations, 6, Baltimore, 1929; G. Hoffmann, *Die Entwicklung des umschriebenen Perfekts im Altenglischen und Frühmittelenglischen*, Ohlau, 1934. О положении в современном английском и в романских языках см. в работах О. Есперсена и Ф. Дяца, названных в сносках на стр. 14 и 15).

¹² Ср. вспомогательный глагол *sein* в описательных формах соответствующих немецких глаголов.

Говард Б. Гэрей

ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ*

... Х. Стен¹ приводит два примера: пример с тонувшим человеком (*Il se noyait* «Он тонул»), спасенным из воды, и пример с игрой в бридж (*Ils jouaient au bridge* «Они играли в бридж»), прерванной до окончания роббера. Утонул ли в действительности человек? Играли ли на самом деле в бридж? Французы, которым я задавал эти вопросы, отвечали: Non, il ne s'est pas noyé «Нет, он не утонул» и Oui, on a joué au bridge «Да, в бридж играли». Эти ответы дают основание считать, что во французском языке существует, по-видимому, две категории глаголов (или конструкций), различающихся характером того ответа, который будет получен при постановке вопроса следующего типа: *Il one was *verbing*, but was interrupted while *verbing*, has one *verb*-ed? (Si on *verbaît*, mais a été interrompu tout en *verbant*, est-ce qu'on a *verbé*?)* ** Подставляя вместо *verb*-интересующий нас глагол, мы получим *Si on se noyait...*, *Si on jouait au bridge...* и т. д. Предлагаемая концепция, несмотря на свою упрощенность, подсказывает решение проблемы вида: это решение следует искать на пути разграничения в ид а лексического и вида грамматического [92].

Во многих спорах о перфективности и имперфективности, дуративности, точности и итеративности, завер-

* Howard B. Garey, *Verbal Aspect in French*, Lg., 33, 1957, № 2, стр. 91—110 (публикуется с сокращениями).

** Предлагаемая Г. Б. Гэреем формула не поддается дословному переводу на русский язык. Она может быть передана приблизительно следующим образом: «Если кто-то находился в процессе делания (чего-то), но его прервали в это время, сделал ли он (или: успел ли он сделать) то, что делал?» — Прим. перев.

шенности и незавершенности действия есть немалая доля путаницы. Весьма часто бывает трудно сказать, о чем именно идет речь — о «перфективном глаголе» или о «перфективном времени». Так, например, Стен в своем рассуждении об il se noyait пытался как будто доказать, что перфективный глагол является имперфективным, так как он может иногда употребляться в имперфективном времени — имперфекте.

На самом деле дилемма Стена, по-видимому, затрагивает вопрос о включении или невключении цели в лексическое значение глагола. Если вы, описав сцену с тонущим человеком, спросите: Est-ce qu'il se noyait? «Он тонул?», француз ответит: Oui. Такой ответ доказывает, по-видимому, что глагол se noyer означает «упасть в воду, начать тонуть, захлебываться» и т. д. Но спросите у француза: S'est-il noyé? «Он утонул?», и он ответит: Non. В этом случае ответ, по-видимому, доказывает, что se noyer означает «умереть, захлебнувшись в какой-либо жидкости». Если считать в равной степени достоверными оба полученные ответа, то как устранить возникающее здесь противоречие? Является ли указание на факт смерти необходимой составной частью лексического значения глагола se noyer или нет?

Одно из возможных решений состоит в том, чтобы признать, что во французском языке существуют два омонимичных глагола se noyer: в значении одного из них входит понятие о наступлении смерти, в то время как в значении другого это понятие отсутствует. Такое решение является логичным, но ему недостает изящества: во-первых, потому, что значение глагола меняется здесь в зависимости от того времени, в котором он употреблен, так что семантическое различие представляется скорее грамматическим, чем лексическим (тогда как омонимия есть понятие лексикологии); во-вторых, потому, что в таком случае во французском языке должны были бы существовать длинные ряды омонимичных пар глаголов, семантическое различие между которыми состояло бы только во включении или невключении в лексическое значение глагола указания на достижение цели (так acheter «купить» и «покупать», amener «привести» и «приводить», changer «сменить» и «менять», quitter «покинуть» и «покидать» и т. д.). На самом же деле именно отношение между членами подобных пар указывает на возможность решения дилеммы. Мы вновь

объединяем оба члена в одну лексическую единицу, которую относим к категории глаголов, выражающих действия, направленные к какой-то цели. Эта цель выступает как достигнутая в перфективном времени и как потенциальная во времени имперфективном.

Назовем глаголы этого класса целевыми (telic verbs от гр. τέλος «цель»). Нецелевыми глаголами (atelic verbs) в таком случае будут являться те, которым не нужно дожидаться достижения цели для того, чтобы обозначаемое ими действие представлялось осуществленным: действие это реализуется сразу же, как только начнется². Так, например, глагол nager «плавать, плыть» является нецелевым.

Однако что же в этом случае будут означать понятия «перфективный» и «имперфективный»? Здесь необходимо ввести некоторые термины. Условимся называть R-периодом (reference period) и обозначать через R то время (точку во времени или отрезок времени), по отношению к которому расположены события E (events). В свою очередь R-период находится в определенном отношении к моменту высказывания, обозначаемому через S (speech moment). Отношение R к S мы называем грамматическим временем (tense). Это может быть прошедшее, настоящее или будущее время. Отношение E к R мы называем латинским термином tempus «время» и выделяем три времени: предшествующее, простое и последующее (anterior, simple и posterior). В случае необходимости мы можем устанавливать и прямое отношение между E и S и определять действие как прелокуторное, коллокуторное или постлокуторное (предшествующее, одновременное или последующее по отношению к моменту речи). В данной статье говорится главным образом о простом прошедшем грамматическом времени, т. е. таком, в котором E и R предшествуют S и являются между собою одновременными (не обязательно полностью совпадающими, но хотя бы частично перекрывающимися друг друга).

Для целей данной статьи перфективное время можно определить как любое простое грамматическое время, в котором E безусловно не продолжается после окончания R. Проанализируем теперь четыре видовые комбинации, возникающие при постановке целевого и нецелевого глагола в имперфективном и в перфективном времени.

Имперфективное время (I) Перфективное время (P)

Целевой глагол (Т)	Pierre arrivait «Пьер прибывал»	Pierre est arrivé «Пьер прибыл»
Нецелевой глагол (А)	Pierre jouait «Пьер играл»	Pierre a joué [перевод см. ниже]

Наша первая комбинация является целевой имперфективной (TI): Pierre arrivait «Пьер прибывал (куда-то)». В какой-то определенный момент в прошлом Пьер находился в процессе приближения к какой-то цели. Поскольку момент, о котором идет речь, т. е. R-период, был короче, чем действие, мы не знаем, была ли затем достигнута цель или нет.

Вторая комбинация является целевой перфективной (TP): Pierre est arrivé «Пьер прибыл». В какой-то определенный момент, либо предшествовавший моменту речи, либо одновременный с ним, Пьер находится у цели, к которой моментом раньше он направлялся. Без дальнейшего контекста, т. е. на основании одного этого предложения, мы не знаем, когда — по отношению к R — Пьер начал свое движение.

Третья наша комбинация является нецелевой имперфективной (AI): Pierre jouait «Пьер играл». Глагол jouer имеет несколько значений: 1) «заниматься чем-либо в порядке развлечения, забавы, как дети», 2) «играть в какую-нибудь игру», 3) «извлекать музыку посредством какого-либо инструмента» и 4) «закончить соответствующую партию в игре или исполнение музыкального произведения». Теперь проблема становится уже более ясной. Если при глаголе есть прямое дополнение и если это дополнение обозначает что-либо предполагающее окончание во времени, например партию в шахматы, в теннис или сонату Бетховена, то конструкция «глагол + дополнение» будет целевой. В противном случае, т. е. если дополнение при глаголе является нецелевым, например, aux échecs «в шахматы», du violon «на скрипке», du Beethoven «из Бетховена», или если при глаголе вообще нет дополнения (например, il a joué toute la journée «он играл весь день», il joue très bien «он играет очень хорошо»), то конструкция будет нецелевой. По Стену, jouer au bridge означает «finir un gobet» («закончить роббер»), но, пожалуй, Стен допускает здесь натяжку. Поскольку нам нужен пример с нецелевым гла-

голом, мы воспользуемся глаголом jouer в значении «заниматься каким-то развлечением»: Quand j'ai regardé par la fenêtre il y a un moment, Pierre jouait tranquillement «Когда я взглянул в окно некоторое время тому назад, Пьер спокойно играл».

Четвертая комбинация является нецелевой перфективной (AP): Pierre a joué. Она может использоваться в такой цепи, как Il s'est réveillé, il s'est levé, il est allé dehors, il a joué jusqu'à l'heure du petit déjeuner «Он проснулся, встал, вышел из дома, (про)играл до самого завтрака...»; или в примерах, в которых R-период четко обозначен: Qu'est-ce que le gosse a fait aujourd'hui? — Oh, il a joué toute la journée «Что сегодня делал малыш? — Он (про)играл весь день».

Приведенные комбинации лексического вида с видом грамматическим можно подытожить следующим образом:

Если целевой глагол употреблен в имперфективном времени, факт достижения или недостижения цели остается нераскрытым; именно это и создает иллюзию, будто лексическое значение такого глагола состоит в «движении к данной цели» (например, будто значение глагола se noyer сводится к барахтанию в воде тонущего человека).

Если же целевой глагол употреблен в перфективном времени, то время указывает на факт достижения цели. Это создает иллюзию, будто достижение цели входит в качестве составной части в лексическое значение глагола (так, кажется, что глагол se noyer сам по себе содержит указание на смерть как цель, реально достигнутую действием).

Перфективное время нецелевого глагола утверждает существование действия во времени, включая и прекращение этого действия.

Имперфективное время нецелевого глагола выражает факт существования действия, но не несет в себе указания на его начало или конец: известно только, что промежуток времени, составляющий R, заполнен этим действием.

Как отмечает Стен, определенный глагол не всегда имеет один и тот же лексический вид. Вид может изменяться, но не в зависимости от того, употреблен ли данный глагол в перфективном или имперфективном времени, — именно здесь я не согласен со Стеном, утверждающим, будто в il se noyait глагол имперфективен потому, что он употреблен в имперфекте, — а в зависимости от лексического значения, присущего глаголу в данном контексте. Так, например,

глагол *se noyer* является обычно целевым, поскольку он используется в «буквальном» смысле «покончить (кончать) жизнь самоубийством, бросившись в воду» или «умереть (умирать), захлебнувшись в воде». Но он может быть употреблен и в переносном смысле, например: *se noyer dans les larmes* «утопать в слезах», *dans le débauche* «утопать в разврате» или *dans le travail* «утонуть в работе», где понятие о смерти как конечной цели действия уже не возникает.

Может ли вид глагола не совпадать с видом его дополнения? Может ли он также не совпадать с видом конструкции «глагол плюс дополнение», в которой этот глагол выступает? Кратко на эти вопросы не так-то просто ответить.

Прежде всего необходимо знать, как следует определять вид дополнения. Если ядром конструкции является нецелевой глагол, то вид конструкции оказывается тождественным виду дополнения; ср. *jouer du Mozart* «играть (что-то из) Моцарта» и *jouer un concerto de Mozart* «играть концерт Моцарта». Глагол, взятый сам по себе, продолжает оставаться нецелевым. Одно лишь дополнение кладет предел действию, не изменяющемуся, однако, скольконибудь существенным образом в своем течении. О человеке, которого прервали во время исполнения концерта, можно сказать, что он уже «сыграл часть его»: *qu'il en a joué un peu*. Однако нельзя сказать, кроме как с целью добиться комического эффекта, возможного именно в силу необычности, что кто-то «потонул немного» — *qu'on s'est un peu noyé*. Из этого следует, что вид конструкции с нецелевым глаголом зависит от вида дополнения.

Вид дополнения может быть неясным вне контекста. Партитивная конструкция обозначает определенное количество, понимаемое либо как целое, либо как часть какого-то большего количества. Рассмотрим пример: *Pierre sortait du papier de son bureau* «Пьер вынимал бумагу из своего бюро». Поставим наш вопрос: *Est-ce qu'il a sorti du papier?* «Вынул он бумагу (которую вынимал)?» Ответ зависит от того, что хотел сказать говорящий. Если речь идет об отдельном листе бумаги и если Пьер вынул этот лист только отчасти, то он вынимал бумагу. Если в это время кто-то отвлек его, то он эту бумагу не вынул. Но если мы говорим о большом количестве бумаги, то тогда он вынул часть этого количества, хотя бумага, которую можно и дальше вынимать, еще осталась. Стоит обратить внимание на то, что

в этом примере мы имеем дело с двумя параллельными семантическими различиями: в значении партитивного дополнения и в лексическом значении глагола *sortir*.

Когда *sortir* употребляется как непереходный глагол в значении «выходить», мы обычно рассматриваем его как глагол целевой, поскольку акт выхода включает в себя пересечение порога. Если, например, кто-то начинает выходить, но еще до пересечения порога, до того, как он на самом деле оказался за дверью, ему помешают, то цель останется недостигнутой. Однако этот целевой глагол при наличии определенного обстоятельного дополнения может изменить свое значение, ср. *sortir un peu* «выйти ненадолго, быть непродолжительное время вне дома». Субъект целевого глагола *sortir* представлен нам находящимся у выхода вне зависимости от того, проходит ли он через выход или нет, что определяется уже грамматическим видом. Субъект нецелевого глагола *sortir* (или объект, если речь идет о вынесенном из дому предмете) представлен нам уже находящимся снаружи.

Проанализируем теперь сочетания целевого глагола с двумя различными типами дополнения. У Стендаля в «Пармском монастыре» есть хороший пример: *Fabrice regarda cet homme et le reconnut un peu* «Фабрицио посмотрел на этого человека и (букв.) немного узнал его». Здесь дополнение *un peu* означает: «не полностью, но достаточно для того, чтобы у него создалось впечатление, что он уже где-то видел этого человека»; оно представляет собой нецелевое дополнение. Несмотря на это, конструкция в целом, как доказало бы применение нашего критерия, является целевой: узнал бы Фабрицио человека, если бы его отвлекли во время процесса узнавания? Ответ в этом случае был бы, безусловно, отрицательным. Следовательно, мы можем сказать, что конструкция с целевым глаголом является целевой вне зависимости от вида дополнения.

Итак, в конструкции с нецелевым глаголом вид конструкции определяется не глаголом, а дополнением; в конструкции с целевым глаголом вид определяется глаголом. Лексический вид глагола может быть установлен с помощью нашего вопроса *Si on verbait...* и т. д.

Обобщая отношения, существующие между *imparfait* и *passé composé*, мы приходим к следующим формулам. Для всех конструкций, как целевых, так и нецелевых, утверждение, сделанное в перфективном времени, подразу-

мекает констатацию того же действия и в имперфективном времени. Если понятие конструкции вообще (целевой или нецелевой) мы обозначим через С, а понятие «подразумевает», «включает в себя значение» через \supset , то получим:

(1) $CP \supset CI$. Перфективная конструкция включает в себя значение имперфективной конструкции. Если что-то верно, когда оно выражено перфективным временем, то правильным окажется и соответствующее утверждение, сделанное в форме времени имперфективного, например: *Il s'est noyé* «Он утонул» подразумевает, что он тонул, ибо каждое действие, как указывает Стен, может быть возвращено во времени своего протекания.

(2) $AI \supset AP$. Нецелевая конструкция в имперфективном времени включает в себя значение соответствующей конструкции в перфективном времени; например: *Il pagait* включает в себя значение *Il a pagé*, — «Он плыл» подразумевает, что он плыл (или проплыл) в течение некоторого времени.

(3) $TI \sim \supset TP$. Целевая имперфективная конструкция не включает в себя значения целевой перфективной; например, *Il se noyait* не включает в себя значения *Il s'est noyé*, — «Он тонул» не подразумевает, что он утонул.

Теперь можно остановиться на вопросе, который здесь еще не затрагивался, а именно на определении грамматического вида временных форм французского глагола. Возьмем глагол, классифицированный ранее как целевой, и, ставя его в тех временных формах, которые мы хотим определить как имперфективные или перфективные, будем каждый раз задавать себе вопрос, имеется ли в виду факт достижения действием его цели. Так, выясняя грамматический вид формы *futur indicatif*, мы должны проанализировать конструкцию типа *Il se noiera* «Он утонет» и *Il jouera un robre de bridge* «Он сыграет один роббер в бридж». Умрет ли он, захлебнувшись? Будет ли закончен роббер? Ответы на эти вопросы будут, безусловно, утвердительными. Следовательно, будущее время изъявительного наклонения является перфективным: оно обозначает такой R-период, который включает в себя окончание действия. Для грамматических времен, являющихся обычно перфективными, мы можем образовать соответствующие имперфективные конструкции с помощью выражения *être en train de*, взятого в форме данного грамматического времени. Ср. *Ils joueront un robre de bridge* «Они сыграют один роббер

в бридж» и *Ils seront en train de jouer un robre de bridge* «Они будут (как раз) играть один роббер в бридж».

В прошедшем времени, как мы убедились выше, различие грамматического вида находит свое выражение уже в выборе одной из двух форм — *passé composé* или *imparfait*. Однако даже здесь *était en train* употребляется для разграничения маркированной неповторительности и немаркированной повторительности: *Ils jouaient* «Они играли» может значить «имели обыкновение играть», в то время как *Ils étaient en train de jouer* «Они играли» означает только «они как раз играли».

Ниже я указываю вид других неописательных форм (все сложные времена являются перфективными): условное наклонение (*conditionnel*) *Il m'a dit qu'il se noierait* «Он сказал мне, что утопится» — перфективно; так же и в аподозисе условного предложения (*Il se noierait s'il croyait cela* «Он утопился бы, если бы поверил этому»); *passé simple* (*Il se noya* «Он утопился», «утонул») также перфективно.

Несколько слов об итеративном виде. Итерацией называется многократное повторение одного и того же действия. При этом речь идет о целой последовательности действий и каждый акт в отдельности не рассматривается. Подобно любым другим событиям, такая последовательность может быть отнесена к определенному R-периоду и может, следовательно, быть перфективной или имперфективной. Примеры даны у Стена: *J'entendis souvent parler de ce projet* «Я часто слышал, как говорили об этом плане» и, с другой стороны, *C'est pourquoi elle y pensait souvent* «Вот почему она часто думала об этом». В первом предложении все акты данной последовательности («Я часто слышал») локализованы в пределах R; во втором последовательность действий не ограничивается рамками какого-либо R-периода.

Настоящее время изъявительного наклонения является имперфективным, за исключением случаев, когда глагол обозначает самый акт выдвижения того утверждения, в состав которого он входит [93], например: *Je vous dis que oui* «Говорю вам, что это так»; *Je demande une explication de votre conduite* «Я требую объяснения вашего поведения»; *J'affirme que tout ce que j'ai dit est vrai* «Я утверждаю, что все, что я сказал, правда». В этих предложениях настоящее время перфективно. Среди случаев имперфективного употребления настоящего времени одни являются просто

имперфективными, а в других выступает итеративность. Так, например, *Vous buvez trop* может означать и «Вы (вообще) пьете слишком много» (=англ. *You drink too much*) и «Вы (сейчас) пьете слишком много» (= *You are drinking too much*). В противоположность английскому языку французский не имеет формальных средств для размежевания этих двух значений [94].

Какие же видовые различия выражаются во французском языке формальными средствами? Оппозиция имперфективного и перфективного видов представлена в морфологической системе французского глагола, но только как различие между *imparfait* и всеми другими формами прошедшего времени. Различие между целевыми и нецелевыми глаголами не является частью формальной структуры французского языка, поскольку оно не соотносится с каким-либо формальным критерием; скорее оно принадлежит к семантической структуре языка, определяясь в качестве элемента этой структуры с помощью семантического признака.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ См. H. Sten, *Les temps du verbe fini (indicatif) en français moderne*, Copenhagen, 1952, стр. 25 и сл.

² Стен признает существование этих двух классов глаголов, называя их (указ. соч., стр. 8) совершенными, *les perfectifs* (например, *tuer* «убить, убивать») и несовершенными, *les imperfectifs* (например, *jouer* «играть»). Однако он не уловил характера соотношения между видом глагола и видом временной формы.

Ханс Мэрченд

ОБ ОДНОМ ВОПРОСЕ ИЗ ОБЛАСТИ ВИДА (Сравнение английской прогрессивной формы с итальянской и испанской) *

Глаголы являются лингвистическими знаками, обозначающими действия, процессы. Действия могут иметь весьма различный характер, в зависимости от той точки зрения, с которой они рассматриваются. Различные формы видения действия могут считаться металингвистическими стимулами [95], грамматически отраженными в таких таксемах [96], как залог, наклонение, время, число. Таксемы являются, таким образом, лингвистическими коррелятами металингвистических стимулов; их количество не должно определяться а priori, поскольку число понятий, возникающих при рассмотрении процессов, теоретически безгранично. На практике, однако, число морфем и таксем ограничено, так что одна лингвистическая форма выражает несколько понятий, сходных в чем-нибудь между собою. Лингвистические системы отличаются друг от друга способом своего соответствия стимулирующим понятиям. Многие металингвистические стимулы оказались недостаточно сильными, чтобы вызвать в какой-либо данной системе отражение в виде лингвистической категории, в то время как в другой системе соответствующие им таксемы, напротив, развились. Чтобы проиллюстрировать сказанное, остановимся на одном частном случае предикации — на констатировании процесса, современного моменту речи.

The sun rises in the east «Солнце восходит на востоке» является высказыванием о процессе, происходящем в

* H a n s M a r c h a n d, On a Question of Aspect: a Comparison between the Progressive Form in English and that in Italian and Spanish, *Studia linguistica*, 9, 1955, № 1, стр. 45—52. Статья публикуется с небольшими сокращениями в разделе, посвященном истории вопроса.

соответствии с законами природы. Обозначенное здесь событие мыслится как совершающееся потенциально, как такое, которого следует непременно ожидать, но оно не рассматривается как реализующееся именно в настоящий момент. Произнося эту фразу, мы хотим сказать, что характерное свойство солнца — вставать на востоке. Такое предложение, как *A baker bakes bread* «Пекарь печет хлеб», сходно с предыдущим в том отношении, что и в нем говорится о процессе, который не мыслится реализуемым в определенный момент времени. Но обобщающий характер этого второго предложения вытекает не из законов природы, а из того, что оно является логическим определением субъекта: предикация *bakes bread* только анализирует понятие *baker*. В противоположность предыдущим типам в предложении *My brother goes to college* «Мой брат посещает колледж» мы имеем дело с высказыванием, не носящим обобщенного характера: мы просто хотим выразить ту мысль, что мой брат — студент и он посещает занятия в колледже. Посещение братом колледжа мыслится как действие, реально осуществляемое в настоящем, причем подразумевается регулярное повторение этого действия. Четвертым типом предикации является тот, который представлен формулой *I baptize thee in the name of the Father and the Son and the Holy Ghost* «Я крещу тебя во имя отца и сына и святого духа». Предикация и само действие здесь тождественны: произнесение формулы и есть акт крещения. Этот тип был назван Э. Кошмидером¹ «случаем коинциденции» (нем. *Koinzidenzfall*).

Мы видим, что в английском языке все перечисленные типы предикации переданы одной общей таксемой. Так же обстоит дело в немецком, романских языках, латыни, древнегреческом. Общим знаменателем является здесь то, что все четыре действия рассматриваются как современные тому периоду, в пределах которого делается высказывание. Однако, например, в турецком языке только тип «мой брат посещает колледж» был бы выражен с помощью настоящего времени, тогда как для трех других типов была бы использована неизвестная индоевропейским языкам вневременная форма — «абсолютив», служащая для обозначения действий, которые не мыслятся как реализуемые в определенный момент времени.

А теперь добавим пятый тип: *I am writing* «Я (как раз) пишу». Здесь мы имеем дело с выражением отдельного

действия, наблюдаемого в фазе его динамического развития. Как обозначение ближайшего, непосредственного настоящего времени этот тип представляет собою грамматический контраст выражению неближайшего настоящего времени в такой конструкции, как *I write about ten letters every day* «Каждый день я пишу около десяти писем». Во многих языках описываемое различие не проводится. Все протекающие во времени процессы, современные моменту речи, трактуются одинаковым образом и выражаются одной и той же категорией настоящего времени в древнегреческом, латинском, немецком, турецком и русском языках.

В ряде языков развились виды, служащие для обозначения процессов, рассматриваемых как законченные, в отличие от тех, которые рассматриваются как незаконченные. Обычно это явление называют противопоставлением перфективного и имперфективного видов. Вообще говоря, такое противопоставление нейтрализуется в настоящем времени, потому что настоящее время, будучи по своей природе незаконченным, оказывается несовместимым с перфективным видом. По этой причине видовая оппозиция обычно выступает только в претерите, как это имеет место в древнегреческом, латинском и других языках, где прошедшее совершенное и прошедшее несовершенное последовательно противопоставлены друг другу. Латинскому *scripsi* ~ *scribebam* соответствует др.-гр. ἔγραφα ~ ἔγραφον, ит. *scrissi* ~ *scrivevo*, исп. *escribí* ~ *escribía*, франц. *j'écrivis* (в литературном языке) или *j'ai écrit* (в разговорной речи) ~ *j'écrivais*, тур. *yazdım* ~ *yazıyordu*, русск. *я написал* ~ *я писал*. При этом, однако, во всех названных языках речь может идти как о незаконченности отдельного действия, так и о незаконченности периода времени, в течение которого действие повторяется или может повторяться. Латинское *scribebam*, как и другие перечисленные формы имперфективного прошедшего, выражает несколько понятий и соответствует нескольким формам английского языка: форме *I was writing* «я (как раз) писал» (например, «когда он вернулся домой», *when he came home*), если говорится о незаконченности отдельного действия, и формам *I wrote (regularly)* «я писал (регулярно)», *I would write* «я бывало писал», *I used to write* «я имел обыкновение писать», если имеется в виду потенциальная или реальная незаконченность ряда действий, т. е. импер-

фективность, основанная на допустимости дальнейшего продолжения этого ряда.

Поскольку незаконченность отдельного акта и незаконченность процесса в целом не разграничиваются отдельными формами в прошедшем времени, то вполне естественно, что они не разграничиваются и в настоящем, так что *scribo* и т. п. означает и «I am writing (at the present moment)» «я пишу (в настоящий момент)» и *I write* «я пишу (вообще)», как в приведенном выше примере *I write about ten letters every day*.

Итак, в английском языке развилась специальная прогрессивная форма, функцией которой является выражение отдельного имперфективного действия. В этой связи филолог-романист, естественно, подумает о соответствующей по значению форме итальянского и испанского языков (португальский также имеет прогрессивную форму, но в данной статье мы не будем ее рассматривать) [97]. Представляется интересным сравнить в этом отношении английский с названными романскими языками, для чего сперва следует более отчетливо уяснить себе значение и функцию прогрессивной формы в английском языке.

Основная функция прогрессивной формы — выражение одного отдельного действия, наблюдаемого в динамическом процессе его развития и в силу этого имперфективного по своему характеру. Бодельсен² первый указал на то, что специфика прогрессивной формы состоит в обозначении действия самого по себе. К сходному выводу я пришел независимо от Бодельсена, хотя и не успел своевременно опубликовать свою работу. Бодельсен пишет: «Различие между распространенными (*expanded*) и простыми формами заключается в том, что, в то время как простые формы дают либо: 1) констатацию фактов (событий или результатов действий), либо 2) описание того, что является обычным или имеет общую значимость, распространенные формы описывают действия сами по себе»³. Много лет спустя А. Г. Хэтчер выдвинула ценную мысль, что при противопоставлении простых и прогрессивных времен мы должны исходить из прогрессивной формы, так как «простая форма не имеет основного значения» и была «индифферентной к виду с самого древнего известного нам периода истории языка»⁴. В терминах синхронного описания мы должны будем сказать, что прогрессивная форма маркирована, а простая форма нет. По

этой причине вполне естественно ожидать, что все те понятия, о которых мы говорили в начале статьи («Солнце восходит на востоке», «Пекарь печет хлеб», «Мой брат посещает колледж», «Я крещу тебя во имя отца, и сына, и святого духа») будут переданы в английском языке формой простого настоящего времени. Исключение составляет только один пятый тип, выражающий движение одного отдельного действия, воспринимаемого зрением или слухом. Ответ на вопрос «какого рода действие протекает в настоящий момент?» (*what kind of activity is going on at this moment?*) может быть дан в английском языке только в формах прогрессивного настоящего. Это означает, что прогрессивное настоящее имеет свою специфическую функцию, что оно грамматически релевантно со всеми глаголами, обладающими, так сказать, «действенным» характером, т. е. выражающими действия видимые (*write* «писать», *read* «читать», *smoke* «курить» и т. п.) или слышимые (*talk* «говорить», *sing* «петь», *bark* «лаять» и т. д.). Способность обозначать отдельное действие в его поступательном движении присуща прогрессивной форме во всех случаях ее употребления; но именно использование настоящего времени представляет собой пример (правда, не единственный) релевантности прогрессивной формы. Если действие локализовано в настоящем, мы не можем свободно варьировать лингвистическое выражение этого действия: *it is raining* «(вот) идет дождь», *it is snowing* «(вот) идет снег», *I am reading, writing, smoking, talking, singing* «я (как раз) читаю, пишу, курю, разговариваю, пою» не могут быть произвольно заменены формами простого настоящего времени. Примером такого прошедшего, в котором прогрессивная форма не может заменяться простым претеритом, является тип *I was writing when he came* «Я писал, когда он пришел», т. е. случай, когда длящееся действие противопоставлено наступлению факта. Если бы мы стали описывать всю систему грамматически релевантных форм, то подобное описание вышло бы далеко за пределы настоящей статьи. Но полная картина, в сущности, и не важна для темы нашего исследования. Нам важно только показать, что случаи грамматической релевантности действительно существуют; непосредственное настоящее и прошедшее в ситуациях названного типа могут служить их примерами. Этого достаточно, чтобы стала очевидной неправильность утверждения Моссе, будто «нет

такого употребления перифрастической формы, которое было бы грамматически абсолютно принудительным¹, будто употребление этой формы всегда факультативно. Вопрос о грамматической релевантности следует иметь в виду, переходя к рассмотрению итальянских и испанских фактов.

Как и в английском, в итальянском языке прогрессивная форма обозначает действие, находящееся в самом процессе своего совершения. Это можно проиллюстрировать такими предложениями:

Io sto cercando di farglielo capire «Я вот пытаюсь заставить его понять это»;
Stiamo preparando la tavola «Мы как раз накрываем на стол»;
La donna sta aspettando un bambino «Госпожа ожидает ребенка»;
Ci sto pensando «Я как раз обдумываю это».

Для прошедшего времени:

La donna stava lavorando nella cucina «(В тот момент) женщина занималась хозяйством на кухне»;
Don Camillo stava dandosi da fare nella chiesa deserta «Дон Камилло как раз занимался наведением порядка в покинутой церкви».

Употребление прогрессивной формы в испанском языке иллюстрируется следующими примерами:

Estoy leyendo un libro «Я вот читаю книгу»;
Me estoy volviendo loco «Я схожу с ума»;
Me estoy divirtiendo «(В настоящий момент) я наслаждаюсь»;
Se está haciendo tarde «Становится поздно».

Для прошедшего времени:

Estaban hablando en voz baja «(В этот момент) они тихо разговаривали»;
Estaba escribiendo una carta «(В тот момент) он писал письмо».

Описание употребления этих форм не входит в нашу задачу². Да будет позволено, однако, сделать несколько попутных замечаний. В итальянском языке существуют только формы настоящего времени и имперфекта *sto scrivendo* «я как раз пишу» и *stavo scrivendo* «я как раз писал»; в испанском, однако, прогрессивные формы развились со всеми возможными формами глагола *estar*. В английском языке некоторые глаголы, не обозначающие действия, могут быть использованы в прогрессивной форме, с целью подчеркивания «непосредственно-презент-

ного вида» (например, *I am remembering now* «В данную минуту я вспоминаю», *I am hoping that* «Сейчас я как раз надеюсь, что...» и т. п.). В итальянском, напротив, было бы невозможно употребить прогрессивную форму вместо *spero* «надеюсь», *suppongo* «предполагаю», *ricordo* «припоминаю», *vivo* «живу», *comincio* «начинаю». Кроме того, в прогрессивной форме не встречаются здесь глаголы чувственного восприятия вроде *udire* «слышать» и *vedere* «видеть», а также глаголы *essere* «быть» и *avere* «иметь». В противоположность итальянскому в испанском языке прогрессивные формы образуются и от глаголов, обозначающих эмоции, например: *temer* «бояться», *querer* «хотеть», *desear* «желать», и ощущения, например: *ver* «видеть», *oír* «слышать». Нас интересует, однако, различие более существенного свойства.

Хотя все три рассматриваемых языка и развили прогрессивную форму, между английским языком, с одной стороны, итальянским и испанским — с другой, существует большое функциональное различие. Итальянское *sto scrivendo* и *scrivo*, подобно исп. *estoy escribiendo* и *escribo*, грамматически не являются контрастными формами, это всего лишь варианты одной и той же таксемы. Поэтому *sto lavorando* «(как раз) работаю» мы свободно можем заменить посредством *lavoro* «работаю» и соответственно *Sto morendo dal caldo* «Умираю от жары» — посредством *Muio dal caldo*; *Il sole sta sorgendo* «Солнце (как раз) восходит» — посредством *Il sole sorge*; *Ci stanno cercando* «Я (вот) ищу это» — посредством *Ci cercano*. В одном и том же контексте друг подле друга мы можем встретить имперфект и прогрессивный претерит без какой-либо разницы грамматического значения: *Il Pizzi era in cucina e stava rimestando la polenta. La moglie preparava la tavola e il ragazzo... metteva legna sul fuoco* (Guareschi, Don Camillo) «Пицца был на кухне и как раз месил поленту. Жена накрывала на стол, а парень подкладывал дрова в огонь».

Таковую же картину мы находим и в испанском языке. Прогрессивное настоящее, образованное от несомненных глаголов действия, свободно заменяется простым настоящим, например: *está lloviendo* «как раз идет дождь» — посредством *llueve* «идет дождь»; *estoy fumando* «я как раз курю» — посредством *fumo*; *Estoy escribiendo una carta* «Я вот пишу открытку» — посредством *Escribo una carta*. Это не значит, конечно, что между *scrivo* и *sto*

scrivendo или escribo и estoy escribiendo совсем нет никакого различия. Различие есть, но оно является стилистическим, а не грамматическим. Сходным образом обстоит дело и во французском языке. Здесь на вопрос «что это ты делаешь?» можно ответить либо *J'écris une lettre* «Пишу письмо», либо *Je suis en train d'écrire une lettre* «Я как раз пишу письмо» (букв. «Я нахожусь в процессе писания письма»). Различие между одним и другим ответом грамматически irrelevantно.оборот *je suis en train d'écrire* подчеркивает тот факт, что я как раз занят выполнением данного действия, но и *j'écris* будет грамматически правильным ответом на поставленный вопрос. В английском языке, однако, тот же вопрос (*what are you doing at this moment?*) не оставляет выбора между *I am writing* и *I write*; единственной грамматически правильной формой является *I am writing a letter* в противоположность двум вариантам в других рассматриваемых нами языках.

В заключение мы должны попытаться объяснить описанные факты, исходя из особенностей грамматической структуры анализируемых языков. Подобно немецкому языку, и английский первоначально не знал грамматической категории вида. На всех этапах своего развития он был поэтому нейтрален к противопоставлению перфективности ~ имперфективности. Понятие «имперфективный вид отдельного действия» появилось здесь лишь недавно. Совсем иное положение находим в итальянском и испанском. Оба языка унаследовали из латыни видовое противопоставление перфективности ~ имперфективности, морфологически выраженное, правда, лишь в области прошедшего времени. Выше мы уже говорили об оппозиции *scrissi* ~ *scrivevo*, *escribí* ~ *escribía*. В отличие от английского языка испанский и итальянский не безразличны по этой причине к виду вообще, хотя в них и не развилась более частная категория «имперфективность отдельного действия ~ перфективность отдельного действия». Мне представляется, что именно это обстоятельство и дает ключ к решению нашей проблемы: в пределах общей категории имперфективного процесса лат. *scribebam* и его романские продолжения *scrivevo*, *escribía* также были способны выражать понятие отдельного имперфективного действия. С другой стороны, в романских языках возникла прогрессивная форма с единственной функцией — обозначать отдельное действие. Языковая форма, созданная для

более узкого понятия, должна была вступить в соревнование с более широкой по своему значению формой, выражающей имперфективный процесс вообще, т. е. с имперфектом. Напротив, в английском языке становление прогрессивной формы не сопровождалось такой борьбой. Этот язык вообще никогда не знал категории вида, впервые введенной в него как нечто совершенно новое именно с возникновением грамматического понятия об отдельном имперфективном действии.

Теперь нам понятно, что при обозначении отдельного действия, находящегося в процессе своего развития, итальянское предложение вроде *Io scrivevo quando mio padre entrò* «Я писал, когда вошел отец» не является противоположным предложению *Io stavo scrivendo quando mio padre entrò* («Я как раз писал» и т. д.). Также и между соответствующими конструкциями испанского языка (*Escribía cuando mi padre entró* и *Estaba escribiendo cuando mi padre entró*) мы обнаруживаем отношения не контрастной дистрибуции. Как уже было сказано, в настоящем времени противопоставление перфективности ~ имперфективности нейтрализуется. Действие в настоящем времени всегда имперфективно. Поэтому в плане действия, современного моменту речи, латинское *scribo* и романские *scrivo*, *escribo* соответствуют только имперфекту (латинскому *scribebam* и романским *scrivevo*, *escribía*), но могут представлять обе описанные выше стороны его значения. Следовательно, *sto scrivendo* и *estoy escribiendo* оказываются лишь альтернативами форм *scrivo* и *escribo*.

Таково, я думаю, решение вопроса, почему оппозиция простого и прогрессивного настоящего является не контрастной в итальянском и испанском языках и почему она грамматически релевантна в английском.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ E. Koschmieder, *Zu den Grundfragen der Aspekttheorie*, IF, 53, 1935, стр. 280—300 [ср. также «Очерк науки...», в настоящем сборнике стр. 163—165].

² C. A. Bodelsen, *The Expanded Tenses in Modern English*, ES, 71, 1936—1937, стр. 220—238.

³ Там же, стр. 222—223. См. еще D. L. Bolinger, *More on the Present Tense in English*, Lg., 23, 1947, стр. 434—436. [Вообще о видовых категориях английского языка и, в частности, о значениях «прогрессивной формы» см. еще И. П. Иванова, Вид и время в современном английском языке, Л., 1961.]

⁴ A. G. Hatcher, *The Use of the Progressive Form in English, A New Approach*, Lg., 27, 1951, стр. 254—280 (приведенная цитата на стр. 259). Впрочем, статья Хэтчер в ряде случаев вводит читателя в заблуждение [опускаем остальную часть примечания, где автор показывает, что Хэтчер остались неизвестными некоторые важные труды по общей и английской аспектологии].

⁵ F. Mossé, *L'histoire de la forme périphrastique être + particip présent en germanique*, I—II, Paris, 1938 (приведенная цитата—II, § 480).

⁶ К сожалению, не существует описания употребления этих форм ни в итальянском, ни в испанском языках. Имеются только две книги, освещающие историю прогрессивной формы: Stanko Škerlj, *Syntaxe du participe présent et du gérondif en vieil italien*, Paris, 1926; Robert K. Sprouling, *History and Syntax of the Progressive Constructions in Spanish*, University of California Press, 1926 (=University of California Publications in Modern Philology, 13, 3, стр. 229—284). [См. еще О. К. Васильева-Шведе, К вопросу о категории вида в иберо-романских языках (глагол *estar* + герундий), «Романо-германская филология. Сборник в честь акад. В. Ф. Шишмарева», Л., 1957, стр. 107—137.]

Леонардас Дамбринас

ГЛАГОЛЬНЫЕ ВИДЫ В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ*

Мы должны согласиться с Ойгеном Зейделем¹, считающим, что в настоящее время общепринятой стала точка зрения, согласно которой глагольный вид и способ действия (*aspect* и *art of action*, по-немецки *Aspekt* и *Aktionsart*) отнюдь не одно и то же. Под глагольным видом мы понимаем ту сторону глагольного значения, которая указывает, находится ли данное действие в процессе совершения или оно уже завершено. Так как третьей категории, сопоставимой с двумя вышеназванными, не существует, видов может быть только два. Правда, рассматривая глаголы с точки зрения их видовой принадлежности, мы обнаруживаем, что они могут быть тройкого рода. Они могут быть несовершенного или совершенного вида и могут быть, кроме того, нейтральными, то есть выражающими как совершенный, так и несовершенный вид. Лингвисты, насчитывающие больше двух видов, смешивают виды со способами действия. Это убедительно показал в ряде работ Эрвин Кошмидер².

Мы все еще не располагаем исчерпывающим исследованием литовских глагольных видов. Ян Сафаревич³ дал общий обзор и оценку работ по этому вопросу, опубликованных до 1936 г. Другие ученые, касавшиеся того же вопроса, имели в виду какой-нибудь один литовский диалект⁴, или определенный период времени⁵, или язык одного писателя⁶. Несколько основательнее и шире исследовал литовские глагольные виды в связи со славянскими видами Г. К. Ульянов⁷, работа которого была подробно разобрана Ф. Ф. Фортунатовым⁸. Но работы обоих этих

* Leonardas Dambriūnas, *Verbal Aspects in Lithuanian*, LP, 7, 1959, стр. 253—262. При переводе учтены поправки, опубликованные в LP, 8, 1960, стр. 361.

ученых все же не дают полного объяснения глагольных видов в литовском. Они не смогли прийти к правильным выводам, во-первых, потому, что использованный ими материал недостаточен, и, во-вторых, вследствие ограниченного знания литовского языка. Другие лингвисты обращались к примерам, позаимствованным из текстов шестнадцатого и семнадцатого столетий, но прилагали извлеченные из них выводы к современному языку. Они забывали при этом, что тексты шестнадцатого и семнадцатого столетий в подавляющем большинстве — переводы и что из факта точного соответствия видов переводного текста видам подлинника нельзя делать никаких выводов.

Наиболее трудная проблема для изучающих литовские глагольные виды — это отсутствие в литовском языке глагольных пар, соответствующих польским глагольным парам типа *przujść : przychodzić* или же русским — *прийти : приходить*. Не вызывает ни малейших сомнений, что литовская глагольная пара *daryti : padaryti* соответствует польской паре *robić : zrobić* «делать : сделать». Но что касается двух первых польских инфинитивов, то в литовском им адекватен лишь один-единственный инфинитив — *ateiti*. Возникает вопрос, какого же вида литовский глагол *ateiti*. Некоторые ученые утверждали, что он несовершенного вида; другие настаивали на том, что он может выражать оба вида. Однако ни тех ни других нельзя признать полностью правыми. Я. Эндзелин и Я. Сафаревич оказываются на правильном пути, когда выдвигают мнение, что исследование литовских глагольных видов должно в первую очередь заключаться в исследовании различных глагольных форм литовского языка с точки зрения их видовой принадлежности, поскольку различные формы одного и того же глагола могут выражать различные виды. Факты подтверждают это мнение. Например, настоящее время *ateina* — несовершенного вида («приходит»), тогда как формы прошедшего времени того же глагола *atėjo* и будущего *ateis* всегда совершенного вида (соответственно «пришел» и «придет»). По этой причине мы и займемся сначала обзором различных глагольных форм, имея в виду установление их видовой принадлежности, а общие выводы отложим до заключительной части этой статьи.

Формы настоящего времени можно разбить на две группы в зависимости от того, способны или неспособны

они выражать актуальное действие в настоящем. Первые могут быть названы формами несовершенного вида, вторые — формами совершенного вида.

1. Формами несовершенного вида настоящего времени являются:

а) все бесприставочные формы, кроме форм с суффиксом *-telėti* и еще форм, образуемых глаголами точечного действия;

б) приставочные формы глаголов, у которых бесприставочные формы а) обычно неупотребительны, каковы, скажем: *apninka* «обстужает», *atsibosta* «надоедает», *rajuokia* «насмехается», *puvokia* «догадывается», *pakanka* «хватает, имеется в достаточном количестве», *paudyti* «завидует», *pažįsta* «знает», *primena* «напоминает» и др.; или б) имеют совсем другое значение, чем их приставочные формы, например: *apkalba* «оговаривает, клеветает», *arguina* «обманывает», *atrodo* «кажется», *įžmano* «понимает», *parduoda* «продает», *pataria* «советует», *pradedą* «начинает», *persekią* «преследует», *prįklauso* «принадлежит», *prisiekia* «присягает», *susitinka* «встречается», *sulampa* «совпадает» и т. д., а также в) глаголов, образованных с помощью приставок, модифицирующих значение бесприставочных глаголов. Наилучшим примером последнего рода являются приставочные производные от глагола *eiti* «идти». Этот глагол может употребляться со всеми приставками. Кроме *eina* «идет», мы располагаем модифицированными (детерминированными) формами *apeina* «обходит», *ateina* «приходит», *įeina* «входит», *išeina* «выходит», *pueina* «отходит, сходит», *pareina* «идет назад, возвращается», *pereina* «переходит», *praeina* «проходит», *sueina* «сходится, собирается вместе», *užeina* «заходит». Такие глаголы достаточно многочисленны; вот некоторые из них: *atveda* «приводит», *atkasa* «откапывает», *atidaro* «открывает», *atriša* «отвязывает», *atpjauna* «отрезает», *įdeda* «вкладывает», *įveža* «ввозит», *išima* «вынимает», *iškasa* «выкапывает», *iškyla* «поднимается», *islekia* «вылетает», *puima* «снимает», *nulipa* «слезает», *pakiša* «подсовывает», *palenda* «подлезает», *perkelia* «переносит», *perlipa* «перелезает», *persodina* «пересаживает», *pralenkia* «обгоняет», *praslenka* «приходит», *pralenda* «пролезает», *pririša* «привязывает», *prilimpa* «прилипают», *susega* «застегивает», *susilieja* «сливается», *suvaga* «сгоняет», *uždaro* «закрывает», *užlipa* «взбирается», *užlenda* «залезает» и т. д. Формы настоящего

времени этих глаголов, являющихся по большей части глаголами движения, обозначают действие совершающимся на определенном отрезке пространства. Приставки детерминируют действие, указывая предел, до которого оно продолжается, из которого исходит, который минует и т. д. Поскольку самое действие, несмотря на подобное сужение его ареала, никогда не утрачивает дуративности, эти приставочные формы настоящего времени остаются формами несовершенного вида.

2. Формами настоящего времени совершенного вида являются:

а) бесприставочные формы глаголов с суффиксом *-telėti*, каковы, скажем, *švilptelia* «даст свисток»*, *šurptelia* «усмехается», *kilstelia* «приподнимает», и небольшое число глаголов точечного действия, то есть таких, действие которых длится крайне недолго, завершаясь почти мгновенно, каковы, скажем, глаголы *ganda* «находит» и *šauna* «выстреливает»;

б) приставочные формы глаголов, использующие такие приставки, которые не меняют и не модифицируют реального значения глагола, каковы, например, *įvykdo* «выполняет», *išaiškina* «разъясняет», *išaudžia* (наст. от «выткать»), *išdžiūva* «высыхает», *nubaudžia* «наказывает», *nudėvi* «за-нашивает», *nuduria* «закалывает», *nutrūksta* «отрывается», *puvysta* (наст. от «завянуть»), *parašo* (наст. от «написать»), *paruošia* «украшает», *pasimeldžia* (наст. от «помолиться»), *pagalvoja* (наст. от «подумать»), *perskaito* «прочитывает», *pramiega* (наст. от «проспать»), *pragusta* «запекает», *praguli* «пролеживает», *prigrenka* «набирает», *privalgo* «наедается», *sadaužo* «разбивает», *sudegina* «сжигает», *sukaukia* (наст. от «завыть»), *surūva* «сгнивает», *suserga* «заболевает», *užauga* «вырастает», *užpoka* (наст. от «заплатить»), и т. д. Все формы настоящего времени у глаголов этой группы относятся к совершенному виду. Приставки иногда сообщают глаголу какой-нибудь незначительный новый оттенок способа действия; впрочем, они всегда превращают

* Так как в русском языке форма настоящего времени совершенного вида, взятая вне контекста, обязательно имеет значение будущего времени (например, *свистнет*), мы вынуждены здесь и ниже переводить литовские формы настоящего времени, независимо от их вида, несовершенным видом; там же, где это невозможно или вело бы к неясности, мы указываем: «наст. от такого-то глагола сов. вида». — Прим. перев.

глагольные формы в формы совершенного вида, и по этой причине такие формы настоящего времени непригодны для обозначения актуального действия в настоящем. Взятые без приставки, все эти глаголы изображают действие протекающим во времени, и поэтому присоединение к ним приставок может вести лишь к одному: к их перфективации. Глагольные пары этого типа, состоящие из бесприставочного и приставочного глагола, соответствуют польским глагольным парам типа *gobić* : *zrobić*.

Некоторые лингвисты высказывали мнение, что, быть может, только приставке *pa-* присуща перфективирующая способность. Примеры показывают, что приставкам *iš-*, *pu-*, *su-* и другим также присуща такая способность. В пользу этого говорит то обстоятельство, что нередко один и тот же глагол употребляется как с приставкой *pa-*, так и с другими приставками, не изменяя при этом своего значения, например: *išdvesti*, *nudvesti*, *padvesti* «отдохнуть»; *išbalti*, *nubalti*, *nubalti*, *rabalti* «побледнеть, побелеть»; *išbusti*, *nubusti*, *rabusti* «проснуться»; *išgyti*, *pagyti*, *sugyti* «выздороветь»; *įprasti*, *paįprasti*, *prįprasti* «привыкнуть»; *išrausti*, *nurausti*, *parausti* «покраснеть»; *paupykti*, *supykti*, *užpykti* «рассердиться»; *išvargti*, *puvargti*, *pravargti* «устать, измучиться» и т. д. С другой стороны, приставка *pa-* служит не только для перфективации. Она может служить также для локализации действия в пространстве или изменения реального значения глагола, причем в обоих этих случаях она не превращает несовершенный глагол в совершенный. Так, мы можем сказать: *Jis dabar pakiša* (или *palenda*, *pačaria*, *padeda*, *paduoda*, *pasakoja*, *paavydi*, *pažėgia*) «Он как раз подсовывает (подлезает, советует, кладет, подает, рассказывает, он теперь завидует, он в силах...)». Здесь необходимо отметить, что отрицательная приставка *ne-* не влияет на видовую принадлежность глагола ни в настоящем времени, ни в других временах [98].

Правда, различие между формами настоящего времени совершенного и несовершенного вида иногда распознается не без некоторого усилия. Здесь, как это часто бывает в языке, мы сталкиваемся с явлениями, занимающими промежуточное положение между двумя категориями и по этой причине не поддающимися включению ни в одну, ни в другую. Это, однако, не подрывает нашей уверенности в существовании двух отчетливо различаемых категорий. Имеется лишь один случай, когда формы

настоящего времени совершенного вида могут быть использованы для выражения актуального действия в настоящем. Это случай так называемой «коинциденции» (совпадения) — случай, когда само действие и глагольное выражение этого действия совпадают, то есть когда совершение действия заключается в самом произнесении слова, например: *Aš tau dabar pasakau — daugiau negirdėsi nė žodžio* «Я тебе теперь говорю (= вот что я тебе скажу) — больше не услышишь ни слова».

Формы настоящего времени совершенного вида, будучи неспособными обозначать актуальное действие в настоящем, широко используются для обозначения действия, завершившегося в другие отрезки времени. Они могут обозначать: а) вневременное действие, то есть такое, которое представляется вечным, повторяющимся или возможным, например: *Ar ne aš žmones ir gyvulius pagirdau, sušpigo upelis* «Разве не я, шумя рекой, напою (напаяваю) людей и скотину»; или *Širdis dažnai pasako tai, ko galva nesupranta* «Нередко сердце скажет то, чего голова не понимает»; или *Laikraštį paskaito, laiškus broliams gimnazistams parašo, skaičiuoti moka* «Прочтет газету, напишет письма братьям гимназистам, учится считать»; б) действие, относящееся к прошлому (praesens historicum), например: *1897 metais pavasarį pabaigiau 4 klases* «Весной 1897 года я оканчиваю (в подлиннике совершенный вид) четыре класса»; или *Išginė Mildutė į lauką karvytę ir vaikščioja verkdamą. Ir prakalba jos pasoginė karvytė* «Выгнала Мильдуте в поле коровушку и ходит плача. И говорит (в подлиннике совершенный вид) ее коровушка, полученная в приданое»; в) действие, относящееся к будущему, например: *Einu ir pasakau (=eisiu ir pasakysiu)* «Иду и говорю (в подлиннике совершенный вид)» — в смысле будущего «пойду и скажу»; *O aš tavo kiaušinį takš ir sudaužau* «А я твоё яйцо хлоп — и разбиваю (в подлиннике совершенный вид)» — в смысле будущего «разобью». Наблюдая широкое использование во всех этих случаях форм настоящего времени совершенного вида, некоторые ученые* пришли к неверному выводу, будто почти все формы настоящего времени принадлежат к несовершенному виду. В действительности значительное число приставочных форм настоящего времени, — по-видимому, более 30% — является формами совершенного вида и не может обозначать актуального действия в настоящем.

Формы прошедшего времени также неоднородны.

1. Бесприставочные формы по большей части несовершенного вида. В качестве исключений можно назвать: а) глаголы с суффиксом *-telėti*, например: *pokstelėjo* «стукнул», *šuktelėjo* «крикнул», *švilptelėjo* «свистнул» (совершенного вида); б) глаголы точечного действия также совершенного вида, как, например, *dingo* «исчез», *dovanojo* «подарил», *gavo* «получил», *laimėjo* «выиграл», *rado* «нашел», *spėjo* (= *suspėjo*) «успел», *šovė* «выстрелил», *tapo* «стал», *teko* «достался», *smogė* «ударил», а также все синонимы *smogė*, чаще всего употребляемые в переносном значении, каковы, например, *drožė*, *kirto*, *pylė*, *rėžė*, *skėlė*, *žiebė* «стукнул, всыпал и т. д.». Когда эти глаголы употребляются не в переносном, а в прямом значении, они несовершенного вида, например: *pylė vandenį, rėžė stiklą* «лил воду, резал стекло». Подобные формы прошедшего времени совершенного вида немногочисленны; однако их больше, чем мы перечислили; в) Существуют и другие бесприставочные формы прошедшего времени, которые нейтральны и не могут быть отнесены к определенному глагольному виду, каковы, например, *baigė* «кончал» и «кончил*», *čiuro* «схватывал», *davė* «давал», *drįso* «решался», *dūrė* «колол», *ėmė* «брал», *gimė* «рождался», *grąžino* «украшал», *griebė* «схватывал», *grįžo* «возвращался», *griuvo* «обрушивался», *kėlė* «вставал», *kibo* «цеплялся», *kilo* «поднимался», *kliuvo* «попадал», *klupo* «спотыкался», *krito* «падал», *leido* «пускал», *lėmė* «решал, предопределял», *liepė* «приказывал», *liko* «оставался», *liovėsi* «переставал», *metė* «бросал», *mirė* «умирал», *pelnė* «заслуживал», *pirko* «покупал», *plyšo* «рвал», *puolė* «падал», *tužos* «решался», *sėdo* «садился», *skytė* «отделяла», *spėjo* (= *ispėjo*) «угадывал», *srjovė* «плевал», *srūtė* «вынуждал», *sprgo* «взрывался, лопался», *sprungo* «ускользал», *stengė* «боролся», *stojó* «вступал, становился», *stūmė* «толкал», *stvērė* «схватывал», *sviedė* «кидал», *šoko* «прыгал», *tarė* «говорил, предполагал», *tesėjo* «выполнял», *tėškė* «хлестала», *tiko* (= *patiko*) «нравился», *tilpo* «помещался», *trūko* «лопался», *vedė* «вел», *virto* «валился», *žuvo* «погибал». Это почти полный список таких глаголов.

* В дальнейшем ради экономии места перевод «нейтральных» глаголов дается формами одного несовершенного вида. — Прим. перев.

Может возникнуть вопрос, каким образом эти глаголы, кажущиеся чрезвычайно похожими на глаголы точечного действия, способны обозначать не только завершённое, но и незавершённое действие. Это можно объяснить тремя обстоятельствами. Прежде всего глаголы этого рода вовсе не обязательно обозначают очень краткое действие, равное математической точке. Например, *sprogimas* «взрыв» может длиться одно мгновение, но может длиться и несколько дольше, и поэтому форма *sprego* может быть как совершенного, так и несовершенного вида. Она пригодна для перевода как польского *rekał* «лопнул, взорвался», так и *rekał* «лопался, взрывался». Во-вторых, такие глаголы могут быть использованы в значении многократных, и в этом случае они являются несовершенными, например: *Žmonės tada mirė, it lapai gudenį krito* «Люди тогда умирали, как листья осенью падали». Здесь *mirė* обозначает «умирали один за другим». Аналогичные случаи: *medžiai sprego* (= *sproginėjo*) «деревья распукались», *žmonės žuvo* «люди погибали» и т. п. Наконец, эти глаголы могут обозначать не только переход из одного состояния в другое, но также последние мгновения перед таким переходом. *Mirė* может означать не только «умер, стал мертвым», но и «переживал последние минуты своей жизни, находился при смерти». Все эти обстоятельства и позволяют формам прошедшего времени этой группы глаголов выражать не только совершенный, но и несовершенный вид. Помимо вышеназванных, все остальные бесприставочные формы прошедшего времени сплошь несовершенного вида. Поэтому мы вынуждены не согласиться с Я. Сафаревичем¹⁰, утверждающим, что бесприставочные формы литовских глаголов не выражают вида. Такие формы, как *skaitė* «читал», *dirbo* «работал», *agė* «пахал», *ėjo* «шел», *kalbėjo* «говорил» и т. д., сплошь несовершенного вида, а этот класс глаголов составляет большинство во всех временах.

2. Приставочные формы прошедшего времени обычно совершенного вида. Исключение из этого правила составляют глаголы, вовсе не употребляющиеся без приставок, а также приставочные глаголы, которые резко отличаются по значению от соответствующих бесприставочных. Рассматривая формы настоящего времени, мы поместили эти глаголы в группах (α) и (β). Формы прошедшего времени этих обеих групп — несовершенного вида или нейтральные.

Из форм несовершенного вида наиболее часто употребляются следующие: *atrodė* «казался», *išmanė* «понимал», *ar Kentė* (*pakentė*) «терпел», *nu(si)manė* «предполагал», *putuokė* «соображал, понимал», *puvokė* «догадывался», *pagalėjo* «был в силах», *pasakojo* «рассказывал», *pažinojo* «знал», *paavydėjo* «завидовал», *priderėjo* «следовало, подобало», *priklausė* «принадлежал», *privengė* «опасался», *priziūrėjo* «присматривал». А нижеперечисленные формы могут рассматриваться в качестве нейтральных: *apsimokėjo* «расплачивался», *atjautė* «сочувствовал», *atminė* «помнил», *atsakė* «отвечал», *atstojó* «отставал», *išdavė* «выдавал», *išpažino* «признавал», *įtarė* «подозревал», *pujautė* «предчувствовал», *pažėgė* «мог», *palaike* «поддерживал», *pasitikėjo* «доверялся», *pasizymėjo* «отличался», *patarė* «советовал», *patiko* «нравился», *pažino* «знал», *prilaikė* «придерживал», *prileido* «допускал», *prilygo* «равнялся», *pripažino* «признавал», *pritarė* «одобрял», *sugebėjo* «умел», *sugyveno* «уживался», *suprato* «понимал», *sutarė* «устанавливал», *sutiko* «встречал», *suvoke* «соображал», *užjautė* «сочувствовал», *užstojó* «заступался», *užteko* «было достаточно» и некоторые другие. Формы этой последней группы бывают несовершенными только в тех случаях, когда они употребляются в переносном смысле, например *išdavė* «обманывал», *atsakė* «соответствовал», или когда имеют значение многократности, например *Darata įtarė* (= *įtaginėjo*) *rona* «Дарата (уже давно) подозревала (= привыкла подозревать) барина», или когда обозначают состояние, а не действие, например *pažėgė* «был в состоянии», *pažino* «был знаком». За исключением этих нескольких глаголов, все остальные приставочные формы прошедшего времени — совершенного вида. Сюда же относится большое число глаголов, у которых формы настоящего времени принадлежат к группам (α) и (β), каковы *pardavė* «продал», *pradėjo* «начал», и все формы глаголов, у которых формы настоящего времени принадлежат к группе (γ), каковы *atėjo* «пришел», *atidarė* «открыл», *išėjo* «вышел, ушел» [99]. Вполне понятно, что все приставочные глаголы, у которых формы настоящего относятся к совершенному виду, имеют и в прошедшем времени значение этого вида. Поэтому мы не можем согласиться с Я. Сафаревичем¹¹, утверждающим, что совершенный и несовершенный виды в формах прошедшего времени не различаются в литовском языке достаточно четко. Напротив, в прошедшем

времени они различаются четче, чем во всех других временах, поскольку здесь подавляющее большинство приставочных форм — несовершенного вида, а подавляющее большинство приставочных форм — совершенного.

Формы будущего времени с точки зрения их видовой принадлежности не имеют принципиального отличия от форм прошедшего времени. Бесприставочные формы, как, например, *skaitys, dirbs, kalbės, eis, neš* «будет читать, работать, говорить, идти, нести», и большинство остальных — несовершенного вида. Такие формы, как *baigs, grįš, pirks*, подобно формам прошедшего времени от тех же глаголов, — нейтральны (соответственно «будет кончать, возвращаться, покупать» или «кончит, вернется, купит»). Приставочные глаголы, относящиеся в формах настоящего и прошедшего времени к несовершенному виду, принадлежат к тому же виду и в форме будущего времени, например: *pasakos, pavydės, priklausys, atrodys* «будет рассказывать, завидовать, принадлежать, казаться» и др. Все приставочные глаголы, относящиеся к совершенному виду в прошедшем времени, относятся к совершенному виду и в будущем времени, например: *parduos* «продаст», *praneš* «принесет», *ateis* «придет», *išeis* «уйдет» и т. д. И здесь снова мои выводы отличаются от выводов Я. Сафаревича¹², который считает, что в литовском языке в формах будущего времени виды неразличимы.

Формы прошедшего многократного времени (*imperfectum consuetudinis*) также могут быть многообразными: они могут быть несовершенного и совершенного вида или нейтральными. Необходимо отметить, что сама эта форма, выражающая повторное или привычное действие, в меньшей мере способна придавать глаголу значение совершенного вида, чем форма прошедшего времени. По этой причине некоторые из данных форм нейтральны, тогда как формы прошедшего времени от тех же самых глаголов — совершенного вида. Например, формы прошедшего времени *atėjo* «пришел», *atidarė* «открыл», *išėjo* «ушел», *pardavė* «продал», *atidavė* «отдал» — совершенного вида, тогда как *ateidavo, atidarydavo, išeidavo, pardudavo, atiduodavo* — нейтральны. Что эти формы действительно способны выражать оба вида, показывают нижеследующие примеры с незаменимым видом. Например, в предложении *Kai senelis ateidavo, visi tuoj susirinkdavome aplink jį* «Когда дедушка приходил (= как только бывало придет),

мы все тотчас собирались вокруг него» выступает значение совершенного вида из-за того, что ситуация допускает только один этот вид. А в предложении *Kai senelis ateidavo, mes visi bėgdavome jį pasitikti* «Когда дедушка приходил, мы все бежали его встретить» та же самая форма *ateidavo* — несовершенного вида, потому что в этом случае ситуация допускает только несовершенный вид. Таким образом, мы обнаруживаем, что форма настоящего времени *ateina* — несовершенного вида («приходит»), тогда как формы прошедшего времени *atėjo* и будущего времени *ateis* — совершенного вида (соответственно «пришел» и «придет»), а форма прошедшего многократного времени *ateidavo* — нейтральна («неоднократно приходил» или «бывало придет»).

Глаголы, относящиеся в настоящем времени к совершенному виду, сохраняют значение совершенного вида и в прошедшем многократном времени, например: *padarydavo, pasakydavo, supūdavo* «бывало делает, скажет, сгниет». Доказательством этого служит то обстоятельство, что эти формы не могут быть использованы в тех случаях, когда ситуация допускает только несовершенный вид, например: *Kai senelis skaitydavo pasakas, mes visi sėdėdavom ir klausydavomės* «Когда дедушка читал сказки, мы все сидели и слушали». Форму совершенного вида *paskaitydavo* «бывало прочтет» здесь употребить невозможно. А в предложении *Kai senelis paskaitydavo pasaką, visi eidavome gulti* «Когда дедушка прочтет сказки, мы все шли спать» форму совершенного вида *paskaitydavo* нельзя заменить формой несовершенного вида *skaitydavo* «читал». Все глаголы, которые относятся к несовершенному виду в настоящем и прошедшем времени, разумеется, сохраняют значение несовершенного вида и в прошедшем многократном времени. Таким образом, общие выводы, которые из всего этого можно извлечь, таковы: Фортунатов и Сафаревич были правы, говоря, что форма прошедшего многократного времени сама по себе не служит для выражения какого-либо определенного вида; она обозначает многократное, а также обычное действие в прошлом. Однако неверно утверждение Сафаревича¹³, будто эта форма не дает возможности различить, имеем ли мы в данном случае дело с совершенным или несовершенным видом. Лишь иногда может встретиться такой случай. Однако, как правило, вид этих форм распознается так же

отчетливо, как и у всех прочих форм. Прошедшее многократное время в этом отношении ничем не отличается от всех остальных времен. Г. К. Ульянов, Р. Готьо (в уже упомянутых работах) и А. Зенн¹⁴ допустили ошибку, относя эти формы исключительно к несовершенному виду.

Другое дело — бесприставочная итеративная форма, являющаяся одним из главнейших средств выражения несовершенного вида. Здесь наиболее существенны формы с суффиксом *-inėi*. Итеративность преобразует многие глаголы совершенного вида в глаголы несовершенного вида или в нейтральные. Становясь итеративными, свой совершенный вид сохраняют только те глаголы, у которых формы настоящего времени имеют значение совершенного вида. Поскольку формы настоящего времени несовершенного вида сохраняют, получив итеративный суффикс, свой изначальный вид, мы можем сказать, что итеративность в формах настоящего времени не влияет на вид. Что касается форм прошедшего времени, то тут наблюдается иная картина. Здесь в сочетании с итеративным суффиксом сохраняют свой совершенный вид только те глаголы (по большей части с приставкой *pa-*), у которых формы настоящего времени также имеют значение совершенного вида, например: *parašinėjo*, *pašokinėjo*, *praklausinėjo*, *paražinėjo* «(несколько раз) написал, попрыгал, спросил, поездил». Все остальные итеративные глаголы относятся в прошедшем времени или к несовершенному виду или являются нейтральными.

Несовершенного вида: а) бесприставочные формы *griuvinėjo* «обрушивался», *pirkinėjo* «покупал», *sproginėjo* «взрывался, трескался», *šokinėjo* «прыгал», несмотря на то, что формы прошедшего времени без итеративного суффикса *-inėjo* — *griuvo*, *pirko*, *sprogo*, *šoko* — нейтральны; б) приставочные формы *arkalbinėjo* «оговаривал, клеветал», *argaudinėjo* «обманывал», *atlikinėjo* «исполнял», *atsakinėjo* «отвечал», *atsikalbinėjo* «отговаривался», *atidavinėjo* «отдавал», *atsiprašinėjo* «извинялся», *atsisakinėjo* «отказывался», *ikalbinėjo* «уговаривал», *įrodinėjo* «доказывал», *išsisukinėjo* «увиваливал», *išdarinėjo* «выделял», *nusileidinėjo* «спускался», *purodinėjo* «указывал», *palikinėjo* «оставлял», *papirkinėjo* «подкупал», *pardavinėjo* «продавал», *pranešinėjo* «сообщал», *prigaudinėjo* «обманывал», *prikalbinėjo* «уговаривал», *supirkinėjo* «ску-

пал», *užgaudinėjo* «оскорблял», *užsakinėjo* «заказывал» и т. д. Неитеративные формы всех этих глаголов сплошь совершенного вида.

Нейтральными формами являются следующие: *arka-sinėjo* «окапывал» и «(несколько раз) окопал»*, *arvaikš-tinėjo* «обходил», *araginėjo* «вспахивал», *aprišinėjo* «обвя-зывал», *aržiūrinėjo* «осматривал», *atidarinėjo* «открывал» *atsukinėjo* «отвинчивал», «поотвинчивал», *išdavinėjo* «вы-давал», *išvažinėjo* «изъездил», *išvarinėjo* «выгонял», «повыгонял», *išrašinėjo* «выписывал», *nuiminėjo* «сни-мал», *pujjaustinėjo* «отрезал, отпиливал», *parašinėjo* «списывал», *prisiuvinėjo* «вышивал, навывшивал», *prisu-kinėjo* «прикручивал, привинчивал», *sustatinėjo* «со-ставлял», *suvarinėjo* «сгонял», *uždarinėjo* «закрывал» и др. Неитеративные формы всех этих глаголов также совер-шенного вида.

Некоторые итеративные глаголы почти полностью утратили свое итеративное значение и стали просто гла-голами длительного действия, таковы, например, *atsaki-nėjo* «отвечал», *atsiprašinėjo* «извинялся», *įrodinėjo* «дока-зывал», *įtikinėjo* «уверял».

Таким образом, из этого можно сделать следующие об-щие выводы: существует лишь немного итеративных форм совершенного вида, причем чаще всего это формы с при-ставкой *pa-*. Подавляющее большинство итеративных форм или несовершенного вида, или нейтральны. Это доказы-вает, что итеративность в литовском языке — одно из существенных средств имперфективации.

Влияние итеративной формы как средства имперфекти-вации обнаруживается также в употреблении инфинитива. Вообще говоря, вид в неличных формах глагола прояв-ляется совершенно так же, как в личных формах. Инфи-нитивы с приставками по большей части совершенного вида, хотя их принадлежность к совершенному виду ощущается менее отчетливо, чем в личных формах. Мы можем сказать: *Turėjo visą dieną rašyti* «Он должен был весь день писать», но не можем сказать: «*Turėjo visą dieną parašyti*» «Он должен был весь день написать». Впрочем,

* И здесь глаголы, которые автор называет «нейтральными», мы в дальнейшем переводим формами одного вида, и именно несовер-шенного (за исключением тех случаев, когда это для тех или иных лексических значений невозможно). — *Прим. перев.*

с глаголами «начинать» и «кончать» употребляются не только инфинитивы несовершенного вида, что вполне естественно, но и такие инфинитивы, которые считаются принадлежащими к совершенному виду. Говорят не только *baigia augti* «перестает расти», *baigia šalti* «перестает мерзнуть», но и *baigia užaugti*, *baigia sušalti* (при *užaugti* «вырасти», *sušalti* — «замерзнуть») [100]. Однако во многих случаях, когда говорящий чувствует, что инфинитивы с приставкой не очень подходят к данному сочетанию, он употребляет вместо них итеративные инфинитивы с приставкой, например: *baigė atkalbinėti* «он перестал отговаривать», *pradėjo (rodinėti)* «он начал доказывать», *ėmė (= pradėjo) reikalą išdėstinėti* «начал подробно излагать дело», *ėmė persirenginėti*, *urodinėti*, *įkalbinėti*, *prisiekinėti* «начал переодеваться, указывать, уговаривать, клясться» и т. д. Замечание Френкеля¹⁵, считавшего, что эти инфинитивы появились под влиянием славянских, едва ли правильно. Поскольку это явление можно наблюдать на всей площади распространения литовского языка, мы склонны видеть в нем результат естественного развития.

В видовой системе литовского глагола немалую роль играют сложные глагольные конструкции, образуемые личной формой вспомогательного глагола «быть» и причастием настоящего времени действительного залога, какковы, например, *buvo, būdavo, bus bedirbęs, beateinąs*, букв. «был, бывал, будет работающий, приходящий». В этих формах важны оба составляющих их элемента, так как причастия выражают длительность действия, а формы глагола «быть» указывают на время этого действия. В предыдущем изложении мы уже видели, что прошедшее время постоянно перфективирует приставочные формы глаголов. Мы показали на ряде примеров, что многие глаголы, которые в настоящем времени относятся к несовершенному виду, в прошедшем времени имеют значение совершенного вида. Ср. хотя бы неоднократно упоминавшееся несов. *ateina* и сов. *atėjo*. Эта последняя форма не имеет в прошедшем времени соответствующей бесприставочной формы несовершенного вида. Даянный пробел восполняется сложными формами, состоящими из связки и причастия настоящего времени — *buvo beateinąs* букв. «был приходящий» (= «как раз приходил»). Форма будущего времени *bus beateinąs* имеет адекватное значение («будет приходящий» = «будет приходить»). Форма про-

шедшего многократного времени *būdavo beateinąs* («бывал приходящий») здесь не так уж важна, потому что практически она имеет то же значение, что и *ateidavo* «приходил (неоднократно)». Несовершенный вид этого образования зависит от значения причастия, а не от приставки *be-*, как утверждали некоторые исследователи.

Что касается причастий вообще, то о них можно сказать, что с точки зрения их видовой принадлежности они уподобляются личным формам глагола, хотя у них виды и различаются с меньшей отчетливостью. Впрочем, в некоторых случаях вид легко распознается и у причастий. В известных атрибутивных сочетаниях может быть употреблен только один определенный вид. Мы можем сказать: *Mačiau jį rašantį laišką* «Я видел его пишущим письмо». Здесь невозможно употребить форму совершенного вида *parašantį*. Мы говорим: *Klausau gražiai dainuojamos dainos* «Я слушал красиво распеваемые песни»; причастие несовершенного вида *dainuojamos* «распеваемые» не может быть заменено причастием совершенного вида *padainuojamos*. Аналогично и в таких оборотах, как *Dirbdamas darbą sekė vaikams pasakas* «Выполняя работу, рассказывал детям сказки» (здесь нельзя сказать *padirbdamas*) или *Broliai rašant, sesuo skaitė knygą* «Когда брат писал, сестра читала книгу» (здесь мы не можем воспользоваться формой *parašant*). Равным образом и в предложении *Parašęs laišką, įsidėjau voką* «Написав письмо, я вложил его в конверт» мы не можем использовать причастие несовершенного вида *rašęs* «писав».

Я. Сафаревич в своей статье о литовских глагольных видах приходит к следующему общему выводу: «В литовском языке любые формы любых глаголов одинаково хорошо выражают как совершенный, так и несовершенный вид; единственное исключение состоит в следующем: приставочные глаголы, приставки которых не меняют лексического значения простого, бесприставочного глагола, не способны выражать подлинное настоящее время изъявительного наклонения (впрочем, они могут выражать несовершенный вид в будущем времени, в прошедшем времени, в модальных и неличных формах)¹⁶. Настоящая статья показывает, что все заключение Сафаревича, кроме той его части, которую мы выделили разрядкой, ошибочно.

И т о г и

1. Настоящее время: а) бесприставочные глаголы, как правило, — несовершенного вида, за исключением глаголов мгновенного действия, каков, например, глагол *šuktelia* (наст. вр. от «вскрикнуть»), и глаголов точечного действия, каковы, например, *ganda*, *šaupta* (наст. вр. от «найти», «выстрелить»); б) большая часть приставочных форм также, вероятно, несовершенного вида.

2. Прошедшее время: а) бесприставочные глаголы, как правило, — несовершенного вида; форм совершенного вида, а также нейтральных насчитывается не более 100; б) около 90% приставочных форм — совершенного вида.

3. Формы будущего времени с точки зрения их видовой принадлежности принципиально не отличаются от форм прошедшего времени.

4. Формы прошедшего многократного времени могут быть несовершенного и совершенного вида, а также нейтральными.

5. Неличные формы с точки зрения их видовой принадлежности подобны во всем личным формам, хотя в этом случае виды различаются менее явственно.

6. Приставки являются наиболее важным средством выражения совершенного вида. В формах прошедшего и будущего времени виды выражаются с наибольшей отчетливостью.

7. Важнейшие средства деперфективации — это итеративные глаголы и сложные формы, состоящие из личной формы вспомогательного глагола и причастия настоящего времени.

П Р И М Е Ч А Н И Я А В Т О Р А

¹ E. Seidel, Zu den Funktionen des Verbalaspekts. [В настоящем сборнике то место статьи Зейделя, где он высказывает это положение, мы не приводим; см., однако, весь I раздел сборника.]

² E. Koschmieder, *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie*, Wilno, 1934.

³ J. Safarewicz, *Stan badań nad aspektem czasownikowym w języku litewskim*, *Balticoslavica III*, Wilno, 1938, стр. 1—27.

⁴ R. Gauthiot, *Le parler de Buividze*, Paris, 1903.

⁵ J. Safarewicz, *L'aspect verbal en vieux-lituanien*, *Actes du Quatrième congrès international de linguistes*, Copenhague, 1938, стр. 210—215.

⁶ Ernst Fraenkel, *Sprachliche, besonders syntaktische Untersuchung des kalvinistischen litauischen Katechismus des Malcher*

Pielkiewicz von 1598, Göttingen, 1947 (=KZ, «Ergänzungshefte», № 14).

⁷ Г. К. У д љ я н о в, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, II часть, Варшава, 1895.

⁸ Ф. Ф. Ф о р т у н а т о в, Разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке», *Сборник ОРЯС*, т. 64, № 11, 1897, особенно стр. 68—102.

⁹ E. Koschmieder, *Nauka o aspektach...*, стр. 193.

¹⁰ J. Safarewicz, *Stan badań...*, стр. 13.

¹¹ Там же, стр. 15.

¹² Там же, стр. 13.

¹³ Там же, стр. 15.

¹⁴ A. Sepp, *Verbal Aspects in Germanic, Slavic, and Baltic*, *Lg.*, 25, 1949, № 4, стр. 406.

¹⁵ E. Fraenkel, *Указ. соч.*, стр. 110.

¹⁶ J. Safarewicz, *L'aspect verbal en vieux-lituanien*, стр. 215. [Из литературы о видах (и способах действия) литовского глагола отметим еще: J. Paulauskas, *Veiksmazodžių priešdėlių funkcijos dabartinėje lietuvių literatūrinėje kalboje*, «Труды Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР», т. III, 1958, стр. 301—453; E. Galnaitytė, *Veiksmazodžiai su priešdėliu ra-dabartinėje lietuvių kalboje*, *УЗ Вильнюсского государственного университета*, т. XXVI, 1958, стр. 101—122; е е же, Лексические значения глагольной приставки *po-* в соответствии с приставкой *pa-* литовского языка. *Славянское языкознание (сборник статей)*, М., 1959, стр. 59—71; L. Dambriūnas, *Lietuvių kalbos veiksmazodžių aspektai*, Boston, 1960; Т. И. Б у х, К вопросу об изучении категории вида в литовском языке. *Вопросы составления описательных грамматик (сборник статей)*, М., 1961, стр. 194—200; см. и 98-е примечание редактора.]

Эрвин Кошмидер
ТУРЕЦКИЙ ГЛАГОЛ И СЛАВЯНСКИЙ
ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД*

...После того как фонология наконец пролила свет на метод определения и классификации языковых структур, уже нет никакого сомнения в следующем: сущность совершенности и несовершенности, т. е. назначение данного различия, ясно выступает лишь там, где одна из этих категорий должна быть употреблена, а вторая употреблена быть не может; в таких случаях видовое различие является «релевантным». В «Очерке науки о видах польского глагола»¹ я показал, что есть и другие случаи — случаи, в которых это различие «снимается» или становится «иррелевантным». Тем же, у кого возникает сомнение, каким образом оппозиция видов, столь глубоко проникающая в славянскую глагольную систему, может быть иррелевантной в такой широкой области употребления, как вневременность [101], я посоветовал бы перечитать главу об аксиоме абстрактивной релевантности из содержательной книги Бюлера² и соответствующие места в «Anleitung» Трубенцкого³.

Ведь именно фонология с полной убедительностью показала, что даже важнейшие различия в фонологической системе могут в особых условиях оказаться «снятыми». Так, в польском языке различие между глухими и звонкими согласными, в целом вполне релевантное для значения и поэтому «важное», при известных условиях «снимается». Например, глухие и звонкие щелевые *s* : *z*, *ś* : *ź* и т. д. являются подлинными фонемами, и в положении в

начале или в середине слова перед гласными они и с точки зрения неучастия или участия голоса вполне релевантны для значения: *sadek* «садик» ; *zadek* «задок» ; *zakasać* «засучить» (рукава) ; *zakazać* «запретить». В положении же на конце слова и в середине слова перед смычными и щелевыми согласными данное различие оказывается иррелевантным для значения и зависящим от чисто фонетических условий, т. е. разница смысла здесь уже не передается отсутствием или наличием голоса, так что в абсолютном исходе *zakaz* с глухим *s* означает как «засучи» — повелительное наклонение от *zakasać* (орфографически, конечно, *zakasz*), так и «запрети» — повелительное наклонение от *zakazać* (орфографически *zakaz*). Так же и на стыке слов в предложении, например: *zakaz bratu* может соответствовать как орфографическому *zakasz bratu...* «засучи брату...» (рукава и т. п.), так и орфографическому *zakaz bratu...* «запрети брату...» Следовательно, в этих случаях различие по глухости/звонкости оказывается для значения иррелевантным, оно обусловлено здесь совсем иными факторами, чем факторы смысловые, использующие его в качестве «различительного знака», например в 1 л. ед. ч. *zakaszę* (орфографически *zakaszę*) : *zakazę* (орфографически *zakazę*). Точно так же и различие между совершенным и несовершенным видом является в определенных типах употребления иррелевантным (именно с точки зрения вида!), и тогда эти типы, конечно, оказываются непригодными для анализа функциональных различий между видами.

Исследование фактов турецкого языка бросает яркий свет на славянскую систему именно благодаря тому, что в турецком виде выражаются не средствами словаря, а при помощи суффиксов, имеющих чисто грамматическую функцию. Примечательно, однако, что грамматисты-тюркологи, можно сказать, полностью умалчивают о существовании в турецком языке какой-либо видовой системы. Дени, правда, замечает по поводу формы *уапуордум* «я делал», что это подлинный имперфект, но само по себе такое утверждение еще ничего не говорит о системе видов. Не являются более обстоятельными и высказывания других грамматистов. Все они проходят мимо бинарной оппозиции *уапуордум* : *уапуим*, не обнаруживая к ней сколько-нибудь значительного интереса. Между тем именно эта оппозиция заслуживает нашего внимания, так как не

* Erwin Koschmieder, Das türkische Verbum und der slavische Verbalaspekt, Münchener Beiträge zur Slavenkunde, Festgabe für Paul Diels, München, 1953 (Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München, Bd. IV), стр. 137—149 (публикуется с сокращениями).

только в компоненте *uyarıyordum*, но и в компоненте *uarıtım* «я сделал» она определяется как чисто видовая [102]. Однако, прежде чем мы сделаем какие-либо выводы из турецких фактов для истолкования славянской системы, мы должны ясно показать видовую природу названной оппозиции, для чего следует прежде всего установить, имеются ли здесь случаи, в которых одна форма не может заменить другую, и случаи, в которых обе формы являются взаимозаменяемыми. Только после этого может быть плодотворным сравнение турецких фактов со славянскими.

Взаимная замена форм невозможна

Данные турецкие формы не могут заменять друг друга в следующих случаях: *Fakat o hâlâ hareketsiz, başı öne iğik duruyordu. Onu daha fazla üzme istemiyerek dersi çabuk bitirdim ve ayrıldım* (Oğuz Özdeş, Coşkun gönüller, 34) «Однако она все еще стояла там неподвижно, наклонив голову. Но так как я не хотел ее слишком мучить, я быстро закончил урок и ушел».

Вне этого предложения, т. е. в каком-нибудь другом контексте, было бы вполне возможно сказать *fakat hareketsiz durdu* («но она стояла там неподвижно») или «но она остановилась и осталась стоять неподвижно»), но в данном контексте такой оборот невозможен. Ведь в первом предложении должен быть выражен факт, который еще длится в тот момент, когда наступает факт, выраженный во втором предложении. Это часто встречающийся и характерный как раз для повествования ситуационный тип, который я назвал *tfo—pastır* «фон—наступление» (или *Währen—Eintritt* «длительность—наступление») *. В этом ситуационном типе во всех языках, обладающих формальным видовым различием, несовершенный вид в «*tfo*» и совершенный в «*pastır*» не могут заменять друг друга.

В нашем турецком примере также невозможно ни *durdu*, ни *bitiriyordum* или *ayrılıyordum*; точно так же замена была бы невозможна и в переводе на польский язык как в отношении несовершенного *stała* («стояла»), так и в отношении совершенных *skończyłem* и *wyszedłem*.

Совершенно аналогично и в следующих примерах:

Günler pek çabuk geçiyor, saatler, dakikalar, ebediyetin arkasında kayboluyordu. Bazen mes'ut olduğumu ve bütün güzelliklerin içimde parladıklarını zannediyordum.— Fakat bir gün geldi ki, elimdeki para bitti (Oğuz Özdeş, Coşkun

gönüller, 13) «Дни текли очень быстро, часы, минуты *те-рялись* в вечности. Порой я *думал*, что стал счастливым и что во мне раскрылось все самое лучшее. Но вот *пришел* день, когда имевшиеся у меня на руках деньги кончились». Формы имперфекта *geçiyordu*, *kayboluyordu*, *zannediyordum* здесь также ни в коем случае не могут быть заменены посредством *geçti* и т. д., так же как *geldi* «вот пришел день» — посредством *geliyordu*.

Pencerenin önüne giderek bu güzel şehre baktım. Herşey kımıldıyor, sendeliyor ve gülüyordu...— Acele giyinerek dışarı çıktım (там же, 14) «Подойдя к окну, я взглянул на этот прекрасный город. Все было в движении, все *кишело* вокруг, все *смеялось*... Быстро одевшись, я *вышел* на улицу». Действие, выраженное формой *kımıldıyor* «было в движении...» и т. д., должно быть представлено как длительность и, конечно, не может быть здесь заменено более, впрочем, употребительным *kımıldı*. С другой стороны, *çıkıtım* («тут я вышел...») также нельзя заменить посредством *çıkıyordum* «выходил» (*sich war im Hinausgehen*).

Onu, tiyatrodaki sanatçılara prova ederken görmüştüm. Köşede, pek sessiz duruyordu. Ve bu hal ona, çekici bir güzellik veriyordu. Bir aralık gözgöze geldik. Fakat, her nedense, o hemen başını önüne iğdi (там же, 19) «Я видел ее в театре, когда артисты репетировали. Она безмолвно *стояла* в углу. И это *придавало* ей притягательную красоту. В какой-то момент наши взгляды *встретились*. Но она почему-то тотчас *наклонила* голову».

Bir taraftan mektebe gidiyor, boş zamanlarımda da piyano ile meşgul oluyordum. Fakat bu mes'ut günler de çok sürmedi. Amcam iflâs etti ve çok geçmeden öldü (там же, 12) «С одной стороны, я *ходил* в школу, но с другой — в свободное время *занимался* игрой на пианино. Однако эти счастливые дни длились недолго. Мой дядя *обанкротился* и вскоре после этого *умер*. И здесь *gidiyordum... meşgul oluyordum* «я ходил... я был занят» выражают длительность, но вот что-то наступает, а именно *iflâs etti* «обанкротился» и т. д.

Günlerim, rabbimin sevgili kullarına bahşettiği günler gibi mes'ut ve şen geçiyordu. Nihayet bir gün, onunla konuşmak fırsatını buldum ve kalbime pek yakından temas eden bir tanışma yaptım (там же, 20) «Мои дни *текли* счастливо и весело, как дни, которые Аллах даровал своим любимым слугам. Наконец я *нашел* случай заговорить

с нею и *завязал* знакомство, очень близко касающееся моего сердца».

Нет необходимости умножать подобные примеры: само по себе это было бы очень легко, но ничего бы уже более не доказало. Если какой-то факт в ситуационном типе «длительность — наступление» должен быть представлен как длительность, то турок употребит *uyuyorudum*; если же факт должен быть обозначен в его наступлении, то он употребит *uyarım*. Доказательную силу имеет здесь не нагромождение примеров, а факт незаменимости.

Однако для нас в данном случае особенно важно обстоятельство, что рассмотренные явно видовые функции определенно нельзя (хоть этого, кажется, кое-кому в принципе и хотелось бы) поставить в причинную связь с лексическим значением соответствующих глаголов, ибо от одного и того же глагола регулярно образуются обе видовые формы. Принципиальное значение имеет и другой факт: в глагольной префиксации самой по себе не следует (как это вновь сделал Ренггелль)⁴ усматривать сущность видовой системы, ибо турецкий глагол, как было показано, также различает видовые формы, однако он вообще не знает никакой префиксации.

Теперь, для того чтобы еще яснее показать идентичность «подразумеваемого» (*des «Gemeintens»*) в славянском виде и в обеих рассматриваемых турецких формах, я приведу короткий рассказ Тургенева «Воробей» в сопоставлении с турецким переводом, правильность которого я специально проверял у многих турок и турецких немцев. Для сравнения я использую следующие обозначения:

→ : Направительная отнесенность «прошлое — будущее» = *несовершенство*.

← : Направительная отнесенность «будущее — прошлое» = *совершенство*.

I: ситуационный тип «длительность — наступление».

II: ситуационный тип «наступление — длительность».

III: изолированный тип.

A, B, C — N: узлы сравнительных ситуационных типов.

a₁, a₂, a₃ — a_n: параллельные факты внутри данного члена узла.

a, b, c — n: последовательные факты в рамках данного члена узла.

R: регресс.

К этому следует добавить следующие краткие разъяснения:

1. По поводу → и ← см. мои работы «Временная отнесенность и языки» и «Очерк науки о видах...»⁵.

2. О ситуационных типах I, II, III см. также мой «Очерк науки о видах...».

3. A, B, C...N символизируют намечаемое сменой ситуационных типов временное членение рассказа на «узлы» с различным в каждом конкретном случае порядком членов «длительность» («фон») и «наступление». Взятые в совокупности, эти узлы составляют течение времени повествуемых событий, о чем прекрасно (хотя с несколько иной точки зрения и на базе не очень удачного материала) писал Вернер Матц⁶. Дальнейшее исследование этого вопроса мне представлялось бы весьма желательным. Для нашей же цели в данном случае, пожалуй, достаточно сказанного.

4. По поводу R: под «регрессом» я подразумеваю возвращение рассказчика назад, перерыв во временной последовательности повествуемых событий для сообщения о фактах, предшествующих тому действию, до которого уже продвинулось повествование. Такие более ранние факты передаются в немецком языке плюсквамперфектом, в турецком — прошедшим временем, образованным при помощи *-miş*, а в русском лишены какого-либо формального выражения. Обычно здесь идет речь об изолированном типе (= III).

И. С. Тургенев

Воробей

A1a ₁ →	A1a ₁ →	Avdan dönerken parkın baş u-
Я возвращался * с охоты и шел		→
	A1a ₂ →	lunda yürüyordum. Köpek önümde
по аллее сада. Собака бежала		→
	A1b ←	koşuyordu, birdenbire de adımı-
вперед меня. Вдруг она умень-		ları yavaşladı ve önünde bir hay-

* *Возвращался* выражает «длительность»; совершенное *вернулся* само по себе возможно, но не здесь; здесь же смысл таков: «я был на обратном пути» («ich war auf dem Rückwege»); при совершенном виде было бы: «по возвращении» («ich war nach dem Rückwege»), т. е. уже дома. Замена вида точно так же невозможна в *шел* и *бежала*, тур. *yürüyordum* и *koşuyordu*.

шила * свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь. Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья, с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки. Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее мордой — и весь взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой, раскрытой пасти. Он кинулся ** спасать, он заслонил собою свое детище... но все его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою. Каким громадным чудовищем

* Уменьшила обозначает «наступление», аналогично и начала, глянул, увидел. Несовершенные формы уменьшила и т. д., уаваşıladı и т. д. означали бы занятость субъекта соответствующим действием.

** Регресс представлен формами кинулся... заслонил..., продолжение повествования — формой трепетало..., новый регресс — формами одичал... охрип, новое продолжение повествования — формами замирал... жертвовал... Все вместе представляет собой описание состояния с обосновывающими возвращениями назад.

van koklu yormuş gibi siper alarak saklana saklana yaklaşmağa başladı. Yola bakıp gagası halen sarı ve başında hafif tüyler gözüken bir serçe yavrusunu gördüm. Kuş rüzgâr kenardaki ağaçları kuvvetle kımıldatınca yuvadan düşmüştü ve henüz büyümüş kanatlarını açıp çaresiz hareketlessiz oturuyordu. Köpeğim yavaş yavaş kuşa yaklaşıyordu — birdenbire ağzının önünde ihtiyar karagöğüslü diğer bir serçe yakındaki ağaçtan atılarak taş gibi düştü — ve tüylerini ürperterek heyecanlı bir halde ızdırabın çıkırsı ile iki kere açılmış dişli ağza doğru sıçradı. Serçe kuşu yavrusunu vücudu ile örtterek kurtarmağa atılmıştı... İâkın bütün küçük vücudu korkudan titriyordu, sesi vahşî ve boğuk olmuştu, serçe yarı ölü bir halde kendisini feda ediyordu. Köpek ona ne büyük bir hayvan görünecekti?

должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила * его оттуда. Мой Трезор остановился **, попятился... Видно, и он признал эту силу. Я поспешил отозвать смущенного пса — и удалился, благоговей. Да, не смейтесь. Я благоговел *** перед той маленькой героической птицей, перед любовным ее порывом. Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. — Только ею, только любовью держится **** и движется жизнь.

Итак, вся временная структура, выраженная в русском тексте этого рассказа, выглядит следующим образом:

$A_1a_1 \rightarrow, a_2 \rightarrow, a_3 \rightarrow Ab \rightarrow, c \leftarrow, d \leftarrow, e \leftarrow, RIII \leftarrow, RIII \rightarrow, B_1a_1 \rightarrow, a_2 \rightarrow Bb \leftarrow, c \leftarrow, RIII \leftarrow, RIII \leftarrow, C_1a_1 \rightarrow,$

* Сбросила — регресс, так как он уже находится внизу; следовательно, по-немецки было бы: hatte ihn herabgeworfen.

** На основании форм русского текста нельзя судить о том, возобновляется ли повествование в данном пункте (остановился) или и здесь имеет место регресс; но об этом вполне можно судить по содержанию. Поэтому употреблено durdu, тогда как иначе было бы durmuştu.

*** Здесь налицо не продолжение течения повествования, а возвращение к тому факту, который выражен дееспричастием благоговей, принадлежащим к C₁d. Следовательно, здесь мы имеем дело не с «узлом» и не с «регрессом», а с выделением последнего члена узла. Поэтому (C₁d) III₁, a₁.

**** Общая сентенция; поэтому в турецком вневременная форма.

Bununla beraber tehlikesiz yüksek dalında oturup kalamamıştı... Kendisinden kuvvelli bir kuvvet kuşu yerinden atmıştı. Köpeğim Trezor durdu, tevakkuf etti... Zaten o da bu kuvvetli tanıdı. Ben de çabuk çabuk hürmetle köpeği çağırverdim. Evet; gülmeyiniz. Ben şu küçük kahraman kuşa karşı yani onun sevgi hamesine karşısında bir hürmet hissediyordum. Sevgi ölümünden ve ölüm korkusundan daha şiddetlidir, — zannediyordum. Hayat yalnız sevgi sayesinde korunur ve hareket eder.

RIII ←, RIII ←, a₂ →, a₂ →, RIII →, RIII ← Cb₁ ←, b₂ ←, b₂ ←, c ←, d ←, (CId) IIIa₁ →, a₂ →. [Ex] [Ex].

Мы имеем здесь три узла А, В, С; между ними несколько раз выступает регресс, а в конце два раза вневременность (Extratempore). Регресс остается в русском языке необозначенным, мы судим о нем лишь по контексту. Однако в турецком и немецком языках он имеет формальное выражение. Зато в немецком формально не выявляется направительная отнесенность, т. е. вид, но она выражена в русском и турецком языках, причем турецкий очень точно соответствует русскому. Если бы мы попытались заменить одну из турецких категорий уarıyordum или uarıtum другой, то мы так же сильно исказили бы данный текст, как исказили бы немецкий текст, употребив в нем плюсквамперфект там, где нет никакого регресса, и имперфект [103] — там, где регресс имеется. Было бы очень интересно привлечь для сравнения также и французский перевод, скажем в превосходном издании под редакцией А. Мазона (Париж, 1946).

Взаимная замена форм возможна

В славянских языках замена вида возможна в тех определенных типах употребления, когда видовое различие является или может быть иррелевантным. Это наблюдается как при вневременности, так и при локализации во времени.

При вневременности — постольку, поскольку речь идет не об общем свойстве, а о действии. Следовательно, видовое различие иррелевантно в таких, например, предложениях, как польское Kto głupiemu ustąpi, sto dni odpustu dostąpi «Кто глупому уступит, тот на сто дней получит отпущение грехов»; ср. аналогичную пословицу: Kto starą babę pocałuje, sto dni odpustu dostępuje «Кто старую бабу поцелует, на сто дней получает отпущение грехов»⁹. Турецкий же язык использует в таких случаях вневременную форму («аорист») уарагит, так что заменимость вида здесь не может иметь места, тем более что в турецком языке и вовсе нет формы настоящего времени совершенного вида. Выступающая здесь в презенсе оппозиция уarıyordum: уарагит есть оппозиция действия, локализованного во времени, и действия вневременного⁹.

При локализации во времени виды в славянских языках являются в известных рамках заменимыми в «изолированном ситуационном типе». Ср. польск. Czy Rapowie już zamawiali? «Вы уже заказывали?» в противоположность или наряду с zamówili «заказали». Весьма характерно, что в турецком, где этот тип также имеется, в претерите — ведь в других формах турецкий язык не различает видов — обнаруживается такая же подвижность вида, как и в славянских языках. Так, мы находим несовершенство аналогично славянскому в случаях следующего типа:

...Yüzünün ifade ettiği mâna... Herşey... Herşey... Nâgâna benziyordu. — Ben hep ona bakıyordum... (Oğuz Özdeş, Coşkun gönüller, 128) «Многозначительное выражение лица... все... все... напоминало Наран. Я непрерывно смотрел на нее».

Такие примеры необычайно часты, поэтому не стоит занимать ими место. Однако важно то, что в этом изолированном типе отнюдь не исключена и совершенность, причем как раз даже там, где данный факт, несомненно, характеризуется некоторой длительностью. Например:

Bu gece hep sizi düşündüm. Ve birçok defalar sizin kollarıpızın atasında imişim gibi kendimi kaybettim (там же, 79) «Сегодня ночью я все время думал (в подлиннике совершенная форма) о вас. И несколько раз я совсем забылся, как будто лежал в ваших объятьях». Конечно, несов. düşünüyordum и kaybediyordum здесь были бы так же возможны, как и в приведенном выше примере ben hep ona bakıyordum.

Geç vakta kadar onunla ağaçların altında başbaşa kalarak, saadetten, şereften ve çılgınlıktan bahsettik. — Acaba o anda Gülten ne yapıyordu? (там же, 75) «Когда я был с нею наедине допоздна под деревьями, мы говорили (в подлиннике совершенная форма) о счастье, величии и безумии. — Но что в это время делала Гюльтен?» Здесь могло бы стоять также bahsediyorduk (несов. «мы говорили») и сов. yaptı.

Uzun zaman, başı göğsümde hiçkırtdı ve ben bu sesleri yağı ölü bir halde dinedim (там же, 73) «Она долго рыдала (в подлиннике совершенная форма), склонив голову ко мне на грудь, а я, еле живой, слушал (в подлиннике совершенная форма) эти звуки». Здесь было бы также возможно hiçkırtyordu... dinleyordum, хотя я и не нашел при-

мера, в котором при обстоятельстве времени *uzun zaman* «долгое время» стояла бы несовершенная форма. С совершенной формой ср. еще:

Sabaha yakın kalktım. Yıldızlar birer birer sönüyordu. *Uzun zaman* pencerenin önünde *durdum* (там же, 30/31) «К утру я встал. Звезды гасли одна за другой. Долгое время я стоял (в подлиннике совершенная форма) у окна».

Başını göğsüme dayıyarak gözlerini kapadı: — «Nekadar mes'udum!» — diye fısıldadı. *Uzun zaman sustu*. Sonra başını göğsünden kaldırarak: «Fakat, dedi, ben yarın evde olmyasagım» (там же, 37) «Склонив голову ко мне на грудь, она закрыла глаза: «Как я счастлива!» — шептала она. Долгое время она молчала (в подлиннике совершенная форма). Затем она сказала, подняв голову с моей груди: «Но завтра меня не будет дома».

Из этих примеров явствует, что видовое различие в данном типе употребления, как правило, иррелевантно; это уверенно подтвердили также и мои информаторы. Однако из указанных примеров следует, что та связь между обстоятельствами продолжительности и несовершенным видом, которая живет — отчасти даже вопреки фактам славянских языков — в языковом сознании славян (и в особенности грамматистов), с теоретической точки зрения не играет решающей роли. Тип ἐβασίλευσε τριάνοντα ἔτη [104], по-видимому, оказывается в турецком языке господствующим.

Изложенные соображения позволяют сделать вывод о том, что турецкая оппозиция *uyurdum* : *uyrdım* является видовой и по своим основным функциям совпадает со славянским глагольным видом. Существенное различие между турецким и славянскими языками заключается в морфологии системы. В турецком языке видовая оппозиция ограничена двумя формами претерита; как правило, она не охватывает будущего времени, а также императива и инфинитива. Напротив, презенс постоянно имеет видовую направленность и, естественно, указывает на несовершенный, и только несовершенный вид. Итак, видовое противопоставление в турецком языке остается строго ограниченным функцией «изложения» («Darstellung») [105] в противоположность славянским языкам, обнаруживающим это противопоставление во всех глагольных формах. Интересно, что морфологическим средством выражения несовершенного вида при этом является презентная гла-

гольная основа, причем используется, таким образом, внутренне присущая презенсу несовершенная направленная отнесенность. Так, например, *okuyordum* означает «я был тот, кто мог о себе сказать: я как раз читаю», т. е. «я как раз был занят чтением»; совершенный коррелят — *okudum* — не имеет никакого особого признака формального характера, который бы сам по себе «обозначал» совершенность. Таким образом, его можно рассматривать как до известной степени «нулевую категорию».

В отношении распространения видовых форм турецкий язык вместе с латинским и романскими языками принадлежит к группе, о которой в науке до сих пор существуют весьма разнообразные мнения. Вопрос о виде в латинском языке в последнее время был прекрасно освещен Яном Сафаревичем¹⁰, работа которого и сделала для меня возможной данную выше систематизацию фактов.

Если теперь мы зададим себе вопрос, что же дает турецкий глагол для познания славянской видовой системы, то я хотел бы выдвинуть следующие основные пункты.

1. Глагольный вид, несмотря на то что в славянских языках он образуется при помощи лексических формальных средств, является сам по себе отнюдь не категорией словаря, а категорией грамматики.

2. Префиксация, несмотря на ее большое значение в морфологической системе славянских видов, не составляет сущности видов, так как турецкий язык (как и многие другие языки) образует свои виды без всяких префиксов.

3. Виды относятся к функции изложения языка (*Darstellungsfunktion*). Там, где они обнаруживаются в славянских языках в сфере других функций, например в сфере возбуждения реакции (*Auslösung*) в повелительном наклонении, мы имеем дело с гипертрофией системы. Турецкий императив стоит вне вида, как и инфинитив.

4. Колебания в употреблении видов в изолированной ситуации и при вневременности основаны на иррелевантности видового различия. В турецком языке благодаря существованию в нем вневременной формы без видовых различий эта иррелевантность может быть показана (в случае вневременности) как закрепленная в соответствующем понятии; в изолированном типе она выступает и в турецком и в славянских языках вполне сходным образом.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ E. Koschmieder, *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie*, Wilno, 1934 [в настоящем сборнике см. стр. 140 и сл.].

² См. K. Bühler, *Sprachtheorie, Die Darstellungsfunktion der Sprache*, Jena, 1934 [стр. 42 и сл.].

³ См. N. Trubetzkoy, *Anleitung zu phonologischen Beschreibungen*, Brno, 1935.

⁴ E. Koschmieder, *Указ. соч.*, стр. 70 и сл. [в настоящем сборнике стр. 148 и сл.].

⁵ C. G. Regnéll, *Über den Ursprung des slavischen Verbalaspektes*, Lund, 1944.

⁶ E. Koschmieder, *Zeitbezug und Sprache*, Leipzig—Berlin, 1929; его же, *Nauka o aspektach...* [в настоящем сборнике стр. 129—137].

⁷ W. Matz, *Der Vorgang im Epos*, Hamburg, 1947.

⁸ Ср. *Nauka o aspektach...* стр. 90 [см. в настоящем сборнике стр. 156].

⁹ См. E. Koschmieder, *Zur Bestimmung der Funktionen grammatischer Kategorien*, 1945 (*Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philos.-hist. Abt., Neue Folge*, 25) [а также в «Очерке науки...», здесь, стр. 131—132 и E. Koschmieder, *Der Begriff des „Zeitstellenwerts“ in der Lehre vom „Verbalaspekt“ und „Tempus“*, «Die Welt der Slaven», V, 1960, Heft 1, стр. 31—44].

¹⁰ J. Safarewicz, *O wyrażaniu dokonaności i niedokonaności w języku łacińskim* [в настоящем сборнике стр. 323 и сл.].

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА

[1] Семантические оттенки приставочных образований, анализируемые Агреллем, не представляют собой, конечно, чего-то присущего только славянским языкам в отличие от неславянских. Явления подобного рода могут быть, например, отмечены и в приставочных глаголах современного немецкого языка. Так, ср. «значительные» глаголы *erwaschen* и *aufwaschen* (оба обозначают «проснуться» или «проспать», но различаются тонкими семантическими нюансами) или разные варианты «завершенности», исчерпанности действия в *verblühen* и *abblühen* (оба переводятся как «отцвести» или «отцветать»). С другой стороны, конкретные оттенки, связанные с теми или иными приставками, неодинаковы даже в пределах славянского языкового мира. Ср. на стр. 36 пример польских глаголов *przypaść* и *zapaść*, семантическое различие которых оказалось непереводаемым на русский язык.

[2] Необходимо учесть, что польск. *kończyć* — несовершенного вида в отличие от этимологически тождественного русск. *кончить*. Кстати, в прошлом и русск. *кончить* имело, как отметил уже Ф. И. Буслаев, несовершенное значение (примеры из языка первой половины XIX в. см. в академической «Грамматике русского языка», т. I, стр. 442, и у А. Мазона, *Morphologie des aspects du verbe russe*, Paris, 1908, стр. 26).

[3] В других местах Агрелль называет способ действия глагола *skończyć* «результативным». Кроме перечисленных здесь способов действия, он выделяет еще ряд других, всего (в книге «*Przedrostki...*») 22 разных способа действия. Обзор способов действия русского глагола дал недавно В. Бек и, особенно подробно, А. В. Исаченко. См. Wolfgang Boeck, *Die Aktionsarten des russischen Verbs*, «Russischunterricht», 1956, Heft 7—8, стр. 316—323; его же, *Wechselbeziehungen zwischen Aspekten und Aktionsarten in der russischen Sprache der Gegenwart*, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg», X/1, Febr. 1961, стр. 225—232; А. В. Исаченко, *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким*, *Морфология*, ч. II, Братислава, 1960, стр. 209—344 и табл. I (см. также в настоящем сборнике сноску на стр. 13).

[4] См. вступительную статью, стр. 10—11.

[5] Термин «*Tempusstämme*», букв. «временные основы», обозначает индоевропейские основы пресента, аориста и перфекта, т. е.

основы, различающиеся между собой, по мнению большинства современных ученых, в том числе и Порцига, не в отношении времени, а в отношении вида и — если, например, говорить о различных типах презентных основ или о более древней эпохе, — в отношении способа действия. Термин «Tempuslämme» возник тогда, когда названные образования еще отождествлялись с временами, и сохраняется по традиции. Мы не считали возможным нарушать эту традицию, хотя и позволили себе повсюду ставить перевод немецкого термина в кавычки, отсутствующие в подлиннике.

[6] Вся дальнейшая часть статьи посвящена рассмотрению способа действия индоевропейских презентных образований с суффиксом *-sk-*. Порциг находит в них значение действия, выполняемого толчками, в несколько приемов. Из более поздней литературы о суффиксе *-sk-* см. G. B e c h t e l, *Hittite Verbs in -sk-*, A Study of Verbal Aspect, Ann Arbor, 1936; V. M a c h e k, *Slavische Verba mit suffixalem sk-*, «Slavistična revija», 10, 1957, стр. 67 и сл.

[7] Позже Герман заявил, что он «присоединяется к общепринятой терминологии», и стал называть «объективный вид» и «субъективный вид» соответственно «способом действия» и «видом». См. E. H e r m a n n, *Aspekt und Aktionsart*, «Nachrichten von der Gesellschaft der Wiss. zu Göttingen aus dem Jahre 1933», Phil.-Hist. Klasse, III, 10, Berlin, 1933, стр. 470—480. Краткая критическая оценка концепции Германа и аналогичных взглядов других ученых дана во вступительной статье (см. стр. 10—11).

[8] Называя нем. *jagen* «имперфективным», т. е. несовершенным, а нем. *erjagen* «перфективным», т. е. совершенным, глаголом, Герман воспроизводит здесь терминологию, которая в те годы была господствующей в германистике (см. вступительную статью). Как видно из дальнейшего, сам Герман вовсе не солидаризируется ни с этой терминологией, ни с лежащей в ее основе теорией В. Штрейтберга и его школы, а рассматривает различие между немецкими бесприставочными и приставочными глаголами как выражение лишь «объективного вида» (т. е. не вида, а способа действия; см. 7-е примечание редактора).

[9] Ингрессивные (начинательные) и упоминаемые ниже эффективные (что можно передать как «окончательные») глаголы — две разновидности недуративных глаголов, выделяемые Германом (наряду с третьей — моментальными глаголами) в опущенной при переводе части статьи (см. в подлиннике стр. 213). Эти три типа глаголов соответствуют тем значениям греческого *αοριστα*, которые Герман считает «объективными» (см. в настоящем издании стр. 54—55).

[10] О первоначальном начинательном значении («статья») славянской основы **vide/o-* (ст.-сл. *vidъ* и т. д.) и некоторых других образований, входящих в систему глагола *быть*, см. Chr. S t a n g, *Das slavische und baltische Verbum*, Oslo, 1942, стр. 61, и A. D o s t á l, *Studie o vidovém systému v staroslověnštině*, Praha, 1954, стр. 147 и сл. и 153—154.

[11] Позже Герман внес существенную поправку в это свое утверждение, признав, что между *sидеть* и *посидеть* есть не только различие вида, но и лексическое (т. е. «объективное») различие, так как *посидеть*, подобно лит. *pasėdėti*, обозначает «ein wenig sitzen» (см. в статье, указанной в 7-м примечании редактора, сноску на стр. 480).

[12] Герман говорит здесь лишь об одном из значений формы *сидеться*. В действительности же картина гораздо сложнее. Формы вроде *сидеться* могут и, помимо случаев многократности, выражать не только «объективно другое» действие, чем формы вроде *сесть*, но и то же самое действие, например в историческом настоящем: Он входит, *сидится* к окну и раскрывает книгу..., в повелительном наклонении *сидитесь* и т. д. Для вида как грамматической категории существенны именно эти последние случаи полного тождества лексических значений совершенного и несовершенного члена «глагольной пары».

[13] Иными словами, противопоставление совершенного и несовершенного вида является в славянских языках, по мнению Германа, только в части случаев подлинно видовым. В других случаях оно оказывается противопоставлением по способу действия. К такому выводу Герман приходит потому, что включает в свое рассмотрение на равных правах и чисто грамматические «видовые пары» (*сесть*; *сидеться* и т. п.), и двухчленные словообразовательные цепи глаголов вроде *сидеть* — *сесть*. Это, разумеется, препятствует четкому выделению вида как грамматической категории.

[14] Готские глаголы с приставкой *ga-* действительно не засвидетельствованы в сочетании с *duginnan* «начать, начинать», но это еще не доказывает их принадлежности к совершенному виду, ибо в ряде случаев они употребляются с отчетливо несовершенным значением, например в настоящем времени для выражения действия, реально протекающего в момент речи. Как уже упомянуто во вступительной статье, теория Штрейтберга о готских «перфективных» глаголах убедительно опровергнута позднейшими исследованиями. См. в особенности A. B e e r, *Tři studie o videch slovesného děje v gotštině*, I—III, Praha, 1915—1921; A. M i r o w i c z, *Die Aspektfrage im Gotischen*, Wilno, 1935; Ph. S c h e r e r, *Aspect in Gothic*, Lg, 30, 1954, No 2, стр. 211—223. По-видимому, чередование глаголов с *ga-* и глаголов без *ga-* в готском языке, как и соответствующие факты других германских языков, отражают противопоставление предельности и неопределенности. См. А. Нурен (в настоящем сборнике стр. 335 и сл.), а в советском языкознании М. М. Г у х м а н, *Готский язык*, М., 1958, стр. 128—129, 171—172, 207—209, и Ю. С. М а с л о в, *Категория предельности/неопределенности глагольного действия в готском языке*, ВЯ, 1959, № 5, стр. 69—80.

[15] Утверждая, что способы действия интересны для грамматиста лишь постольку, поскольку они разграничены «особыми обозначениями», т. е. специальными морфемами, вал дер Хейде глубоко ошибается. И способы действия, и категория предельности/неопределенности важны для аспектологии в первую очередь не своим морфемным выражением, а тем влиянием, которое они оказывают на категорию вида, на видео-временные значения причастий и т. д. (см. в настоящем сборнике работы Кр. Неттеберг, Полядауфа, Нурена, Гэрэя и вступительную статью, стр. 12—13 и 14—19).

[16] Имеются в виду, с одной стороны, глаголы типа *krzyknąć* (=русск. *крикнуть*), не имеющие в польском (и в русском) языке точных несовершенных коррелятов с мгновенно-одноактным значением, с другой стороны — глаголы вроде *bywać*, *tawiać* (=русск. *бывать*, *говаривать*) и *nosić*, *biegać* (=русск. *носить*, *бегать*), не имеющие коррелятов совершенного вида. Классификация способов действия устанавливается Кр. Неттеберг для польского языка; в других

славянских языках состав обеих групп окажется несколько иным. Так, в русском языке глаголы начинательного способа действия пойдут (за немногими исключениями вроде *завести/завести*) во вторую группу; в болгарском, наоборот, мгновенно-одноактный способ действия войдет в первую группу, так как принадлежащие к нему глаголы свободно образуют несовершенный вид, например *викам* «крикнуть/издавать единичный крик или несколько единичных криков» (в отличие от *викам* «кричать»).

[17] Речь идет о глаголах вроде *мокнућ, гаспаћ* (=русс. *мокнуть, гаснуть*). В этом случае правильнее было бы говорить о другом (инхоативном) суффиксе -*паћ* (вернее, -*п*), лишь омонимичном суффиксу мгновенно-одноактных глаголов.

[18] Трактовка форм типа польск. *wypisywać* или русск. *выписывать* как результата «соединения итеративного глагола с приставкой» (*wy+pisuwać, wy+писывать*) неправильна и в настоящее время оставлена большинством ученых. Мы имеем здесь дело с производными основами несовершенного вида, образованными от соответствующих совершенных с помощью суффикса имперфективации (*wypis+uwać, выпис+ыва-ть*). См. об этом, в частности, в настоящем сборнике в статьях Белича, Карцевского и Куриловича, а также во вступительной статье на стр. 21.

[19] «Претеритивным» некоторые лингвисты называют (вслед за Агреллем) способ действия таких глаголов, как польск. *posiedzieć, popłakać* (=русс. *посидеть, поплакать*) и т. д. У нас эти глаголы обычно характеризуют как составляющие «определятельный подвид совершенного вида» (по терминологии А. А. Шахматова) или выражающие «охват длительности» (см. Л. А. Булаховский и К. Куре русского литературного языка, т. I, Киев, 1952, стр. 180), причем последняя формулировка включает и глаголы типа *просидеть*. А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка... ч. II, стр. 234 и сл., квалифицирует тип *посидеть* как «ограничительную (делимитативную) совершаемость».

[20] Сербохорв. *остати* допускает беспредложные обстоятельства продолжительности (*два сата* «два часа», *дуго* «долго»), тогда как русск. *остаться* — только предложные («остался на 2 часа, надолго»), встречающиеся и при формах совершенного вида («глаголов развития» (см. выше, «узороа за три дана», русск. «вспахал за три дня, приехал на два дня» и т. д.). Некоторым другим выделенным в работе Грубора статальным глаголам сербохорватского языка, например многим глаголам с приставкой *по-*, их русские эквиваленты соответствуют в этом отношении более точно (ср. *posjedio po sata*—*посидел полчаса*). Вопросы сочетаемости форм совершенного вида с обстоятельствами продолжительности различных типов более подробно разработаны для болгарского языка (Ю. С. Маслов, Глагольный вид в современном болгарском литературном языке, «Вопросы грамматики болгарского литературного языка», М., 1959, стр. 222—230). О положении в некоторых неславянских языках см. в помещенных в настоящем сборнике статьях Э. Германа (стр. 44 и сл.) и Э. Кошмидера (стр. 391—392) и в указанной Германом литературе.

[21] Речь идет об особых формах настоящего времени с приставкой *уз-*, формах, которые в литературном сербохорватском языке XIX и начала XX в. свободно образуются, кажется, от любого несовершенного глагола и употребляются в функции будущего пред-

варительного времени этих глаголов (только в придаточных предложениях). Видовое значение названных форм является спорным и не может быть с точностью установлено, поскольку у данных глаголов отсутствуют другие формы с приставкой *уз-*, кроме указанных, используемых к тому же только в одной этой функции. В течение последних десятилетий отмеченное употребление пошло на убыль. См. Т. М а r e t i ć, Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika, Zagreb, 1899, стр. 596; R. H. R u ž i ć, The Aspects of the Verb in Serbo-Croatian, Berkeley and Los Angeles, 1943, стр. 88—89; И. Г р и ц к а т, О неким особинама футура II (футура егзактног), НЈ, нова серија, 8, 1956, стр. 89—105 (особенно 99—105).

[22] Этот раздел мы опускаем, так как он в значительной мере устарел. В настоящее время имеется прекрасное исследование Ирены Грицкат («О неким видским особеностима српскохорватског глагола», ЈФ, 22, 1958, стр. 65—130), специально посвященное вопросу о глаголах двойственного видового значения. См. еще: J. S e d l á č e k, Z. S e d l á č e k o v á, Ruská slovesa vidové obojaká, «Sovětská jazykověda», IV, 1954, стр. 305—307; И. П. М у ч и н и к, Два видовые глаголы в русском языке, «Вопросы культуры речи», III, М., 1961, стр. 93—115; Р. А. М а р к а р я н, О двувидовых глаголах русского языка, «Научные труды Ереванского Гос. Университета», т. 74, Ереван, 1961, стр. 3—23; E. S m i e š k o v á, Dvojvidové slovesá cudzieho pôvodu v slovenčine, SR, 26, 1961, стр. 225—230; Э. Кошмидер, здесь, стр. 113.

[23] В подлиннике «прещесивни», но это, вероятно, опечатка или опечатка Грубора вышла посмертно; ведь латинская приставка *prae-* значит «вперед», что здесь не дает смысла. Рассматриваемые в этой рубрике глаголы обозначают *п е р е х о д* из одного состояния в другое и, по-видимому, должны были именоваться у Грубора «перещесивными» — от *percessio* «переход».

[24] «Грамматическими категориями самого низкого порядка» Польдауф считает части речи (см. в полном чешском тексте его статьи стр. 201). Здесь имеется в виду глагол. Под «грамматическими категориями более высокого порядка» подразумеваются «акциденции» частей речи (т. е. грамматические категории в обычном смысле — падеж, число, время, вид и т. д.).

[25] То, что Польдауф говорит здесь о чешском языке, относится и ко всем другим славянским языкам. Ср. Л. А. Б у л о в а, Несоответственные глаголы несовершенного вида в современном русском языке, «Труды филологического факультета Харьковского Держ. Университету ім О. М. Горького», т. 6, 1958, стр. 113—133; Ю. С. М а с л о в, По вопросу за видовата дефективност (несотнесенност на глаголите от свършен и несвършен вид) в българския и в руския език, БЕ, 8, 1958, стр. 499—513. См. также вступительную статью, стр. 18.

[26] Как известно, двойственность видового значения (или омонимия совершенной и несовершенной формы) встречается во всех славянских языках не только в глаголах иностранного происхождения, но в ряде случаев и в старых славянских глаголах (например, в русском — в глаголах *казнить, женить, родить, молвить, крестить, велеть, венчать* и др., *отчасти в родить, бежать, девать* и др.). Особенно много таких случаев в южнославянских языках. См. литературу, указанную в 22-м примечании редактора.

[27] Видовая дефективность, вызванная экспрессивно-эмоциональными причинами (так же как и другие типы видовой дефективности, рассмотренные Польшауфом), наблюдается не только в чешском языке. Так, в русском экспрессивные синонимы глаголов *умереть* (*приказать долго жить, окопаться, протянуть ноги* и т. д.), *убить* (*укокошить*), *сойти с ума* (*рехнуться, спятить* и т. д.) употребительны только в совершенном виде. Аналогичные факты отмечены и в болгарском.

[28] Подробнее о проблеме видовой дефективности и ее семантических причинах см. в помещенных в настоящем сборнике статьях Ван-Вейка (стр. 242) и Польшауфа (стр. 77—89), во вступительной статье (стр. 12 и 18) и в 25-м и 27-м примечаниях редактора.

[29] Ссылаясь здесь на 4-й тип пар, Кошмидер имеет в виду супплетивную пару *widzieć: ujrzeć*, в рамках которой *widzieć* оказывается только несовершенным.

[30] Специально о категории совершенного и несовершенного вида в семитских языках Кошмидер говорит в более ранней своей работе «Zeitbezug und Sprache» (1929), стр. 54—71. Он считает, что наиболее отчетливо система вида выступает в аккадском, где формы типа *ikšud* (традиционно называемые «претеритом») соответствуют совершенному виду, так как они никогда не обозначают подлинного настоящего, а формы типа *ikašad* (обычно называемые «Präsens-Futurum») соответствуют несовершенному виду: они также могут выражать одновременность в прошлом и вообще употребляются, подобно греческому имперфекту. Аналогичным образом и в древнееврейском так называемый перфект (*qatal*) и имперфект (*yaqtol*) представляют собой не времена, а виды. Другие исследователи в равной мере относят это и к соответствующим формам (*qatala: yaqtolu*) классического арабского языка (о котором Кошмидер не говорит). Из более поздней литературы см., например, J. Kuryłowicz, *Le système verbal du sémitique*, BSL, 45, 1949, fasc. I, стр. 47—56; C. Brockelmann, *Die «Tempora» des Semitischen*, ZfPh, 5, 1951, стр. 133—154; Fr. Rüdgen, *Intensiv und Aspektkorrelation, Studien zur äthiopischen und akkadischen Verbalstambildung*, UUA, 1959, 5 (где дана обширная библиография вопроса).

[31] В польском языке (а также в чешском и словацком) формы прошедшего времени совершенного вида в большей мере, чем в русском, способны обозначать многократное действие. Так, они свободно употребляются в сочетании с польск. *często* «часто», *często często* «частенько», с чешск. *často* «часто», *kdykoli* «всякий раз, когда», *po každé* «всякий раз», *obyejně* «обычно» и т. д. — тогда как в русском при словах подобного значения возможно только прошедшее несовершенного вида. Однако в принципе и русский совершенный вид способен, как известно, обозначать действия объективно многократные, например в формах настоящего времени (*придет к нему, сидит и молчит*), в прошедшем времени при обстоятельствах типа *несколько раз* и т. п. Ср. и примеры, приводимые А. Мазоном (в настоящем сборнике стр. 102—104) и В. В. Виноградовым (Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 573—580).

[32] Частичное исключение находим в английском языке, где имеется специальная форма «неактуального» (неконкретного) настоящего: *I write «Я (вообще) пишу»*. Подробнее см. в статье Мэрченда, помещенной в настоящем сборнике, и в указанной там литературе.

[33] К этому вопросу Кошмидер снова возвращается в статье, посвященной турецкому глаголу (в настоящем сборнике стр. 391—392). Кроме того, см. здесь же статьи Э. Германа, Дж. Грубора и 20-е примечание редактора.

[34] Несовершенный вид используется при обстоятельствах типа *внезапно, вдруг* и т. д., по крайней мере в русском языке, в случае многократности («внезапно открывал дверь», т. е. несколько раз открывал ее и каждый раз делал это внезапно), а также в историческом и сценическом настоящем («внезапно открывает дверь и входит»).

[35] Абзацы, посвященные повелительному наклонению и частям страдательного залога, мы опускаем как частично устаревшие и менее показательные для концепции Кошмидера в целом. Вместо этого укажем позднейшую литературу, в которой рассматривается употребление вида в названных формах. 1) О повелительном наклонении см.: M. Dokulil, *Modifikace vidového protikladu v rámci imperativu v spisovné češtině a ruštině*, «Pocta F. Trávníčkovi a F. Wollmanovi», Brno, 1948, стр. 71—88; F. Корещену, *K vidovým rozdílům ve způsobu rozkazovacím*, SaS, 12, 1950, стр. 15—17; М. Ивн и, *Употребление вида у словесном императиву с негацијом*, IV МСС, Славянская филология, II, М., 1958, стр. 96—107 (и русск. резюме, стр. 108—111); Д. Н. Шмелев, *О значении вида в повелительном наклонении*, РЯвшк, 1959, № 4, стр. 13 и сл. См. также в работе Серенсена в настоящем сборнике стр. 186 и в книге А. В. Исаченко, названной в 3-м примечании редактора, стр. 492—495. 2) О страдательном причастии: A. Steiner-Petersen, *Das russische part. praet. pass. von imperfektiven Verben*, «Acta Jutlandica», 9, 1, 1937, стр. 397—405; В. Наврашек, *Genera verbi v slovanských jazycích*, II, Praha, 1937, стр. 94—110; Н. Н. Прокопович, *Категория вида в страдательных причастиях*, УЗ МГПИ им. В. И. Ленина, т. XLII, 1947, стр. 115—130; W. Klimow, *Aspekt i czas w konstrukcjach imiesłowowo-biernych w języku polskim*, PJ, 1959, zes. 3—4, стр. 132—147; е р о ж е, *Konstrukcje imiesłowowo-bierne z imiesłowem niedokonanym w języku polskim*, PJ, 1960, zes. 5, стр. 207—217. Кроме того, вообще о взаимодействии вида и залога см. Б. Н. Головин, *О взаимосвязи категорий вида и залога в современном русском языке*, УЗ Вологодского Педагогического института, т. XII, 1953.

[36] О несовершенном виде польск. *kończyć* см. 2-е примечание редактора. Отметим, что в последнем примере для русского языкового сознания вполне естественным является и несовершенный вид: «Когда человек *кончат* какую-либо работу, он быстро о ней забывает» (очевидно, после окончания, а не во время окончания); «Когда такая машина *ломается*, приобретают другую» (очевидно, после поломки, а не в момент поломки) и т. д. — наряду с «когда кончат...», «когда сломаются...»

[37] Даваемая Зейделем трактовка примеров с *odvolávaní* — *odvolati* представляется весьма сомнительной. В частности, вряд ли есть основания утверждать, что во втором примере «на отречение идут охотно». Вместе с тем само положение, согласно которому несовершенный вид может выражать «сомнение в достижении результата», является правильным. Русские примеры см., в частности, у А. Мазона, в настоящем сборнике стр. 95 и в полном тексте его книги, стр. 117—118 и 178—180.

[38] Вероятно, в праславянском языке в с я к о е настоящее время, независимо от вида (и начиная от эпохи, когда еще вообще не было вида), могло, между прочим, в числе других значений выражать и будущее действие. Показательно, что в старославянских текстах и н е с о в е р ш е н н о е настоящее довольно широко (во всяком случае, значительно шире, чем в современных славянских языках) употребляется в смысле будущего, и именно — будущего несовершенного вида (наиболее полное рассмотрение этого материала дает A. Vailla nt, *Le futur duratif en vieux-slave*, BSL, 54, 1959, I, стр. 1—17.; см. также Н. В и г н а и м, *Untersuchungen zu den Zukunftsbeschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen*, Stockholm, 1958, стр. 19—21). Вместе с тем весьма возможно, что те праславянские диалекты, на базе которых развились южнославянские языки, не знающие «простого будущего», так никогда и не превратили значение будущего в нормальное, «ведущее» значение форм настоящего времени совершенного вида. Ср. соображения Ф. Копенного (в настоящем сборнике стр. 206—207), В. В. Бородин («К истории форм настоящего времени глаголов совершенного вида в древнеболгарском языке», УЗИС, т. III, 1951, стр. 345—393, особенно 388 и сл.) и Елены Кшижковой (Н. Křížková, *Vývoj opisného futuru v jazyčích slovanských, zvláště v ruštině*, Praha, 1960, стр. 21—59).

[39] Положению Б. Гавранка о том, что специфика имперфекта заключается в выражении действия, сопровождающего другое действие (т. е. в обозначении одновременности в прошедшем), противоречат случаи использования имперфекта при выражении действий, объективно предшествующих другим прошедшим действиям, а особенно факты так называемого абсолютного употребления имперфекта вне какой бы то ни было соотнесенности с другими событиями прошлого и даже вне сочетания с обстоятельствами вроде «тогда», «когда-то», «однажды вечером» и т. п. Ср. в старославянском в изолированной реплике: *глаголю же видю, видю яко аже быше* (Мар. ёв., Иоанн, 11, 35); или в древнерусском, например в предложении, представляющем собой отступление от связанного течения повествования: «сего ради пророкъ *глаголюше*... [следует цитата]» («Повесть временных лет», изд. Д. С. Лихачева, 1950, стр. 145); или в современном сербохорватском в живом диалоге: «Колко има ту пара? — Око двадесет динара. — Како, зар нема више? — Нема. А, има, има, но ја не *видах* ову стотину» (см. П. Сладојевић, О имперфекту у српскохрватском језику, ЈФ, 20, 1953—1954, стр. 216) «Сколько здесь денег? — Около 20 динаров. — Как, разве больше нет? — Нет, А, есть, есть, но я не *видел* этой сотенной». См. также Ю. С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке, стр. 161—162 и 255 (абсолютное употребление) и стр. 163 и 258 (обозначение предшествующих действий). Подобные факты, довольно многочисленные во всех славянских языках, где есть имперфект, заставляли сторонников чисто временной его трактовки либо добавлять к формулировке Б. Гавранка острое «в большинстве случаев» (см., например, А. Нег а д [псевдоним А. Герара], *Význam staroslověnského imperfekta*, LF, 68, 1941, стр. 1, ср. и стр. 12—13), либо так или иначе расширять эту формулировку (см. И. К. Бунина, Система времен старославянского глагола, М., 1959, особенно стр. 124—125) — что, впрочем, все равно не позволяло без натяжек охватить ею все случаи — либо,

наконец, вовсе отказываться от идеи «временной соотнесенности» имперфекта с другим прошедшим моментом. По этому последнему пути идет голландский исследователь К. ван Схонефельд, выделяющий специфику древнерусского имперфекта в «самодовлеющем» характере действия, в обязательном отсутствии «последствий, длящихся по окончании действия» (см. С. Н. van Schooneveld, *A Semantic Analysis of the Old Russian Finite Preterite System*, 's-Gravenhage, 1959, стр. 58, 165 и др.). Ясно, что такая формулировка фактически означает отход от чисто временного понимания имперфекта.

[40] Приводимые ниже в статье примеры допускают различное толкование. Оба древнечешских примера могут отражать начавшийся в живом языке той поры процесс отмирания зориста и имперфекта, иногда приводивший к смешению их форм. Оба старославянских примера А. Достал («*Staroslověnská praeterita, jejich čas a vid*», ČCF, 3, 1945, стр. 221—222), как и Б. Гавранек, рассматривает как содержащие формы совершенного вида, но в отличие от Гавранка Достал считает, что глагол выражает здесь многократное действие, т. е. что эти примеры, по существу, не отклоняются от нормы. По отношению к глаголу *zadržati* возможна и иная трактовка: этот глагол мог иметь наряду с совершенным (см. примечание 13 на стр. 183) и несовершенное значение, засвидетельствованное, например, для *zadržati* и *vzdržati* (см. А. Dostál, *Studie o vidovém systému v staroslověnině*, стр. 367). Вообще об имперфекте совершенного вида см. также Х. К. Серенсен, в настоящем сборнике стр. 193—196; R. Ruzicka, *Der Verbalaspekt in der alt-russischen Nestorchronik*, Berlin, 1957, стр. 90—96 (и в настоящем издании, стр. 319); Ю. С. Маслов, Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках, ВСЯ, I, 1954, стр. 68—138.

[41] См. 31-е примечание редактора.

[42] Согласно терминологии, применяемой датскими структуралистами, интенсивным членом грамматической корреляции называется тот, который покрывает лишь часть семантической зоны (т. е. обладает более узким значением) и таким образом оказывается неспособным к «партиципации», т. е. не может выступать вместо (в функции) противопоставленного ему другого члена. Этот другой член, покрывающий всю семантическую зону (т. е. обладающий более широким значением) и потому, как правило, способный к «партиципации», называется экстенсивным. Здесь Серенсен называет интенсивным тот участок семантической зоны, который покрывается интенсивным и (в случае «партиципации») также экстенсивным членом.

[43] Импликация имеет место при выражении (в порядке «партиципации») функции интенсивного члена с помощью члена экстенсивного. Импликация — это как бы «включение» семантики интенсивного члена в экстенсивный. Ср. у Э. Кошиндера понятие «несобственной несовершенности» (в настоящем сборнике стр. 159 и сл.).

[44] См. в настоящем сборнике стр. 163 и сл.

[45] Ориентация грамматической категории — распределение внутри этой категории интенсивного и экстенсивного члена.

[46] Серенсен имеет в виду сформулированное Н. С. Трубецким правило, согласно которому в «позиции нейтрализации» выступает немаркированный член привативного фонологического противопоставления (см. Н. С. Т р у б е ц к о й, Основы фонологии, М., 1960,

стр. 90). Расширительно этот принцип применяется вообще к лингвистическим оппозициям и используется для выявления экстенсивного (соответствующего немаркированному) и интенсивного члена согласно сказанному в 42-м примечании редактора.

[47] Приводим краткую справку об образовании форм будущего времени в южнославянских языках. В словенском используется сочетание вспомогательного глагола «буду» с причастием на -l, например сов. *bom dal* «я дам» — несов. *bom dajal* «я буду давать» (исторически — формы будущего перфектного, *lufugum exactum*); в остальных южнославянских языках — сочетание вспомогательного глагола «хочу» или возникших на его базе частиц с инфинитивом или его заместителями, например сербохорв. сов. *хоћу ли дати* «дам ли» — несов. *хоћу ли давати* «буду ли давать», соответственно *ја ћу дати* «дам» — *ја ћу давати* «буду давать» и с теми же значениями *даћу* — *даваћу*, болг. *ще дам* — *ще давам*, макед. *ќе дам* — *ќе давам*; в болгарском и македонском имеются еще особые отрицательные формы будущего, также одинаково построенные для обоих видов: болг. *няма да дам* «не дам» — *няма да давам* «не буду давать», макед. соответственно *нема да дам* — *нема да давам*.

[48] Вероятно, Ф. Копечный все же несколько преувеличивает «футуральность» русских форм совершенного настоящего. Хотя в современном русском языке эти формы действительно не могут использоваться в функции настоящего исторического (и сценического) при выражении однократных действий (кроме случаев экспрессивного подчеркивания особой интенсивности мгновенного действия в сочетании типа *как трахнул*), они широко употребляются в различных других нефутуральных значениях, в частности в историческом настоящем повторяющихся действий (*Татьяна то вздохнет, то охнет*), вообще в значении обычного, повторяющегося действия (*вечно он напутает*), в случаях так называемой «коинциденции» (*Ну и история, доложу я вам*) и в некоторых других типах (ср. описание употребления «настоящего-будущего времени» в книге В. В. Виноградова «Русский язык», стр. 573—580 и в других научных грамматиках русского языка, а также А. Мазон, *Emplois des aspects du verbe russe*, Paris, 1914, стр. 129—159; J. Holth u s e n, *Zur Aktionsart der negierten Präsensia perfektiver momentaner Verba im Russischen*, ZsPh, 21, Heidelberg, 1951, стр. 90—94; В. М. Никитич, Об одной модальной функции форм будущего времени совершенного вида в современном русском языке, Изв. АН Казахской ССР, серия филологии и искусствознания, вып. 3—4, Алма-Ата, 1955, стр. 127—139, и литературу, указанную в настоящем сборнике в примечании 12 на стр. 166—167). Подчеркнем также, что и в болгарском литературном языке, как и во многих болгарских говорах, формы совершенного вида не используются в настоящем историческом однократного действия, хотя совершенное настоящее вообще не имеет там значения будущего времени. Отметим, наконец, что к материалу русского языка вполне может быть отнесено то, что Копечный говорит несколько выше по поводу различия между чешск. *bude vařít* и *uvařít* (ср. S. Karcevskí, *Système du verbe russe*, Prague, 1927, стр. 153, где таким же образом трактуется смысловое различие между *она сейчас будет одеваться* и *она сейчас оденется*).

[49] См. работы А. Вайана и Х. Бирибаума, названные в 38-м примечании редактора.

[50] Подробнее о видовой дефективности см. в статье И. Польдауфа (в настоящем сборнике стр. 80 и сл.) и в литературе, указанной в 25-м примечании редактора, а также в новой книге Копечного, названной в 67-м примечании редактора.

[51] Эта формулировка, как и последующее рассуждение о значении формы *сдати* (и ниже, в связи с примером *ветар се смјрије*), показывает, что А. Белич не преодолел до конца традиционной точки зрения на производные основы несовершенного вида. В действительности в современных славянских языках для этих основ значение единичного действия, рассматриваемого в процессе его протекания, не менее характерно, чем значение повторяющегося действия, как и, наоборот, оба значения в равной мере типичны и для производных несовершенных основ. Более правильное освещение вопроса дают, в частности, С. Карцевский (см. в настоящем сборнике стр. 228) и Ф. Копечный (см. здесь же, стр. 201—202). На неудачность термина «итератив» в данном его применении указывал и Н. Ван-Вейк (см. здесь же, стр. 248).

[52] Здесь Белич, как явствует из последующего рассуждения и из примеров (*ходати, вбзати*), употребляет термин «итератив» уже в другом смысле — по отношению к образованиям с подчеркнутым значением многократности (ср. русск. *хаживать* и т. п.) — образованиям, производным не от совершенных, а от несовершенных основ.

[53] «Аттенуативная разновидность» С. Карцевского вызывает ряд замечаний. Прежде всего невозможно согласиться с утверждением, будто в глаголах этой разновидности процесс перфективирован «лишь неполностью». Ведь все существенные признаки совершенного вида (несоединимость инфинитива с глаголами типа *начать, кончить*; невозможность употребления форм настоящего времени в смысле конкретного настоящего; отсутствие деепричастий и причастий настоящего времени и т. д.) в полной мере присущи образованиям вроде *поработать*, а сочетаемость с беспредложными обстоятельствами продолжительности типа *долго, недолго, час-другой* не может рассматриваться как специфический признак несовершенного вида (см. в настоящем сборнике наблюдения Дж. Грубора, стр. 71 и 72, Э. Кошмидера, стр. 146—147 и 20-е примечание редактора). С другой стороны, вряд ли стоило включать в «аттенуативную разновидность» такие глаголы, как *призадуматься, присосаниться* и т. д., не сочетающиеся с обстоятельствами вроде *долго, недолго* и др., что кладет резкую грань между ними и типом *поработать*. Наконец, правильно отмечая некоторую необычность сочетания *долго поглядел* в примере из Тургенева, Карцевский сам допустил странную ошибку: ведь если взять глагол *поглядеть* в его «неаттенуативном» значении (т. е. в значении «взглянуть»), то употребление со словом *долго*, как и с любым другим беспредложным обстоятельством продолжительности (даже и небольшой продолжительности), окажется для него и вовсе невозможным.

[54] Указываемое Карцевским различие вида между *обнародовать* и *обнародывать* фиксируется, в частности, и словарем В. И. Даля (*обнародовать* вр. настоящ., *обнародую* вр. буд.); но в современном языке, как известно, для обоих видов употребляется *обнародовать*.

[55] Замечание о том, что многократные образования во всех славянских языках являются редкими, следует признать справед-

ливым. Не говоря о других языках, даже в чешском и словацком, где эти образования вполне регулярны и «парадигматичны», частота их употребления в речи остается незначительной. Как подчеркивает Ф. Копечный (см. в настоящем сборнике стр. 200), повторяющееся и обычное действие чаще бывает выражено в чешском языке посредством простой несовершенной формы, чем посредством специальной многократной.

[56] О нечеткости понятий «детерминированные» и «индетерминированные» глаголы см. во вступительной статье (стр. 17). Показательно, что и сам Ван-Вейк осознавал их некоторую «расплывчатость» (см. ниже в тексте его статьи, стр. 249 и 254—255).

[57] См. вступительную статью, стр. 11.

[58] Подробнее об этом см. в статье И. Польдауфа (в настоящем сборнике стр. 80 и сл.) и в литературе, указанной в 25-м примечании редактора.

[59] Помимо старославянских, древнечешских и древнепольских фактов, разбираемых ниже в этом и в следующих абзацах статьи Ван-Вейка, см. также обильный древнерусский материал, привлеченный Р. Ружичкой (см. здесь, стр. 309 и сл., а особенно в самой книге Ружички). Вообще о пережитках былой недифференцированности видов в древнейших памятниках славянской письменности говорили, как известно, еще А. А. Потебня («Из записок по русской грамматике», IV, М.—Л., 1941, в частности стр. 48 и сл.) и Г. К. Ульянов («Значения глагольных основ в литовско-славянском языке», т. II, Варшава, 1895, стр. 139 и сл. и 170 и сл.). Широко распространенное в древних славянских языках явление «двуви́дности» глагольных основ ряда морфологических типов понимается Ван-Вейком и другими учеными как отсутствие в тот период у этих основ определенного, установившегося видового значения, как свидетельствует еще не полного охвата глагольной лексики категорией совершенного и несовершенного вида. В противоположность этой точке зрения А. Достал предполагает, что в исторический период жизни старославянского и других древних славянских языков в них уже не осталось основ, не охваченных категорией вида, а следовательно, двуви́дность той поры принципиально не отличалась от современной двуви́дности в случаях вроде русск. *казнить*, *телеграфировать* (см. А. D o s t á l, Studie o vidovém systému v staroslověňštině, стр. 140, 143 и здесь, стр. 299). Интересные соображения об отличиях древней «немаркированности в отношении вида» от современной «видовой омонимии» выдвинул, однако, Р. Ружичка (см. здесь, стр. 310—312). Ср. также Ю. С. М а с л о в, Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках, стр. 124 и сл.

[60] Подробнее о различии между совершенным видом и предельностью, вносимой приставками, см. в работе Э. Кошмидера (в настоящем сборнике стр. 118—126) и во вступительной статье (стр. 15).

[61] Скорее наоборот: возникновение производных (подчеркнуто несовершенных) основ, вроде *pomagati*, *gastvar'ati*, только и сделало возможным превращение предельных образований типа *pomôsti*, *gastvoriti* в основы совершенного вида. Собственно, и сам Ван-Вейк высказывается ниже в этом смысле, когда пишет, что «первой фазой» в развитии системы вида он считает «широкую экспансию основ на -а- с долгим вокализмом корня». Ср. у Потебни:

«одновременно с появлением при *pastь* глагола *padati* начинается видовое разграничение этих глаголов» (А. А. П о т е б н я, Указ. соч., стр. 53).

[62] Гипотеза о существовании в готском языке «совершенного вида» и «перфективирующей приставки *ga-*», получившая в свое время широкое распространение в науке, теперь полностью опровергнута рядом специальных исследований (см. 14-е примечание редактора).

[63] Весьма вероятно, что тот или иной оттенок значения предельности (но, конечно, не значение совершенного вида) был присущ глаголам с назальным суффиксом или инфиксом (и некоторым «нехарактеризованным основам») еще до широкого распространения глагольной префиксации. Однако нужно учитывать, что именно префиксация создала основную массу тех предельных глаголов, на базе которых позже возникает совершенный и несовершенный вид. В этом смысле был прав Ван-Вейк, когда он, возражая Куриловичу, подчеркивал, что «в развитии славянских видов главную роль играли индетерминированные образования с долгим вокализмом корня [т. е. образования типа *lêtati*, *pomagati* и т. д.] и сложение глаголов с приставками» (N. v a n W i j k, Zur Vorgeschichte der slavischen Aspekte, IF, 53, 1935, стр. 206), а другим факторам, в том числе и формам с носовым суффиксом, принадлежала лишь второстепенная роль. Что касается «нехарактеризованных» основ совершенного вида (*pasti*, *dati* и т. д.), то они стали совершенными, во-первых, потому, что по своему значению были предельными, и, во-вторых, по контрасту со своими производными типа *radati*, *dajati* (*davati*) и т. д. (Ср. высказывание А. А. Потебни, приведенное в 61-м примечании редактора.)

[64] В историческую эпоху мы имеем в каждом славянском языке по несколько суффиксов имперфективации (например, в современном русском -á-, -ó-, -ва-, -ива-, -ваá-; см. Г. К. В е н е д и к т о в, О морфологических средствах имперфективации в русском языке, ВЯ, 1961, № 2, стр. 88—96; несколько иначе А. В. И с а ч е н к о, Грамматический строй русского языка..., ч. II, стр. 177 и сл.). Однако по происхождению все такие суффиксы являются ответвлениями единого суффикса -а-. См., в частности, W. R. S c h m a l s t i e g, The Phoneme /v/ in Slavic Verbal Suffixes, «Word», 12, 1956, стр. 255—259.

[65] Имеется в виду статья Х. Педерсена «Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent» (KZ, 38, 1905, стр. 297—421).

[66] Инхоативное значение, о котором говорит Курилович, т. е. значение перехода в состояние, типично для соответствующих основ в балтийском и германском и для славянских основ, ставших в историческую эпоху — вне сочетания с приставками — несовершенными. Только в части случаев значение перехода в состояние отмечается в основах с носовым суффиксом или инфиксом, в которых развивалась совершенность: общеслав. *stáno*, *seđo*, *lěgo*, болг. *цѣфна* «расивести», *мѣкна* «умолкнуть» (но ср. в русск. *несов. молкнуть*) и т. д. В большинстве же современных и древних основ с назальным суффиксом, относящихся к совершенному виду, наблюдаем не значение перехода в какое-то состояние, а совсем другие, впрочем тоже предельные значения, в частности моментальность или «семельфактивность» действия (его выполненность одним движением). Это необходимо учитывать при выяснении роли назаль-

ных образований в процессе становления видовой системы. Возможно также, что отмеченные сейчас семантические различия связаны с двойственным происхождением формальных показателей данного класса (из и.-е. *-nā/-nā-* и из и.-е. *-neu-*). Для инфинитивных глаголов нужно также считаться а) с довольно поздним распространением назального суффикса, постепенно вытеснявшего здесь, как показал Тедеско, более старый суффикс *-je/o-* (см. статью Тедеско, названную в 6-м примечании на стр. 264, и П. С. Сигалов, О структуре глаголов с суффиксом *-нч/-н-* в русском языке, «Вестник ЛГУ», 1961, № 20, стр. 89—101); б) с явлениями депрефиксации, т. е. с возникновением во многих (хотя, по-видимому, не во всех) случаях бесприставочных форм из более старых приставочных (см. И. Немец, здесь стр. 272, и подробнее — в полном тексте его работы, стр. 81 и сл.).

[67] Некоторые чешские языковеды подразделяют так называемые «чисто видовые» приставки на «лексически пустые», т. е., как принято считать, вовсе лишённые лексического значения, и «классифицирующие» (*řadící*), или «плеонастические», т. е. такие, в которых лексическое значение является очень общим и как бы сливается с более конкретным оттенком пространственного направления, заключённым в лексическом значении глагола. Классифицирующие приставки оформляют целые группы семантически близких глаголов; например, приставка *pa-* со значением «действия, направленного на поверхность чего-то», такой ряд, как *parpsat* «написать», *makreslit* «начертить», *parýzovat* «начертить, нарисовать» и т. д. См. I. Poldá u f. Spojování s předponami při tvoření dokonavých sloves v češtině, SaS, 15, 1954, стр. 49—65; е г о ж е, Ještě k «proště vidovým předponám» v češtině, SaS, 17, 1956, стр. 169—172. Возражения против выделения в особую группу «классифицирующих» приставок выдвинул Ф. Копечный; см. его рецензию «Dvě nové práce o prostě vidových předponách v češtině» (SaS, 17, 1956, стр. 28—35) и «Odpověď I. Poldáfovi» (там же, стр. 172—174), а также «Bemerkungen zu zwei Arbeiten über die schlechthin perfektivierenden Vorsilben im Tschechischen» (ZfS, 4, 1959, стр. 112—118). Наиболее развернутое изложение концепции «чисто видовых приставок» Ф. Копечного см. в его новой книге: František Kopečný, Slovesný vid v češtině, Praha, 1962 (=Rozpravy Československé akademie věd, Rada společenských věd, Ročn. 72, Seš. 2), особенно стр. 90—98.

[68] Определение, даваемое здесь И. Немцем «детерминированному действию» (действие конкретно-единичное), как будто имеет в виду только значения вроде «идти», «вести» и т. д. Однако, как показывает дальнейший ход его рассуждений, И. Немец, подобно своим предшественникам, понимает под «детерминированными глаголами» также (и, в отличие от Ван-Вейка, даже прежде всего) предельные глаголы (см. вступительную статью, раздел второй), снабженные приставкой или назальным формантом. Глаголы же вроде *iti*, *vesti* он трактует как «не имеющие формального признака детерминированности или индетерминированности» и потому, так сказать, нейтральные. В другом месте И. Немец уже и в дефиниции отражает двойственность используемых им понятий, определяя детерминированность как «значение конкретно-единичного целенаправленного действия, стремящегося к своему завершению», а индетерминированность — как «значение действия без момента конкретной

единичности и ограниченности перспективой завершения» (см. I. Němec, Vývojové problémy soudobé nauky o vidu, «Slavia», 28, 1959, seš. 3, стр. 307).

[69] Примеры вроде «того озера *видеть* устье в море», «рѣчки ради, яже *втечь* в Двину» и т. п., обычные в древнерусских памятниках в географических описаниях, трактовались в литературе по-разному. Одни ученые, как Г. К. Улянов (указ. соч., II, стр. 147), рассматривали глагол в этих примерах как несовершенный по значению, вернее, как отражающий былую и пережиточно еще сохранявшуюся безвидовость приставочных образований такого типа (см. еще П. С. Кузнецов, Генезис видо-временных отношений древнерусского языка, Труды ИЯ, 2, 1953, стр. 249; е г о ж е, Очерки исторической морфологии русского языка, М., 1959, стр. 186). Как видим, на этой точке зрения стоит и И. Немец. Однако другие ученые, например Ф. Ф. Фортунатов («Критический разбор сочинения проф. Г. К. Улянова «Значения глагольных основ...», сб. ОРЯС, т. 64, № 11, 1897, см. стр. 111—112), Л. А. Булаковский («Курс русского литературного языка», т. II, Киев, 1953, стр. 304), с некоторыми оговорками Р. Ружичка (см. в настоящем сборнике стр. 318 и в полном тексте книги Ружички стр. 82—84), а более решительно — рецензенты книги Ружички А. В. Исаченко (см. ZfS, 4, 1959, Heft 2, стр. 294—295) и Е. Кшижкова (см. «Slavia», 27, 1958, seš. 3, стр. 470—471; ср. е е ж е, Vývoj opisného futura..., стр. 34 и сл.) усматривают в формах вроде *видеть* совершенное видовое значение. Оба последних автора, в частности, считают, что в этих случаях выступает более широкая в древнерусском языке (по сравнению с современным русским языком) способность совершенного вида обозначать «неактуальное действие в настоящем».

[70] И все же суффиксальная имперфективация остается во всех славянских языках главным продуктивным средством создания видовых противопоставлений (см. в настоящем сборнике стр. 229—230, 232 и сл., а также И. П. Мучник, О видовых корреляциях и системе спряжения глагола в современном русском языке, ВЯ, 1956, № 6, стр. 92—106).

[71] То, что говорит здесь И. Немец об условиях сохранения форм аориста и имперфекта, действительно по отношению к верхне- и нижнелужицкому языкам (см., в частности, A. Dostál, Aorist a imperfektum v lužické srbštině z hlediska slovesného vidu, AUCPhil, «Slavica Pragensia», I, 1959, стр. 113—121 и F. V. Mareš, Praeteritum simplex v lužické srbštině, там же, стр. 123—131) и отчасти по отношению к современному сербохорватскому, в котором имперфект (поскольку он еще не вытеснен перфектом) возможен только от основ несовершенного вида, тогда как аорист (с той же оговоркой) образуется от основ обоих видов (литература об имперфекте и аористе в сербохорватском указана в примечаниях 7.8 и II на стр. 182—183). Иную картину имеем, однако, в болгарском и македонском: здесь от основ обоих видов свободно образуется как аорист, так и имперфект, причем, конечно, каждая из четырех различных комбинаций характеризуется своим комплексом функций и типичных употреблений (см. Ю. С. Маслов, Глагольный вид в современном болгарском литературном языке, стр. 252—276; Б. Конески, Граматика на македонскиот литературен азык, дел II, Скопје, 1954, стр. 161—168).

[72] Для понимания дальнейшего необходимо учесть, что А. Достала придает названиям «детерминированность» и «индетерминированность» несколько более узкое значение, чем Ван-Вейк, Ренгвельд и И. Немец.

[73] Подразумевается теория, стремящаяся связать происхождение славянских видов с видовыми значениями индоевропейских основ презента и аориста и, в частности, опирающаяся на отдельные этимологические соответствия славянских бесприставочных совершенных основ (*pasti, dati, statii*) индоевропейским корневым аористам (см. А. Мейе, *Общеславянский язык*, М., 1951, стр. 176 и 229—232).

[74] «Морфологическими итеративами» называют, независимо от их значения, все deverбативные глагольные основы с суффиксом -а- и его историческими ответвлениями (см. 64-е примечание редактора) и некаузативные deverбативные основы с суффиксом -i- (типа *positi*). Таким образом, морфологические итеративы — это: 1) так называемые вторичные основы несовершенного вида (производные от совершенных), включая и тип *подносить*; 2) подчеркнута многократные основы типа ст.-сл. *каждити* (Супр.) или русск. *едать, говаривать* (производные от несовершенных) и 3) «неопределенные» основы типа *носить, бегать*. Ср. Ф. Копечный (в настоящем сборнике стр. 201—202). Семантический анализ морфологических итеративов в старославянском языке дан А. Досталом в его книге «*Studie o vidovém systému v staroslověnině*», стр. 484 и сл.

[75] Данная формулировка А. Достала, как и близкая формулировка Польдауфа (см. I. Poldauf, *Mechanismus slovesných vidů v nové češtině*, ČČP, I, 1942, стр. 2 и *Spojování s předponami...*, стр. 49), не является точной: ведь во всех славянских языках есть глаголы с приставкой, бесприставочная основа которых не существует в качестве глагольной основы и которые тем не менее при отсутствии суффикса имперфективации оказываются совершенными. Таковы очень многие «*composita tantum*», образованные с помощью приставки прямо от именных основ, например *заземлить, приземлиться, оправдать, вооружить, обобществить, обобщить* и т. д. По-видимому, сюда же нужно отнести ст.-сл. *вздымати* (сд), *вздерати са, оуглавити, пригубодити, обн-жати, оунн-жати, обовнати* и др. И обратно, есть основы с приставкой, имеющие несовершенное значение, хотя соответствующая бесприставочная основа употребляется в языке в качестве глагольной основы (*приходить* и т. п., также тип *вздымати*).

[76] Ср. первый аргумент А. Достала в его полемике против гипотезы Ван-Вейка (в настоящем сборнике стр. 276) и A. Vaillant, *L'aspect verbal du slave commun; sa morphologisation*, RES. 19, 1939, стр. 294.

[77] Речь идет о возражении, выдвинутом (в числе других) против гипотезы о существовании в ряде неславянских языков «совершенных глаголов» (приставочных и иных). См. литературу, указанную в сносках на стр. 27 и в 14-м примечании редактора.

[78] Подробнее об имперфекте от совершенных основ см. в работах, названных в 40-м примечании редактора. О причастии настоящего времени от совершенных основ см. в следующих работах: Ellen Hergelin, *Über den Gebrauch der Präsenspartizipien von perfektiven Verben im Altkirchenslavischen*, Uppsala, 1935;

I. Němec, *K otázce staroslověnských participií praes. act. slove dokonavých*, «Slavia», 26, 1957, 1, стр. 1—12.

[79] А также, кроме современного болгарского, македонского и словенского. Ср. и 47-е примечание редактора.

[80] Случай, когда говорящий «не может выразиться произвольно», а обязан употребить один определенный вид, не сводится только к случаям влияния тех или иных способов действия («объективного вида» Германа), но охватывают и всю обширную область, где выбор вида объективно обусловлен ситуацией (в частности, хронологическим соотношением описываемых действий) или определяется «вторичным урегулированием», установившимся в данном языке. Подробнее см. в работе Э. Кошмидера (в настоящем сборнике стр. 145 и сл. и схемы на стр. 141).

[81] Все же способность старославянского несовершенного настоящего выступать в значении будущего (несовершенного) весьма убедительно доказана рядом специальных исследований (см. в особенности статью А. Вайана, названную в 38-м примечании редактора).

[82] См. 38-е примечание редактора и указанную там литературу.

[83] См. 69-е примечание редактора.

[84] Как показывают примеры, приведенные Я. Сафаревичем, а также последующий ход его рассуждений, речь идет для этой древнейшей эпохи вовсе не о «тех же самых действиях», представленных то как совершенные, то как несовершенные, а о разных действиях. Только корень **bhu-* рассматривается здесь как лексически вполне синонимичный корню **es-*, но, вероятно, и он имел первоначально другое значение (не «быть», «существовать», а «расти, давать всходить»). Поэтому по отношению к предполагаемой Сафаревичем древнейшей ступени развития следовало бы говорить не о виде, не о совершенности — несовершенности, а лишь о разных способах действия и, может быть, о различиях предельности — неопределенности. Только с образованием рассматриваемых ниже форм типа *εφθασι, γιγνώσθη* и т. д. оформляется категория глагольного вида.

[85] Отмеченное здесь различие между латинской и славянской системой вида относится не столько к самим языкам, сколько к установившейся традиции описания фактов этих языков в грамматике. Возможно была бы трактовка и славянских видов как форм одного слова (см. соображения И. Польдауфа в настоящем сборнике, стр. 86—89, а также В. В. Виноградов, *Указ. соч.*, стр. 498 и в настоящем сборнике сноску на стр. 28).

[86] Обычно термин «инхоативный» глагол используется в другом смысле, по отношению к глаголам, обозначающим постепенный переход в какое-либо состояние, постепенное приобретение какого-либо качества, например лат. *albescio* «белею, становлюсь белым», *senescio* «старею», русск. *гасну, слабею* и т. д. У Сафаревича «инхоативными» оказываются глаголы вроде *выбегаю, начинаю*; вместе с «терминативными» они составляют ту группу, которая у других ученых получила название «предельных глаголов» (см. вступительную статью, стр. 13—19, а также использование понятий «*terminus ab quo*» и «*terminus ad quem*» в концепции А. Нурена, настоящее издание, стр. 337).

[87] Трактовка А. Нуреном проблемы «вида» в готском языке (как и в целом в германских языках) существенно отличается от

той, которая была в его годы традиционной в германистике. См. 14-е примечание редактора и вступительную статью, стр. 26.

[88] Нурен различает упоминаемое выше «образование с помощью приставки» — в тех случаях, когда приставка не совпадает с самостоятельным словом близкого значения, — и «словосложение», если то, что мы назвали бы приставкой (или «отделяемой приставкой»), встречается и в самостоятельном употреблении (обычно как наречие).

[89] «Имперфектом» в грамматике шведского, немецкого и ряда других германских языков принято называть старый германский претерит (швед. arbetade, tog, нем. arbeitete, nahm и т. д.), выступающий как невидовое прошедшее. Употребляясь чаще всего в качестве «нарратива» (времени повествования) и в некоторых других функциях, это время покрывает как область имперфекта, так в равной мере, если не чаще, и область аориста. Поэтому называть его «имперфектом» с точки зрения общей теории крайне неуместно.

[90] Пассивно-депонентными Нурен называет шведские глаголы, имеющие только формы страдательного залога (на -s), но не выражающие страдательного значения (например, hoppas «надеяться», minnas «помнить» и т. д.).

[91] «Супинном» в шведской грамматике называют специальную глагольную форму (не имеющую в функциональном отношении ничего общего с супинном латинской или славянской грамматики), морфологически обособившуюся (в одном из четырех «спряженных») от формы среднего рода ед. ч. причастия II и используемую в сочетании со вспомогательным глаголом hava в составе аналитического перфекта (во всех временах перфектной группы и в перфектном инфинитиве). Супин образуется от всех глаголов (кроме нескольких нерегулярных), тогда как причастие II, как подчеркивает Нурен, от значительного количества глаголов не образуется. Расширительные термины супин иногда применяют и по отношению к формам причастия II в составе перфекта в других скандинавских языках (где не произошло морфологического обособления этих форм от форм среднего рода причастия). Хотя употребление рассматриваемого термина в указанных значениях не может быть одобрено по соображениям единства и однозначности грамматической терминологии, сама по себе идея терминологически отграничить причастие II в формах перфекта от причастия II в самостоятельном употреблении представляется очень правильной, в частности и для западногерманских языков. Такое отграничение помогло бы обнаружить не только в шведском, но и в общегерманском масштабе фактическое отсутствие подлинного причастия II у целой большой группы неопределенных глаголов, вроде нем. schlafen «спать», weinen «плакать» и т. д. Ведь формы типа geschlafen, geweint встречаются, подобно шведскому «супину», только в составе аналитических глагольных форм, но они невозможны ни в каком самостоятельном, собственно-причастном употреблении (der geschlafene Mann), т. е. фактически не являются подлинными причастиями. Их можно было бы назвать «псевдо-» или «квазипричастиями». Из литературы вопроса укажем: 1) О скандинавском «супине»: R. L j u p g g r e n, Supinum och dubbelsupinum, UUA, 1934, 2; S. E k b o, Studier över uppkomsten av supinum i de germanska språken med utgångspunkt i fornvästnordiskan, UUA, 1943, 3; P. D i d e r i c h s e n, Perfektparticipium — Supinum — Verbaladjektiv i Dansk og Svensk, Festskrift till J. Sahl-

gren, Lund, 1944, стр. 263—283. 2) Об особом положении причастия II некоторых глаголов в немецком и др. западногерманских языках: O. B e h a g h e l, Ich habe geschlafen, ZfdPh, 32, 1901, стр. 64—72; J. H. K e r n, De met het Participium praeteriti omschreven Werkwoordsvormen in't Nederlands, Verhandelingen d. k. Akad. van Wetenschappen, Afd. Letterkunde, Nieuwe Reeks, XII, No 2, Amsterdam, 1912, стр. 17—18; Ю. С. М а с л о в, Из истории второго причастия германских языков, «Язык и мышление», XI, 1948, стр. 194—207.

[92] В советской лингвистической литературе вопрос о соотношении (и взаимодействии) во французском языке того, что Гэрей называет «лексическим видом» (т. е. предельности/непредельности), и «грамматического вида» (выраженного оппозицией passé simple или — в разговорном языке — passé composé : imparfait) интересно и четко поставила Е. А. Реферовская («Категория вида во французском глаголе», ИАН ОЛЯ, 7, 1948, вып. 5, стр. 445—456). Из новейших работ о категории вида во французском языке назовем книгу: Wolfgang P o l l a k, Studien zum «Verbalaspekt» im Französischen (=Österreichische Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, Sitzungsberichte, 233. Bd., 5. Abhandlung), Wien, 1960 (там же обширная библиография по проблемам вида в романских языках).

[93] Гэрей имеет в виду случай так называемой «конциденции», проанализированный на славянском и отчасти древнееврейском материале Э. Кошмидера (см. в настоящем сборнике стр. 163—165 и статью Кошмидера, названную в 1-м примечании на стр. 363).

[94] Включив страницей выше в свою систему видовых форм французского глагола конструкции типа ils seront en train de jouer (в различных временах), Гэрей странным образом не принимает в расчет соответствующих конструкций, когда говорит о сфере настоящего времени. Более того, он даже прямо противопоставляет в этой сфере французский язык английскому, как языку, имеющему для данного значения специальные формы. Вероятно, на деле различие между английским и французским языком касается не только настоящего времени, но и других времен и состоит оно, по-видимому, в обязательности в определенных случаях английских и факультативности во всех случаях соответствующих французских конструкций (см. статью Мэрченда, помещенную в настоящем сборнике, и, в частности, стр. 362). Но если это так, то, конечно, тем более неправильно причислять к «перфективным временам», помимо passé composé и passé simple, все остальные «времена» французского глагола, за исключением имперфекта и презенса.

[95] «Металингвистические стимулы» понимаются здесь как психические движения или, уже, факты сознания (формы восприятия, представления, возникающие в сознании понятия), стоящие за языковыми фактами и находящиеся, таким образом, вне языка. Среди металингвистических стимулов многие являются, по мысли автора, «недостаточно сильными», и тогда они не отражаются в том или ином языке в виде специальной лингвистической категории, а лишь оказываются как бы «по совместительству» выраженными в какой-либо другой категории или форме.

[96] Выражение «таксема» Мэрченд употребляет не так, как Блумфилд и большинство его последователей. Если у Блумфилда таксема есть «мельчайшая единица формы» в области аранжи-

ровки (см. L. Bloomfield, *Language*, London, 1935, стр. 166), что приблизительно соответствует некоторым «грамматическим процессам» Сепира (таким, как внутренняя флексия, ударение, интонация, также порядок элементов), то у Мэрченда таксемами называются члены грамматических категорий (скажем, каждый из падежей, каждое из наклонений и т. д.). При этом разными таксемами оказываются только такие члены, которые находятся между собой в отношении «контрастной дистрибуции» (т. е. между которыми хотя бы в части позиций нет свободы выбора). В противном случае, т. е. если какой-то член во всех своих позициях факультативен, этот член вместе с тем членом, которым он заменяется, будет лишь вариантом (кальтернантом) той же самой таксемы.

[97] «Прогрессивная форма», или, как мы предпочли бы выразиться, формы конкретно-процессного вида, имеются и в других языках Западной Европы: во французском они представлены сочетанием être en train de + инфинитив (см. ниже в статье Мэрченда, а также в статье Гэрея, помещенной в настоящем сборнике, стр. 352—353); в ряде скандинавских языков — сочетаниями типа швед. hålla på att + инфинитив (или hålla på och + знаменательный глагол, взятый в той же временной форме, в которой стоит вспомогательный глагол). — см. кандидатскую диссертацию Е. Г. Искольской «Видовые обороты в современном шведском языке» (автореферат, Л., 1952); в новонорландском — сочетанием vera + að + инфинитив, — см. В. Л. Я к у б, Сочетание глагола vera с инфинитивом в современном исландском языке, «Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков», Изд-во ИМО, М., 1959, стр. 161—187; е го же, Аналитическая видовая конструкция в современном исландском языке, НДВШ-ФН, 1960, № 1, стр. 80—91. В немецком языке имеется ряд параллельных вариантов выражения конкретно-процессного значения (er ist beim Schreiben, er ist im Schreiben begriffen, er ist dabei zu schreiben), причем ни один из них пока не получил характера стабильной грамматической формы.

[98] Противоположное мнение высказала Т. И. Бух, полагающая, что в сочетании с отрицательной частицей не- такие типичные перфективные глаголы, как susidoroti «справиться», susigalvoti «придумать себе, сообразить» (в которых приставка не изменяет вещественного значения глагола), могут быть употреблены и в несовершенном значении, например: Vilkas su meška, stovėdami už durų, ir kalbasi: — Nu, kodėl gi ji taip ilgai nesusidororo su gaidžiu? «Волк с медведем, стоя за дверью, и говорит: — Ну почему же она (=лиса) так долго не кончает дело с петухом?» или Nesusigalvojo, kaip čia padarius — ar eit namo, ar ne «Не понимаю, как здесь поступить — идти домой или нет» (см. Tamara B u c h, Zur Aspektfrage im Litauischen, *Annali dell'Istituto universitario orientale*, Sezione Slava, II, Napoli, 1959, стр. 69). Можно было бы, однако, заметить, что в славянских языках в предложениях таких (и некоторых других) типов при отрицании возможен не только несовершенный, но и совершенный вид («почему ж она так долго не кончит, все никак не кончит с петухом»; «не соображу, не возьму в толк, ум не приложу, что делать» и т. д.; ср. и примеры, собранные В. М. Никитявичем в статье, указанной в 48-м применении редактора), тогда как в соответствующих утвердительных предложениях — только несовершенный («почему она затягивает дело», «я сомневаюсь, как

мне поступить» и др., где при изменении вида исчезает значение настоящего времени).

[99] Вероятно, формы прошедшего времени, вроде atejo, jejo и т. д., могут употребляться иногда, как отмечает Т. Бух (указ, соч., стр. 69), и в несовершенном значении, например: Pagaliau tuo pačiu metu, kai jejo du nauji ligoniai, atsivėrė durys, ir Monika pakvietė (Цвирка) «Наконец в тот самый момент, как входили два новых пациента, дверь открылась и Моника пригласила».

[100] Как нам представляется, возможность сочетаний baigia užaugti, baigia sušalti и т. п. именно доказывает, что глаголы užaugti, sušalti (или, по крайней мере, их инфинитивы), вопреки Дамбрюнасу, не являются исключительно совершенными (ср. вступительную статью, сноску на стр. 21).

[101] Poleмическое замечание Кошмидера связано с утверждением некоторых ученых, что область «безразличного употребления видов» является у Кошмидера «слишком широкой» (см. E. S e i d e l, Zu den Funktionen des Verbalaspekts, *TCLP*, 6, 1936, особенно стр. 113; е го же, Zur Futurbedeutung des Praesens perfectivum im Slavischen, «*Slavia*», 17, 1939, seš. 1—2, особенно стр. 15, 26 и др.).

[102] Как известно, в советском языкознании вопрос о видовых категориях тюркского глагола был поставлен до статьи Кошмидера, а в последние годы у нас развернулась по этому вопросу оживленная дискуссия. Правда, наши тюркологи нередко смешивают вид и способ действия, а иногда проходят мимо видовых значений так называемых «времен». Однако некоторые авторы очень четко выделяют именно то самое видовое противопоставление, о котором Кошмидер говорит применительно к турецкому языку. Так, например, Н. К. Дмитриев пишет: «Законченность и незаконченность по-башкирски различаются только в прошедших временах изъявительного наклонения; ...остальные же формы изъявительного и других наклонений нейтральны в смысле законченности и незаконченности (т. е. совершенности или несовершенности)» (Н. К. Д м и т р и е в, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 195—196).

«Прошедшее незаконченное» типа *язъ инем* «я писал тогда», *кыдъ инем* «я приходил тогда» и т. д. «принципиально... имеет ту же функцию, что и русское прошедшее несовершенное» (там же, стр. 148), хотя и отличается от него специальным оттенком «определенности», несенности к определенному моменту прошлого (см. в переводе примеров наречие *тогда*). Эта форма противопоставлена «прошедшему законченному» (*язъм* «я написал», *кыдем* «я пришел»), которое по функции соответствует русскому прошедшему совершенному (там же, стр. 143). Вообще о виде и способах действия в тюркских языках см. в сборнике «Вопросы грамматики тюркских языков, Материалы координационного совещания по проблемам глагольного вида и сложноподчиненного предложения в тюркских языках, состоявшегося 24—27 октября 1956 г.», Алма-Ата, 1958. Развернутую библиографию вопроса дает А. Н. К о н о в о в («Грамматика современного узбекского литературного языка», М.—Л., 1960, стр. 236—237 и стр. 271), а критический разбор ряда работ о виде в тюркских (и финно-угорских) языках — Б. А. С е р е б р е н н и к о в («Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп», М., 1960, стр. 27—31).

[103] См. 89-е примечание редактора.

[104] Древнегреческое сочетание *ἑβασίλευσε τριάνοντα ἔτη* «он (про)царствовал 30 лет» используется в аспектологической литературе как обозначение всякого сочетания аориста (у Кошмидера также форм совершенного вида) с беспредложными обстоятельствами продолжительности действия, вроде «(целый) день, два часа, долго» и т. п. Кроме древнегреческого (о котором см. в статье Э. Германа, в настоящем сборнике стр. 45 и 53—54), турецкого и, вероятно, других тюркских языков (см. башкирские примеры «прошедшего законченного» при обстоятельствах типа «3 часа» у Н. К. Дмитриева, Указ. соч., стр. 144), тип *ἑβασίλευσε τριάνοντα ἔτη* представлен, в частности, во французском языке: ср. примеры с *passé simple* вроде *elle pleura la nuit entière* (Золя) «она (про)плакала всю ночь»; *nous attendîmes près d'une heure* (Мопассан) «мы (про)ждали около часа» и т. д., приведенные в статье Е. А. Реферовской, указанной в 92-м примечании редактора. В славянских языках с беспредложными обстоятельствами продолжительности обычно сочетаются формы несовершенного вида, хотя в известных пределах возможен и даже типичен также совершенный вид (см. об этом в настоящем сборнике в работах Дж. Грубора, стр. 69—72, Э. Кошмидера, стр. 146—147 и в 20-м примечании редактора). Отметим, однако, что славянские языки, имеющие имперфект и аорист, оказывают в этих случаях предпочтение не имперфекту, а именно аористу, так что, например, в современном болгарском языке употребление в типе *ἑβασίλευσε τριάνοντα ἔτη* является даже одной из наиболее бросающихся в глаза функций аориста несовершенного вида (см. Ю. С. М а с л о в, Глагольный вид в современном болгарском литературном языке, стр. 259—263).

[105] Функция «изложения» (*Darstellung*) и упоминаемая ниже функция «возбуждения реакции» (*Auslösung*) — термины Карла Бюлера (впрочем, вторым из них сам Бюлер пользовался лишь до 1934 года, когда заменил его термином *Appell*, букв. «призыв»; см. K. B ü h l e r, Sprachtheorie, Jena, 1934, стр. 28—29). Под «изложением» понимается функция языкового знака соотноситься с внешними предметами и событиями, т. е. обозначать эти предметы и события, а конкретно в данном случае сюда входит вся сфера времен изъявительного наклонения, и в первую очередь сфера прошедшего времени как времени элического, повествовательного. Под «возбуждением реакции» понимается функция языкового знака вызывать реакцию воспринимающего лица, а конкретно в данном применении сфера повелительного наклонения. Что касается третьей выделяемой Бюлером стороны — «выражения» (*Ausdruck*) или (до 1934 года) «манифестации» личности говорящего (*Kundgabe*), то она в рассуждении Кошмидера вообще не фигурирует.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

а) Кириллица

- БЕ — Български език, София.
 ВСЯ — Вопросы славянского языкознания, Москва.
 ВЯ — Вопросы языкознания, Москва.
 Глас — Глас Српске краљевске академије, Београд.
 ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения, Спб.
 ИАН ОЛЯ — Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, Москва.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности, Спб — Петроград.
 ЈФ — Јужнословенски филолог, Београд.
 КСИС — Краткие сообщения Института Славяноведения АН СССР, Москва.
 НДВШ-ФН — Научные доклады высшей школы, филологические науки, Москва.
 НЈ — Наш језик, Београд.
 РЯвжк — Русский язык в школе, Москва.
 Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности, Спб — Петроград.
 Труды ИЯ — Труды Института языкознания АН СССР, Москва.
 УЗ — Ученые записки (различных учреждений).
 УЗИС — Ученые записки Института Славяноведения АН СССР, Москва.
 IV MCC — Материалы IV Международного съезда славистов, Москва, 1958.

б) Латиница

- AfdA — Anzeiger für deutsches Altertum und deutsche Literatur, Berlin.
 AfsPh — Archiv für slavische Philologie, Berlin.
 AUCPhil — Acta Universitatis Carolinae, Philologica, Praha.
 BSL — Bulletin de la Société de Linguistique de Paris.
 ČČF — Český časopis filologický, Praha.
 ČMF — Časopis pro moderní filologii, Praha.
 ES — Englische Studien, Leipzig.
 IF — Indogermanische Forschungen, Straßburg — Berlin — Leipzig.
 IFAnz — Indogermanische Forschungen, Anzeiger, там же.
 JP — Język polski, Kraków.
 KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, Berlin — Gütersloh — Göttingen.

- LF — Listy filologické, Praha.
 Lg — Language, Journal of the Linguistic Society of America, Baltimore.
 LP — Lingua Posnaniensis, Poznań.
 LUÅ — Lunds Universitets Årsskrift, Lund.
 MSL — Mémoires de la Société de Linguistique de Paris.
 NR — Naše řeč, Praha.
 PBB — Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, Halle a. S.
 PF — Prace filologiczne, Warszawa.
 PJ — Poradnik językowy, Kraków — Warszawa.
 Rad — Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, Zagreb.
 REL — Revue des études latines, Paris.
 RES — Revue des études slaves, Paris.
 RS — Rocznik slawistyczny, Kraków.
 SaS — Slovo a slovesnost, Praha.
 SR — Slovenská reč, Turč. Sv. Martin — Bratislava.
 TCLP — Travaux du Cercle linguistique de Prague.
 UUA — Uppsala Universitets Årsskrift, Uppsala.
 VKČSN — Věstník královské české společnosti nauk, Praha.
 ZfdA — Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur, Leipzig — Berlin.
 ZfdPh — Zeitschrift für deutsche Philologie, Halle a.S.
 ZlPh — Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft, Berlin.
 ZIS — Zeitschrift für Slawistik, Berlin.
 ZIsPh — Zeitschrift für slavische Philologie, Leipzig — Heidelberg.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агрелль, Сигурд (Sigurd Agrell) 10, 16, 63—64, 68, 263, 395, 398
 Андрейчин, Любомир 21—22, 25, 177, 182, 237
 Анкерхольм, Яльмар (Hjalmar Annerholm) 264
 Бак, К. Д. (Carl Darling Buck) 257
 Балли, Шарль (Charles Bally) 175, 182
 Барблене (D. Barbelenet) 290, 306, 332, 334
 Бареш, Карел (Karel Bares) 20
 Бек, Вольфганг (Wolfgang Boeck) 395
 Бекман (N. Beckman) 336, 343
 Белич, Александр Иванович (Александар Белић, Aleksandar Bečić) 21—22, 68, 166, 177, 182, 261, 264, 398, 405
 Беме, Эрих (Erich Boehme) 257, 287—288, 290, 292, 304, 306
 Бер, Антонин (Antonin Beer) 287, 290, 292, 304—307, 397
 Бернар, Роже (Roger Bernard) 264
 Бехгель, Отто (Otto Behaghel) 413
 Бехтель, Джордж (George Bechtel) 396
 Бирibaум, Генрик (Henrik Birbaum) 402, 404
 Блумфилд, Леонард (Leonard Bloomfield) 413—414
 Богородицкий, Василий Алексеевич 230
 Бодельсен (C. A. Bodelsen) 358, 363
 Болинджер, Дуайт (Dwight L. Bolinger) 363
 Бондарко, Александр Владимирович 165—167, 209
 Бородич, Вера Владимировна 23, 267, 274, 306—307
 Броз, Иван (Ivan Broz) 292, 306
 Брокельман, К. (Carl Brockelmann) 400
 Бругман, Карл (Karl Brugmann) 26, 238—239, 249, 255, 257
 Будаховский, Леонид Арсеньевич 398, 409
 Буннина, Ирина Константиновна 402
 Буслаев, Федор Иванович 395
 Бух, Тамара Исаковна (Tamara Buch, T. Buchiené) 381, 414—415
 Быкова, Л. А. 399
 Бюлер, Карл (Karl Bühler) 382, 394, 416
 Вайан, Андре (André Vaillant) 18, 22, 281, 286, 402, 404, 411
 Вайс, Йосеф (Josef Vajs) 296, 307
 Вакернагель, Я. (Jacob Wackernagel) 39, 54, 58
 Ван-Вейк, Николай (Nicolaus van Wijk) 17—18, 23, 179, 182—183, 256, 267, 274, 280—281, 285—286, 288, 299, 306—307, 405—408, 410

Вандриес, Жозеф (Joseph Vendryes) 15, 241, 255—257
 Васильева-Шведе, Ольга Константиновна 363
 Вейль (G. Weil) 166
 Вейнгарт, Милош (Miloš Weingart) 287, 292, 305, 307
 Венедиктов, Григорий Куприянович 237, 407
 Вивель (H. G. Wivel) 336, 343
 Вильман-Грабовская, де (H. de Willman-Grabowska) 305
 Виноградов, Виктор Владимирович 400, 404, 411
 Возный (Т. М. Возный) 264
 Вондрак, Венцель (Wenzel Vondrák) 24, 175, 178—179, 182
 Востоков, Александр Христофорович 12
 Вукочич, Йован (Jovan Vuković) 183
 Вундт, Вильгельм (Wilhelm Wundt) 61, 64
 Гавранек, Богуслав (Bohuslav Havránek) 24—25, 89, 274, 288, 301, 303, 306—307, 401—403
 Галнайтите, Э. А. (E. Galnaitytė) 381
 Гартман, Феликс (Felix Hartmann) 48, 54, 58, 256
 Гебауэр, Ян (Jan Gebauer) 179
 Герард, Арношт, см. Нерад
 Гербиг (G. Herbig) 255
 Геринг, Гуго (Hugo Gering) 343
 Герман, Эдуард (Eduard Hermann) 61, 63, 242, 256, 291, 396—398, 401, 411, 416
 Гермелин, Эллен (Ellen Hermelin) 287, 292, 305—307, 410
 Герт (Gerth) 64
 Гесселинг (D. C. Hesselring) 58
 Головин, Борис Николаевич 401
 Горалек, Карел (Karel Horálek) 209, 296, 298, 307
 Гордлевский, Владимир Александрович 166
 Готье (R. Gauthiot) 376, 380
 Гофман, Гергард (Gerhard Hoffmann) 344
 Граппэн, Анри (Henri Grappin) 264
 Греч, Николай Иванович 12
 Гримм, Якоб (Jacob Grimm) 26
 Гриккат, Ирена 399
 Грубор, Джуоро (Ђуро Грубор) 398—399, 405, 416
 Гухман, Мирра Моисеевна 397
 Гэрей, Гоард (Howard V. Garey) 14, 15, 18, 30, 397, 413—414
 Даль, Владимир Иванович 405
 Даль, Ингерид (Ingerid Dal) 343
 Дамбрюнас, Леонардас (Leonardas Dambriūnas) 27, 381, 415
 Дельбрюк, Бертольд (Berthold Delbrück) 15—16, 27, 49, 58, 336, 343
 Дени (J. Deny) 166, 383
 Дидериксен (P. Diderichsen) 412
 Диц, Фридрих (Friedrich Diez) 14—15, 18, 60, 63, 344
 Дмитриев, Николай Константинович 415—416
 Докулил, Милош (Miloš Dokulil) 401
 Дорошевский, Витольд (Witold Doroszewski) 148, 166, 247, 257, 305
 Достал, Антонин (Antonín Doštal) 20, 24, 199, 207, 209, 255—257, 274, 281, 285—286, 306—307, 311, 319, 334, 396, 403, 406, 409, 410
 Есперсен, Отто (Otto Jespersen) 14—15, 60, 63, 344
 Зейдель, Евгений (Eugen Seidel) 19—20, 365, 380, 415
 Зенн, Альфред (Alfred Senn) 376, 381
 Иванова, Ирина Петровна 19, 363
 Ивич, Милка (Милка Ивић, Milka Ivić) 401
 Ивич, Павле (Павле Ивић, Pavle Ivić) 183
 Ивэнеску (G. Ivănescu) 31

Исаченко, Александр Васильевич (Alexandr Isačenko) 7, 13, 395, 398, 401, 407, 409
 Искольская, Евгения Григорьевна 414
 Истрина, Евгения Самсоновна 270, 305

Йович, Душан (Душан Јовић) 183

Карский, Евфимий Федорович 309
 Карцевский, Сергей Осипович (Serge Karcevski) 21—22, 68, 209, 255—257, 260, 264, 398, 404—405
 Кацнельсон, Соломон Давыдович 343
 Кейпер (F. V. J. Kuiper) 264
 Кельн, Герман (Hermann Kölln, Kölln) 25, 286
 Керн (J. H. Kern) 413
 Климонов, Владимир Дмитриевич 401
 Конеский, Блаже (Блаже Конески) 409
 Кононов, Андрей Николаевич 415

Копечный, Франтишек (František Korešný) 12, 80, 89, 209, 401—402, 404—406, 408, 410
 Копитар, Бартоломей (Jernej Kopitar) 289, 306
 Кошмидер, Эрвин (Erwin Koschmieder) 10—11, 18—19, 21, 28—31, 166, 168, 182, 187—188, 196, 256, 284, 286, 289—291, 306, 334, 343, 356, 363, 365, 380, 398—401, 403, 405—406, 411, 415—416

Красновольский (A. Krasnowolski) 166—167
 Крея, Богуслав (Bogusław Kreja) 264
 Кристенсен (M. Kristensen) 336, 343
 Кроль (W. Kroll) 330, 334
 Кузнецов, Петр Саввич 409
 Кульбакин, Степан Михайлович 179, 306

Курялович, Ежи (Jerzy Kuryłowicz) 8, 30—31, 257, 398, 400, 407
 Кшижкова, Елена (Helena Křížková) 166, 206, 210, 402, 409
 Кюнер (R. Kühner) 64

Леви-Брюль, Люсьен (Lucien Lévy-Bruhl) 62, 64
 Лескин, Август (August Leskien) 26, 44, 47—48, 55, 57—58, 116, 121, 182, 239, 252, 257, 291, 306
 Линде, Самуэл Богумил (S. B. Linde) 247
 Линдрут, Яльмар (Hjalmar Lindroth) 16, 60, 63, 336, 343
 Лось, Ян (Jan Loś) 105, 166, 306

Мазон, Андре (André Mazon) 19, 153, 166—167, 186, 196, 218, 230, 257, 288, 305, 390, 395, 400—401, 404
 Малинг-Рихтер, Барбара (Barbara Mahling-Richter) 284
 Маретич, Томислав (Tomislav Maretić) 177, 182, 189, 306, 399
 Мареш Ф. В. (František Václav Mareš) 274, 409
 Маркарян, Р. А. 399
 Маслов, Юрий Сергеевич 22, 234, 237, 397—399, 402—403, 405, 409, 413, 416
 Матеев, Драгомир Христов 255
 Матезиус, Вилем (Vilém Mathesius) 20, 209
 Матц, Вернер (Werner Matz) 387, 394
 Махек, Вацлав (Václav Machek) 23, 254, 395
 Мейе, Антуан (Antoine Meillet) 16—17, 20, 22, 31, 166, 176, 178, 182, 195—196, 239, 241, 251—253, 255—257, 264, 281, 287—289, 292—293, 305—307, 330, 410
 Мейер (K. H. Meyer) 331, 334
 Мейль, Пьер (Pierre Meille) 334
 Мельцер (H. Meltzer) 306
 Меншей (J. Mencej) 164, 167

- Миклошич, Франц (Franz Miklosich) 168, 189—190, 289, 292, 306
- Милевский, Тадеуш (Tadeusz Milewski) 284—286
- Мирович, Анатолий (Anatol Mirowicz) 290—291, 306, 397
- Можаева И. Е. 183
- Морозова, М. И. 264
- Моссе, Фернан (Fernand Mossé) 359, 364
- Моурек (V. E. Mourek) 27
- Мусич, Август (Avgust Musić) 177, 182
- Мучник, Иосиф Павлович 399, 409
- Мэннинг (A. Mapping) 166
- Мэрчанд, Ханс (Hans Marchand) 28, 400, 413—414
- Некрасов, Николай Петрович 230
- Немец, Игорь (Igor Němec) 17, 22—23, 210, 264, 274—275, 408—411
- Нерад, Арношт (Arnošt Neraď) 402
- Неттеберг, Кристина (Kristina Netteberg) 12, 397
- Никитевич, В. М. 404, 414
- Нудожерский, Лаврентий Бенедикт (Laurentius Benedictus Nudozierinus) 209
- Нурен, Адольф (Adolf Noreen) 14—16, 60, 63, 397, 411—412
- Паулаускас, Я. (J. Paulauskas) 381
- Педерсен, Хольгер (Holger Pedersen) 14—16, 185—186, 196, 262, 336, 343, 407
- Пешковский, Александр Матвеевич 20
- Поллак, Вольфганг (Wolfgang Pollak) 413
- Поллак Герман (Hermann Pollak) 60, 63
- Польдауф, Иван (Ivan Poldauf) 14, 18—19, 89, 397, 399—400, 405—406, 408, 410—411
- Поржезинский, Виктор Карлович (Wiktor Porzeziński) 263
- Порцинг, Вальтер (Walter Porzиг) 396
- Потебня, Александр Афанасьевич 23—24, 317, 406—407
- Пуультни (J. W. Poultney) 264
- Прокопович, Н. Н. 401
- Размусен, Л. П. 20, 230
- Райт (J. Raith) 264
- Рапанорт, Артур (Arthur Rapaport) 27, 296, 307
- Регниель, Карл Йеран (Carl Göran Regnell) 23, 267, 274, 386, 394, 410
- Реферовская, Елизавета Артуровна 413, 416
- Ригишко, Йонас (Jonas Rygiškių) 257
- Розвадовский, Ян (Jan Rozwadowski) 257
- Ружич, Райко Харитон (Rajko Hariton Ružić) 399
- Ружичка, Йозеф (Jozef Ružička) 210
- Ружичка, Рудольф (Rudolf Ružicka) 24, 309, 314, 319, 403, 406, 409
- Рундgren, Фритъоф (Frithiof Rundgren) 400
- Сарау, Кристиан (Christian Sargau) 48, 56, 58, 68, 166, 257
- Сафаревич, Ян (Jan Safarewicz) 27, 365—366, 372—374, 376, 380—381, 393—394, 411
- Седлачек, Ян (Jan Sedláček) 399
- Седлачкова, Зденка (Zdenka Sedláčková) 399
- Сепир, Эдвард (Edward Sapir) 414
- Серебренников, Борис Александрович 415
- Серенсен, Ханс Кристиан (Hans Christian Sørensen) 25, 401, 403
- Сигалов, Павел Самойлович 408
- Сладоевич, Петар (Петар Ч. Сладоевић) 183, 402
- Слоньский, Станислав (Stanisław Słonki) 183, 287, 305
- Смешкова, Э. (E. Smiešková) 399
- Смит, Каспар Вильгельм (Caspar Vilhelm Smith) 263
- Споулдинг, Роберт (Robert K. Spoulding) 364
- Сталтмане, В. (V. Staltmane) 167
- Станг, Кристиан (Christian S. Stang) 257, 264, 396
- Стеванович, Михайло (Михаило Стевановић) 183
- Стен (H. Sten) 345—346, 348—349, 352—353
- Стендер-Петерсен, Адольф Иванович (Adolf Stender-Petersen) 12, 401
- Стибитц, Фердинанд (Ferdinand Stiebitz) 27, 256, 307
- Стоичевич, Александр (Александр Стојићевић) 183
- Схоневельд, Корнелиус ван (C. H. van Schooneveld) 403
- Сьестедт, Мария-Луиза (Marie-Louise Sjoestedt) 264
- Тедеско (P. Tedesco) 264, 408
- Торп (A. Torp) 343
- Травничек, Франтишек (František Trávníček) 38, 166, 179—180, 183, 245, 256—257
- Трыка, Богумил (Bohumil Trnka) 256
- Тронский, Иосиф Моисеевич 334
- Трубецкой, Николай Сергеевич (N. Trubetzkoj) 192, 382, 394, 403
- Ульянов, Григорий Константинович 22—24, 230, 239, 243, 255—257, 267—268, 274, 287, 292, 306, 365, 376, 381, 406, 409
- Фаддегон (B. Faddegon) 64
- Фальк, Яльмар (Hjalmar Falk) 343
- Феррел, Джеймс (James Ferrell) 319
- Фортунатов, Филипп Федорович 287, 305, 365, 375, 381, 409
- Френкель, Эрнст (Ernst Fraenkel) 27, 378, 380—381
- Фрэри, Луиза Грейс (Louise Grace Frary) 343
- Хейде, Корнелиус ван дер (K. van der Heyde) 63, 397
- Хольт, Йенс (Jens Holt) 9, 25, 30, 32, 189—192, 196
- Хольтхузен (J. Holtbusen) 404
- Хэтчер, Анна Грэнвилль (Anna Granville Hatcher) 358, 364
- Цингльшмид (A. J. Fr. Zieglschmid) 344
- Черный, Эмиль Вячеславович (Emil Černý) 20
- Чешко, Елена Владимировна 306
- Шантрэн, П. (P. Chantraine) 16—17, 240—241, 255—256
- Шахматов, Алексей Александрович 222, 230, 242, 256, 398
- Шерер, Филипп (Philip Scherer) 397
- Шкерль, Станко (Stanko Škerlj) 364
- Шкрабец, Станислав (Stanislav Škrabec) 164—165, 167
- Шлейхер, Август (August Schleicher) 26
- Шмалыштиг, Вильям (William R. Schmalstieg) 407
- Шмелев, Д. Н. 401
- Шобер, Станислав (Stanislav Szober) 167
- Штрейтберг, Вильгельм (Wilhelm Streitberg) 26, 44, 48, 57—58, 396—397
- Щепкин, Вячеслав Николаевич 291, 306

- Эберг (A. B. Öberg) 343
Экбу, Свен (Sven Ekbo) 412
Эндзелин, Янис (Janis Endze-
lins) 167, 257
Эртл, Вацлав (Václav Ertl) 288,
306
- Юнгрэн (R. Ljunggren) 412
Юнгман, Йосеф (Josef Jungmann)
293
- Ягич, Игнатий Викентьевич
(Vatroslav Jagić) 287, 292,
305, 307
Якобзон, Герман (Hermann
Jacobsohn) 10, 39, 43, 242,
256
Якобсон, Роман Осипович (Ro-
man Jacobson) 20, 169—170,
174
Якобссон, Гуннар (Gunnar Ja-
cobsson) 264
Якуб, Владимир Львович 414
Яначек, Карел (Karel Janáček)
27, 304, 306—307, 334

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абсолютив, см.** Вневременная форма глагола в турецком языке
- Абстракция**
различие между лексической и грамматической абстракцией 77—80
лиминальная абстракция 19, 80 и сл.
- Аккадский язык** 8, 400
- Акционсарт, акционсарт, см.** Способ действия
- Актуальность, актуальное действие (действие, происходящее в момент речи)** 207; ср. также Настоящее время, настоящее в смысле ответа на вопрос «что это ты делаешь?»
- Алимитация, см.** Лимитация — алимитация — антилимитация
- Английский язык** 8, 15, 29—30, 78, 83, 107, 163, 210, 264, 354, 355—359, 360—362, 400, 413
- Антилимитация, см.** Лимитация — алимитация — антилимитация
- Аорист**
1) аористический вид и прошедшее время этого вида: древний индоевропейский аорист 51, 238—239, 243—244, 253, 267—269, 281, 326, 410
древнегреческий аорист 22, 24—25, 28—29, 42, 44 и сл., 53—55, 62—63, 87, 107, 147, 175—176, 182, 239, 268, 282—283, 291—292, 302, 323—324, 357, 395—396, 416
2) славянский аорист 24—25, 54, 163, 175—179, 182—183, 189 и сл., 253, 263, 267, 270, 273—274, 281—285, 291—292, 301—302, 403, 409, 416
3) формы прошедшего времени в других языках. функционально равнозначные аористу, 8, 28—29, 107, 348 и сл., 357, 362, 413, 415—416
4) аорист в смысле турецкой грамматики, см. Вневременная форма глагола в турецком языке
- Арабский язык** 8, 400
- Армянский язык** 250
- Аспект, см.** Вид
- Аттенуативные глаголы** («аттенуативная разновидность совершенного вида», по Карцевскому (224—226, 230, 405. Ср. еще Ограниченно-длительные глаголы
- Аугментативные глаголы** 74, 76
- Балтийские языки** 27, 51, 249, 291, 407; см. также Латвийский язык, Литовский язык
- Балтославянские языки** 50—51, 53; см. также Балтийские языки, Славянские языки
- Башкирский язык** 415—416
- Белорусский язык** 309

Бесприставочные (простые) глаголы

- 1) в славянских языках: способ действия бесприставочного глагола 36, 66
вид бесприставочного глагола 213, 218, 246—247, 260, 268, 283 и сл., 299, 309—313
соединение простого глагола с приставкой 35—36, 112, 229
образование бесприставочного глагола в результате депрефиксации 272
- 2) в литовском языке 367—368, 371—372, 374, 376, 379—380

Болгарский язык 25, 175, 177—178, 182, 190, 196, 231—237, 400, 404, 407, 409, 411, 416
древнеболгарский язык, см. **Старославянский язык**

Будущее время в древнегреческом языке 28, 328

- в латыни 328—329, 333
в славянских языках 253, 404
во французском языке 352 и сл.
в литовском языке 374, 380
формы настоящего времени в значении будущего, см. **Настоящее время**

Верхнелужицкий язык 409

Вид (аспект)

- 1) общие определения 7—9, 28, 32, 39, 41—42, 62, 137, 184 и сл., 241—242, 267, 335, 357, 365
толкование глагольного вида как субъективного восприятия действия 10—11, 39—40, 41—42, 59, 242
- 2) вид в славянских языках 19 и сл., 36, 59, 62, 80—81, 105—107, 178, 197, 219—221, 271
славянский вид как грамматическая категория 9, 21, 80—81, 106, 113—114, 127, 169, 200, 220, 227, 266 и сл., 308—309, 325

отношение к способу действия 11—13, 14, 39, 41—42, 55 и сл., 107, 110, 242, 335, 365, 397, 411

отношение к идее времени и к отдельным глагольным временам 70—71, 82, 127, 159 и сл., 175 и сл., 202 и сл., 220, 288 (см. также **Направительная отнесенность**)

семантическое противопоставление совершенного и несовершенного вида 52—53, 95—96, 101—102, 104, 172, 220

см. также **Видовая соотносительность**, **Выбор вида**, **Дефективные глаголы**, **Критерии видовой значимости славянского глагола**, **Несовершенный вид**, **Происхождение видовой системы славянского глагола**, **Совершенный вид**

- 3) вид в неславянских языках 8, 26 и сл., 48—49, 116—117, 119—120, 282, 355 и сл., 365 и сл., 382 и сл.

в индоевропейском языке 238 и сл., 323 и сл.
в древнегреческом языке 8, 44—45, 63, 323

в латыни 8, 323 и сл., 411
во французском языке 8, 345 и сл.

в германских языках 26—27, 124 и сл., 335 и сл., 411—412

в литовском языке 365 и сл.
в тюркских языках 382 и сл., 415—416

Видовая соотносительность 11, 28, 85 и сл., 110—112, 117—118, 153, 208, 215—216, 219, 221, 227—229, 232—234, 242, 271, 280—281, 313—315, 330—331, 366—368, 397, 408

Видовые дублеты, **видовые пары**, см. **Видовая соотносительность**
Вневидовые глаголы, см. **Двувидовые глаголы в древних славянских языках**

- Вневременность** (неактуальность), вневременное (неактуальное, нелокализованное во времени) действие 131—132, 134, 140 и сл., 144, 155 и сл., 187 и сл., 203 и сл., 289, 325, 370, 382, 390; 393; ср. также **Многократность**
- Вневременная форма глагола**
- 1) в английском языке (Present Indefinite) 163, 355—356, 400
 - 2) в турецком языке («неопределенное время», или «абсолютив») 132, 163, 356, 389—390, 393
- Временная локализованность** — противоположность **Вневременности**, см. это слово
- «Временные основы» глагола** в индоевропейских языках (Tempusstämme) 41—42, 176, 267, 323—325, 395—396, 410
- Вспомогательные глаголы** 112—113, 147—148, 209, 378
- Вторичные глаголы несовершенного вида** 218—219, 227—228, 232—234, 282—283, 288, 314; см. также **Имперфективация**
- Выбор вида (факторы, его определяющие)** 11, 19—20, 41—42, 137, 138 и сл., 185, 290—291, 327, 411
- Германские языки** 15—16, 18, 26, 30, 291, 337, 397, 407, 411, см. также **Прагерманский язык** и отдельные германские языки на соответствующих местах алфавита
- Гномическое предложение** (глагольный вид в нем) 300
- Готский язык** 27, 57, 206, 240, 262, 282, 290, 292, 304, 335, 343, 397, 407, 411
- Греческий язык**
древнегреческий 17, 22—25, 27—29, 39, 42, 44—46, 53—55, 57, 62—63, 81, 87, 107, 143, 147, 175, 179, 206, 240—241, 243, 249—250, 268, 276, 282—283, 291—297, 302—303, 323—325, 328, 330, 356, 357, 416
новогреческий язык 28, 189
- Давнопрошедшее время**, см. **Плюсквамперфект**
- Датский язык** 336, 343
- Движения глаголы**, см. **Мотивные глаголы**, **Определенные глаголы** в славянских языках, **Неопределенные глаголы** в славянских языках
- Двувидовые глаголы**
в древних славянских языках 24, 245—248, 256, 267—268, 278, 287, 309 и сл., 406, 409
в современных славянских языках 113, 215, 227, 257, 310, 399, 406
- Декомпозиция**, см. **Депрефиксация**
- Деминутивные глаголы**, **деминутивный способ действия** 74, 76, 215—216
- Депрефиксация** 360; обычное — имперфективация (см. это слово)
- Депревербация**, см. **Депрефиксация**
- Депрефиксация** 22, 272, 408
- Деривация отглагольная** 219 и сл., 258, 277—278, см. также **Имперфективация**, **Перфективация**
- Детерминативность** — **индетерминативность**
- 1) в значении **предельность** — **непредельность** 14, 108—109, 122, 145, 154
 - 2) как **контактичная предельности** — **непредельности** и **определенности** — **неопределенности** 23—24, 240 и сл., 267 и сл., 406—408, 410; см. также **Предельность** — **непредельность**, **Определенные глаголы**, **Неопределенные глаголы**
- Дефективные (недостаточные) глаголы**, **дефективность** 12—13, 18, 65—66, 81—82, 84—85,

- 87—89, 112—113, 118, 127, 209, 242, 397—400
- Дефинитивные глаголы, дефинитивный способ действия 38, 65
- Дистрибутивные глаголы, дистрибутивный способ действия 10, 65, 222, 229
- Диффузное действие (по Польдауфу) 84, 86
- Древнеболгарский язык, см. Старославянский язык
- Древневерхненемецкий язык и древнесаксонский язык, см. Немецкий язык
- Древнегреческий, древнееврейский, древнеиндийский и т. д. язык, см. Греческий, еврейский, индийский и т. д. язык
- Древнеиндийский язык, см. Индийский язык и т. д.
- Дуративность 46 и сл., 173, 263
- Дуративные глаголы, дуративный способ действия 37—38, 48 и сл., 107—109, 119, 218, 228, 333—334
- Дуративный вид, см. «Объективные» и «субъективные» виды
- Еврейский (древнееврейский) язык 165, 400, 413
- Залог (в его отношении к виду) 14, 16, 81, 339, 401—412
- Имперфект
- 1) вообще 8, 28—29
имперфект попытки (imprefectum de conatu), см. Контативность
 - 2) древний индоевропейский и древнегреческий имперфект 24—25, 45, 53, 58, 176, 189, 253, 289, 281—282, 400
 - 3) латинороманский имперфект
в латыни 8, 107, 326—328, 332—333, 357
в современных романских языках 8, 28—29, 107, 345—354, 357, 361, 362 и сл., 413
- 4) славянский имперфект 8, 24—25, 29, 175—180, 182, 189 и сл., 195, 253, 263, 270, 273—274, 281, 282 и сл., 292, 301—302, 317, 402—403, 409, 416
имперфект от основ совершенного вида 56, 179—180, 195—196, 284, 319, 403, 410—411
 - 5) турецкий имперфект 8, 28, 357, 383 и сл.
 - 6) так называемый «имперфект» германских языков, см. Притерит германский
- Имперфектизация 22, 73, 213, 215—217, 221, 226—229, 231—235, 253, 259, 280, 285, 377, 497, 409; см. также Вторичные глаголы несовершенного вида, Деривация отлагольнзз.
- Морфологический механизм вида в славянских языках
- Имперфективное время (по Гэрею) 346 и сл.
- Имперфективный вид, см. Невершенный вид
- Импликация 185—187, 192, 403
- Ингрессивные (начинательные) глаголы, ингрессивный способ действия 10, 50, 54, 62—63, 65, 74, 94, 108—109, 118, 224, 226, 231, 270, 333, 396, 398
- Индийский (древнеиндийский) язык 240, 249, 263, 268
- Индоевропейский праязык 16, 22, 30, 41, 51, 54, 56—57, 238 и сл., 249, 255, 259, 261, 323—324, 395
- Индоевропейские языки 323; см. также Индийский (древнеиндийский) язык
- Интенсивные глаголы 39, 74, 76, 250
- Инфект 8, 324
- Инфикс 262, 268, 407
- Инфинитив
установление видового значения в формах инфинитива в старославянском языке 270, 302
значение и употребление форм инфинитива совершенного и

- несовершенного вида в русском языке 93--104
установление видового значения в формах инфинитива в литовском языке 27, 366, 377—378
- Инхоативные глаголы**
1) обозначающие постепенный переход в состояние 56—57, 60—61, 108, 262—263, 270, 341, 398, 407—408, 411
2) в другом значении, см. Ингрессивные (начинательные) глаголы
- Исландский язык**
древнеисландский 343
новонисландский 414
- Испанский язык** 8, 29, 210, 355, 357—358, 360—362, 363—364
- Итальянский язык** 7, 14, 29, 355—357, 358, 360—364
- Итеративизация** (в смысле имперфективации), см. это слово
- Итеративное значение**, итеративность, см. Многократность
- Итеративные глаголы**
1) в славянских языках «маркированные итеративы» (глаголы с подчеркнута многократным значением) 9, 12, 114, 200—204, 207—209, 216—217, 228, 405—406 «морфологические итеративы» 21, 111, 117—118, 201—202, 214 и сл., 248 и сл., 262, 271, 288—289, 398, 405, 410; см. также Имперфективация
итеративы в смысле «неопределенные глаголы движения», см. это слово
2) в литовском языке 250, 372, 376—377
- Каузативные глаголы** 39, 230
- Кельтские языки** 264
- Конциденция** 30, 135, 163, 188, 356, 370, 404, 413
- Комитативные глаголы**, комитативный способ действия 222, 229
- Комплексивность**, комплексивный вид 45, 47 и сл.
- Комплетивные глаголы**, комплетивный способ действия 38
- Конативность** (значение попытки) 19, 95—96, 127—128, 143
- Конклюдивные** — неконклюдивные глаголы, см. Предельность — неопределенность
- Конкретно-процессный вид** в английском языке (Progressive Form, Continuous) 8, 29—30, 107, 354, 355 и сл., 413 во французском языке (être en train de...) 29, 352—353, 362, 413—414
в итальянском языке (stare + герундий) 358, 360 и сл., 364
в испанском языке (estar + герундий) 8, 358, 360 и сл., 364
в других романских и германских языках 29, 358, 414
- Креативные глаголы** (по Грубору) 75
- Критерии видового значения славянского глагола** 44, 94, 114, 127, 207, 247, 287 и сл., 315
- Курсивность**
1) как противопоставление комплексивности, см. это слово
2) как противоположность терминативности, см. Предельность — неопределенность
- Латинский язык** 7, 14, 27, 30, 56—57, 60—61, 63, 80, 87, 105—107, 143, 151, 180, 240, 247, 250, 252, 282—283, 303, 323—333, 356—357, 362—363, 393, 411
- Латышский язык** 165, 167, 250
- Лимитация** — алимитация — антилимитация 184 и сл.
- Линейность** 14, 62—63, 86—87; см. также Предельность — неопределенность
- Литовский язык** 27, 50—52, 250, 262, 268—270, 272, 282, 365—380, 396, 414

Лужицкие (серболужицкие) языки 409

Майоративные глаголы 74, 76
Македонский язык (славянский) 404, 409, 411

Мгновенные (моментальные) глаголы 52, 60, 65, 108, 225, 229, 380, 396—398, 407; см. также Однократные глаголы
Множественность 12, 52, 63, 66—67, 111, 144, 153, 159, 168, 173—174, 197, 200—202, 228, 231, 233—235, 262—263, 292, 353—354, 397, 400, 403; см. также Итеративные глаголы

Морфологический механизм вида в славянских языках 22—23, 110 и сл., 113 и сл., 123—124, 213, 218 и сл., 231 и сл., 258, 266—267, 280 и сл., 314—315; см. также Дери́вация отглагольная, Имперфективация, Перфективация, Приставки и приставочные глаголы, Суффиксы

Мотивные глаголы (по Грубору) 75

Моторно-кратные глаголы, см. Неопределенные глаголы

Моторно-некратные глаголы, см. Определенные глаголы

Мутативные глаголы, см. Инхоативные глаголы

Направительная отнесенность 21, 28—29, 136 и сл., 151, 155—156, 164, 386 и сл.

Направленное действие 83—84, 86

Настоящее время (презент)

- 1) значение форм настоящего времени в латыни 56, 325
в славянских языках 203 и сл., 263, 270, 285, 401—402
в германских языках 339
в романских языках 413
в дятловском языке 366—371, 375
в турецком языке 390, 392

2) настоящее в смысле ответа на вопрос «Что это ты делаешь?» 21, 114, 127, 129 и сл., 145, 152—153, 168, 199, 203—204, 289, 366—367; см. также Актуальность

3) настоящее «вечных истин», см. Вневременность

4) формы настоящего времени в значении будущего (в разных языках) 82, 128—129, 161—162, 168, 181—182, 198—199, 203—207, 247, 270—271, 279, 288, 301, 303, 315, 325, 341, 401—402, 404, 409

5) настоящее историческое (praesens historicum) 11, 134, 144, 159—167, 170, 205—206, 370, 397, 401, 404

6) настоящее сценическое (praesens scenicum) 144, 182, 401, 404

7) настоящее типа *отмететь* в древнерусских географических описаниях 318, 409

8) см. Кoinциденция

Начинательные глаголы, см. Ингрессивные глаголы

Неактуальность, неактуальное действие, см. Вневременность

Неглагольное сказуемое («виды в нем») 46—47

Недостаточные глаголы, см. Дефективные глаголы

Недуративный вид, см. «Объективные» и «субъективные» виды

Недуративные глаголы 49 и сл.

Немецкий язык 26—27, 35, 44, 46 и сл., 49—52, 56, 60—61, 68, 105, 107, 116, 120, 124—126, 145, 151, 169—170, 172, 174, 252, 356—357, 362, 389—390, 395—396, 412—414

южнонемецкие говоры 31—32
древневерхненемецкий язык 26, 250
древнесаксонский язык 27

Неопределенные глаголы (в славянских языках) 10, 17, 60, 66—67, 99, 111, 157, 233, 235—236, 248—251, 253 и сл.,

- 257, 262, 276, 280 и сл., 288, 410
- Несовершенный (имперфективный) вид**
определение 20—21, 36, 59, 66, 114—115, 137—138, 168, 197, 254, 266
функции несовершенного вида 12, 19, 69—71, 121—122, 127, 137—138, 153, 168—169, 198—199, 242, 401
сочетаемость со словами, обозначающими начало, продолжение и окончание действия, 57, 93—94, 147—148, 302, 378
- Нижнелужицкий язык** 409
- Норвежский язык** 343
- Общенидоевропейский язык**, см. **Индоевропейский язык**
- Общеславянский язык**, см. **Праславянский язык**
- Обстоятельства длительности действия, в частности — при формах совершенного вида или аориста** 44 и сл., 48 и сл., 53 и сл., 71—72, 145—147, 198, 225, 230, 303, 398, 400, 405, 416
- «Объективные» и «субъективные» виды (по Герману)** 44 и сл., 63, 242, 291, 396
- Ограниченно-длительные глаголы («ограничительная совершаемость», по Исаченко)** 66, 109, 146, 398
- Однократные (семельфактивные) глаголы** 9, 60, 108, 128, 170, 404, 407
- Омонимия видовая, см. Двувидовые глаголы**
- Определенные глаголы в славянских языках** 10, 17, 60, 90—100, 157, 198, 225, 233, 235—236, 241, 244—245, 252 и сл., 262, 276, 280 и сл., 288, 309, 313, 319
- Определительный подвид совершенного вида, см. Ограниченнодлительные глаголы**
- Относительные времена предшества** 8, 82; см. также **Перфект**, **Плюсквамперфект**
- Отрицание, его влияние на употребление вида** 171, 186, 223, 401, 404, 414
- Охват длительности (глаголы со значением охвата длительности), см. Ограниченно-длительные глаголы**
- Пантинные глаголы (по Грубору)** 73—75
- Партикуляризация** 102, 104
- Партиципация** 186—187, 190, 196, 403
- Переходность глаголов (в отношении к виду)** 220, 222, 224, 227, 281
- Перфект**
1) перфективный вид в настоящем времени этого вида древний индоевропейский перфект 30, 239, 253, 324, 329, 395
древнегреческий перфект 30, 87, 255, 324
выражение перфектного значения в других языках 30, 152
2) перфект и «система перфекта» в латинском языке 8, 14, 31, 56—57, 87, 107, 324, 327—328, 330
3) славянский перфект 31, 253—254; см. также **Прошедшее время с суффиксом -l(-л-)** в славянских языках
4) романский аналитический перфект 30, 32, 351—352, 357, 413
5) германский аналитический перфект 8, 30, 32, 339—340, 412
- Перфективация** 21, 62, 73, 113, 213 и сл., 218, 221—223, 226 и сл., 231, 233, 240, 251—252, 258—259, 333—334, 369, 405
- Перфективное время (по Гэрсю)** 346 и сл., 413
- Перфективный вид, см. Совершенный вид**
- Перфективный вид, см. в статье «Перфект»**
- Персепсивные глаголы** 76, 399

Плюсквамперфект 31, 151
 индоевропейский 269
 латинский 328
 аналитический плюсквамперфект современных западно-европейских языков 32, 339—340, 390

Повелительное наклонение (вопросы вида в нем) 93, 153, 186, 223, 286, 289, 292, 301—302, 397, 401

Повторительность, см. Многократность

Польский язык 12, 35—38, 62, 65—66, 105—128, 132, 134—136, 142—165, 187, 190, 201, 206, 233, 260—261, 323, 329, 331, 333, 366, 369, 372, 384, 390—391, 395, 397—398, 400—401
 древнепольский язык 246—247, 254, 406

Португальский язык 358

Прагерманский язык 31

Праславянский язык 176, 181, 247, 250—251, 253—255, 259 и сл., 267, 291, 311, 401—402, 407

Предельность — неопределенность 14—20, 26—27, 336 и сл., 345 и сл., 397, 407—408, 411, 413; см. также Детерминативность — индетерминативность

Предпрошедшее время, см. Плюсквамперфект

Презенс, или презент (время), см. Настоящее время

Презент (презентный вид и настоящее время этого вида) древний индоевропейский презент 240—241, 243, 251, 253, 269, 395
 древнегреческий презент 17, 23, 28, 55, 57, 62—63, 107, 176, 240—241, 282, 291, 323—324

Претерит
 1) германский (нелидовое прошедшее германских языков) 339, 390, 412
 2) других языков, см. Прошедшее время

Претеритивные глаголы, см. Ограниченно-длительные глаголы

Придаточное предложение (вопросы вида в нем) 97, 148—149, 154, 205, 300, 317, 361

Приставки и приставочные глаголы
 1) лексические функции приставок
 в славянских языках 36, 81, 112, 118, 122, 242, 258—259, 285, 395—396
 в неславянских языках 60, 367—368, 395
 2) перфективация с помощью приставок
 в славянских языках 21, 36, 62, 81, 110, 118, 218, 222, 231—232, 243, 248, 251—252, 256, 258—259, 267—268, 283, 285, 313, 316, 331, 393
 внешне сходные явления в неславянских языках 26—27, 42, 55, 62, 243, 259, 332 и сл., 368—369, 380, 407
 так называемые «классифицирующие» приставки 267, 408
 вид приставочного глагола в славянских языках 313, 410
 то же в неславянских языках 332 и сл., 367—369, 372—374, 376—377, 379—380
 роль приставок и приставочных глаголов в происхождении славянской видовой системы 259—260, 272, 278—279, 282 и сл., 386, 393, 407
 3) отдельные приставки славянские
 ро-(но-) 66, 96, 110, 121, 146, 198, 210, 224—226, 278, 398
 съ-(русск. с-, польск. z- и т. д.) 38, 110, 278, 281
 за- 38, 224
 и-(y-) 37, 110, 278
 другие 38, 225—226, 278, 408
 литовские ра- 27, 369, 376, 377
 другие 369
 готская ga- 57, 259, 336, 343, 397, 407

Причастие (в отношении к виду) в древнегреческом языке 54
 в латыни 329 и сл.
 в славянских языках 149, 54

- 153, 224, 227, 245, 273, 282—285, 292, 301—303, 315—317, 401, 410
 в германских языках 16, 340—342
 в литовском языке 378—380
 в турецком языке 132
- Прогрессивная форма, см. Конкретно-процессный вид
- Происхождение видовой системы славянского глагола 22—24, 51, 231, 238—257, 258—264, 265—275, 276—279, 280—286, 406—407, 410
- «Просто протекающее действие» 85—86
- Пространственного перемещения глаголы, см. Мотивные глаголы. Определенные глаголы. Неопределенные глаголы
- Прошедшее время
 1) прошедшее время с суффиксом *-l(-l-)* в славянских языках
 от основ совершенного вида 223, 303—304, 400
 от основ несовершенного вида 223, 303—304
 2) прошедшее время в литовском языке 371—373, 374—378, 379—380, 415
 «прошедшее многократное» 374—375, 379—380
 3) простое прошедшее время в германских языках, см. Претерит германский см. также Аорист, Имперфект, Перфект. Плюсквалперфект
- Развития глаголы, см. Эволютивные глаголы
- Редупликация 240, 256, 324
- Результативность, результативное значение 61—63, 101, 170, 173—174, 197, 209
- Результативные глаголы, результативный способ действия 10, 60—61, 63, 65, 101, 102, 108—109, 170, 220, 223, 395
- Ремперфективация, см. Имперфективация
- Романские языки 14—15, 18, 28—30, 356, 393; см. также отдельные романские языки на соответствующих местах по алфавиту
- Русский язык 11, 26, 44, 48, 51—53, 56, 78, 88, 93—104, 175, 186, 190, 201, 206, 215, 218—230, 232, 234, 241, 242, 245, 246, 252, 256, 260, 309—311, 357, 366, 387—390, 396—397, 400—401, 404—407, 410—411, 414
 древнерусский язык 176, 196, 268, 308—319, 402—403, 406, 409
- Санскрит, см. Индийский. (древнеиндийский) язык
 Сативные глаголы 74, 76
- Семитические языки 8, 119, 400; см. также отдельные семитические языки на соответствующих местах по алфавиту
- Серболужицкие языки, см. Лужицкие языки
- Сербохорватский язык 48, 68—76, 163, 167, 176, 182, 190, 195, 207, 213—217, 279, 288, 398—399, 402, 404—405, 409
- Скандинавские языки 262; см. также отдельные скандинавские языки по алфавиту
- Славянские языки 22, 54, 62, 249, 325, 382, 390—391, 392—393, 407, 416; см. также Праславянский язык и отдельные славянские языки по алфавиту
- «Слепые» глаголы (по Грубору) 74
- Словацкий язык 12, 201, 210, 400, 406
- Словенский язык 164—165, 201, 401, 404, 411
- Совершенный (перфективный) вид
 определение 20, 36, 48, 59, 66, 68, 70—71, 114—115, 119, 120, 138, 143, 169—170, 186, 188, 197 и сл., 254—255, 266
 функции совершенного вида 12, 19, 70—73, 75—76, 121—122, 128, 138, 152, 170—171, 198—199, 224, 241

- несочетаемость со словами, обозначающими начало, продолжение и окончание действия, 21, 302, 378
- Состояния глаголы, см. Статальные (стативные) глаголы
- Способ действия 7, 9—10, 13, 35—41, 59—63, 109—110, 242, 335
- в основе способа действия лежат объективные различия между действиями 10—11, 39—40, 109
- способ действия — лексическая категория 9—10, 65, 109—110
- отношение способа действия к виду 10—12, 14, 39—42, 59—63, 65—66, 110, 397
- сочетаемость способов действия с совершенным и несовершенным видом 12, 18, 65—66
- способ действия древнее вида 62
- Старославянский язык 48, 50, 57, 175—181, 183, 195, 206, 233, 235, 240, 244—254, 256, 268—269, 276—278, 282 и сл., 287—288, 290—305, 312, 402—403, 406, 410; см. отдельно Церковнославянский язык
- Статальные (стативные) глаголы 60—61, 69—72, 75, 86, 112, 209, 240, 267, 270, 278, 288, 398
- Субститутивные глаголы 74, 76
- Суммарные глаголы, суммарный способ действия 11
- Супня
- 1) супня в славянских языках (в отношении к виду) 302
 - 2) супня в шведском языке 340, 412
- сходные явления в других скандинавских и в западногерманских языках 412
- Супплетивность 42, 53, 81, 111, 223, 229, 233—234, 277, 400
- Суффиксы 81, 110 и сл., 258, 267
- 1) назальные суффиксы в глаголах индоевропейских языков:
 - в индоевропейском языке 262, 408
 - в славянских языках 66, 108, 110, 114, 215, 220—221, 225, 232, 258—263, 268, 270—271, 312, 407—408
 - в германских языках 262, 341
 - в литовском языке 262
 - см. также Инфикс
 - 2) суффикс -ske-o- в индоевропейских языках 253, 396
 - 3) глагольный суффикс -i- в славянских языках 269, 280
 - 4) суффикс -aje-o- в славянских языках 258—263, 268, 270—271; см. также суффиксы имперфективации
 - 5) суффиксы имперфективации в славянских языках 226, 232—236, 248, 252—253, 280, 285, 314, 398, 406—407
- сходные факты в литовском языке 27—28
- Существительное отглагольное 250, 303
- Таксема 355—356, 413—414
- Темпоральная отнесенность 135, 137
- Терминативные глаголы
- 1) в смысле «предельные глаголы», см. Предельность — неопределенность
 - 2) как частная разновидность предельных глаголов 63, 333—334
- Тотивные глаголы (по Грубору) 73—75
- Тотивные сепаратные глаголы (по Грубору) 73—74
- Точечные глаголы, точечный способ действия 63, 107, 128, 142 и сл.; см. также Мгновенные глаголы
- Трансформативные глаголы (по Грубору) 75
- Турецкий язык 8, 28, 132, 140, 163, 356—357, 382, 388, 401, 416
- Узбекский язык 415

Украинский язык 309
Учащательные глаголы 250

Факитивные глаголы, см. Каузативные глаголы
Финальные глаголы 224, 228; см. также Дефинитивные глаголы
Финитивные глаголы, финитивный способ действия 74, 76
Финноугорские языки 415
«Флексивный вид» как противоположность «синтагматического» вида 190—191; ср. также Аорист, Имперфект
Форманты видовые в славянских языках 10, 42, 81, 107—108, 110 и сл., 113—114, 123—124, 131, 158—159, 231, 243, 248, 258, 267—268 в неславянских языках 42, 330 см. также Приставки и приставочные глаголы, Суффиксы, Вспомогательные глаголы
Французский язык 8, 14, 16, 29—32, 59, 61, 63, 94, 105, 107, 345—354, 357, 362, 413—414, 416
Фреквентативность, см. Многократность

Функции языка, по Бюлеру (их связь с видами) 416
Футурум, см. Будущее время

Хеттский язык 23, 396
Целевые — нецелевые глаголы, см. Предельность — непредельность
Целенаправленное действие 82 и сл.
Церковнославянский язык 180, 310, 318; см. отдельно Старославянский язык

Чешский язык 7, 12, 18, 77—80, 82—85, 87—88, 166, 168—169, 171—174, 176, 181, 190, 197—209, 245, 288—289, 293, 297, 300—303, 399—401, 404, 406, 408

Шведский язык 15, 336—342, 412, 414

Эволютивные глаголы (глаголы развития) 68—73, 76, 398
Эффективные глаголы 55, 62, 396

* * *

Aktionsart, см. Способ действия
Continuus, см. Конкретно-процессный вид
Extratemporale, см. Вневременная форма глагола в турецком языке
«Imperfectibles» (по Мазону) 21, 218
Imperfectiva tantum, см. Дефективность видовая
Imperfectum de conatu, см. Конативность
Passe composé, défini, indéfini, simple, см. Перфект, романский аналитический перфект; Аорист, формы равно-

значные аористу, в других языках
«Perfectibles» (по Мазону) 218
Perfectiva simplicia, см. Бесприставочные глаголы, вид бесприставочного глагола
Perfectiva tantum, см. Дефективность видовая
Praesens historicum, praesens scenicum, см. в статье «Настоящее время»
Progressive Form, см. Конкретно-процессный вид
Simplicia, см. Бесприставочные глаголы
Tempusstämme, см. «Временные основы» глагола в индоевропейских языках

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	5
Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. <i>Вступительная статья Ю. С. Маслова</i>	7

I

ВИД И СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ

(в славянских и неславянских языках)

ВИД И ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛА

Сигурд Агрёлль [О способах действия польского глагола]	35
Герман Якобзон [Из рецензии на книгу Якоба Вакернагеля «Лекции по синтаксису»]	39
Вальтер Порцинг. О способах действия индоевропейских презентных образований [Отрывок]	41
Эдуард Герман. Вид объективный и вид субъективный	44
Корнелиус ван дер Хейде [Из введения к работе «Глагольный вид в латинском языке. Проблемы и выводы»]	59
Кристина Неттеберг [Способы действия, представленные в обоих видах и только в одном]	65
Джуро Грубор [Из книги «Видовые значения»]	68
Иван, Польдауф. Место грамматики и лексикологии в изучении вопросов глагольного вида	77

И

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ВАЖНЕЙШИЕ ФУНКЦИИ
ВИДОВЫХ КАТЕГОРИЙ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Андре Мазон. Употребление видов русского глагола [Отрывки]	93
Глава I. Инфинитив несовершенного вида	93
Глава II. Инфинитив совершенного вида	101
Эрвин Кошмидер. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза	105
Введение. Что называется видом?	105
I. Формальные показатели видов	110
II. Назначение категории вида в системе грамматики	115
III. Употребление видов в современном польском языке	140
Ойген Зейдель. О функциях глагольных видов [Отрывок]	168
Богуслав Гавранек. Вид и время глагола в старославянском языке	175
Ханс Кристьян Серенсен. Вид и время в славянских языках [Отрывки]	184
Франтишек Копечный [Из книги «Основы чешского синтаксиса»]	197

III

ВОПРОСЫ МОРФОЛОГИИ, ПРОИСХОЖДЕНИЯ
И ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВЕРШЕННОГО
И НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Александр Беляц. О славянском глагольном виде [Отрывок]	213
Сергей Карцевский [Из книги «Система русского глагола»]. IV. Вид	218
Любомир Андрейчин. К морфологической характеристике видовой системы современного болгарского языка	231
Николай Ван-Вейк. О происхождении видов славянского глагола	238
Ежи Курилович. Происхождение славянских глагольных видов	258

Игорь Немец. Генезис славянской видовой системы V. Резюме	265
Антонин Достал. Каково было видовое значение глагольных основ в праславянском языке?	276
Герман Кельн. Происхождение славянского глаголь- ного вида (Производные образования несовершенного вида от приставочных глаголов в их отношении к категории де- терминированности и к системе глагольных форм)	280
Антонин Достал [Из книги «Исследование о видо- вой системе старославянского языка»] Гл. VIII. Устано- вление видового значения конкретного глагола	287
Рудольф Ружичка. Глагольный вид в «Повести временных лет». Глава XI. Заключение	308

IV

ПРОБЛЕМЫ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА В НЕКОТОРЫХ НЕСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

(латынь, современные романские и германские языки, литовский,
турецкий)

Ян Сафаревич. О выражении совершенности и не- совершенности в латинском языке	323
Адольф Нурён [Из V тома книги «Наш язык»]. Вид	335
Говард Б. Гэрей. Глагольный вид во французском языке	345
Ханс Мэрчед. Об одном вопросе из области вида. Сравнение английской прогрессивной формы с итальянской и испанской	355
Леонврдас Дамбрюнас. Глагольные виды в ли- товском языке	365
Эрвин Кошмидер. Турецкий глагол и славянский гла- гольный вид	382
Примечания редактора	395
Условные обозначения	417
Именной указатель	419
Предметный указатель	425